БОРИС СОЛОНЕВИЧ

ЗАГОВОР КРАСНОГО БОНАПАРТА

Маршал Тухачевский

ДОКУМЕНТИРОВАННЫЙ РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СЕЯТЕЛЬ" — БУЭНОС АЙРЕС

1958

LUX
LIBERTAS

BORIS SOLONEVITCH

COMPLOT DEL BONAPARTE ROJO

NOVELA DOCUMENTADA

FUSILAMIENTO DEL MARISCAL TUKACHEVSKY
Y ANIQUILAMIENTO DE 350.000 MILITARES

EDITADO POR LA REVISTA
"S E M B R A D O R"
Buenos Aires, 1958

БОРИС СОЛОНЕВИЧ

ЗАГОВОР КРАСНОГО БОНАПАРТА

ВЧК — ОГПУ — НКВД — МВД

ДОКУМЕНТИРОВАННЫЙ РОМАН

(С портретами маршала Тухачевского и летчика Николая Благина)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СЕЯТЕЛЬ" — БУЭНОС АЙРЕС

1 9 5 8

Адрес издательства:

N. Cholovsky
Calle Terrada 2984
Buenos Aires
Argentina

Адрес автора:

Dr. Boris Solonevitch
P. O. Box 131
New York 9, N. Y.
U. S. A.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вставай же, Русь, на подвиг славы,—
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...

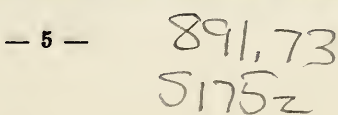
***

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут.

Н. Добролюбов

Издательство "Сеятель", основанное в Буэнос Айресе по инициативе русского культурно-общественного деятеля Н. А. Чоловского, хорошо известно русским зарубежным читателям, — известно, как своим журналом "Сеятель", одним из старейших печатных органов эмиграции, так и своими книгами, выпущенными в свет за последние три года: фундаментальным трудом по истории русской словесности П. А. Кропоткина "Идеалы и действительность в русской литературе" (1955) и двумя объемистыми томами выдающегося публициста и писателя М. М. Бойкова "Люди советской тюрьмы" (1957).

К сожалению, в нашей скудной эмигрантской жизни, хорошая русская книга становится с каждым годом все более редким гостем. Это понятно, ибо издание полезной литературы — дело трудное, в особенности при теперешней раздробленности антикоммунистических сил и господствующей повсеместно в мире сумятице и тревоге. Дружная поддержка читателей значительно облегчила бы издательское дело, но таковой нет и потому издателям приходится работать почти в одиночку; работать не покладая рук, не встречая ни сочувствия, ни благодарности за свой труд. Впрочем, излиш-

не говорить об этом печальном явлении, — давно уже наблюдается оно среди русской эмиграции и всем хорошо известно.

Всем известно и то, что время неимоверно быстро летит вперед, унося с собою в забвение все дела людей. Постепенно забываются и все злодеяния большевиков, даже самые вопиющие, как забылись народное горе и боль прошедших столетий. С течением времени зверства и ужасы большевизма почти изгладятся из памяти народной и новые поколения будут знать лишь о разных "спутниках", Беломорском и других каналах и многих действительно грандиозных стройках, не замечая, что они насквозь пропитаны потом и кровью их отцов и дедов. Постепенно все забывается, — даже закаленные, старые борцы остывают в своей ненависти и непримиримости к врагам и поработителям наших народов, а молодежь не приходит им на смену, ибо в значительной части своей не испытывает ни ненависти, ни непримиримости, необходимых для продолжения борьбы за благо и счастье родины, борьбы с ее насильниками и поработителями.

Ни на минуту не должны мы забывать о том, как тяжко нашим братьям и сестрам под властью большевиков, какая горькая участь выпала на их долю. Горек и наш хлеб изгнания, но по крайней мере мы, эмигранты, можем свободно выражать свои мысли и настроения, свободно менять место жительства и располагать временем по своему усмотрению. А там, в подъяремной России, даже это недоступно. Поставьте себя на место порабощенных коммунистами народов, припомните кошмарные советские застенки, тюрьмы и концлагери, Соловки, Колыму, Воркуту и многие другие места, где уже погибли миллионы невинных людей и гибнут до сих пор в невероятных мучениях.

Если бы эмиграция почаще вспоминала сколько истребили коммунисты людей за сорок лет своего владычества, истребили всеми доступными им средствами в подвалах Чека, ГПУ, НКВД, искусственно вызванным голодом на Украине и т. п., то она давно объединилась бы для активной и успешной борьбы за освобождение нашей родины. А одним из наиболее важных секторов этой борьбы является в настоящее время издание антикоммунистической литературы. Эмиграция — единственный бескорыстный союзник подъяремной России в ее борьбе с преступной коммунистической властью. Наш священный, неотложный долг и прямая обязанность — пособить нашим братьям и сестрам на родине в их смертельной борьбе с врагом. Это повелевают нам голос нашей совести и заветы всех борцов за благо родины, во имя свободы, правды и справедливости. Коммунизм — наш злейший враг и мы должны показать свою непримиримость к нему не только на словах, но и на деле. Наша прямая обязанность — оставить будущим поколениям документы и воспоминания живых свидетелей, переживших страшные эксперименты "диктатуры пролетариата".

Нам необходимо неустанно разоблачать бесчеловечную сущность коммунизма, чтобы пробить непроницаемую стену, воздвигнутую им за сорок лет своего владычества. Лишь после того, как будет пробит этот "железный занавес" лицемерия, лжи и насилия, народы мира с отвращением отвернутся от коммунистических палачей. И только тогда будет выполнен наш долг перед родиной и человечеством...

После выхода в свет книги М. М. Бойкова "Люди советской тюрьмы" многие авторы русского Зарубежья предложили нам издать свои произведения. И вот, после ознакомления с ними, тщательного выбора и обсуждения всех "за" и "против", мы решили выпустить в свет "Заговор красного Бонапарта" Бориса Лукьяновича Солоневича, который настолько хорошо известен русской эмиграции, что не нуждается в особой рекомендации. Скажем лишь, что он является одним из немногих наших писателей, которым и сюжет, и фабула даются легко, свободно. Поэтому он имеет такой успех у читателей, ищущих в книге увлекательного повествования, а не сухого изложения переживаний автора и его героев. Такие произведения автобиографического характера, даже слегка приукрашенные, всегда неподвижны, безжизненны. Читатель предпочитает динамику, неожиданность, щекочущую нервы интригу и, — вместе с тем, — правдивые фактические данные. Другими словами — читатель требует правдивого изображения действительности в сочетании с художественным вымыслом. Автор "Заговора красного Бонапарта" вполне удовлетворяет этим запросам читателя и потому его прежние романы ("Тайна Соловков" и "Рука адмирала") имели такой огромный успех не только среди русской эмиграции, но и у молодежи в оккупированных немцами областях СССР, а также среди "остовцев" в Германии. Оба эти романа передавались из рук в руки и зачитывались до окончательной изношенности.

Если романы Б. Л. Солоневича периода Второй мировой войны пользовались столь необычным успехом и читались с таким захватывающим интересом, то новый его роман обладает всеми данными, чтобы обеспечить ему еще больший успех. Перед глазами читателя проходит красочная романизированная биография гвардейского поручика, отдавшего свои способности на службу большевикам, достигшего у них ранга маршала и положения замнаркома обороны, а затем расстрелянного по приказу Сталина. Эта трагическая карьера, даже в сухом изложении биографических данных, чрезвычайно интересна и поучительна. Тем более замечателен образ Тухачевского в художественном изображении Б. Л. Солоневича. Ведь, так называемое, "дело Тухачевского" положило начало нашим надеждам на возрождение русской национальной армии, которая сможет нанести смертельный удар коммунизму. Если бы у нас не было прецедента в лице Тухачевского, то, по всей вероятности, не было бы и теперешних рассуждений на тему о роли армии в "перевороте" после смерти Сталина.

Незаурядная личность Тухачевского и талант Б. Л. Солоневича выдвигают "Заговор красного Бонапарта" в первые ряды книжных новинок русского Зарубежья. Это первая попытка исторического, тщательно документированного романа из жизни СССР. Облик главных героев романа, гибель самолета "Максим Горький", падение Ягоды, "ежовщина", борьба Тухачевского за превращение Красной армии в русскую, "завоевание" Северного полюса, арест Тухачевского и "суд" над ним, — все это изложено на основании документальных данных. Конечно, стержень романа создан самим автором, но это не умаляет его значения, тем более, что вообще "заговор" Тухачевского — одна из самых таинственных страниц советской истории и, быть может, никто никогда не докопается до истины в этой кро-

вавой эпопее, в которой вместе со своим маршалом погибло до 350.000 военных.

Сам автор, пробывший около двадцати лет в СССР и долгое время собиравший материалы по "делу Тухачевского", не имел в виду сухого изложения зловещего периода "ежовской чистки". Он поставил себе другую задачу — нарисовать насыщенную динамикой и небывалым напряжением картину тех "страшных лет России", когда страна, едва не освободившись с помощью молодых сил армии от дьявольского гнета коммунизма, снова была закована в цепи "дрянным человечишкой с желтыми глазами" (так называли Сталина старые партийцы). И, как убедится читатель, автор справился с этой задачей блестяще, нарисовав мастерски, живо и ярко задуманную картину.

Прошло лишь двадцать лет с тех пор, как коммунисты расстреляли маршала Тухачевского, но правда частично уже восторжествовала. 27 марта 1958 года советские печать и радио объявили, что он полностью реабилитирован. Так коммунистическая шайка вынуждена была официально признать, что в действительности Тухачевский был не предателем и врагом народа, а самым выдающимся маршалом Советского Союза.

***

Читателям небезинтересно будет узнать, что "Заговор красного Бонапарта" был в свое время запрещен нацистской цензурой. После окончания Второй мировой войны он дважды поступал в набор (в Западной Германии и САСШ), но, по неясным для автора обстоятельствам, так и не вышел в свет.

Выпуская в свет "Заговор красного Бонапарта", заново переработанный и дополненный автором, издательство вкладывает свою лепту в борьбу с коммунизмом и надеется, что передовая эмиграция встретит эту книгу благожелательно и поможет ему возможно скорее погасить долг типографии, достигший уже значительной суммы. Тогда издательство приступит к печатанию следующей книги, которая уже готова для набора и лишь ждет своей очереди.

Издательство "Сеятель"

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

В гуще московского муравейника

Бойкая крикливая стайка воробьев, только что получившая молодые поколения — желторотых неуклюжих птенцов — была откровенно недовольна. Все они так уютно расположились около свежей прозрачной лужицы у набережной Москвы-реки, как какой-то из представителей мира двуногих — вечных врагов и вечных источников добычи — всунул в прозрачную лужицу свои копыта и стал там что-то делать. Негодование спугнутых воробьев выражалось особо повышенным гвалтом, в переводе на человеческий язык, несомненно обозначавшим явную ругань.

По-своему, они, конечно, были правы. Ведь по их воробьиному мнению, именно для них существовал весь прекрасный Божий мир, — деревья, лужицы, навоз и даже человеки. А тут на тебе — принесла нелегкая этого ползающего по земле двуногого... Все удовольствие от жизни только портит!

Недовольство воробьев разделялось еще одним существом — согнувшейся морщинистой старухой, разносчицей газет. Она с большим неодобрением смотрела, как крепкий, средних лет рабочий, одетый в засаленный пиджак, военные брюки, с надвинутой на глаза кепкой, ступил в лужицу и, сорвав пучок травы, стал тщательно вытирать блестящие сапоги поднявшейся мутью.

—Да что же ты, голубчик, делаешь-то?— укоризненно прозвучал старушечий голос. —Что же такие хорошие сапоги-то мараешь? Тоже — мильонщик нашелся! Теперя сапоги-то ведь кусаются. Новых не купишь. А ты вот...

Рабочий поднял голову. Его спокойное, чисто выбритое лицо неторопливо повернулось к старухе. Темные жесткие глаза окинули ее лохмотья и сумку с газетами холодным внимательным взором.

—А это, бабушка, не твоего ума дело,— коротко ответил он. —Много будешь знать — скоро состаришься... А ты и так немолодая...

—Да и как же это так — "не моего ума?"— с негодованием возразила газетчица. —Да ты мне мало что не во внуки годишься. а говоришь — не мое дело! Да я сама, небось, трех сыновей вырастила. Знаю, как все трудно достается... А ты тут са-

ноги портишь. Это ведь не царского времени кожа...

—А что — разве в царское время и кожа была лучше?

Старуха обиделась.

—Сказал тоже... Чай, ведь сам не такой уж молодой, — должен сам помнить. Тогда все не чета нонешнему было. Да и люди приличней были: не марали сапоги, а чистили... И куда тебя пустят с грязными сапожищами? Постыдился бы!

Широкие темные брови рабочего нахмурились, но потом добродушная усмешка мелькнула на его твердых, красиво вырезанных губах.

—Ничего, старая. Сапоги-то ведь казенные. А меня, может быть, с грязными сапогами как раз, куда мне нужно, и пустят.

Он стал вытирать руки пучком травы. Старуха с возмущением отвернулась.

—Ничего, бабушка,— примирительно заметил рабочий. —Все понять — мозгов не хватит. Дай-ка мне лучше "Вечорку".

Газетчица вынула из своей сумки "Вечернюю Москву" и протянула рабочему. Тат дал ей серебряный полтинник и отошел.

—Эй, сынок, а сдачи-то?

Рабочий, не поворачиваясь, махнул рукой, оставив старуху в недоумении. Свернув газету в виде стэка, он довольно оглядел грязные сапоги, сунул в рот трубку, надвинул на глаза старую кепку и зашагал дальше по набережной реки.

Воробьиная стайка с гвалтом и треском сорвалась с деревьев и возобновила свое роскошное купанье в луже, солнце и воздухе. Время для такого купанья было самое подходящее. Шла вторая половина лета. Погода над Матушкой-Москвой стояла чудесная. Спускавшееся мирное вечернее солнце красиво озаряло длинные зубчатые стены старого кремля, высокие башни и над ними сиявшие рубиновым светом советские звезды, недавно сменившие царские золотые орлы. Здесь, у Москвы-реки, шум города был слышен меньше, словно мутные струи вбирали в себя лишние звуки и уносили их с собой вдаль — в Оку, Волгу и, наконец, в Каспий. Там этот московский шум замирал навеки...

Рабочий, не спеша шагая по набережной, не обращал внимания на красоту спускавшегося вечера. Можно было догадаться, что у него выходной день, что он просто вышел погулять по городу и от нечего делать глазеет на пробегающую мимо жизнь.

***

Обвешенная людскими гроздьями, веселая "Аннушка" (московский трамвай "А"), суетливо дребезжа разболтанными частями, спускалась с кремлевской набережной. Нога висевшего в человеческой грозди на поручнях трамвая человека соскользнула с подножки и он сорвался вниз, на серой лентой мелькнувшую

мостовую. Крики и звонки донеслись до передней площадки. Вагоновожатый нажал на все тормоза. Глухой, мужественный гул несущегося трамвая резко затих. Пассажиры тревожной толпой высыпали из вагонов и побежали назад. В двадцати метрах сзади, на рельсах лежала человеческая фигура, бившаяся судорожными движениями рук и головы. Ноги были странно неподвижны и ступни вывернуты в неестественные стороны. Сверкающая сталь рельса была покрыта темными бурыми пятнами.

Люди окружили сорвавшегося пассажира. Кое-кто ахал, некоторые побежали искать ближайший телефонный пост. Но большинство нервно досадовало на задержку. Московская безжалостность, чисто советского происхождения, чувствовалась в резких замечаниях пассажиров.

—Вот тоже кусок идиота!— угрюмо ворчал какой-то худосочный чиновник. —Так сорваться!.. Благо, еще скользко было бы?.. А то...

—Тут времени только-только в обрез, и вот — здрасте; подвернулся под колеса, чорт бы его взял!

—А это завсегда — как спешишь, так на вот тебе. За опоздание у нас с работы вылететь недолго!

—Сколько мы тут еще ждать будем?— недовольно обратился какой-то военный к подошедшему с рукояткой управления вагоновожатому.

—Нужно, гражданин, милиционера подождать — протокол составить. Это вам, все-таки, не собака, а человек...

—Ну и пусть себе составляет, а мы поедем дальше.

—Никак это невозможно, товарищ. Нужно запротоколировать, что никто не виноват... Да вот он уже и идет.

Разношерстные, бедно одетые, порой даже оборванные пассажиры расступились. Вынимая из полевой сумки записную книжку, в толпу вошел милиционер. Не обращая внимания на лежащего на мостовой человека, он стал записывать показания вагоновожатого и очевидцев. Зашумели голоса, и о пострадавшем словно забыли. Только молодой, худощавый, темноволосый юноша, типичный студент, не отрывал глаз от порой конвульсивно дергающегося человека. И тогда его губы, под тонкими, только что пробившимися усиками, страдальчески кривились.

—Послушай, товарищ,— обратился он, наконец, к стоявшему рядом рабочему. —Перевязать бы его нужно... Ведь кровью истечет, пока скорая помощь прибудет.

Подошедший к нему рабочий, — тот, кто недавно купал в лужице свои блестящие сапоги, чуть усмехнулся.

—А зачем?— сухо и кратко спросил он.

—Как так "зачем"?— вскинулся от неожиданного вопро-

са взволнованный студент. —Да ведь жизнь-то спасти нужно! Вы перевязать сумеете?

Рабочий чуть пожал широкими плечами.

—Сумел бы, но зачем это? Если бы он страдал, а то... без памяти. Ну, и пусть умирает спокойно.

—Как так "пусть умирает"?

В вопросе юноши были возмущение и удивление. Опять красивые губы рабочего изогнулись в снисходительной усмешке.

—А ну, конечно! Видите сами — простой мужичок, первый раз, вероятно, в столицу попал. И ноги ему начисто оттяпало. Зачем государству инвалиды? Безногая ценность, подумаешь! Да и ему самому лучше тут, на месте умереть, чем страдать в больнице и потом всю жизнь нищенствовать. Марксистская логика. Помните, как сказал Маяковский: —"Для веселия планета наша плохо оборудована..." А для инвалидов — в особенности...

Пораженный такой резкой точкой зрения, студент не нашелся, что ответить. Он опять посмотрел на лежащего человека и опять гримаса боли искривила его выразительное тонкое лицо. Рабочий поправил свою сползавшую на лоб старую кепку — типичный пролетарский блин, "пролетарская кепка", "шесть листов-одна заклепка" — и оглянулся на группу, окружавшую милиционера.

—А знаете что, товарищ,— обратился он к студенту. —Тут, видно, еще надолго... Пойдем пока пешком. Погода ведь лучше не надо...

Студент молча кивнул головой и оба зашагали по набережной Москвы-реки. Некоторое время шли молча. Рабочий изредка украдкой поглядывал на нахмуренное, взволнованное лицо своего спутника и, наконец, спросил:

—А что, товарищ... Простите, но вас, видно, этот случай очень расстроил?

—Да,— неохотно ответил студент, не поднимая головы.

—В первый раз, что ли, кровь человеческую повидать пришлось?

—Ну, может, и не в первый. Время-то у нас советское — крови везде навидаешься. Но тут просто обидно за человека. Ведь, право, как собака. Никто не помог, никто не пожалел. Еще и ругань кругом. Прямо поверить нельзя, какой бездушный народ теперь пошел. За русских стыдно.

Рабочий опять пожал плечами.

—Да, оно, конечно, мягкости в теперешних душах маловато. Но ведь и жизнь такая пошла, что для жалости нет места. Да... и стоит ли кого-либо жалеть?

Задавая этот вопрос, рабочий незаметно усмехнулся, словно желая поддразнить молодого человека. Он не ошибся: сту-

дент встрепенулся. Его возбужденное лицо повернулось к собеседнику. Копна черных волос, слезшая было на лоб, привычным движением руки была отброшена назад, открыв прекрасной формы чистый лоб.

—Как это вы так, товарищ, говорите?— укоризненно ответил он. —Ведь человек погибает... Наш, русский человек! Нельзя, чтобы душа заплывала телом, и человек оскотинивался. Даже и не в жалости дело, а в стране. Каждый в ней на своем месте нужен...

—Здоровый, может быть, и нужен, да и то... А уж инвалиды-то — только балласт... Да и не нужно вообще жизнь человеческую переоценивать. Их, жизней этих, только у нас в Советском Союзе 170 миллионов. А во всем мире мало что не два миллиарда. Товар дешевый...

Студент с негодованием взглянул на рабочего.

—И не стыдно вам?.. А еще русский человек! Пусть там какие-нибудь иностранцы — ну, чорт с ними. Наводнение в Китае, голод в Индии или там война Парагвая с Уругваем... Но наши русские жизни — это ведь наше национальное богатство. Конечно, этот вот несчастный, который под трамвай попал, — это единица... Но вот, когда наши русские люди миллионами гибнут...

Студент вдруг осекся и с оттенком недоверия посмотрел на собеседника. Ему пришло в голову, что этот крепкий рабочий с умным, твердым лицом и точной, ясной речью, по всей вероятности, партийный или кто-либо из начальства "под рабочего". Но потертый, засаленный пиджак собеседника успокоил его, ибо о "гибели миллионов" в Москве, на улице, говорить не безопасно. "Доказывай потом, что ты не верблюд" и не намекал на ГПУ... Рабочий, видимо, понял опасения своего спутника и мягко ответил:

—Конечно, грустно это, но — "лес рубят — щепки летят"... Ничто в мире без боли и крови не рождается. Все революции мира делались с кровью...

—А разве нужны они были, эти революции?

Голос студента прозвучал тихо, словно он спрашивал самого себя. Рабочий с любопытством взглянул на него.

—Да ведь жизнь вовсе не спрашивает нас, нам нужно или не нужно. Помните, как Толстой говорил: "Выпусти из жил кровь, налей воды, — тогда, может быть, войн не будет..." В жизни есть свои законы и она жалости не знает. И для нее жизнь воробья — вот такого (рабочий махнул рукой и стайка крикливых воробьев, роскошно купавшаяся в луже, воздухе и солнышке, с гвалтом взлетела на дерево), и жизнь человека — величины равные.

—Равные?— возбужденно повторил студент. —Ничуть не

бывало! Жизнь человеческая — это драгоценность. Помните, может быть, как какой-то поэт сказал:

> **—Нет в мире ценности, ценнее человека,**
> **Его страдающей, тоскующей души,**
> **Его улыбки ласковой и грустной,**
> **Его веселости, сверкающего смеха**
> **И нежной устремленности его любви безбрежной...**

Стихи прозвучали мелодично и красиво. Лицо студента было поднято к небу, и заходящее солнце красиво осветило его худое, выразительное лицо, большие темные глаза и еще почти детские, чистые линии губ под пробившимися черными усиками. Суровый рабочий с улыбкой похлопал его по плечу.

—Эге, дружище, да вы, видно, совсем поэт и романтик! Это в нашей большевистской стране теперь совсем не в моде.

—В большевистской стране?— переспросил немного смущенный студент. —Да вы не путайте, товарищ. Режим у нас большевистский, а страна как была, так и осталась русская.

—Дело не в режиме и стране. Дело в установках нашего времени. А установки эти большевистские, материалистические, безжалостные...

—А как это вы понимаете — "большевистские установки"?

—Как? А без всякой лирики. Реально, просто и, главное, целесообразно... Вот, скажем...— Рабочий задумался на секунду, но потом, что-то вспомнив, продолжал. —Вот, к примеру, — борьба с проституцией. На Западе церемонятся, сюсюкают, возятся. А у нас: несколько лет тому назад ГПУ сделало в Москве повальную облаву и до 4.000 проституток, то-есть, существ явно ненужных и вредных для социалистического общества посадило в вагоны и послало на Соловки. Вот и все.

—Как так "все"?— с недоумением спросил юноша. —Как это понимать?

—А очень просто — там они за пару лет вымерли все до единой. Или возьмите недавний закон о расстреле рецидивистов-беспризорников, начиная с 12-летнего возраста. Это ведь все балласт, отсев народный. Конечно, проще было бы их всех расстрелять и без Соловков и без суда. Но зачем же Запад с его "чуткой моралью" раздражать?.. Как ни говори, — "суд", "порядок"... Видите, как все просто и ясно. Это вот и называется большевистским подходом к делу.

Лицо юноши опять передернулось от боли.

—Нет, я не романтик, но такой свирепости и жестокости понять не могу. Зачем столько крови и страданий вокруг?

—А вы думаете — только у людей так? А у животных тишь да гладь, да Божья благодать? Там свирепой борьбы нет?

—Ну, так то животные,— тихо возразил студент, опять опустив голову. —А нам Бог или там природа иной ум и иную душу дали. Неужели мы не можем иначе, как только по крови ходить... Нельзя же с этим так спокойно соглашаться. Вот два

реформатора: Христос и Маркс пытались мир переделать. Один хотел с нутра человеческого начать, другой — с внешних условий жизни... А разве что вышло?

Последние слова прозвучали едва слышно. Рабочий с новым интересом взглянул на бледное, омрачившееся лицо студента и уже вынул трубку изо рта, чтобы что-то ответить. В этот момент бежавшая по тротуару баба, тащившая за собой за руку мальчугана лет этак десяти, нечаянно толкнула студента.

—Что это ты, тетка,— окликнул ее рабочий, —на пожар, что ли?

Баба с беспокойством оглянулась, но, увидев сплющенную старую рабочую кепку и заплатанную защитную рубашку студента, только передернула плечами.

—На пожар? Еще хуже, товарищок. Не слыхал разве сам? Седни храм наш золотой рвут этие нехристи! Ну, да беги-то ты, постреленок!— прикрикнула она на сына и поспешила дальше.

—Храм рвут?— удивленно поднял брови студент. —Какой? Неужели... Христа Спасителя?

В темных глазах рабочего отразился живой интерес. Он ускорил шаги и скоро, вслед за женщиной, оба подошли к большой толпе, стоявшей на набережной, против величественного храма Христа Спасителя. Стройная громада обреченного храма еще гордо высилась на небольшом холме у набережной. Высокие белые стены смелыми линиями поднимались вверх, где их покрывала могучая шапка великолепного золотого купола. Этот знаменитый в Москве купол был высшей точкой города, и старая, вековая колокольня Ивана Великого уступала пальму первенства новому собору. Но ненадолго — только на несколько десятилетий — ушел старый Иван Великий на второе место. Именно сегодня старое первенство, историческое право быть выше всего и выше всех в Великой Москве, возвращалось к старику. Могучий золотой купол соперника должен был сегодня лечь в развалинах у подножья белых стен.

Величественный храм Христа Спасителя — память победы над Наполеоном — давно уже был предназначен советской властью к сносу. Уже давно в нем не было служб, внутри работали артели, вынося драгоценную утварь, снимая иконы и увозя все, что можно было там взять, оторвать, сломать, вытащить. Затем в громадные стены были заложены тысячи специальных патронов, и именно сегодня купол и часть стен должны были рухнуть. День и час готовящегося взрыва скрывались от населения, но рабочие, монтеры, подрывники, — все они рассказали, "по блату"*), своим родным, те — дальше, и в результате к 6 часам вечера большая толпа, волнуясь и тихо переговариваясь, стояла у набережной. Наряд милиции пытал-

*) По знакомству.

ся рассеять ее, но его усилия вызвали только больший интерес у проходивших мимо. Толпа росла. Вдали показались легкие танки войск НКВД.

Когда рабочий со студентом, следуя за женщиной, подошли к краю толпы, юноша заметил где-то знакомые лица и, кивнув своему случайному спутнику, отошел от него. Рабочий остался один. Он внимательно оглянулся вокруг, но, казалось, его мало интересовала величественная панорама бело-золотого храма, доживавшего свои последние часы и минуты. Острые его глаза пытливо вглядывались, подмечая выражение лиц. Он ловил обрывки разговоров, стараясь понять реакцию разношерстной толпы, собравшейся на набережной.

—Гляди, гляди, Ванька,— плачущим голосом говорила пришедшая раньше него баба. —И не забудь, — остатний разок на наш золотой храм смотришь... Старым станешь, а этой минуты не забудешь.

Несмотря на увещевания матери, мальчуган неохотно вглядывался в храм. Ему казалось более интересным глядеть на конного милиционера, гарцовавшего перед толпой... Внимание всех было устремлено на торопливо выходившие из храма последние группы рабочих с инструментами.

—Скоро, видать, и ахнут... А не покалечат кого? Не... До нас не достанет,— раздавалось среди собравшихся.

На последнее — успокоительное — замечание сзади раздался уверенный молодой голос.

—Ясно, сюда не донесет! Там все рассчитано: только-только стены дрогнут и завалятся. Классически! Нужно ведь только купол этот проклятущий наземь сбить. На нем, говорят, золота наворочено, — прямо можно в Германии революцию сделать или испанцев выручить. За зря только народное богатство наверху гибнет.

Говорил молодой парень, веснущатый и загорелый, с "полит-зачесом" а-ля Карла Марла, с круглым, полным самоуверенности и задора лицом. Около него стоял знакомый уже нам черноволосый студент.

—Сам ты проклятущий,— огрызнулась на его слова из толпы какая-то старуха.

—А ты чего, старая кляча, хайло раззявила?— грубо оборвал ее парень. —Помирать давно пора, а туда же лезешь...

—Я еще тебя, сукина сына, переживу... А только, как ты смеешь храм-то наш святой так хаять?

—Ежели он святой, так почему ангелы сверху не прилетят его спасать?— насмешливо откликнулся тот и оглянулся на своих спутников. К его удивлению, приятели — двое юношей и девушка — не поддержали его шутки.

—Брось, Петька,— вполголоса заметил один из них. —Верят

— ну и пусть себе. Не задирайся. Еще неприятностей наберешься.

Веснущатый парень, на рубашке которого краснел значок КИМ-а*), благодушно передернул плечами.

—Наплевать! Хотя, собственно, и верно: ни в рай, ни в коммуну за волосы не тащат. Если есть в печенке такой бзик — в Бога веровать — ну и пусть.

—Ш-ш-ш-ш-ш!— недовольно зашипела на товарища девушка. Светло-голубые глаза с суровым упреком взглянули на комсомольца. Тонкие брови под синим беретом нахмурились.

—Ладно, ладно, Танька,— поспешно заговорил провинившийся. —Не буду больше, вот клянусь те святой яичницей! Только ты не ругайся: пусть уж лучше на меня купол этот святой свалится, чем ты крыть меня будешь.

Приятели засмеялись и повернулись к собору. Баба еще раз тихо сказала сыну:

—Гляди, Ванька. В Рассее такого никогда больше не будет.

В ее голосе что-то дрогнуло. Она подняла край грязного фартука и вытерла им свои глаза. Мальчуган с удивлением посмотрел на нее.

—Чего это ты, мамка?

Почему-то внезапно, как порывом ветра, задуло все разговоры. Глаза толпы с испугом и напряжением устремились на величественную громаду собора, словно никто не мог поверить, что ей скоро суждено обратиться в груду мусора. Освещенный вечерним мягким солнцем бело-золотой храм стоял, казалось, несокрушимо. Но вот в тихом воздухе родился какой-то неясный гул, словно откуда-то донесся звук очень отдаленного грома. Из высоких узких окон показались, словно вспышки орудийного дыма, белые облака. Одна из громадных, блестевших в солнечном свете стен внезапно дала зияющую трещину. Тотчас же причудливые черные змеи новых трещин поползли по другим стенам. Что-то непреодолимое дрогнуло и закачалось. Словно гул приближающегося поезда донесся от храма. Сияющий, величественный купол медленно, словно торжественно, наклонился одной стороной и вдруг все загремело и загрохотало. Стены храма осели, купол, ломаясь на части, сорвался вниз, и громадные тучи белой пыли клубами взвились кверху и в стороны, закрыв трагическую картину.

В толпе обнажили головы. Кое-где послышался плач. Многие крестились и стали на колени. Все молчали, словно присутствовали при опускании гроба в могилу. Рабочий в кепке с величайшим интересом наблюдал за выражением лиц в толпе и реакциями собравшихся, когда кто-то хлопнул его по плечу.

---

*) Коммунистический интернационал молодежи.

—А ты тоже, товарищок, шапку бы снял. Видишь сам — горе всенародное.

Какой-то старик с котомкой за плечами произнес эти слова медленно и тихо. Рабочий с удивлением оглянулся и увидел вокруг себя угрюмые и даже угрожающие взгляды. Он чуть пожал плечами, перемигнулся с комсомольцем понимающим взглядом и послушно снял кепку.

Бело-бурое облако ползло на толпу. Та стала медленно отступать назад, к Москворецкому мосту. Другие зрители начали расходиться в стороны. Милиционеры закричали, поддерживая порядок и движение. Все сразу зашумело и заговорило... Когда отступившие в стороны и назад люди обернулись, то над снижавшимися клубами пыли уже не было видно гордого могучего храма. Только две стены наполовину возвышались среди кучи обломков, на которых кое-где блестело золото купола — одного из величайших в мире.

***

Группа молодежи, отбежавшая вместе с рабочим к мосту, молча смотрела на развалины, казавшиеся каким-то живым великаном, который упал, но вот-вот поднимется в прежнем величии.

—Ишь ты,— с каким-то уважением сказал веснущатый комсомолец. —Эк его чебурахнуло. Классически! Словно бомбой с самолета!

—Бомба сверху обязательно развалила бы стены в стороны,— негромко заметил подошедший к группе молодежи рабочий с грязными сапогами. —А тут — специальный заряд: стены внутрь свалились. Никаких никуда осколков. Безопасно, почти бесшумно и очень просто.

—А вы, товарищ, спец какой, что ли?— грубовато спросил комсомолец, поворачиваясь к нему. —Тон-то у вас этакий — профессорский.

—Спец — не спец,— добродушно усмехнулся рабочий, — а всяких взрывов навидался на своем веку по горло!

—Это верно,— подтвердил студент. —Мы с этим товарищем с полчаса толковали. Он действительно много знает. Вероятно и взрывов немало видал.

—А где это?— с любопытством спросила девушка, с интересом присматриваясь к случайному собеседнику.

Рабочий охотно откликнулся на вопрос. Очевидно, ему было скучно одному и он с удовольствием завязал бы знакомство с группой молодежи.

—Видите ли, гражданочка, в наше время совсем даже не удивительно, если человек много взрывов насмотрелся. Я ведь две войны прошел — империалистическую и гражданскую. Так что всего пришлось повидать. И как раз вспоминаю я, как аккурат в Симбирске чешский тяжелый снаряд в собор попал.

Тоже такое солнышко было. Все ясно, как на ладони. А снаряд в самую точку ахнул — в середку. Ну, все на целый квартал так и брызнуло. Словно дождь каменный прошел. Крест с купола, помню, так и подняло в воздух. Он где-то в небе золотом блеснул и мало-мало в нашу батарею не шарахнул. В землю влез — насилу откопали. А ведь мы-то метрах в двухстах стояли на площади!.. Это вот, действительно, взрыв был. Прямо, как в кино...

Как ни просто были сказаны эти слова, сразу почувствовалось, что автор их — прекрасный рассказчик. По каким-то, едва уловимым интонациям, по скупому жесту, по чуть заметной мимике твердого красивого лица, движению сросшихся черных орлиных бровей — картина взорванного снарядом собора сразу же была ясно нарисована. Другого объяснения разницы между взрывом заложенных специальных шашек и попаданием снаряда уже не было нужно. Молодые люди почувствовали, что действительно этот рабочий сам видел такие картины.

—Ну, а почему здесь все так тихо произошло?

Задавший вопрос, низенький коренастый увалень смотрел на рабочего с откровенным интересом.

—Это, товарищ, уже не так просто объяснить. Прежде всего, собор этот, очевидно, был взорван не динамитом, а просто жидким воздухом. Это первое, что объясняет отсутствие большого гула. Кроме того, направление сил взрыва в данном случае было, так сказать, во внутрь, на разрушение целости стен, а не на внешний эффект — на разброс в стороны. Ну, вроде как...— рабочий усмехнулся мелькнувшему в голове сравнению. —Ну, вроде как —бурчание в животе. Человеку самому еще как здорово слышно — прямо революция. А пять шагов в сторону — ни звука.

Все весело рассмеялись тем здоровым смехом, который у молодежи всегда готов вырваться, как пенье птиц, по любому поводу. Окружающие недовольно оглянулись. Было очевидно, что веселый смех около взорванного собора задевает чувства многих. Девушка первая чутко заметила это.

—Перестаньте, ребята,— тихо сказала она, взяв своих приятелей под руки и оттаскивая их в сторону. —Не стоит религиозное чувство оскорблять. Если нам, может быть, все равно, то другим-то ведь жалко?..

Рабочий, к которому был косвенно обращен этот вопрос, пытливо посмотрел на тонкое оживленное лицо, улыбавшееся ему с откровенным дружелюбием молодости, видящем в каждом человеке, прежде всего, друга.

—Конечно, не стоит раздражать других,— согласился он. —Это понять нужно. Ведь величественный храм был, это что и говорить.

Он повернулся в сторону храма, над которым, освещенные

заходящим солнцем, еще спускались клубы пыли, и добавил небрежно:

—А по-вашему — стоило ли взрывать?

Молодой черноволосый студент насторожился при этом вопросе и многозначительно переглянулся с девушкой, как бы приглашая ее промолчать. Но комсомолец откликнулся тотчас же:

—Ну, а конечно! На что он сдался? Наплевать! На этом месте Дворец Советов построен будет — хоть какой-нибудь толк. А то сколько места эта махина занимала и ни к чему. Для нее и верующих-то в Москве теперь достаточно бы не наскреблось. Верно, д,Артаньян?

Названный таким романтическим именем худощавый студент, пришедший вместе с рабочим, покачал головой. Тонкие брови его были сдвинуты в болезненной складке.

—Ну, дорогой мой Полмаркса, тут ты, брат, очень даже ошибаешься. Верующих еще сколько угодно. Не заметил разве, как все шапки сняли? А сколько крестилось? А плакало?.. Да я не к тому, нужно или не нужно было собор взрывать. А только... Как-то бы иначе... Народная душа — дело деликатное... А ведь советская власть — народная власть.

Рабочий посмотрел на говорившего с большим вниманием.

—Так что же по-вашему и взрывать не нужно было совсем?

Худощавый студент замялся.

—Да нет... Не то, что не нужно,— он опять испытующе посмотрел на незнакомца. —Я не с точки зрения религии, а просто целесообразности: нам, скажем, студентам, жить прямо негде, — не то, что учиться. А тут, на месте собора, Дом Советов в 300 метров строить будут!

—"Поднимай, строитель, крыши.
Выше, выше — к облакам!
Пусть снуют во мраке мыши —
Высота нужна орлам!"

Стихотворение в устах комсомольца прозвучало гордо и вызывающе. Но худощавый студент только нахмурился.

—Красивые, но глупые слова!.. Как вот ты, Полмаркса — на Северный полюс лететь собираешься. Сколько народных денег на это уйдет? А лучше бы, может быть, пару хороших больниц или университет на эти деньги выстроить... Глупо же это.

—Сам ты дурак,— вспыхнул комсомолец. —Раз партия и правительство решили, то не тебе критиковать. Балда!

Студент пожал плечами и спокойно усмехнулся.

—Может быть, я дурак,— согласился он. —По сравнению с Эйнштейном — в особенности... Но только настоящие дураки обижаются на слово "дурак". Я, брат, не обижаюсь. Как ни говори, дураки умным нужнее, чем умные дуракам.

Сказано это было так спокойно и едко, что все рассмеялись. Веснущатый комсомолец не понял этих слов, но почувствовал насмешку своего товарища и, видя на себе смеющийся взгляд девушки, готов был сцепиться с худощавым студентом со странным прозвищем "д'Артаньян". Но тут розоволицый увалень, прислушавшись к далекому звону кремлевских курантов, воскликнул:

—Заткнись, Полмаркса!.. Ах, елки-палки. Да ведь уже 17.45. Потопаем скорее, братва! Сеанс-то ведь в 18.30. А еще ходу минут с двадцать, да, пожалуй, и в очереди постоять надо будет!

—Идем... До свиданья, товарищ!

Комсомолец дружелюбно кивнул головой рабочему и повернулся, собираясь уходить. Девушка, улыбнувшись незнакомцу и взяв приятелей под руки, резко повернула к спуску с моста. Обнаженные загорелые руки напряглись в усилии сдвинуть с места шутливо сопротивлявшихся спутников. Смех и шутки потоком зашумели в группе приятелей. Наконец, все разом, тесно обнявшись, шагнули вперед. Девушка еще раз обернулась к стоявшему рабочему. Милые ямочки сверкнули в приветливой улыбке.

—Счастливо, товарищ. Спасибо за объяснения!

Рабочий в прощальном привете снял свою старую кепку, но потом внезапно пошел вслед за молодой компанией.

—Можно и мне с вами?— мягко спросил он. —Вы, кажется, в киношку? А я — парень одинокий; сегодня у меня выходной день. Не хочется одному трепаться по городу. Давайте уж вместе.

Тон рабочего был мягок и просителен, но твердые суровые глаза, казалось, приказывали. Чувствовалось, что он ни мало не сомневается в согласии группы молодежи принять его в свою компанию. Девушку удивили и просьба и ее тон. Но рабочий говорил вежливо и просто. Он не был пьян, скромно, но прилично одет, очевидно, был человеком бывалым и прекрасным рассказчиком.

—Ну, что ж?— посоветовавшись взглядом с товарищами, весело ответила она. —Идем вместе — веселей будет!

Она шутливо отодвинула от себя комсомольца и просунула свою руку под руку рабочего.

—А как вас звать, товарищ-незнакомец?

Рабочий мягко высвободился, церемонно и шутливо снял свою старую кепку и важно поклонился.

—-Позвольте уж по всей форме. Михаил Пенза. Мастер авиазавода. Сорок годов без малого. Беспартийный. Потомственный почетный пролетарий. Бабушка тоже признавала бы советскую власть, ежели бы дожила. Холост и никакого снисхождения не заслуживаю. Под судом и следствием не был, но наперед не ручаюсь... Хватит?

Веселые искорки блеснули в его темных глазах, остро смотревших из-под темных же, крылатых, широких бровей. Непокорная прядь черных волос упала на широкий лоб. Твердые, красивые, резкими углами вырезанные губы дрогнули в лукавой усмешке.

Девушке понравилось шутливое представление. Она весело рассмеялась и в свою очередь серьезно сказала мелодичным голосом:

—Хватит ли? Ну, навряд. А что вы, товарищ, делали до Великой французской революции? Ага! В молчанку играете? Так и запишем... Ха-ха-ха!.. Ну, да ладно. Теперь на скорую руку давайте и мы представимся. Это вот (она ткнула пальцем в веснущатого комсомольца) — Петька Сорокин, наш будущий "генсек", светило марксизма. Из старых беспризорников, а теперь механик — готовится на Северный полюс лететь. По кличке: "товарищ наплевать" — "Полмаркса" — врал, что полтома "Капитала" одолел. Между нами говоря — конечно, врет! И вообще у него мозги малость набекрень — даже вранью "Правды" верит.

Черноволосый студент с усиками недовольно поморщился и тронул девушку за плечо. Та удивленно поглядела на него и поняла.

—Ах, вот что! Тебе, дорогушенька, везде сексоты чудятся? Ничего — не бойся! Наш новый приятель не таков — это я ясно чувствую!

Рабочий молчаливо улыбнулся и кивнул головой. Стараясь загладить неловкость, студент сказал:

—Ну, конечно, конечно! Хотя в наше время... Есть такой анекдот: смотрит один активист на себя в зеркало и сам себе говорит: "Уж я не знаю, кто именно, но кто-то из нас обоих. . . сексот... "

Приятели засмеялись. Потом девушка продолжала свои характеристики:

—Этот вот (она ласково провела рукой по стриженой голове коренастого паренька, от чего тот мгновенно вспыхнул) Николашенька Гвоздев, по прозванию "Ведмедик", за необычайную ловкость. Студент школы ОАХ*). Снайпер на ять. А этот(в голосе девушки прозвучало дружелюбное уважение, когда она показала на своего третьего спутника, стройного, задумчивого, смуглого юношу) Женька Полевой, поэт и художник, краса и гордость Вхутемаса**). Правдоискатель, за что и прозван — "К-у-у-удавышенебесходященский"... Но это, конечно, длинно, а потому его "д'Артаньяном" зовут — фехтует он, как Бог!

—Почему именно, "как Бог", — мягко запротестовал ху-

---

*) ОАХ — Общество содействия авиации и химии.

**) Высшее художественно-техническое училище.

дожник, — словно Бог фехтует? Вечно ты, Таня, что-нибудь преувеличишь!

Рабочий пожал руки своим новым знакомым и улыбаясь повернулся к девушке.

—Прекрасно. Ну, а вас-то кто мне представит?

—А я,— быстро отозвался Ведмедик. —Это наша вроде, как королева, Таня Смолина, из ГЦИФК'а**). Прозвища своего она не имеет, потому как никто не осмеливается. Стрельчиха и певунья: даже такого зверя из бездны, как Полмаркса, и то песенками приводит в лирику. Мы ее зовем по-разному. . .

—По-разному? — насмешливо прервал его комсомолец. — То-то ты ее "Танюренькой" зовешь. Эх ты, влюбленное рыло!

Багровая краска опять покрыла свежие щеки Ведмедика.

—Как это?.. Откуда ты взял?

—А кто во сне проговаривается?

—Ах ты, сукин сын,— рассердился снайпер. —А сам-то ты разве по Тане не вздыхаешь? Нашел чем подзуживать: да у нас все в Таню врезавшись. А чего ты меня срамишь перед чужим человеком? Сволочь ты, а не товарищ после этого!

—Так это же правда!

—Ну, ну, — примирительно вмешался д'Артаньян. — "Не всякая правда, товарищи, правда!" — как ловко сказал Косарев***). Так что — не ругайтесь. А греха таить нечего — мы все и верно в нашу Таньку влюблены. Ничего не попишешь — "королева"...

—Да бросьте вы царапаться, ребята. Совсем заклевали бедного моего Ведмедика. Ведь все равно — ни в кого из вас я не влюблена и влюбляться не собираюсь. А так, по-хорошему, всех вас люблю. Хватит с вас и этого.

Девушка ласково улыбнулась смущенному приятелю и опять взяла рабочего под руку.

—Ладно. Официальная часть окончена. И будет вам шпильки пускать. А вы, товарищ... Пенза, называйте нас просто по именам или прозвищам. Идет?

—Добре, — спокойно отозвался рабочий, на суровом лице которого мелькнуло что-то вроде мягкой усмешки. — Только в таком случае и я требую, чтобы меня били тем же самым, по тому же самому месту. Если вы все: Таня, Петя или... А ведь, правда, по прозвищам легче... То и я тоже — просто Миша.

—А прозвища у вас нет? — наивно спросил Ведмедик. — Все засмеялись. Таня опять провела пальцами по его затылку.

—Эх ты — тетеря! Откуда у взрослого человека кличка возьмется?.. Ну, да ладно, не будем торговаться. Миша, так Миша. Пошли скорей.

**) Государственный центральный институт физической культуры.

***) Генеральный секретарь (генсек) Комсомола.

—Качай ногами!

—Сгибай коленные шарниры, братва!

—А куда вы, собственно, идете?

—А что — у вас времени нет?

—Нет, не то... Времени у меня целый почти вечер. А на какой фильм?

—О фильм распречудесный! — восторженно воскликнул Ведмедик. — Только что вышел. С времен отечественной войны. "Кутузов". Может слыхали?

—Про Кутузова? Нет, никогда не слыхал,— ответил Пенза таким серьезным тоном, что опять все рассмеялись.

—Да ты, чорт снайперский, сперва подумай, прежде чем спросить!

—Иди ты к Аллаху под рубаху, —огрызнулся Ведмедик. — Пусть конь думает — на то у него и голова большая. Да и что я такого сказал?

—Ах ты, ведмедище неуклюжее. Сам, оболтус, ничего не знает, так и другие, думает... Он у нас, кроме своей стрельбы, ни в зуб ногой. Зато по стрельбе за сборную Москвы выступает. Первый класс. А в голове у него маловато.

—А ну, скажи скорей, стрелок ты разнесчастный,— вдруг сурово спросил Полмаркса, —какие полюсы есть?

—Полюсы?— растерялся Ведмедик. —Да обыкновенно какие...

—Ну, скорей — какие?

—Да... Ну, северный, южный... восточный и западный. Это ж ясно.

Взорвался веселый хохот.

—Ну, вот, сами убедились, товарищ, какие у нас снайперы. Он недавно рассказывал про Евгения Онегина. И выпалил, что тот "каждое утро мочился одеколоном"... Ха-ха-ха!..

На глазах краснощекого стрелка показалось что-то, очень похожее на слезы обиды.

—Ну, вот... Чего ты, Танька, на меня насела? Откуда мне знать? Я бы и сам рад подковаться, да в нашей школе, сама знаешь... А про Кутузова я так только...

Девушка ласково провела ладонью по стриженой голове и смущение крепыша мигом прошло.

—А ты, Ведмедик, не только в школе учись,— поучительно сказал д'Артаньян. —В библиотеку запишись, книги бери... Век живи, век учись...

—А дураком все едино помрешь!— смеясь, подхватил комсомолец. —В особенности ты, Ведмедик. Зачем стрелку мозги? Наплевать. Но все-таки, будя, ребята, трепаться — нажмем. А у вас, кстати, дядя Миша, деньга на киношку найдется? Потому что, окровенно говоря...

—Ничего, ничего,— успокоительно сказала девушка. —

Как-нибудь хорошему человеку сообща на билет наскребем, если надо.

Милое оживленное лицо склонилось ближе к плечу рабочего, и его веселый молодой свет словно зажег ответное тепло в суровых чертах. Пенза ответил невольной улыбкой на улыбку, с деликатной благодарностью легонько прижал тонкую руку девушки и уверенно ответил:

—Деньга найдется!

Голос его звучал, как всегда, ровно и спокойно. Молодые люди, сами не зная почему, но словам этого незнакомого человека верили сразу же, без всяких сомнений. Была какая-то уверенная в себе, напряженно-спокойная сила в этом рабочем со старой приплюснутой кепкой на голове. Рядом с ним молодые студенты как-то чувствовали себя желторотыми птенцами, еще не испытавшими своих сил в настоящей жизненной борьбе. А этот мастер авиазавода видал, очевидно, всякие виды. И вышел из этих испытаний закаленным и твердым, как сталь. Но манера рассказывать и все поведение рабочего были деликатны и мягки. И его сила только чувствовалась. В молодую компанию незнакомец вошел, как "свой", простой и понятный человек, старший, но не давящий и не стесняющий молодого задора и свободы.

Смеясь и балагуря, вся компания быстро, весело и дружно, подлаживая ногу в такт, шла по Замоскворечью, направляясь на "Кутузова"... Билеты на сеанс они достали не без труда. Над кассой уже висел аншлаг:

"На второй и третий сеансы все билеты проданы".

—А хорошо, что пораньше приперлись,— удивленным тоном заметил комсомолец. —Гляди-ка — какой успех. Прямо классически. Даже на "Чапаева"*) не было таких очередей.

—Ну, так то — Чапаев,— не без презрительности в тоне откликнулся Ведмедик.

—Что — "Чапаев"? Плохой герой, по-твоему?

—Да не то, что плохой. А только куу-у-уда же ему до Кутузова? Чапаев — что: почти простой партизан. А Кутузов — гляди — всю Россию спас!

На такой крепкий довод комсомолец не нашел, что ответить. Он пробурчал свое любимое "наплевать" и двинулся вперед, проталкивать дорогу приятелям. Скоро все сидели рядом, прижавшись друг к другу и с напряженным вниманием следили за действием на экране.

Началось с отступления союзных войск после Аустерлица. На миг мелькнуло красивое, самодовольное лицо упоенного победами Наполеона и растерянная, представленная в смешном свете, фигура императора Александра. Потом в темноте

---

*) Чапаев — один из героев гражданской войны, погибший в схватке с белыми на Урале. Его памяти был посвящен героический фильм.

крестьянской хаты показалось умное, недовольное лицо неуклюжего старика Кутузова, озабоченного спасением остатков армии. И разом по залу прошел какой-то неясный шум.

На экране Кутузов давал указания Багратиону для арьергардного боя под Шенграбеном. Тот, рослый и цветущий молодой генерал, стоял уверенно и беззаботно, выслушивая приказания, как простой солдат. Но когда лицо главнокомандующего, отправлявшего людей почти на верную смерть ради спасения остальных, перекосилось от сдерживаемого волнения и он дрожащей рукой перекрестил своего боевого товарища, — по залу опять прошла какая-то теплая волна. Старик Кутузов, даже на экране, — победил сердца зрителей. Что-то чисто русское, душевное, мелькнуло в неторопливой речи, в спокойном задушевном тоне, в прорвавшемся волнении и движении старческой руки. Было что-то родное, близкое, свое, в этом старом генерале, думавшем не о победах, не о славе, не о далеко ускакавшем от армии императоре, а о своих солдатах, которых нужно было вытащить из клещей наполеоновской армии, о необходимой, кровавой жертве, об этом молодом, красивом, твердом генерале, идущем на смерть так просто, как просто отдавал это жестокое, но необходимое приказание старый главнокомандующий.

Артист, изображавший Кутузова, сумел, незаметно для глаза, но так ощутимо для души, подчеркнуть разницу между обликом самовлюбленного Наполеона, — бездушной военной машиной, — и этим вот, простым, душевным стариком, для которого война и убийство — не путь к славе, власти, карьере, а кровавая, тягостная неизбежность...

Удача Кутузова. Армия выведена из западни.

—Вот здорово обманул старик Наполеона-то?— прошептал в восторге комсомолец. —Классически! А наши ребята-то под этим... как его Шен... Шентрабеным?..

—Шенграбеном,— поправил Пенза тихо. —Этот военный маневр считался одним из самых блестящих в военной истории. Это в первый раз Наполеона так в дураках оставили. Кутузов этим маневром спас всю армию из, казалось, совершенно безвыходного положения.

—Нуу-у-? Ха-ха-ха... Классически! Знай наших. Вот молодчага!

События фильма развивались дальше. Мелькнули импозантные плоты Тильзита, где лицемерно обнимались Наполеон с Александром, мирное житье в деревне отставленного Кутузова, все растущее напряжение Европы, военные приготовления опьяненного славой Наполеона и, наконец, переход его войск через русскую границу... Как блестка врезалось в память: уютный русский берег Немана с зеленой, шелковистой травой. Грубые, иностранного покроя ботинки с гетрами, смяв-

шие и смоловшие эту нежную травку. И отдельно сильные слова императора Александра: "Не положу оружия, доколе хоть один неприятель останется на Земле Русской".

Наблюдавший больше за реакциями своих спутников, чем за ходом картины, Пенза заметил, как все сильнее напрягалось внимание его молодых товарищей, как захвачены они батальными картинами фильма и его глубоким национальным содержанием. Рука девушки, бессознательно просунувшаяся под его руку, сжалась и застыла в волнении. Таня, казалось, не дышала, когда с экрана гремела канонада смоленского сражения, когда русские сами жгли свое имущество, и длинные змеи повозок и жителей тянулись на восток, чтобы не "быть под неприятелем". А этот неприятель широковещательно обещал низовому русскому люду свободу от крепостного права, уничтожение власти помещиков и вхождение "в великую семью свободных европейских народов". Но "рабы" жгли дома и уходили от "свободы" на восток, чтобы остаться под тяжкой, но всетаки своей, русской властью. Потом, под орудийную канонаду, промелькнуло страшное массовое убийство — Бородино и сразу же в тишине простой деревенской хатки в Филях просто и человечно прозвучали ясные слова старого Кутузова:

"С потерей Москвы еще не потеряна Россия. Властью, данной мне Богом и государем, я приказываю отступление..."

Наполеон в сердце России — в Кремле. Багровым отблеском вспыхнули огни московского пожара. Алчная попытка сорвать золотой крест с колокольни Ивана Великого. Неудачный взрыв кремлевских стен. Грабеж города. Армия превращается в мародеров.

"Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на кремлевских стенах!.."

— думает с горечью Наполеон.

А вне занятой неприятелем Москвы все растет народная волна гнева и сопротивления. Стихийное движение народа против пришельцев. Партизаны. Отступление "Великой армии". Малоярославец, Березина, страшная русская зима. И, наконец, граница освобожденной России. Кутузов склоняет старческие дрожащие колени и осеняет себя крестным знамением. Россия спасена!

Из стиснутых волнением грудей зрителей вырвался общий вздох, и восторг вдруг прорвался в буре рукоплесканий. А на экране знамена победным маршем освободителей шли через Варшаву, Вену, Берлин, Брюссель, Париж. И на фоне колеблющихся складок старых знамен вырисовывалось умное, спокойное, проникнутое глубокой верой в свою Родину, лицо старого главнокомандующего.

"В твоем гробу восторг живет,
Он русский глас нам издает.
Он нам твердит о той годинe,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
"Иди, спасай!.." Ты встал и спас!"

И дальше, на этот раз красными буквами, на экране запестрели слова:

"Так будет с каждым захватчиком, который протянет свою грязную лапу к нашей счастливой, советской Родине"...

Вспыхнул свет и каким-то взрывом загудел зал. Везде виднелись оживленные, сияющие лица. Замечания, восклицания, смех, возгласы слились в общий хор.

—Ах, как хорошо, ах, как чудесно!— восторженно трясла руку Пензы девушка. —Ведь правда, Миша? Мне этот фильм просто всю душу перевернул. Ах, какая прелесть этот Кутузов! Вот где чисто русский человек. Да и все русское, как на подбор...

Приятели двинулись к выходу, где уже стоял длинный хвост зрителей на второй сеанс. На улице начало смеркаться.

—Просто домой идти не хочется,— заметил, сияя чистыми серыми глазами, Ведмедик. —Я, право, сегодня спать не смогу. Все мне Бородино сниться будет... Эх, мне бы вот туда; с хорошим пулеметом. Как бы я его, Наполеона, сукина сына, расчесал бы... В то время, надо думать, один пулемет все дело решил бы! Эту мюратовскую атаку, метров этак с 800, хорошей лентой срезать! Эх!

—Кому что, а Ведмедику только бы пострелять,— усмехнулся д'Артаньян. —Пройдемся малость, ребята. А вы вот, товарищ Миша, может быть, нам объясните, как это так может быть, чтобы при Бородине никто не смог разбить. Это в шахматах ничья бывает, но чтобы на поле сражения?

—Объяснить-то можно,— медленно и задумчиво сказал Пенза. —Мы в России почти всегда проигрывали все сражения, кроме последнего. Наши войны — обычно: сначала поражения — помните, может быть, по истории — татары, турки, Литва, поляки, шведы, французы... А потом... Да только — не на улице же объяснять-то? Вношу предложение, друзья: если у вас есть часик времени, зайдем в пивнушку, поболтаем. Ведь вся война, с точки зрения военной истории, была совершенно необычайной.

—А откуда вы все это знаете?

Пенза добродушно усмехнулся, глядя на открытое серьезное лицо девушки.

—Откуда? Да уж если человек семь лет на войне провел, да в военной индустрии работает, — немудрено, что военное дело его интересует. Я много читал по этому вопросу, вот и знаю.

—В пивнушку бы зайти неплохо,— мечтательно протянул комсомолец. —Это бы классически вышло... Да только...

—Что "только"?— опять весело усмехнулся рабочий, дружелюбно оглядывая чуть смутившиеся лица. —Зачем же остановка?

—Да у нас, как это говорится: "финансы поют романсы".

—Ерунда. Идем, товарищи. У меня вечер свободный и я с удовольствием с вами в компании посижу. А пиво — на мой счет.

—Идет, идет,— облегченно воскликнули юноши. Пенза вопросительно поглядел на девушку, решения которой в этой компании были, очевидно, законом. Та молчала, видимо, в нерешительности.

—Пойдемте, Таня,— мягко сказал Пенза и деликатно взял ее под руку. —Я, право, от чистого сердца предлагаю. Я парень одинокий и с милыми людьми очень рад вместе часок посидеть. Честное слово, для меня этот расход на пиво — сущий пустяк. Пожалуйста, не отказывайтесь!

В голосе рабочего промелькнули мягкие просительные нотки. Девушка пытливо взглянула в его черные глаза, но все еще колебалась.

—Я, между прочим, сам на Бородинском поле был, — еще до того, как там, — в начале большевизма, — памятники все взорвали. Так что, есть о чем порассказать: я даже изучал место этого боя. Ведь после Кремля — это самое чудесное место в России. Вместе с Полтавой и Севастополем. А помните, как замечательно поется в старой военной песне:

**"Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!"**

Сердце певуньи-студентки сдалось. Песня была пропета верно и с большим чувством. Ореол гордого слова "Бородино", про которое этот сильный спокойный человек мог еще многое, видимо, рассказать, сломил нерешительность. Девушка улыбнулась Пензе и кивнула головой.

—Ура, ура! Да здравствует "Трехгорка"*)!— весело заорал Ведмедик. —Идем! Тут как раз пивнушка "Моссельпрома" есть.

**"Нигде, кроме
Как в Моссельпроме**)".**

—Ишь ты, как наш чемпион забурлил. Да тебе ведь, чортов снайпер, пива и вовсе даже нельзя пить. Глаза ослабнут. Алкоголь для него первый враг. Вы знаете, товарищ Пенза,

---

*) Знаменитое московское пиво Трехгорного завода.

**) Объединение московской пищевой промышленности.

он даже курить не имеет права, — зрение для снайпера первое дело. Вот вам — иное дело...

Пенза с улыбкой поглядел на свою неразлучную трубку, как глядят на старого проверенного друга.

—Да,— как-то, чуть вздохнув, сказал он. —Мне стрелять не нужно: за меня стреляют... Впрочем,— спохватился он, — дело не в стрельбе. А просто я не представляю себе, как это без трубки думать, например, можно... Трубка, радио, бутылка — вот мужчина и не одинок.

—Снайперу вообще думать не нужно,— со смехом воскликнул Полмаркса. —Ведь хорошей стрельбе даже орангутанга выучить можно!.. Ну, значит, Ведмедище, ты мне свои порции уступишь?

—А иди ты, Полмаркса, к подноготному дьяволу!— весело огрызнулся Ведмедик. —Нашелся тоже... классический "помощник". Откуда в пиве алкоголь?.. Ерунда. Ничего из-за пары кружек со мной до самой смерти не будет. Пошли!

—Правильно рассудил снайпер. Ежели мужчина не ругается, горького не любит, не пьет, не курит, в девочек не влюбляется, — грош ему цена... Даже подозрительно!..

Через полчаса вся компания сидела за большим столом, в полупустой пивной, за кружками пива, и Пенза, с большой изобретательностью использовав кучу спичек, пустые коробки, пепельницы, кружки и пр., изобразил наглядно план Бородинского боя и с увлечением рассказывал о ходе самого сражения. Молодежь с живейшим интересом слушала превосходно знающего о нем рассказчика и опять переживала волнение, только что испытанное в кинозале. Только теперь к эмоциональному восприятию добавилось ясное, рельефное понимание всего хода этого исторического сражения.

Некоторая натянутость в отношении к новому знакомому скоро совсем прошла и молодежь жадно забрасывала Пензу рядом самых разнообразных вопросов. Спрашивали про все: про Кутузова, про гражданскую войну, про историю России, про Кремль, фашизм, военное дело, Америку, троцкизм, Гитлера, жизнь за границей... Рабочий проявил себя широкознающим человеком и охотно, просто и точно отвечал на град вопросов. В свою очередь, он умно и тактично сам ставил темы и побуждал молодежь искать ответы на сложные изгибы и комбинации текущей жизни... Было весело и непринужденно. Пенза заказал уже по четвертой кружке и незаметно передал подавальщику наскоро написанную записку. Через несколько минут, к большому удивлению всех, перед каждым появилась шипящая сковородка яичницы с ветчиной. Лукаво ухмылявшийся подавальщик поставил перед ними по стаканчику и наполнил их какой-то прозрачной жидкостью.

—Лимонад-с, чистый, как ангельская слеза, — тихо, но

многозначительно объяснил он молодым парням. И, налив Тане в бокал из другой бутылки, тоже лукаво усмехаясь добавил:

—А гражданочке-с московский квасок-с — экстра!

Удивленный комсомолец первый понял подвох.

—Ах, чорт,— тихо сказал он, сгибаясь над стаканчиком и не скрывая своего восторга. —Убей меня Бог бутылкой водки! Рыковка!*). Ей Богу... Белая головка! Классически!

Девушка с упреком посмотрела на Пензу. Тот умоляюще положил ладонь на ее пальцы.

—Вы уж, Танечка, голубчик, не сердитесь на меня за маленькую провокацию. Смените гнев на милость. Окажите честь яичнице.

—Но ведь это же свинство, Миша! Не предупредив нас... Нам ведь платить нечем.

—Да не в том дело, Таня. Я как раз премию получил. Хорошее изобретение вышло — способ убирания налету шасси в плоскости истребителя. Так что я — при деньгах и даже очень больших. И чем их по-холостяцки пропить — я уж лучше вас угощу. Не брыкайтесь, милая Таня. Смотрите на меня, как на старого друга...

—Нет, все-таки...

—Ну что там — "все-таки",— прервал ее комсомолец. — Жри и пей, Танька, да только на стены не оглядывайся.

Все, как по команде, поглядели на стены пивной. Там действительно были кричащие надписи:

"Не пей: с пьяных глаз ты можешь обнять даже классового врага".

Под общий смех комсомолец закончил:

—Ерунда. Пей, да дело разумей. Ежели не повезет — пивом надрызгаешься... И главное, не зевай, — жри, пока горячее! Наплевать! Гляди — Ведмедище и д'Артаньяшка уже начали.

—Правильно,— подхватил Ведмедик. —"Руси веселие есть пити".

—"И материти",— закончил, смеясь, Полмаркса.

—Ну, ну, ты не очень, генсек. Гляди, вот!

Действительно на стене висел еще один плакат:

"Ругаться по матери запрещается. Штраф 20 коп. за штуку".

—Наплевать,— также беззаботно отозвался комсомолец. — Как это можно не ругаться? Да я ведь человек, а не баран...

—При Таньке запрещается.

---

*) Государственная продажа водки началась в 1924 году, когда председателем Совета народных комиссаров был Рыков. Отсюда — "рыковка", к которой сам Рыков имел весьма большое пристрастие. Белая головка — водка самой лучшей очистки. В пивных продажа водки не разрешалась, но этот закон широко обходили.

—Ну, ладно. Так я ведь просто по-хорошему могу.

—Как так "по-хорошему"?— усмехнулся Пенза.

—А хоть бы "едондер шиш"... Так Лев Толстой в Севастополе ругаться зачал. Потом старые боцмана говорили: "Ну, мы сами с усами, а такого ругателя, как граф Лев Николаевич, еще не видывали"....

—Будет тебе трепаться! Гляди, как ребята наворачивают! Аж за ушами трещит.

Действительно, запах горячей яичницы мигом убил все вопросы и угрызения совести в молодых голодных парнях и они с аппетитом начали уплетать свои порции. Девушка растерянно глядела на всех.

—Ладно, Таня, что там,— мягко усмехаясь, заметил Пенза, подняв стаканчик. —Выпьем... за что бы это? А? Ваш тост, Таня?

Все выжидающе подняли свои стаканчики. Пенза ласково взял пальцы девушки и обвил их вокруг бокала. Положение было безвыходное.

—Ну и провокатор же вы, Миша,— со вздохом сдаваясь, сказала Таня. —И отказаться никак нельзя.

—Да и не нужно... Чего там — свои люди! Так за что?

—За что?

Ясные глаза девушки оживились.

—За что? Да разве после такого фильма можно спрашивать: "за что"? Ясно, за что — за Россию!

—За советскую Россию,— поправил комсомолец.

—Брысь ты к чорту, Полмаркса, со своими партдобавлениями. Для нас Россия — всегда просто Россия. Та, которую Кутузов защищал. И которую мы тоже защищать будем. Так что — за Россию!

Все чокнулись. Пенза с улыбкой глядел на оживившиеся молодые лица и, казалось, с его губ стирается какая-то черточка жестокости... Парни опрокинули свои стаканчики лихо, в один прием. Девушка отпила немного и с удивлением опустила свой бокал.

—Ого,— с недоумением спросила она, —что тут?

—А что — вкусно?— усмехаясь углами красивых губ, спросил рабочий.

—Еще как... Никогда такой вкусной штуки не пила!

—А это наше русское шампанское. Донское, цымлянское. Разве можно за Россию что-либо иностранное пить?

—Ну, вы всегда найдете, чем объяснить ваши подвохи. Но... спасибо за сюрприз. Вы, право, милый.

—Не только милый, а прямо герой!— Светлые глаза белобрысого Ведмедика смотрели совсем влюбленно. Пиво, водка и яичница, очевидно, привели его в восторженное состояние.

—Прямо герой. И все дядя Миша знает и все объяснить может. Настоящий русский человек!

—Правильно, Ведмедик,— откликнулся молчаливый д'Артаньян. —Только нужно, ребята, и нам в грязь лицом не ударить. Скоро мы стипендию получим. Так давайте пригласим сообща дядю Мишу на ответное угощение. Может быть, не так богато будет, но тоже от всего сердца. А собраться можно будет у Таньки, — у нее в общежитии места побольше. . .

—Вот это верно,— подхватил комсомолец. —Прямо классически. Миша, дайте ваш адрес, мы вам напишем, когда собраться. И только постарайтесь наподольше!..

—Адрес?

Рабочий чуть запнулся.

—Адреса, ребята, я вам дать пока не могу. Мой завод — засекреченный и как раз теперь переезжает на другое место... Но мы вот что сделаем. Хотите в выходной день, 17-го числа, встретимся в ЦПКО*) часов в 15, около тира. Постреляем, кстати. Я хоть давно уже не стрелял, но с Ведмедиком поцарапаюсь: кто кого? Идет?

—Идет,— с восторгом согласился Ведмедик. —Кто проиграет — платит за патроны... Только держитесь, дядя Миша. Я здорово стреляю, да смотрите, кстати, чтобы и Танька вас тоже нечаянно не вздула. Она в своем институте — бабчемпион.

—Ого... Я против Тани не осмелюсь и выступать! Как это можно — королеву обставить?

В темных глазах рабочего заиграли веселые огоньки. Студентка пренебрежительно махнула рукой.

—Ну, какие там "королевы" в СССР? В шахматах и то "ферзем" стали называть... Да и потом — на линии огня — нет женщин и мужчин, а просто — стрелки. Так что, Миша, держитесь. Я вам постараюсь "крроваво отомстить" за шампанское. Но вы, вероятно, на войнах своих постреляли немало?

—Да, пришлось таки,— уклончиво ответил Пенза, поднимаясь. —Значит, друзья, решено? Идет?

Уже совсем стемнело, когда рабочий, попрощавшись с веселой компанией, свернул в Китайгород**). Засунув руки в карманы, медленно и, повидимому, бесцельно он шел по лабиринту переулков, взвешивая впечатления сегодняшнего дня. Порой, при воспоминании о веселой молодой компании, его суровые губы оживлялись мягкой усмешкой. Брызжущее задором и смехом лицо Тани, с лукавыми ямочками на розовых щеках, вставало перед ним, как живое. В нем не было ничего особенно примечательного — "особых примет нет", как ска-

*) Центральный парк культуры и отдыха.

**) Часть Москвы, непосредственно примыкающая к Кремлю. Еще недавно была окаймлена старинной стеной, снесенной большевиками.

зало бы паспортное отделение. Но было в нем так много какой-то уютности, мягкости, ясности, что запоминалось не глазами, а ощущениями рабочего. И было так очаровательно, что эта милая девушка видит в нем просто товарища, радушно принятого в их славную, веселую компанию. Прощальное пожатие руки Тани почему-то оставалось особенно живым, словно до сих пор грело. Рабочий, вспомнив об этом пожатии, невольно протянул ладонь и разжал пальцы, как бы удивляясь тому, что ощущение тонких женских пальчиков остается так долго свежим.

—Экая Нежнолапочка,— улыбаясь, тихо сказал он и сам внезапно засмеялся тому, куда забежали его мысли. Решительно тряхнув головой, рабочий огляделся вокруг. Узнав улицу, по которой шел, он уверенно повернул и, покружившись по сети узких переулков, быстро подошел к большой военной машине, стоявшей в тени какой-то арки. Рука в шинели высунулась из окна шофера и открыла дверцы. Рабочий влез в машину и стал там надевать что-то, блеснувшее в темноте металлическими значками.

—Домой, товарищ Павлов,— коротко бросил он шоферу.

—Есть, товарищ маршал,— прозвучал четкий ответ и мощная машина рванулась вперед.

ГЛАВА 2

На переломе

Два молодых, стройных, подтянутых красноармейца, казалось, перестали дышать, когда вдали по коридору, устланному мягким красным ковром, ровно в 9 часов послышались быстрые уверенные шаги. Подошедший к площадке у лестницы, моложавый, чисто выбритый, хорошо выправленный военный с двумя орденами Красного знамени и золотой звездой на воротнике мундира приветливо кивнул часовым головой и коротко сказал:

—Здравствуйте, товарищи!

Красноармейцы тихо и дружно бросили свое строевое "Здрасссс, товарищ маршал" и опять замерли. Маршал легко взбежал по лестнице и, после нескольких поворотов коридоров, уставленных пальмами и цветами, остановился перед дверью, на которой была надпись золотыми буквами:

"Первый заместитель Народного Комиссара Обороны СССР, маршал М. Н. Тухачевский".

Когда он вошел в комнату, из-за широкого стола, уставленного телефонами, поднялся худощавый, невысокий молодой командир с умным, тонким лицом. Это был адъютант маршала Тухачевского — Смутный.

—Здравствуйте, Иван Алексеевич, — приветливо сказал маршал.

—Здравствуйте, Михаил Николаевич, — просто ответил Смутный, пожимая руку начальника. По спокойным дружелюбным интонациям голосов обоих чувствовалось, что маршала и его адъютанта связывают долгие годы совместной работы. И в самом деле, хотя Смутный из-за своей молодости не был участником гражданской войны, тем не менее, он уже более десяти лет был бессменным адъютантом Тухачевского — как командующего округом, начальника военной академии, начальника генерального штаба и, наконец, замнаркома обороны.

Эта долгая совместная работа связала их не только тесными служебными, но почти и дружескими узами. Оба были — как хорошо пригнанные и смазанные колеса одной машины.

—Много набралось для доклада?

По тону маршала Смутный понял, что тот сегодня "не в ударе", что его мысли далеки от бумаг и службы. И действительно лицо Тухачевского было задумчивым и каким-то ушедшим в себя.

—Бумаг хватает, — мягко ответил адъютант и, ловя настроение начальника добавил: —Но особо срочных нет.

—Вот и хорошо. А кто на прием?

—В 10 часов товарищ Уборевич. В 10.45 товарищ Дегтярев из ТОЗ*). В 11.15 товарищ Гамарник.

—Та-а-а-к. Ну, ладно. Пока что, Иван Алексеевич, отложите свой утренний доклад. Я хочу побыть один и кое-что прикинуть. И выключите мои телефоны, чтобы меня не беспокоили.

Последние слова Тухачевский произнес без ударения, но твердым командным тоном. Вышло это у него естественно и непринужденно, но Смутный почувствовал, что эти спокойные слова — приказание не Ивану Алексеевичу, почти другу, а адъютанту и по службе. Поэтому он коротко, так же по-служебному ответил:

—Есть, товарищ маршал!

***

В своем роскошном кабинете, обставленном старинной мебелью красного дерева, батальными картинами русской истории, шкафами с книгами, мягкими креслами и чудесным персидским ковром, Тухачевский не сел за свой большой письменный стол. Он зажег старую привычную трубку, раскрыл окно и стал рассеянно смотреть на пеструю панораму утренней Москвы, еще окутанной туманом. Советская Россия летом жила, переставив часы на 2 вперед, поэтому воздух еще был напоен радостной утренней свежестью и дали были покрыты светлыми полосами испаряющейся ночной росы.

Тухачевский смотрел и не видел чудесной красоты Божьего утра. Его мысли с напряжением сложной, тонкой машины решали какое-то трудное уравнение со многими неизвестными. Уже не раз маршалу в своей яркой, необыкновенно богатой событиями, приключениями и опасностями жизни приходилось решать сложнейшие жизненные задачи. Но теперь перед ним вставал новый, неизмеримо более больной и трудный, чем раньше, вопрос о решительном и резком повороте его судьбы вместе с судьбой всей страны.

Необычайно сложным было положение СССР в 1936 году. Оправившись от крутого "перегиба" в практике коллективизации крестьянских хозяйств, заплатив за это "головокружение от успехов" страшным голодом, дополнительно к жертвам коллективизации унесшим еще более пяти миллионов человеческих жизней, страна начинала дышать, как дышит человек, с горла которого грабитель, отняв кошелек, только что снял душившую руку. С каждым дыханием жизнь вливалась в жилы, с каждым движением груди розовели посиневшие было щеки, начинали осмысленно и живо блестеть глаза, перестали дрожать пальцы, и радость вновь обретенной жизни проникала в каждую клеточку громадного тела. Вопреки мертвящему дав-

*) Тульский оружейный завод.

лению идеи коммунизма плюс большевистская практика, вопреки безжалостному прессу партийного аппарата, несмотря на беспощадный террор, уничтоживший и старую ленинскую гвардию и лучшие ростки молодого поколения — все же сильный по своей натуре народ оживал. Казалось, даже угар революционного прошлого выветривался не только из молодых, но даже и из голов старых партийцев. Былая героика интернационализма постепенно уступала свое место здоровому, эгоистическому национальному чувству народа. Прогнозы Ленина насчет мировой революции не оправдывались. Еще горящий, но уже обреченный, костер гражданской войны в Испании не только мало интересовал страну в целом, но даже и соратникам Ленина становилось все более ясно, что даже на полях и в горах Испании их интернациональная ставка бита.

Пути кровавых революций сменялись бескровными внутренними переворотами. Италия, Венгрия, Германия, Португалия, Ирландия — все они искали новых форм соцальной жизни. И эти формы доказывали свою жизненность. Одновременно с этим становилось все яснее, что Советский Союз перестает быть "единственной надеждой", "факелом революции", "примером для миллиардов угнетенных всего мира" и пр. Опыт России оказался очень ярким, но слишком кровавым и дорогим и, в конце концов, очень уж спорным. Это чувствовали даже те, кто еще во времена царизма отдавал свои лучшие годы идее мировой революции. Как ни горько было признаваться, но история шла не по предначертанным Марксом и Лениным путям. Ставка на мировую революцию, как на самостоятельный, неизбежный, стихийный взрыв рабочих масс в капиталистических странах — в глазах одних была проиграна, в глазах других — отодвинута на неопределенно далекое время. Но жизнь здесь, рядом, в родной стране, не ждала. Она требовала нормализации, исправления перегибов, ошибок и крайностей. Росло законное чувство: для внутри — "Дайте хоть немножко пожить мирно и спокойно": для во вне — "Не тронь меня, и я тебя не трону". Эти чувства охватывали массу народа и подходили, как прибой, к стенам Кремля. Постоянное напряжение, постоянный бой утомили всех. И только мрачный грузин с узким лбом и нависшими черными усами не обращал внимания на требования жизни и не собирался считаться с нуждами и интересами страны.

Он фанатически упрямо вел линию на сохранение своей личной власти, не давая выхода наверх ни молодым, свежим силам, ни народной инициативе, ни народным стремлениям к переменам. Вот откуда родилось недовольство в среде молодежи и заговоры в среде партийцев, и необходимость зажимать в кулаке ростки новой жизни, грозящей пошатнуть воздвигнутый на крови и костях красный трон, и уже в течение нескольких лет гремели свирепые судебные приговоры "вредителям"

и "шпионам", "диверсантам" и "заговорщикам", "изменникам" и "наемникам фашизма". Всякое стремление к свободе жизни неизменно понималось мрачным грузином, как попытка пересмотра тех основ, на которых установил он свою власть и свою карьеру. Тяжкий путь прошел он до вершины диктаторской власти, гораздо более самодержавной, чем имели российские императоры в старину. Много крови пролил на этом пути, много предательств и ударов исподтишка нанес своим врагам и соперникам и теперь, победив, не хотел ни с кем и ни с чем делить свою власть. Вот почему в подвалах ЧК тысячи пуль не переставали бить в затылки — юношеские, с глубокими нежными впадинками, крепкие — мужественных взрослых бойцов и седые, старческие — старой гвардии Ленина...

Кто был не со Сталиным, кто имел свои мнения и стремления, кто не только вел борьбу против него, но даже те, что потенциально могли бы быть ему опасными на пути к сохранению власти — все были обречены. С лукавством восточного человека диктатор выдвинул точку зрения: кто против Сталина —тот против революции... Поэтому не только его противники, но даже сомневающиеся, инакомыслящие, опасные считались контрреволюционерами со всеми вытекающими для них последствиями...

Вот о чем думал маршал Тухачевский, шагая по мягкому ковру своего кабинета из угла в угол и забывая про потухающую трубку. И было о чем думать!.. Тухачевский знал, что война с Западом так или иначе, рано или поздно — неизбежна. Все равно, какая война — наступательная или оборонительная. Либо Сталин бросит Красную армию на Европу, либо кто-нибудь из алчных соседей попытается урвать от России лакомый кусок земли. Какая будет война — еще не ясно. Но она будет!.. Но если военная гроза обрушится на страну, когда та находится в состоянии внутрених потрясений? Тогда что? На далеком востоке военной бури еще, может быть, можно было избежать: слишком глубоко была заинтересована задыхающаяся на своих островах Япония в Китае, чтобы бросить свою судьбу на весы еще в одной войне с СССР. Ведь Красная армия 1936 года — это не отсталая и устаревшая, по своему вооружению и командованию, армия Николая II. Да и до Токио от Владивостока только 20 минут лету... А ничто реальное, экономическое не давило Японию в сторону войны с Новой Россией. Ведь сбоку Китай — несравненно более близкая и легкая добыча. Страна, подходящая по климату изнеженным постоянной теплотой сынам Ниппона... Нет, не с востока нужно ждать грозы. Запад страшнее!

Маршал подошел к карте. Странными зигзагами шла линия границ распухшей Польши, жадно ухватившей куски исконных русских и германских земель. "Велька Польска от мо-

жа до можа"... К северному Балтийскому "можу" Польша уже пробилась, правда, на берег шириной только в 30 километров. А за чей счет хочет она прорваться к теплому Черному "можу"? Кто откажется от благодатной Украины, если... если только представится малейшая возможность силой включить ее в свои границы и потом "научно и исторически" доказать свое исконное право на эти земли?

Тухачевский усмехнулся и жестокая складка легла у его губ. Он вспомнил, как 16 лет тому назад, молодым 26-летним главнокомандующим армиями Советской России, рванулся он на эту заносчивую и жадную Польшу, пытавшуюся, пользуясь революционной лихорадкой громадной страны, оттяпать втихомолку украинскую жемчужину. Ленин тогда дал ему простое задание: "Прощупать красным штыком пузо панской Польши, да так, чтобы этот штык вошел в Варшаву, а вышел прямо на Рейне". И почти сбылось пожелание Ленина. Бурной громовой волной покатились красные армии на Варшаву. Казалось, что ничто не в силах спасти польскую столицу. Разбитые армии неудачливого маршала Пилсудского отступали темпом, близким к отчаянному бегству. "Даешь Варшаву! Дай Берлин!" — ревели опьяненные победами, охрипшие глотки красноармейцев. Восстановленная после полуторавекового государственного небытия, Польша казалась вновь обреченной на гибель.

Но она была только первым объектом атаки Коминтерна на Европу. За Польшей, уже полуразбитой, лежала в бессилии Германия, только что перенесшая жестокое поражение и революционную лихорадку — спартаковщину. Обезоруженная, обескровленная, обессиленная войной, голодом и репарациями, Германия не была барьером против красной волны. Не Франции же остановить напор победоносных армий красного Бонапарта — Тухачевского?

Летом 1920 года судьба Польши и Европы висела на волоске. И волосок этот тянулся на юг, куда бушующим ураганом неслась Первая конная Буденного со Сталиным и Ворошиловым, членами Реввоенсовета. Эта армия должна была от Брод круто повернуть на север к Варшаве, для поддержки главного удара Красной армии. Вместо этого она рванулась на юг, богатый польский юг, где было что пограбить оборванным полчищам Буденного. Напрасно давал Тухачевский телеграмму за телеграммой остановить стратегически бесполезный эффектный набег на Львов и поддержать его основной удар на Варшаву, где решалась судьба всей кампании.

Но успехи пьянили и солдат и командиров. "Даешь Львов!" — ревели оборванные конные пролетарии Буденного, а Сталин только насмешливо отмахивался в ответ на приказы командующего фронтом и продолжал свою бешеную скачку на

юг. Своя собственная слава и добыча манили и влекли. Чего там помогать Мишке Тухачу? Мы и сами с усами!..

И когда на волнах эфира прилетел, наконец, категорический и свирепый (с угрозой расстрела!) приказ самого Ленина (а он умел приказывать и наказывать!), матерясь и проклиная все и вся, так и не добравшись ни к богатой добыче, ни к европейской славе, Буденный бросился к Варшаве, — было уже поздно. Оправившаяся кавалерия Галлера остановила его под Замостьем. Когда он все же прорвался к Варшаве, то застал армии Тухачевского в отступлении. Несколько часов опоздания оказались роковыми. История уже перевернула свою страницу. Опытный, спокойный стратег, французский генерал Вейган, прилетевший из Парижа на выручку, угадал слабое место растянувшихся в бешеном напоре армий "красного Бонапарта" и ударил отчаянным ударом собранных в кулак последних сил в место слабого стыка, по тылам армии Хведина, в прошлом саратовского парикмахера. Свершилось, как говорили после поляки, "Чудо на Висле". Варшава, Польша и Европа были спасены...

Тухачевский скрипнул зубами, вспомнив страшный разгром своих армий. Только несколько километров оставалось до Варшавы. Не будь тогда влияния этого хитрого, себе на уме, честолюбивого грузина, толкавшего простецкого Буденного на завоевание собственной славы, история сложилась бы иначе... Иногда грамм, сантиметр, секунда, слово, жест, короткое решение — решают судьбу...

Тогда, в 1920 году, Европа была спасена случайностью. Волосок, на котором висела ее судьба, случайно выдержал. А если бы?.. Куда вынес бы ураган побед над Европой самого Тухачевского? . . Эх! . . Пусть потом, после разбора причин неудачи самим Лениным, Сталин был отстранен от военного руководства, а Ворошилов получил взбучку, но того, что было потеряно — удачного момента и ситуации — не воротишь назад.

Ну, а теперь? Польша, правда, та же. То же самоуверенное, панское чванство, тот же хаос, та же внутренняя борьба в стране. Нет, Польша не страшна теперь. Но за ее спиной выросла крепкая сила новой Германии. За декоративной стеной хвастливых польских орлов наливается военной силой громадная страна, обойденная на мировом пиру, затаившая обиду, злобу и ярость, и готовая на все усилия, на все жертвы. Страна, нашедшая себе национально-объединяющую идею возрождения и реванша, и нового вождя-фанатика, яркого носителя идеи национализма, сплочения, дисциплины, мощи и организации. И эта молчаливая сила растет и крепнет. Она политически враждебна Советам, она перестает скрывать свою жажду гегемонии в Европе и, кроме того, она задыхается в своих песчаных бедных землях. У нее отняты колонии и она жаждет

*

Маршал Тухачевский, расстрелянный 12 мая 1937 г. по приговору Верховного суда. Считался самым молодым красным маршалом. Ему было 43 года. Он происходит из дворянской семьи; получил военное образование в Александровском военном училище. 27 марта 1958 г. реабилитирован и восстановлен в его военных чинах.

*

земли. "Дранг нах остен“ становится все яснее и яснее лозунгом просыпающейся активности и агрессивности новой Германии.

Старые идеи тевтонского владычества над "диким славянским востоком“ опять проснулись в стране, лихорадочно подстегивающей деторождение и "пушкорождение“. Для избытка народонаселения Германия не видела иного выхода, как отобрать "Лебенсраум“, — жизненное пространство, — у других... Принцип морали каннибала царствовал в государственной политике наци: "зло — это когда у меня украдут и добро — когда я сам украду“... Правда, ленинский принцип мало чем отличался от этого — "морально то, что служит делу революции“...

Но не его, полководца, дело было разбираться в таких щекотливых тонкостях. Пусть дипломаты и политики судят, когда объявить войну, философы — как оправдать ее, а журналисты и поэты — как зажечь боевой огонь. Его дело, дело военного организатора, думать о том, чтобы армия была готова к наступлению и обороне... Но если война неизбежна, то готова ли **уже** Россия к этому страшному испытанию?

Опять потухла трубка. Тухачевский нервно выколотил ее о борт пепельницы, набил табаком и снова голубой дымок лаской пробежал по его нахмуренному лбу. Затянувшись несколько раз, маршал в задумчивости подошел к открытому окну... Откуда-то издалека донеслись гулкие шаги шедшей по улице военной части.

> **“Если завтра война...**

завел высокий чистый тенор, и хор дружно подхватил:

> **Всколыхнется страна**
> **От Кронштадта до Владивостока...**
> **Всколыхнется страна, —**

опять прозвенел тенор, и опять уверенно и твердо загремел хор:

> **“Велика и сильна,**
> **И врага разобьем мы жестоко...**
> **На земле, в небесах и на море...**
> **Наш напев и могуч и суров:**
> **Если завтра война, если завтра в поход,**
> **Мы сегодня к походу готовы!..”**

Замерла вдали песня, а Тухачевский все еще стоял у открытого окна и невидящим взором глядел вдаль. Сияющее летнее утро рисовалось перед его глазами не как картина чудесного Божьего мира, а как прекрасный период для наступления пехоты. Опять в его памяти всплыли дни наступления его армий в советско-польской войне. Вот в точно такое же прекрасное летнее утро, по его приказу, начался "поход“ и миллионы пошли на "штурм форпостов гнилой буржуазной Европы“. Как когда-то, более тысячи лет тому назад, орды гуннов медленно катились на запад, так и недавно, только 16

лет назад, его красные полчища неслись, опьяненные жаждой грабежа, убийства и мести, на Польшу, а за ней — на Европу.

Тухачевский знал, что не для защиты своей земли, не для распространения идеи коммунизма с такой охотой рвались вперед его войска, разношерстные, оборванные, опаленные огнем великой и гражданской войн. Маршал был достаточно объективным и умным политиком, чтобы понимать, **что** двигало тогда его войска вперед. Но... какое ему было дело до внутренних побуждений этих миллионов? Зачем было Аттиле или Чингисхану анализировать побуждения своих диких воинов, с бешеным упоением катившихся на запад? Какое дело было Тухачевскому до пружин, гнавших оборванных злых красноармейцев на сытую Европу?

Для него, как и для Наполеона, людские жизни были только цифрами для решения политических или личных задач. Но если у Наполеона была, в его стремлениях, какая-то идея Единой Европы, то для Тухачевского человеческие трупы были только ступеньками его личной карьеры. Что ему до человеческих нулей? Ведь на волнах, на спине этого многомиллионного русского солдата выносилась вперед в Европу, в мир, его, Тухачевского, кровавая военная слава!.. И именно в такое радостное сияющее летнее утро, 16 лет тому назад...

Маршал тряхнул головой, отгоняя воспоминания... Да, пожар войны пронесся тогда по западу России, опустошив поля, нагромоздив горы трупов, но не дав ему, Тухачевскому, того, чего он ждал и жаждал: признанной Европой славы нового Бонапарта. Слава крупнейшего красного полководца у него уже была в результате блестящих побед над Колчаком, Деникиным, мятежным Кронштадтом и факелами крестьянских восстаний Антонова. Но разве это настоящая слава? Победы над своими же русскими белогвардейскими генералами на внутреннем фронте... Разве понимал средний европейский обыватель разницу между "генералом Харьковым“ и "городом Деникиным“?.. Нет, ему нужна настоящая европейская и мировая слава; именно та, которой ему в том роковом 1920 году достичь не удалось...

Но если война в самом деле неизбежна, разве не вынесет она его, так же неизбежно, на ту высоту, которой ему не удалось достичь тогда? Ведь теперь Россия была куда более готова к войне. Технически готова. Ну... а морально?.. Разве все эти разгромы и расстрелы последних лет, которые так широко практикует в борьбе за свою власть Сталин, не есть ли это ослабление духа страны перед решающими боями? Разве все эти странные, фанатические опыты над телом страны — разве это не обескровление народа? Ведь за последние годы: в эпоху коллективизации 1929-30 г. г. и в эпоху голода, вызванного этой коллективизацией, страна была так слаба, что даже такой

ничтожный противник, как Польша, мог сбить ее с ног. К счастью, Польша не готова была для удара. А теперь? Бой предстоял не на жизнь, а на смерть. Готова ли страна, не только технически, но и по своему духу, к этому страшному напряжению?

Что касается техники вооружений, Тухачевский готовил Красную армию к предстоящим кровавым испытаниям со всей своей энергией и способностями. Но духовно — что теперь собою представляет и что думает русский народ, — особенно молодежь? Что зреет в его душе? Пойдет ли он за старыми лозунгами Красной армии? Когда-то, во времена гражданской войны, молодежь с воодушевлением пела:

> **—"Великая радость, высокая честь:**
> **Гренадская волость в Испании есть...**
> **Я хату покинул, пошел воевать,**
> **Чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать!"**

Конечно, русская молодежь всегда была идеалистической, искавшей справедливости, так сказать "богоискательской", а не "богоборческой". И в царское время и в начале революции ее можно было воспламенить идеей "освобождения человечества от цепей капитализма"... Тогда ее еще можно было обмануть, пустить пыли в глаза. Теперь она — много реалистичней и не "Гренадой" поднять ее на подвиг, на смерть.. Что скажет теперь "молодой русский сфинкс", когда над ним труба прогремит "поход"? Не спросит ли этот сфинкс: —"Куда, зачем?.. Для России или против России?" Не так легко это решить!

42 процента всего населения СССР родилось после 1917 года. Что знают они о прошлом? Моисей вел свой народ по пустыне 40 лет. Мудрено ли, что первая зелень, первая плодородная земля вызвала их восторг? Октябрь провел не борозду, а ров, даже пропасть между прошлым и будущим. Теперь молодежь иная, она бурлит, она ищет, хотя, может быть, и сама не знает, чего ей нужно... За что и за кого она будет охотнее всего драться?

Все это нужно было понять, проанализировать и установить. По Муссолини — "Если какие-либо события, какие-либо процессы неизбежны, — лучше быть вместе с ними, чем против них". А может быть, даже ускорить их течение и взойти на поднимающуюся волну? Конечно, думать и решать нужно отдельно от массы, от народа, но действовать нужно, сливаясь с миллионами. Только тогда успех обеспечен. И успех решительный и мирового масштаба... Ведь если искра падает сверху, пламя всегда поднимается снизу! Страна бурлила и крепла. Сила опять стала переливаться по жилочкам буйным живчиком... Но в какие формы выльются эти бурлящие инстинктивные стремления народа? Чего хочет новая молодежь и какие идеа-

лы владеют ее душой? Кто герой ее сердца? Кого и что готова она полюбить? За кем и за чем она пойдет?

Вот какие мысли жгли маршала Тухачевского. Он чувствовал свою силу и был беспредельно уверен в себе. Разве он не был героем беспримерных пяти побегов из тяжкого германского плена? Разве не был он в 23 года командующим армией, победителем в кровавой гражданской войне? Разве не был он 26-летним юнцом единогласно назначен кремлевским военным советом главнокомандующим многомиллионной Красной армии, направившей свои штыки против буржуазной Европы? Разве не был он бестрепетным суровым солдатом, не задумывавшимся над высотой вала из трупов и перед глубиной моря человеческой крови?..

Нет, не в достатке сил и мужества был вопрос, а в том, **куда** направить эти силы? В каком политическом направлении пойти, чтобы быть уверенным, что за ним, блестящим маршалом Тухачевским, пойдет теперь та самая молодежь, которая не видела и не имела личных причин ненавидеть царизм, которая не боялась ни Бога, ни чорта, ни даже тяжелой руки мрачного грузина, ощутимой в жизни более близко, чем Бог или чорт?..

Вот почему Тухачевский незаметно, сопровождаемый только своим верным шофером, старым другом еще по гражданской войне, все чаще и чаще выезжал в город, нырял в гущу народа и там, под маской простого рабочего, старался понять, **чем** живет теперешняя русская молодежь, **чем** можно поднять ее на военный героизм и **куда** нужно вести ее с уверенностью в **успехе?..**

**
*

В кабинете адъютанта приглушенно запел телефон.

—Да... Адъютант замнаркома обороны слушает.

—Маршал Тухачевский у себя?

—Да. Кто говорит?

—Секретарь Наркомвнудела. Соедините, пожалуйста, с маршалом лично.

—Маршал сейчас занят и приказал себя до 10 часов не беспокоить. Позвоните, пожалуйста, немного позже.

—Соединение с маршалом нужно не позже, а именно теперь. Кто говорит?

—Говорит адъютант маршала Смутный. Прошу позвонить позже. Я получил точное приказание и нарушать его не могу. До свиданья...

Смутный положил трубку и презрительно усмехнулся. Как все военные, он относился к политической полиции свысока и недоброжелательно. Он прекрасно знал, что настоящим строителем, вождем и мозгом Красной армии является не дубоватый Ворошилов, не начштаба Шапошников, не маршалы Егоров,

Буденный или Блюхер, не начальник ПУР-а*) Гамарник, а Тухачевский, его прямой начальник. Вот почему он смело и резко прервал разговор с НКВД и положил трубку. Адъютанту Тухачевского можно было не особенно бояться советской политической полиции. Но не успел он просмотреть нескольких бумаг, лежавших перед ним на столе, как загудел другой телефон. Эта линия была самой важной — кремлевской: личная связь наркомов, их заместителей и партийной верхушки.

—Алло?.. Адъютант маршала Тухачевского слушает.

—Соедините лично с маршалом!

Сухой голос говорил без всякого выражения, но таким тоном, словно ему и в голову не могло придти, что его распоряжение могло быть задержано в исполнении.

—Маршал приказал себя ни в коем случае не беспокоить... К сожалению...

—Товарищ! Перестаньте терять время на объяснения и соедините немедленно.

—А кто говорит?

—Ягода.

Смутный неслышно присвистнул.

—Есть, товарищ нарком!

—И вообще имейте в виду, товарищ... Смутный, что если наркомвнудел чего-нибудь требует, я рекомендовал бы вам выполнять эти распоряжения немедленно.

—Но мне маршал приказал...

—Не прикидывайтесь наивным, товарищ, и не задерживайте. И не забудьте, что я своих слов на ветер не бросаю.

—Есть, товарищ нарком.

Смутный недовольно скривился и перевел какой-то рычаг.

***

Маршал Тухачевский неподвижно стоял у окна и невидящим взором смотрел на панораму Москвы. Клубки напряженнейших мыслей теснились в его голове. Он знал свою волю и свою силу. Если бы только нашелся выверенный прицел, направление, точно взвешенное и обоснованное. Пусть даже риск! Сколько раз рисковал он своей жизнью и жизнями подчиненных ему миллионов? Не в этом суть. Нельзя ведь только пассивно ждать наступления неизбежных бурных событий. Нужно идти им навстречу. Но какой дорогой?.. Куда теперь, именно уже теперь, направить свои силы? На какую лошадь ставить свою ставку в предстоящем финале? На Сталина и беспрекословное ему подчинение? На старую гвардию и идеи мировой революции? На новых карьеристов, тесно обступивших Кремль и думающих только о своей шкуре, своем желудке?.. На молодежь?.. Да, конечно, на молодежь. Ведь это всегда ставка без проигрыша. Будущее всегда за молодежью. Но куда звать ее,

*) Политическое управление Реввоенсовета.

эту бурлящую, горящую молодежь? Как учесть ее внутренние импульсы?..

Да, в жизни страны предчувствовались неизбежные перемены. Но какие? В какую сторону? На какие глубинные инстинкты народа и, особенно, молодежи ставить теперь ставку? На революционный пафос, как в 1918-1919 годах? На классовую ненависть к помещикам, фабрикантам, капиталистам, "буржуям", "фашистам"? На защиту "завоеваний Октября"? На инстинкт грабежа богатых соседей? Или просто на старые боевые инстинкты русского солдата? А религия, а национальное чувство, а стремление к нормализации жизни? А усталость от террора и экспериментов? А недоумение от волны чудовищных по скандальности процессов и расстрелов? А разочарование старой гвардии, старых властителей дум, сподвижников Ленина — теперь "предателей и изменников рабочему делу"?.. А волна сопротивления власти, саботаж, убийства, глухой ропот страны?.. В этом кипящем котле народной жизни, еще не устоявшейся, еще ищущей своих путей — на что и на кого ставить? Куда направить творческие силы Новой России, на что поставить ставку в предстоящей боевой буре и куда рвануть свою переливающуюся через край энергию?..

Тухачевский так задумался, что даже мягкий звук телефонного вызова заставил его легонько вздрогнуть. Он нахмурил брови и недовольно снял трубку.

—Ну, что там, Смутный?.. Ведь я приказал...

—Прошу прощения, товарищ маршал... Товарищ Ягода настойчиво просит вас к телефону.

Тухачевский недовольно скривился и взял другую трубку.

—Да... Я слушаю.

—Здравствуйте, Михаил Николаевич. Говорит Ягода.

—Здравствуйте, Генрих Григорьевич. Слушаю вас.

—Сегодня на Ходынском аэродроме первый большой полет "Максима Горького" с лучшими ударниками Москвы. Было бы, на мой взгляд, весьма желательно ваше присутствие.

—Но ведь военного характера этот полет иметь не будет?

—Военного — нет, но политический — несомненно. Будут представители иностранных посольств, многие из Кремля, может быть, даже сам Иосиф Виссарионович... И вообще, при всяком торжественном выступлении, я считаю весьма важным, чтобы наши советские военные вожди показывались пролетариату, так сказать, крепили "рабоче-крестьянскую смычку".

В телефоне послышался сухой скрипучий смешок.

—Вы правы, Генрих Григорьевич. Я буду. Во сколько времени?

—Ровно в двенадцать.

—Спасибо. Я буду непременно...

Тухачевский положил трубку и на минуту задумался. Ко-

нечно, Ягода был прав. На полет "Максима Горького" приедут многие из руководителей страны. Недаром ведь "Максим" — гордость советской авиации, шестимоторный гигант, которому нет равного во всем мире. Кстати, там будет, наверно, и сам инженер Туполев, строитель гиганта... А Тухачевскому давно нужно было поговорить "по душам" с этим выдающимся конструктором.

В дверь постучали и вошел Смутный.

—Десять часов, товарищ маршал. Командарм Уборевич здесь.

—Ага,— довольно воскликнул Тухачевский с оживившимися глазами. —Проси его ко мне.

Между Тухачевским и командующим войсками Белорусского военного округа была старая дружба, еще с времен великой войны. Как и Тухачевский, Уборевич был скромным молодым офицером, когда грянула Октябрьская революция. Оба они отдали свои шпаги новой власти и обильно покрыли их братской кровью в бурях гражданской войны. Уборевич был человеком несколько иного стиля, чем Тухачевский: менее честолюбивым, менее талантливым в военном деле, но зато чрезвычайно усидчивым, настойчивым и влюбленным в военную технику. Он чрезвычайно высоко поставил свой пограничный округ в области подготовки, что без особой радости, но объективно подтверждали даже его западные соседи. Именно Уборевич был основным "микробом" усиления военной техники и моторизации Красной армии, и после победы его идей, он был теперь вместе с Тухачевским душой этого преобразования.

Не встречая поддержки своим идеям среди героев гражданской войны, случайных военных — Ворошилова, Щаденко, Буденного, Дыбенко и др., — для которых яростный безоглядный напор и революционный энтузиазм оставались главным оружием армии, Уборевич еще в 1931 году осторожно и умело подготовил группу выдающихся военных во главе с Блюхером — "генералом Немо" — для доклада Сталину. В результате этого доклада Сталин, убежденный в том, что необходим поворот в сторону реорганизации, технизации, моторизации и пр. армии назначил Тухачевского, самого выдающегося красного полководца, заместителем Ворошилова и дал свое согласие на коренную ломку в подготовке армии.

На место старого лозунга красных партизан, в свое время выигравших гражданскую войну, "овладеть большевизмом" выдвинулся новый: "овладеть боевой техникой". Политика стала отодвигаться на второй план. Люди боевой техники, люди организации и дисциплины стали выходить вперед. Старые рубаки времен гражданской войны смотрели весьма косо на усилия и выдвижение новых "военспецов" и каждая их победа — новый миллион рублей по смете, каждый новый вид ору-

жия, каждое усиление техники в ущерб политруку, шашке и штыку, — доставался в постоянной борьбе на заседаниях Военного совета. Подготовке такого рода борьбы на очередном заседании Военсовета была посвящена и сегодняшняя встреча старых друзей.

Уборевич, маленький, сухой человек, с вечно дрожащими стеклами пенсне, был известен, между прочим, тем, что никогда весело не смеялся и почти никогда не улыбался. Теперь, здороваясь со старым другом, он легонько усмехнулся. Тухачевский знал, как это много значит, и дружелюбно похлопал его по плечу.

—Здорово, здорово, старый' зубр... Что, брат, скоро, Бог даст, твою родимую Беловежскую Пущу назад от поляков отберем? А?

Уборевич, белорус, уверенно качнул головой.

—Ну, конечно, Миша. Неизбежное — неизбежно. Разве нормально, чтобы часть исконных русских земель и русского племени была долго под панской властью? Отберем, Миша! Дай только срок. Вырвем обратно с мясом.

Тухачевский с видимым удовольствием слушал голос друга. Он быстро достал из бокового шкафа бутылку старого коньяку и налил две стопочки.

—Ну, Иероним, глотнем по маленькой, дружище, чтобы мозги просветлели. Твое здоровье.

—Твое, Миша...

Через несколько минут они оба с напряжением вглядывались в чертежи и схемы, привезенные Уборевичем. Через несколько дней предстоял доклад-сражение в Военном совете о пятилетнем плане военной промышленности.

—По вопросу об авиазаводах, сам понимаешь, Миша, —тихо и серьезно говорил Уборевич, — нам нужно другой упор делать — не на военное самолетостроение, а на гражданское. Военных самолетов впрок запасать — дело ненужное. Только трата денег и материалов. В этой области такой постоянный прогресс, что каждые 2-3 года старые типы самолетов уходят в прошлое, устаревают безнадежно. Здесь нам нужно сделать упор на гражданскую авиацию и подготовку пилотов. И поставить дело так, что при нужде все это могло бы быстро перестроиться на военную ногу и на военные нужды. Тут вот, — Уборевич показал на карту-схему, — наша авиаиндустрия все больше и больше должна перебираться на восток. На Урал и дальше. Именно там будет центр авиапромышленности. Имея всегда новейшие модели и следя за прогрессом самолетостроения за границей, мы всегда, в любой момент можем наладить серийное изготовление воздушного флота — "последнего крика небесной моды"...

—А с Туполевым ты говорил уже по этому вопросу?

—Конечно. Это больше его проекты и есть. Он, кстати, обещает еще много сюрпризов в области авиаконструкции. Ведь после триумфа его машин в перелетах по Европе и в Америку его слава сделалась мировой. Да и верно — строит он великолепно — иностранцы завидуют.

—Да, талантливые у нас люди, что и говорить. Вот нам бы из Америки еще трех русских "С" — Сикорского, да Северского, да Сергиевского*) к нам перетащить — дали бы мы забот и беспокойства соседям.

—Ну, это трудновато — слишком эти русские орлы белые, безоглядно белые. Не пойдут.

—Да, не пойдут, пока наша армия очень уж красная, интернациональная... Но ведь этот алый цвет постепенно с нашей армии сползает!.. Разве не похоже, что как в духовно придавленной Германии сам собой вырос этакий немецкий "национал-социализм", так и у нас везде стихийно растет что-то вроде русского "национал-большевизма"? Что-то, раньше задавленное **русское** так само и выпирает на поверхность жизни? Как по-твоему, Иероним?

Уборевич поднял на друга и начальника свои умные глаза. К блеску стекол пенсне добавился острый блеск глаз. Тонкие сухие губы шевельнулись в понимающей усмешке, словно командарм даже не хотел и касаться этой, само собой подразумевавшейся темы. Несколько секунд длилось молчание. Потом Уборевич опустил глаза на бумаги и продолжал, не отвечая на вопрос Тухачевского, как будто этого вопроса не было.

—Ну, теперь слушай относительно танков. С этим дело легче. Тут прогресс моделей много медленнее, да и оружие более массовое. Смотри — вот чертежи и планы, как наши колхозные тракторы в броню одеть и вооружение ставить. Путиловцы и фордзоны пойдут тягачами в артиллерию, а все гусеницы — на танки. Конечно, кое-какие изменения в конструкции тракторов, особенно в катерпиллярах, потребуются и по этому поводу мы с тобой будем иметь еще один лишний бой.

Тухачевский молча пожал плечами.

—Правда, это дело привычное. Теперь смотри дальше. Мы имеем на наших полях около 210.000 тракторов, на треть катерпилларов челябинского, харьковского и сталинградского заводов. Годовое производство машин доходит до 40.000 штук. Нужно его еще усилить, тем более, что это совпадает с интересами сельского хозяйства. Это же сельское хозяйство отблагодарит нас запасами продовольствия, рассчитанными на длительную войну. Теперь, брат, коротеньких войн что-то не бывает. Ерунда все эти "блиц-криги"! Все годами, как в Китае, например... Нам ведь нужно предполагать худшее и готовить-

*) Знаменитые конструкторы и летчики.

ся к нему. Мы не Ренненкампфы, которые в августе 1914 года руку давали на отсечение, что через 4 месяца будут в Берлине!

Друзья негромко рассмеялись. Тухачевский указал на ожидающую стопочку коньяку.

—Да, что и говорить, ге-не-ра-лы были — презрительно протянул маршал. — Сколько молодежи даром погубили, но своих рук, небось, не отрубили. Ну, да чорт с ними... Словом, Иероним, по всем твоим вопросам предстоит неминуемая драка? И с хозяйственниками, и с нашими "красными генералами"?.. Ох, брат, беда с этими нашими сиволапыми героями. Это все люди с отдавленными мозолями. Гонору на рубль, а знаний на копейку. А кругозора и того меньше. Веришь — Сталину докладывать, — одно удовольствие. Он помолчит, пососет свою трубку и скажет коротко, но толково. А вот Климу докладывать... Пока в его упрямую башку что-нибудь вдолбишь — ярость вспыхнет. "Вожжди" ... Им бы, в лучшем случае, ротой командовать, да и то в гражданской войне... "Чорт побери! Что мы будем смотреть, товарищи?" передразнил он знаменитую летучую фразу Ворошилова. Им всем думать — мука мученическая. Им все бы — "В атаку, ребята! Что там смотреть!.." Хоть на пулеметы. А об малой крови они и не думают. Телами завалить, кровью залить! Вояки. Все бы "на ура"... Хорошо, что Клим теперь в отпуску, со всем своим гаремом. Где-то в Сочи. Нужно воспользоваться моментом и все важное провернуть без него.

—Ничего, Миша, — уверенно и спокойно откликнулся Уборевич. —Все равно наша возьмет. История на нашей стороне.

—Да-да-да... "История". А знаешь, как говорят на Украине — "доки сонце взийде — роса очи выисть"... Историю, брат, иногда и подталкивать нужно. История... А что, если, например, наш Ягода вздумает и у нас, в армии, свои процессы устраивать? А? Что тогда? Сам понимаешь: армия — это последний ресурс страны, последняя защита, наше богатство. Партия разгромлена. А что, если теперь к нам лапы Ягоды потянутся?

Последнюю фразу Тухачевский произнес пониженным тоном и испытующе поглядел на своего друга. Тот опять ответил ему понимающим взглядом и пожал плечами.

—Да... Избави Бог. Мы сумели поднять армию на европейскую высоту. Но если ей устроят вивисекцию, как ленинской гвардии, пропали все наши труды...

—Вот то-то и оно, — глухо сказал маршал, молча налил еще по стопке коньяку и придвинул другу ящик сигар. Собеседники, отойдя от стола, заваленного бумагами, удобно расположились в мягких кожаных креслах и молчали несколько минут.

—Вот то-то оно и есть, — тихо повторил, наконец, Туха-

чевский, посасывая трубку и словно отвечая на мысли обоих. —Выходит, брат, не очень весело... Ко мне вот через час придет Гамарник, согласовывать инструкции ПУР'а — объяснения, почему, мол, расстреляны и Зиновьев, и Каменев, и Бухарин, ну и прочие из числа "красы и гордости революции". Простой пролетарской голове это не так просто объяснить. Да и можно ли объяснить эту гнусность вообще?.. А если эти Ягоды, Вышинские да Ульрихи вздумают такие процессы и среди командиров устраивать — что тогда? Так и смотреть?

Уборевич ответил не сразу. Молча опустив глаза, он медленно выпил свою рюмку, пыхнул сигарой и потом прямо посмотрел на Тухачевского. Он понял мысль маршала: нужно во что бы то ни стало, любыми способами не допустить "мирного разгрома" армии, защитницы страны, в усиление которой они оба вложили столько сил. И в бой за армию против сил НКВД, против экспериментов Сталина, нужно было внести всю изворотливость, решительность и стойкость. Вплоть до действий революционного характера... Друзьям не нужно было много говорить. Коротенькое слово "понятно" — было исчерпывающим. Тухачевский протянул руку Уборевичу. Тот, медленно поднявшись, отложил сигару и открыто и крепко пожал протянутую руку маршала. Они знали друг друга.

В этот момент в дверь постучали и вошел Смутный.

—Товарищ маршал. Мастер Дегтярев из ТОЗ прибыл на вызов.

—Ага, это хорошо. Останься, Иероним. Поглядим вместе на его чертежи и образцы...

Через минуту в кабинет степенно вошел высокий благообразный старик с окладистой седой бородой — мастер тульского оружейного завода, знаменитый конструктор ручного пулемета, одного из лучших в мире. Едва грамотный, влюбленный в свое оружейное дело, старик Дегтярев более пятидесяти лет пробыл в Туле, отдав свою жизнь и свои силы конструкции оружия. Теперь он привез Тухачевскому на утверждение чертежи и образцы новой полуавтоматической винтовки.

В ответ на поясной поклон старика, Тухачевский приветливо пошел ему навстречу, пожал руку, представил Уборевичу и предложил рюмку коньяку.

—Спасибо на добром слове, — медлительно поблагодарил Дегтярев, — а только мы — старообрядцы. Не пьющие и не курящие сызмальства. Так что не обессудьте, товарищ маршал.

—Ладно, ладно. Как хотите, товарищ Дегтярев... Предложил по-дружески. Покажите, что вы нам привезли.

Дегтярев, отложив в сторону образец винтовки в чехле, разложил на столе свои чертежи. Оба военных с интересом склонились к листам. Дегтярев давал объяснения.

—По весу ружьишко будет малость тяжельше, но самую

малость — только на 850 грамм, ежели без штыка и магазина. А магазина два — на 10 и 15 патронов. Какой, мол, хошь.

—А почему не на двадцать? — чуть усмехнулся Уборевич.

—А потому, что зря это. Лишнюю тяжесть нужно не на винтовке, а на себе носить. Переменить магазин, — от силы, — 12 секунд. Практика показала, что лучше чаще менять магазины, чем загружать оружие патронами. Скорость стрельбы для рядового бойца — 25 в минуту. Ежели хорошо тренирован — до тридцати. Конечное дело специалисты, снайперы и до сорока дотянуть могут.

—Правильно. А теперь покажи свой образец.

Дегтярев вынул из чехла пробную винтовку. Она была сделана вручную и не имела еще настоящего ствола, но все отдельные части были выточены так точно, аккуратно и чисто, что Тухачевский и Уборевич долго с чувством, понятным только военным, вертели винтовку во все стороны, обмениваясь одобрительными замечаниями.

—Очень хорошо, товарищ Дегтярев, — сказал, наконец, Тухачевский. — Прикладистая машина у вас вышла, слова не скажешь. А как со штыком?

Мастер скривился с каким-то недовольным видом.

—Да признаться, товарищ маршал, не лежит у меня сердце, чтобы к такой деликатной машине штык приделывать! Какие уж штыковые бои в нонешних войнах?

Тухачевский взглянул на Уборевича и усмехнулся.

—А правильно старик рассуждает! Вот если бы у нас в Реввоенсовете такие ясные головы были... А только придется товарищ Дегтярев, штык к вашей винтовке, все-таки, предусмотреть: очень уж наши герои гражданской войны за штык, приклад и шашку держатся. Нужно им уступить будет... А как, кстати, с телескопом для снайперов?

—А вот тута, товарищ маршал. Пазы и стопоры. Телескоп сюда вот вдвигается. И рукоятка не мешает — она без поворота движется, как в старой австрийской винтовке.

И чертежи и образец были просты и понятны. Тухачевский и Уборевич, привыкшие за линиями чертежей и за образцами видеть воплощение данной идеи, уже представляли себе необозримые ряды красной пехоты, вооруженной новой винтовкой. Они ставили своей задачей обогнать в технике все армии мира и ввести новый полуавтомат во всей красной армии, дать его в руки каждому бойцу. Новая винтовка, заменившая собой старую, простую пятизарядную, давала пехоте громадное усиление огневой мощи. Только бы справилась страна с таким финансовым и техническим напряжением. Ведь нужны миллионы и миллионы нового оружия... Оба командира знали все образцы иностранного оружия подобного типа и яс-

но видели преимущества новой винтовки, сконструированной простым мастером. Они довольно переглянулись.

—Прекрасно, товарищ Дегтярев. А сколько нужно вам времени,чтобы изготовить первые 20 штук для производства огневых испытаний?

Мастер не спеша погладил свою окладистую бороду.

—Да, как вам сказать, товарищ маршал. Ежели не спеша, по-хорошему, без гонки — то месяца два...

Тухачевский невольно улыбнулся: очень уж в окружающей его, подтянутой, четкой военной обстановке этот старик был оригинален и даже комичен.

—Хорошо. А если сделать по-хорошему, но спеша? Тогда как?

—Ну, что ж. Парочку недель сбросить можно.

—Не выйдет. Давайте не будем торговаться. Я дам приказ ТОЗ об оказании вам всякой поддержки, но образцы винтовки должны быть готовы через месяц. Как, товарищ Дегтярев?

—Ну, что ж? Раз ежели приказ — так какой разговор? Сделаем!

Столько было спокойной и степенной уверенности в ответе старика, что командармы опять переглянулись и улыбнулись.

—Ну, вот и хорошо. Только позаботьтесь хорошенько, чтобы качество тоже был отличное. Не забудьте: эти образцы мы проведем через суровый экзамен-сравнение. Ваша новая винтовка встретит соперников со всех концов мира — Росса, Маузера, Энфильда, Арисаку, Спрингфильда, Гаранда и нашу старую винтовку. Нам нужно, чтобы новый полуавтомат не только давал большую скорострельность и был удобнее в бою, но чтобы его меткость была на нужной высоте. Ручаетесь?

Мастер опять степенно повел плечами.

—Ну, я-то что — я человек маленький. За меня 50 лет ручаются. А вот завод, чтобы не сплоховал.

—ТОЗ-то? Краснознаменный? Да, кстати, я дам распоряжение тем ударникам, которые ваши винтовки делать будут, особый паек выдать. Так им и скажите, товарищ Дегтярев. И все, конечно, в секрете держать. Для нас срочное и хорошее выполнение этого заказа имеет чрезвычайно большое политическое значение. Я хочу потом первую партию винтовок послать на настоящее боевое испытание в Испанию.

—Есть, товарищ маршал. Будет выполнено. А только...

Старик остановился в нерешительности.

—Ну, что "только"?

—А только... Разрешите доложить, товарищ маршал, по совести, не по службе...

—Говорите, товарищ Дегтярев.

Тухачевский зажег потухшую было трубку и с любопытством поглядел на старого мастера. Тот колебался.

—Говорите откровенно, дорогой товарищ. Не бойтесь.

—Да не то, что я боюсь... А только объяснить это трудно... Вот, скажем, товарищ маршал, мои новые ружьеца. С какой такой радости будем мы наше оружие в Испанию давать? Что они, эти испанцы, нам сваты или браты?

Тухачевский весело рассмеялся. Даже на сухом лице Уборевича отблеск улыбки проскользнул яснее обычного.

—Так вам, значит, товарищ Дегтярев, жаль испанцам оружие посылать?

—А вестимо жалко. Не такие уж мы богатеи, чтобы чужим свое добро выбрасывать. Ведь для новой винтовки сколько миллионов пудов металла понадобится. Это же наше богатство. Народное, кровное, расейское... Верите, товарищ маршал, в деревнях сковород, пил, топоров — ничего такого нет. А тут наш металл — пожалте — каким-то испанцам. Да почему это такое? Разве ж это справедливо? Мы тут надрываемся, новую жизнь строим, а тут?.. Ведь и без того нам не так уж легко... Ведь все на войну, да на войну. И силы, и металл, и время, и труд. Разрешите мне по совести, по-стариковски, сказать вам, товарищ маршал. Право, пролетарии и в деревне, и в городе сумлеваются. Неужто в самделе для войны так много нужно? Нам бы ведь теперя спокойно жить начать, бедность нашу превозмочь, а не все к войне, да к войне готовить. Вы уж простите, что я так прямо, по-стариковски, сказал, да только наболело все это...

Тухачевский взглянул на Уборевича и оба поняли старика.

—А видите ли, товарищ Дегтярев... Как вас по имени, отчеству? —Платон Евсеич.

—Да, Платон Евсеевич... Нам тоже все это нелегко для всех объяснить. Военное дело, сами знаете, молчаливое дело. Не можем мы кричать, что враги и какие именно на нас броситься собираются... Вы — человек старый, бывалый. Помните, как ни в японскую, ни в великую войну Россия не была готова. И сколько из-за этой неготовности зря положили людей... Ну, так вот, теперь нам грозит война еще более страшная. Это я вам лично говорю, Платон Евсеевич. Как старому, опытному человеку, нашему конструктору. И не для пересказа дальше... Так вот и думаем все мы, — кого страна поставила защиту подготовить, — что лучше уж быть сильнее, чем слабее. Так ведь?

Внимательно слушавший старик, медленно кивнул головой.

—Это точно. Такого позора, как под Цусимой, да в Восточной Пруссии, да под Карпатами нам более не надоть.

—Вот вы и сами это чувствуете. А теперь ведь война изменилась. Не по-суворовски: "пуля дура, штык молодец". И не

заваливать колючую проволоку телами... Теперь нужно воевать не столько кровью, сколько металлом... И если крестьянину теперь кос не хватает, зато в будущей войне он не будет вынужден с голыми руками на пулеметы лезть. А насчет Испании вы не беспокойтесь — много мы туда не даем: самим нужно. Для нас Испания вроде военного полигона: проверка нашего нового оружия. И если на **той** войне, на чужой крови, выяснятся недостатки наших самолетов, танков, оружия — мы тогда заблаговременно до **нашей** войны сумеем все нужное исправить и наладить. Мы туда не столько ребят, сколько свои машины посылаем. Товарищ Сталин дал ясную директиву, утверждая план помощи Испании — "подальше от артиллерийского огня"... Так что, для нас Испания это только проверка нашей подготовленности. Вы, как старый, бывалый человек, знаете, что недостаток подготовки в мирное время — на войне кровью оплачивается... А мы хотим народную молодую кровь сохранить. Ведь и без того ее много за эти 25 лет пролилось. Пусть лучше теперь пот и даже слезы льются, чем потом кровь. Вот поэтому мы теперь и не боимся напряжения, и хлеб и нефть запасаем. Потом поздно будет... Конечно, простой народ этого понять не может. Ему, — как говорится, — "вынь, да положь". Ну, мы все о будущем думать должны. Спасибо вам, Платон Евсеевич, что вы мне откровенно про ваши сомнения сказали. Я вам тоже так же откровенно отвечаю. Если вам случится, — потолкуйте обо всем этом с вашими рабочими. Вам ведь теперь ясно, почему такое напряжение необходимо для страны.

Старый мастер с чувством уважения и благодарности поглядел на серьезное, твердое лицо Тухачевского.

—Чего ж тут не понять? Все понятно, Ваше Превосходительство, товарищ маршал (Тухачевский и Уборевич переглянулись, скрывая улыбки), а только... вправду ли война так близко?

Тухачевский поглядел на стенные часы и стал выбивать трубку.

—Ох, Платон Евсеевич,— вздохнул он. —Рад бы вам сказать в этом отношении что-либо утешительное, да совесть не позволяет. Хорошо, если еще лет пяток спокойно проживем, да и то вряд ли. Вернее, что много меньше... Понимаете теперь, почему я прошу вас ускорить изготовление вашей прекрасной винтовки?

Старик свернул свои чертежи, застегнул чехол, выпрямился и сурово ответил:

—Ежели надо, об чем тут речь. Заверяю вас, товарищ маршал, все будет, как вы приказали...

Когда за старым мастером закрылась дверь, военные поглядели друг на друга.

—Каков старик? Золото!.. Надо поскорее в ТОЗ телеграмму дать.

Маршал направился к своему письменному столу и, смеясь, сказал, указывая на свою автоматическую ручку.

—Это вот мой меч, которым я воюю... Крови он пролил больше, чем все мечи мира... Да, кстати, Иероним. Сегодня в 12 большой полет "Максима Горького". Хочешь поедем туда вместе?

—Нет, Миша,— поднялся Уборевич. —Рада бы, как говорят, душа в рай, в небо, да дела не пускают. Мне в Наркомтяжпром к Фельдману идти нужно, о деталях танков договориться. Это для тебя роль — фигурировать и выдвигаться. Я лучше свое делать буду... А знаешь, между прочим, что я о винтовке Дегтярева думаю?

Тухачевский поднял голову от стола, за которым писал.

—Ну?

—Да вот. . . недолго будут служить нам эти винтовки. Скоро их придется в архив сдать.

—Это почему?— удивленно спросил маршал.

—Видишь ли, Миша. Новая техника и тактика скоро иные задачи "царице полей" — пехоте дадут.. Основную огневую работу тяжелые виды оружия делать будут. А пехота налегке будет. Ей дальше, чем метров на сто, и стрелять-то не придется. С ручными пулеметами закрепляться будут.

—Ну, ты — известный фантазер,— улыбнулся Тухачевский. —А впрочем,— задумчиво протянул он,— —может быть, ты и прав, как прав и Дегтярев насчет штыков, — все в архив сдадим.

Потом он тряхнул головой.

—Ладно, дружище! Так ты не забудь моих слов насчет армии. Присматривай среди своих командиров толковых ребят, которые... которые, словом, понимают. Стычка с Ягодой, боюсь, неизбежна и на армию попробуют накинуть петлю. Я тогда на дыбы стану: не за себя, за армию. Поддержи меня тогда!

—Понятно,— еще раз просто повторил Уборевич. —Прицел, Миша, у нас большой, русский. Как это где-то писалось:

"Блажен, кто свой челнок привяжет
К корме большого корабля..."

Наш с тобой корабль — Россия. Его-то из вида не потеряем!..

Он еще раз крепко пожал руку Тухачевскому и вышел...

Через несколько минут маршал приветствовал в своем кабинете второго заместителя наркома обороны, начальника ПУРККА Гамарника. Это был высокий, худощавый, сутулый еврей с длинной, выхоленной, темной бородой и умными, мягкими глазами. Он принес Тухачевскому на согласование новую

инструкцию политработникам армии о прошедших политических процессах.

Предложив гостю коньяк и сигары, Тухачевский погрузился в чтение. Перед ним замелькали стереотипные фразы и выражения: "презренные троцкисты", "бешеные, гнусные наемники капитала", "шпионы" и прочие. Почему, собственно, старая партийная гвардия, на двадцатом году победы Октября, стала вдруг "изменять" революции — в инструкции объяснено не было. Да и действительно, как можно было объяснить расстрел людей, связавших свои имена с "Алой принцессой"-революцией еще во времена императоров; людей, прошедших годы тюрем, каторги, ссылок, работавших вместе с Лениным в критические времена 1917-18 годов и теперь "вдруг" оказавшихся предателями... Тонко улыбнувшись, Тухачевский поставил свои инициалы на проекте инструкции. По принятому порядку, все заместители Ворошилова заранее согласовывают между собой все важнейшие приказы и инструкции.

—Н-д-а-а-а,— протянул он, наконец, поднимая голову. — Трудную задачу даешь ты своим политработникам, Ян Борисович. Сочувствую им...

По старой партийной традиции, все коммунисты были друг с другом на "ты". Старые боевые товарищи обычно называли друг друга по именам и даже прозвищам, и лишь в официальные минуты переходили на более формальный тон — обращение по фамилиям или чинам.

Гамарник, смакуя старый ароматный коньяк, тоже усмехнулся.

—Ну, а что же делать, Михаил Николаевич? Надо же изворачиваться? Расстрелянных с того света не вернешь, а в умы красноармейцев вносить путаницу никак не годится. Я всегда был против таких скандальных процессов, но Политбюро...

Тухачевский хмыкнул.

—А ты прикинь по памяти, кто из первого состава Политбюро, ленинского Политбюро, остался в живых?

Гамарник наморщил лоб, вспоминая имена. Ленин умер. Троцкий выслан за границу. Томский застрелился. Рыков умер в ссылке. Бухарин, Зиновьев, Каменев расстреляны, как "предатели"... Тухачевский внимательно следил за морщинами на высоком чистом лбу Гамарника и когда те дрогнули в удивлении, подсказал своему собеседнику:

—Сталин?

Гамарник несколько растерянно поставил рюмку на поднос.

—Да, выходит так... Действительно, один Сталин.

—Арифметика, что и говорить, несложная. Объяснение гораздо сложнее. Но я не хочу вдаваться в вопрос, насколько полезны или вредны для страны такие процессы. Это дело Полит-

бюро. Но в отношении нашей армии, — а ведь мы поставлены руководить ею и охранять ее, — мне давно уже хотелось с тобой поговорить. Ты хотя не профессионал-военный, но, конечно, понимаешь, что армия совершенно особый организм. В ней авторитет и доверие к командиру — первый залог боевого успеха. Что станется с этим доверием, спайкой, авторитетом, если, скажем, и в нашей Красной армии начнутся такие же политические процессы с расстрелами и клеймением предателей и шпионов. Это старая истина, что дух армии — функция, производное от духа всего народа. Если население страны поражено и недоумевает — это уже не может не отразиться на армии. Помнишь знаменитое "головокружение от успехов" во время коллективизации? Сколько волнений и даже бунтов прошло в армии! Хорошо еще, что наши внешние враги не были готовы к удару... А что, если такой период духовной слабости повторится? Что, если такая волна зальет Красную армию теперь? Ведь наше внешнее положение теперь много сложнее и опаснее, и сейчас такая духовная слабость армии может оказаться роковой. Мы, брат, с тобой призваны к командованию, — медленно продолжал маршал, глядя пристально на начальника ПУР. —Нам доверено строительство обороны. Как отнестись нам к таким процессам, если Ягода захочет устроить их у нас, в нашей среде? Как нам реагировать в этом случае?

Тухачевский замолк и налил еще по рюмке коньяку своему гостю и себе.

—Ты чувствуешь, Ян Борисович, всю сложность вопроса? Кое-какие аресты среди высшего комсостава уже были. Недавно НКВД арестовал в Киеве командира танкового корпуса Шмидта и начальников танковых управлений киевского и московского округов — Халепского и Никитина. Дело еще в следствии, но я категорически буду возражать против гласного процесса. Если Ягода имеет обвинительный материал, пусть предъявит его в Реввоенсовет. Он обязан это сделать. Но трепать имена наших высших командиров в процессе и на суде мы не должны позволить. Ты согласен с этим?

Вопрос был поставлен ясно и прямо. Прежде чем ответить, Гамарник долго думал, не поднимая глаз.

—Трудно ответить точно, Михаил Николаевич,— промямлил он нерешительно. —Это зависит от того, какие обвинения...

—Вот как раз от этого нисколько и не зависит!— твердо прервал его Тухачевский. —Чем сильнее и даже позорнее обвинение, тем больше усилий мы обязаны сделать, чтобы это дело не появлялось на поверхности, не привлекло бы внимания армии. Обнаружить и наказать виновных — право Ягоды. А наше право — потребовать, чтобы ничто не колебало единства армии и ее веры в своих командиров. Посеять сомнение и неуверенность легко, но жатва может быть страшная... Мне тебе не

нужно говорить о том, как близко мы стоим от войны... И война будет никак не пустяковая: не восточно-китайский инцидент и не Эстония с Латвией. Перед нами Германия и, возможно, что даже в союзе с Польшей. Ты, как еврей, сам знаешь, как и чем накаляет Гитлер немцев против СССР. И нам надо наш душевный порох держать сухим... А что будет, если Ягода станет хозяйничать среди нашего комсостава, да еще со своими декоративными показательными процессами?

Упоминание о Гитлере подействовало. Гамарник понял, что Красная армия защищает его не только как начальника ПУР, но и просто, как еврея, и что слабость Красной армии — это, прежде всего, опасность для его собственной шкуры.

—Да-а-а,— в раздумьи проговорил он. —Пожалуй, я с тобой согласен. Командиры армии не должны фигурировать на судах в качестве обвиняемых.

—Ну, конечно. Знаешь, построить 1.000 самолетов куда легче, чем подготовить 1.000 хороших командиров. Наш Осоавиахим готовит нам теперь в год по полмиллиона военнообученной молодежи. ВУЗ‘ы дают до 20.000 готовых командиров, наш военный бюджет за третью пятилетку возрос с 60 до 118 миллиардов рублей,техника и моторизация уже превосходят все европейские армии, твой ПУР блестяще поставил обработку душ наших красноармейцев... Наша военная машина налажена и представляет собой грозную и готовую к удару и к обороне силу. Так неужели мы, отдавшие столько сил на подготовку нашей армии, позволим штатскому Ягоде подрывать ее мощь? Ты вот сейчас пишешь инструкцию относительно политических процессов штатских людей. А как ты будешь извиваться, чтобы объяснить расстрел высших командиров? По-моему, трепать известные всей армии и всей стране военные имена — преступление перед партией и страной.

Несколько минут Тухачевский молчал. Брови его были сурово нахмурены и пальцы крепко сжимали трубку.

—Помнишь, может быть, Ян Борисович, слова Наполеона: "За лишнюю красивую пуговицу человек пойдет на смерть“... Пусть это поверхностно сказано, для красного словца, но по существу, психологически это недалеко от истины. Только Наполеон не договорил, что такой человек пойдет из-за пуговицы на смерть только тогда, когда его душа спокойна, когда у него есть вера в тех, кто дает красивые пуговицы, кто ведет его... Все это относится к сфере военной психологии, а она очень сложна. Ты уже двольно потерся в военных рядах, чтобы понимать, что рисковать душой, доверием армии к ее командирам, ведущим или посылающим ее на смерть, — мы не имеем никакого права перед страной!

Гамарник, в свою очередь, помолчал, опустив глаза и задумчиво гладя выхоленную черную бороду.

—Да, я понимаю тебя, Михаил Николаевич. Так что же ты от меня хочешь?

—А это очень просто, дружище. Для того, чтоб армия была сильна, — нужно, чтобы она стояла в условиях нормального существования внутри и во вне. Мы это нормальное существование ей обеспечили. И теперь всякие эксперименты, политические и психологические, при наличии на наших границах опасного и смертельного врага, являются громадным риском. Если на каком-либо заседании Реввоенсовета мне придется резко поставить вопрос о невмешательстве НКВД в наши дела, — поддержи меня своим авторитетом. После ликвидации комиссаров, введения единоначалия и подчинения политотделов не НКВД, а непосредственно армии — тебе, ПУР, наша армия уже стоит в первом ряду лучших армий мира. И мы не имеем права позволить подрывать ее мощь... А ты ведь знаешь ведомственные самолюбия. Между нами говоря, у Ягоды оно немножко гипертрофировано. Вот почему я опасаюсь, что без стычки не обойтись... Он что ж — мелкий фармацевт, выдвинувшийся в революционной буре. Что понимает он в военном деле?.. А ты, Ян Борисович, уже не первый год носишь военный мундир. Военная косточка в тебе окрепла. Ты понимаешь психологию красноармейца. Конечно и в нашей среде, несомненно, есть шпионы и предатели, но орать о них на всю страну мы не дадим. Есть данные для расстрела — ну, что ж: мы не слабонервные институтки. Расстреливай, но дух армии угашать не позволим. Нам нужно защищать интересы армии в целом, ее боеспособность, ее покой... Присматривайся к окружающим тебя товарищам, которые искренно разделяют такие точки зрения, и группируй их для нужного момента. А если доведется выступать в защиту армии, **нашей армии,** — помоги мне в решительную минуту, Ян Борисович! Я ведь не один в армии так думаю!

Голос Тухачевского был решителен и звонок. Лицо его было полно скрытого огня. Глаза блестели. Гамарник, увлеченный этим огнем, поднялся и молча протянул руку маршалу...

Когда Тухачевский остался один, он торжествующе усмехнулся. Помощь начальника ПУР была особенно ценной. Ну, пусть теперь попробует маленький желчный еврей со злыми глазами вмешаться в жизнь армии. Он получит такой отпор, что... Власти над реорганизованной им армией Тухачевский никому не отдаст...

Негромко звякнул внутренний телефон.

—Товарищ маршал. Машина на Ходынский аэродром ждет у подъезда номер семь.

ГЛАВА 3

"Максим Горький"

Ходынский аэродром занимал только небольшую часть огромного поля, имя которого было связано с тяжелыми воспоминаниями русской истории конца XIX века. Именно здесь, в день коронования трагически несчастливого императора Николая II, погибло до 2.000 человек, задавленных толпой, жадной до праздничных подарков.

На яркозеленом поле аэропорта, невдалеке от белых ангаров и зданий, гордо стоял "Максим Горький" — краса и гордость советского авиастроения, величайший самолет мира. Его серебристые крылья с красными звездами раскинулись на 60 метров. Шесть мощных моторов блестели металлом под лучами летнего солнца. Механики и инженеры, как пчелы на цветке, хлопотливо лазили по плоскости, у моторов, в кабинах, проверяя последние мелочи к большому праздничному полету. Сегодня 56 лучших ударников столицы должны были покружиться над Матушкой-Москвой в сияющем безоблачном небе. Они где-то уже собирались в ВЦСПС*) и должны были через несколько минут все вместе приехать на автобусах в аэропорт.

Ходынский аэропорт был гражданским и поэтому маршала Тухачевского не встретили ни рапортом, ни военным церемониалом. Поздоровавшись с дежурным по аэропорту и пройдя мимо нескольких специальных застав охраны НКВД, молча ему козырявших, он направился к воздушному гиганту, около которого его острые глаза сразу же заметили небольшую, коренастую фигуру инженера Туполева.

Маршал и конструктор встретились очень сердечно. Оба они были творцами-организаторами каждый в своей области, людьми неукротимой энергии и смелости, горевшими желанием видеть свое дело выполненным как можно лучше, как можно отчетливее. И у каждого из них на душе с каждым годом росло гордое чувство удовлетворения результатами своей работы, вливавшейся в общий поток народного стремления видеть свою страну сильнее, здоровее и счастливее. Им обоим судьба дала редкое счастье совместить в одной сфере деятельности профессию, долг и любимое дело. Их обоих кормила их должность, они на своей работе исполняли свой долг перед страной, и творчество давало им личное душевное удовлетворение. И маршал и конструктор чувствовали, что они недаром живут на белом свете...

---

*) Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

Протянув маршалу для пожатия локоть, Туполев извинился за свои замаранные руки.

—Я через минуту буду в вашем распоряжении, Михаил Николаевич. Только вот компрессор левого крыла проверю. Как это говорят: "свой глаз — алмаз, чужой — стеклышко"... Еще, не дай Бог, чего-нибудь не доглядят.

—Ну, чего уж там "не доглядят",— добродушно проворчал седой механик. —Да все, почитай, прямо, как на свадьбу. Зря вы, Александр Николаевич, тревожитесь.

—Эх, старик,— засмеялся Туполев и его широкое, загорелое, чисто выбритое лицо покрылось добродушными морщинами. —Думаешь, к свадьбе что-нибудь особое проверять нужно? Нет, брат, там, — проверяй не проверяй, — уже поздно. Перед самой свадьбой брачного мотора уже не исправишь. Закапризничает и баста... Хоть разводись... А мы тут еще коечто можем сделать...

Механики тоже засмеялись и Туполев, сам хохоча во весь рот, полез на ось колеса и стал там что-то осматривать... Тухачевский с гордым удовлетворением смотрел машину. Поднимавшееся перед ним колесо, было высотой в два человеческих роста. Под тенью широко распростертых крыльев казалось, что все находится вообще под какой-то крышей. И не верилось, что вся эта гигантская тяжелая машина может с 70 людьми легко подняться в прозрачный, такой "пустой", наполненный только солнечными лучами, воздух... Туполев, наконец, слез. Ему подали новый комбинезон и, тщательно вытерев чем-то руки, он направился к маршалу. В этот момент к нему подошел стройный, высокий человек в костюме летчика. Это был Волков, командир воздушного корабля.

—Ну, как, Александр Николаевич?— спросил он дружелюбно, улыбаясь заботливости инженера. —Все "на ять"?

—"На ять" с твердым знаком, фитой и ижицей,— засмеялся в ответ Туполев. —Принимайте команду, дорогой. Ни пера вам, ни пуха.

—Да, уж тут действительно не до пуха,— усмехнулся командир. —Тут сталью и многими тоннами пахнет...

—Позвольте вас представить,— повернулся Туполев. — Маршал Тухачевский, командир "Максима" Волков.

Летчик вытянулся и откозырял по-военному.

—Рад познакомиться, товарищ маршал. Вы меня, конечно, не помните, а когда-то вместе летывали.

—Да? А когда это?

—В гражданскую войну. В 1919-ом. Вы тогда, после разгрома Колчака, добивать Деникина брошены были. Я вас тогда с фронта на фронт доставил.

—Значит, вы бывший военный?

—Да, как сказать?— спокойно пожал плечами Волков.

—Разве можно быть "бывшим военным"? Уж ежели солдат — так солдат на всю жизнь и в любой форме... Перебросили меня теперь гражданские самолеты водить, но, товарищ маршал, как только нужно будет, — еще и над врагом полетаем, поклюем. На таких вот птичках, что Александр Николаевич высиживает. Орлы...

—Ладно, ладно,— озабоченно прервал Туполев. —Будет вам тут о птичках болтать. Идите — свой персонал еще раз проверьте. Как бы в чем не осрамиться.

Командир корабля беспечно махнул рукой.

—Чего там! Ведь мое дело легче легкого. Право, любому московскому извозчику или шоферу труднее, чем мне: сигналы, вело, авто, прохожие, трамы, маршрут... Да и я,— летчик весело засмеялся, —да, впрочем, и я — чем не извозчик? Только что воздушный и ломовой. Маршрут известен, телега в порядке, седоки вот-вот прибудут, не моя о них забота, что ж тут сложного? Как ковер-самолет, — нажал кнопку и полетел...

—Ну, ну,— опять прервал его Туполев. —Если бы так просто было... Нашелся тут тоже Иван Царевич с ковром-самолетом. "Извозчик"?.. Если бы все так просто и безопасно было... Ну, идите поскорее на место. Я свое дело сделал — теперь вы командир.

Волков, улыбаясь, откозырял, пожал руки своим собеседникам и направился к лестнице у борта своего корабля.

—А мы, если не возражаете, Михаил Николаевич, пройдем вперед на место отрыва машины. Я сам лично хочу проверить свои расчеты.

Маршал и инженер направились вперед по бетонной дорожке для разбега. Туполев сообщал своему спутнику технические данные о "Максиме Горьком": его грузоподъемности, дальности полета, характерных качествах. Главное, конечно, что интересовало собеседника, — это возможности военного использования таких гигантов и серийного производства для целей бомбежки и снабжения армии. Маршал слушал с большим интересом и не сразу оглянулся на какой-то оклик сзади. Их догоняли двое людей в военной форме. Тухачевский не сразу узнал догонявших и удивленно посмотрел на изменившееся лицо Туполева. Раньше оживленное, почти счастливое, оно теперь сморщилось в гримасе, словно он увидел что-то отвратительное. Маршал перевел глаза на военных и в одном из них узнал Ягоду, всемогущего наркома НКВД. Рядом с ним шел низенький, коренастый Агранов, начальник Гугобез'а*).

—Куда это вы, товарищи!— кричал Ягода. —Все ведь у самолета собираются.

—А мы решили вперед пройти,— ответил Тухачевский.

*) Главное управление государственной безопасности, собственно старое ГПУ-ВЧК.

пожимая руки подошедшим. —Александр Николаевич хочет еще проверить.

—Ну, что теперь проверять,— небрежно, как Волков, ответил Ягода. —Идемте лучше, Михаил Николаевич, к самолету — надо на других посмотреть, да и себя показать. А то, может быть,— добавил он значительно, вглядываясь своими рысьими глазами в спокойное и уверенное лицо маршала, — а, может быть, вы сами полететь бы не прочь?

—Ну, ну,— вмешался Туполев —Вы мне, товарищ Ягода, моих расчетов не сбивайте. У меня все рассчитано на определенную нагрузку — ровно 71 человек. Учтен даже уменьшенный вес женского сословия. Хотя наш маршал не чемпион тяжелого веса, но все же — сверх нормы.

—Это -то препятствие пустяковое. Я кого-либо из своих людей ссажу для такого парадного случая.

—Каких "своих людей"?— удивился Туполев. —Там ведь только команда корабля и ударники. Какие же там "ваши люди"?

Ягода насмешливо и пренебрежительно прищурился. Орден "Красного знамени", недавно данный ему ЦИК'ом за подвиги на подвальном фронте, блестел, как новая игрушка. Казалось, что начальник НКВД даже ходит, выпячивая левую сторону груди. Его худое, сухое лицо с маленькими черными усиками под самым носом было полно снисходительности к наивности инженера.

—Ну, если хорошенько поискать, "мои люди" (эти два слова он произнес с особым ударением) везде найдутся, товарищ Туполев. Даже... на вашем корабле. Такая уж моя обязанность — везде свои глаза и уши иметь. Ну, так как, Михаил Николаевич, полетите?

Глаза Ягоды смотрели с холодным напряжением.

—Нет уж, большое спасибо, Генрих Григорьевич. Куда мне прогулки делать? Хотя бы даже по воздуху... А как долго будет длиться полет?— обратился маршал к Туполеву.

—Порядочно — часа три. Это ведь праздничный увеселительный полет.

—Ну, вот видите! Куда же мне? Сами знаете, Ворошилов теперь в отпуску и у меня уйма добавочной работы. Весь мой день уже по минутам расписан.

—Так, значит, не хотите?— в тоне Ягоды послышалось словно разочарование. Стоявший рядом молчаливый Агранов внимательно поглядел на своего начальника. Какое-то удивление мелькнуло в его черных еврейских глазах.

—Нет, к сожалению, никак не могу, Генрих Григорьевич,— решительно ответил Тухачевский. —Спасибо за предложение. "Рада бы душа в небо, да дела не пускают",— усмехнулся он, повторив фразу Уборевича.

—Ну что ж... А жаль! Надо бы вам в гуще ударников посидеть , побалагурить, ближе к массе стать... Отрыв от рабочих масс — небезопасное дело... В полете лучшие ударники и стахановцы Москвы будут. И знаете, этак по секрету (Ягода понизил голос), —возможно, что сам Иосиф Виссарионович захочет прокатиться при такой чудной погоде.

—Сам Сталин?— воскликнули в один голос маршал и инженер.

—Да... Возможно. Так что видите сами, Михаил Николаевич, вам лучше бы полететь!

Опять сверлящий взор впился в лицо маршала. Но тот только отрицательно покачал головой...

Когда чекисты ушли, Тухачевский и Туполев молча пошли вперед.

—Гадина!.. Кровососная банка,— вырвалось у Туполева. Его обычно мягкое, спокойное лицо опять перекосилось в гримасе отвращения. Тухачевский с удивлением посмотрел на него.

—Что это вы, Александр Николаевич?

—Руку хочется вытереть после рукопожатия с такой сволочью,— нервно продолжал инженер. —Говорят, больше двух миллионов жизней погибли из-за этого зверя. Наших русских жизней. И не плохих, не преступников... Эх! Лучшая часть русского крестьянства! Самая энергичная, инициативная, деятельная... Как-то при мне умного человека спросили: что такое большевизм? Он и рассказал такую басню. Был, мол, мужик ленивый, никудышный, который завидовал своему дельному соседу и все просил у Бога, чтобы тот послал этому соседу какое-нибудь горе. Богу надоели, наконец, эти просьбы. "Ладно,— говорит. —Пошлю ему несчастье. Но половину такого же тебе!.. Что ты выбираешь?" Подумал завистливый мужик: "Выколи мне, Боже, один глаз. Мне, правда, хуже, будет. Но зато врагу — вдвое". Глубокая по смыслу сказочка! Я часто думаю, что большевизм во всем мире основан только на зависти ленивых и глупых к способным и прилежным... Ведь у нас явная "ставка на сволочь".

—А как же мы с вами?— смеясь, прервал Тухачевский. — Вы работаете на Советский Союз и Красную армию. А я ведь даже большевик, член партии.

Туполев остро и пристально посмотрел на маршала своими маленькими глазами-щелками.

—Коммунист коммунисту рознь. Коммунисты Швеции снимают цилиндры перед своим королем. А у нас этот Ягода, "жаба в манжетах", выбросил лозунг: "каждый коммунист должен быть чекистом"... Сволочь! . . Но я знаю — вы не такой. Разве я пожимал бы так сердечно вашу руку, если бы считал вас таким, как Ягода? Очень я боюсь, что мы с вами оба не вполне "в струе генеральной линии партии". И нас может залить волна

зависти и злобы. Разве ГПУ служит интересам России или Гестапо — интересам Германии? Все отсевки, мразь, подонки народа... Но, к сожалению, в их руках власть и пулеметы... Эх... Невольно вспомнишь горькое пушкинское: "Чорт догадал меня родиться в России с умом и талантом"!..

Внезапно Туполев спохватился.

—Простите, Михаил Николаевич, за такое "лирическое отступление". Сорвалось... Ненавижу я эту мясорубку. "Хруст костей — лучшая музыка революции", передразнил он с ненавистью знаменитую фразу Ягоды. Сволочь!.. Возьмите только закон о расстреле малолетних, начиная с 12-летнего возраста. И это в XX веке, в стране счастливого социализма... Эх ...— потом, взяв себя в руки, продолжал, как будто ни встречи, ни сорвавшихся слов не было:

—Вот здесь.

Он поставил ногу на белую отметку на бетоне дорожки.

—Что "здесь"?

—Именно здесь, по моим расчетам, "Максим" должен оторваться от земли.

Тухачевский с удивлением посмотрел на инженера.

—"Должен"?— переспросил он. —Как вы можете с такой точностью это сказать? Ведь столько привходящих влияний: и ветер, и нагрузка, и шесть моторов, и воля командира корабля, и...

—Нет,— упрямо повторил Туполев. —Колеса отделятся от дорожки именно здесь!

И он уверенно стукнул ногой по белой отметке на бетоне.

***

Веселая, говорливая, пестрая людская струя лилась из автобусов к самолету. Несколько десятков рабочих и работниц, награжденных за свою работу честью участвовать в первом большом полете гигантского воздушного корабля над Москвой, медленно наполняли двухэтажный корпус самолета. Присутствовать при отлете прибыло много советских сановников и иностранных дипломатов. Весело шутил с рабочими маршал Буденный, коренастый человек с простым лицом, украшенным известными во всем мире "буденновскими" черными усами. Тут же благодушно усмехался маленький скромный Молотов в сером европейском костюмчике, с дрожащими стеклами пенсне на маленьком носике. Рядом с ним стояли представители советской "знати" — два настоящих графа царского времени — Игнатьев, теперь комдив, и Толстой, писатель, оба переметнувшиеся к Советам из эмиграции. Оба графа были веселы, толсты и беззаботны. Стройный, изящный Каганович, — наркомпуть, — в белом железнодорожном кителе и с умопомрачительной, известной по всей России, складкой брюк, весело приветствовал "своих" ударников. Рядом с ним, нежно прижавшись к

его руке, стояла его сестра Роза, жгучая черноглазая красавица в светлом летнем платье.

Когда посадка была окончена, неожиданно из станционного здания вышел в своем обычном костюме, полувоенном кителе и высоких сапогах, — Сталин. Рядом с ним шел, семеня на кривых ножках, сутулый, маленький Ежов, секретарь ЦК партии. Все зашевелились и двинулись навстречу красному диктатору. Но тот только благодушно отмахнулся от приветствий и, ни с кем не здороваясь, решительно полез в кабину самолета. Ягода что-то сказал и один из рабочих мигом уступил свое место новому пассажиру. Когда улыбающееся лицо Сталина показалось в окне каюты, отдельно стоявший Каганович приветливо махнул ему белой фуражкой. Его сестра кокетливо подняла руку, обтянутую белоснежной перчаткой, словно для того, чтобы послать Сталину воздушный поцелуй, но, видимо, не решилась, а только послала жест привета и бросила на улетающего пламенный кокетливый взгляд.

Ягода с напряженным вниманием осматривал машину, как будто бы именно он был ответственным за безопасность полета. Потом он спросил о чем-то у главного механика и, подойдя к кабине управления, махнул рукой вперед. Моторы разом загудели и покрыли своим рокотом шум разговоров. Сухой вихрь пролетел внизу. Зрители поспешно отошли подальше от машины и гул моторов перешел в ураган рева. "Максим Горький" медленно, величественно шевельнулся и, постепенно набирая скорость, покатил туда, где стояли Тухачевский и Туполев.

***

В это время, метрах в трехстах в стороне, у ровно выстроенного звена военных истребителей, начальник военно-воздушных сил РККА, третий заместитель Ворошилова, автор знаменитой теории парашютных десантов, латышь Алкснис, давал свои последние наставления пилотам, назначенным сопровождать "Максима" в его праздничном полете.

—Итак, товарищи, еще раз повторяю: лететь сзади, в двухстах метрах выше, обычным треугольником. Особенно внимательно следить за сигналами командира звена. Под страхом самой строгой ответственности, категорически запрещаю всякие фигуры высшего пилотажа. Вы — почетный эскорт, а не воздушные акробаты. Все понятно, товарищи?

—Понятно, товарищ начальник,— негромко, но уверенно ответили семь пилотов, похожих на неуклюжих медведей в своих летных комбинезонах и с парашютами за плечами.

—Товарищ Шильский,— обратился Алкснис к командиру звена. —Вы несете всю ответственность. Не забудьте — на вас вся Москва, иностранцы, все население смотреть будут. Не срамитесь! Лететь на малом газу, получая директивы от Вол-

кова. А теперь можете идти в самолеты, товарищи. Отрыв от земли ровно через 5 минут после подъема "Горького".

Летчики откозыряли и, весело балагуря, не спеша отправились к своим машинам. Они были немного удивлены таким строгим внушением. Дело было так просто — сопровождать "Максима". Спокойненько лететь над гигантом. Что тут сложного для них, первоклассных пилотов? . . В эту минуту к начальнику ВВС, треща, подъехал военный мотоциклист. Не слезая с седла, он отдал честь и торопливо отрапортовал:

—Товарищ начальник. Товарищ Ежов приказал вам срочно передать, что на "Максиме" вылетает сам товарищ Сталин.

—Хорошо,— спокойно отозвался Алкснис. —Что еще?

—И еще приказал товарищ Ежов предупредить пилотов, чтобы были поаккуратнее, чтоб, мол, там ни сучка, ни задоринки. Так товарищ Ежов и сказал. Обязательно, мол, передать пилотам обо всем этом.

Запыленное загорелое лицо связиста было взволнованно. Алкснис чуть усмехнулся.

—Ну, насчет пилотов — мое дело. Им ничего этого знать не нужно. Они получили свой приказ. Спасибо, товарищ. Можете отправляться на место...

Пилоты в это время веселой гурьбой подходили к своим машинам.

—Тю,— весело пробасил один из них. —И чего начальника так разобрало? Экая невидаль — треугольничком в такую погодку пролететь!..

—А как все-таки жаль, что покрутиться в воздухе нельзя! Верно, Благин?

Летчик, к которому обратился товарищ, был небольшого роста молодой человек, прекрасно выправленный, с смелым открытым лицом. Он отстал от своих товарищей, сделав вид, что поправляет ремни комбинезона, подслушал разговор связиста с Алкснисом и теперь его лицо было напряженным и суровым.

—Что "верно"?— переспросил он. —Прости, дружище...

—А что там за новости начальнику моторист привез?

Молодой летчик неохотно пожал плечами.

—Не знаю... Не расслышал,— неохотно ответил он. —Что-то, вероятно, служебное.

—Эх, в такую бы погодку да сделать бы да парочку бы мерррррртвых петель, да штопор, да полдюжины всяких скольжений! Ведь вся Москва глазеть будет. Эхма! Зря солнышко только сияет, — а нам радости от этого нет никоторой. . . А ты, что-то малость бледноватый. Болен, что ли?

—Ясно, болен. У него как раз месячные подошли.

Здоровый, грубый смех взорвался в группе летчиков. Благин с усилием прогнал с лица нервно-решительные складки и заставил себя улыбаться.

—А ну вас к чорту, ребята. Эк, разыгрывать стали!— огрызнулся он, не глядя на товарищей. —Все в порядке. Лезем по местам.

С помощью механиков летчики, неуклюжие и громоздкие, начали втискиваться на свои сиденья. Через несколько минут все было готово и глаза всех устремились на громадный корабль, от которого уже доносился мягкий гул работавших моторов.

—Готово?.. Заводи.

Тонкий высокий звук быстроходных моторов заглушил низкий рев поднимавшегося ввысь "Максима Горького".

***

Огромные колеса, промчавшиеся по бетонной дорожке, коснулись белой отметки и оторвались от почвы.

—Ага, ага!— сияя, воскликнул Туполев. —Что я говорил? Как раз на 180 метрах... Молодец мой "Максимка".

Лицо Тухачевского, обычно такое спокойное и невозмутимое, на этот раз тоже было более оживленным. Он с искренним восхищением смотрел на коренастую фигурку гениального конструктора, сумевшего с такой необычайной точностью вычислить, где именно громадная, тяжко нагруженная машина оторвется от бренной земли и уйдет ввысь, в напоенный светом и сиянием воздух. Он невольно протянул руку конструктору и горячо ее пожал. Тот, почувствовав искренность поздравления, растроганно улыбнулся.

—Эх, Михаил Николаевич, если даст нам Бог сил и здоровья, да подальше от всяких там Ягодок, — много мы с вами еще делов наделаем! Только бы другие не мешали!..

—Да, это что и говорить... Какие бомбовозы!..

Инженер удивленно поглядел на маршала. Его светлые глаза-щелки на широком загорелом лице сощурились еще больше.

—Ну, во-о-от,— разочарованно протянул он. —Все-то у вас военная точка зрения. Бомбовозы — разрушители. Ей Богу, Михаил Николаевич, довольно этого бесовского разрушения. Обороняться мы, конечно, будем и обороняться зло. Но мечтать о том, что мои птицы будут тонны бомб на города, на детей и женщин бросать, — это, знаете, не по мне. Меня творчество жизни интересует...

—Так мы, военные, вот это самое творчество и должны оборонять,— усмехнулся Тухачевский.

—Даа-а-а.. Только каждый, — по-советски выражаясь, — "спец" всегда немножко односторонен. Вы, военные, если войны нет — не прочь бы ее и вызвать, чтобы оружие попробовать... Знаю я мужскую психологию: сперва по мишеням пострелять, потом по зверям на охоте, а потом — давай и человека... Инстинкт борьбы, риска и разрушения... Нет, дорогой,

для "красной атаки" на Европу я своих сил и своей души не дам. То ли дело вот теперь — наша подготовка к завоеванию полюса! Шутка сказать — первые жители на мертвой точке земли, принесенные туда нашими стальными птицами! Для этого стоит душу отдать. Это — красивое и чистое дело. Победа человеческой мысли и воли над враждебной стихией... А вы — бом-бо-возы...

Маршал кивнул головой и хотел что-то ответить, как сзади послышался голос запыхавшегося от быстрого бега человека.

—Товарищ маршал!.. Товарищ маршал!..

Тухачевский недовольно обернулся и узнал служащего аэропорта.

—Ну, что там?

—Товарищ маршал, вас по телефону немедленно требуют в Кремль.

—А кто требует?

—Не могу знать, товарищ маршал. Только очень срочно.

—Хорошо. Протелефонируйте, что немедленно выезжаю. До свиданья, дорогой Александр Николаевич,— обернулся он к Туполеву. —Жаль, что поговорить по душам не удалось.

—Ничего, Михаил Николаевич, —дружески улыбнулся инженер. —Еще не раз и не два встретимся. Я вот теперь новые машины готовлю для полета на Северный полюс. Ведь вы этим полетом тоже очень интересуетесь. Вот и заезжайте, скажем, завтра, в ЦАГИ*), я как раз в своей трубе буду новые профили моих полярных самолетов испытывать. А потом в кабинете по душам потолкуем. Ведь есть о чем — время-то ведь какое бурное и путанное. Надо нам, творцам жизни, всегда иметь "чувство локтя". Думаем мы по-одинаковому, но ведь и действовать так же надо. А я вас, дорогой Михаил Николаевич, всегда рад видеть — как это поется: "ночью и днем"...

На загорелом лице белые зубы блеснули в сердечной улыбке.

—Спасибо,— тепло отозвался Тухачевский, прощаясь. —Я верю вашей искренности, дорогой Александр Николаевич. Давайте заключим этакий пакт о взаимной поддержке везде и всюду. Мы ведь верные и крепкие друзья, не правда ли?

—С радостью, с большой радостью,— с чувством ответил Туполев. —Можете на меня рассчитывать с закрытыми глазами. Везде и во всем. И **за... и против...**

Последнее слово вырвалось у Туполева не только твердо, но даже как-то угрожающе. Глаза Тухачевского радостно блеснули, когда он еще раз крепко пожал руку инженера.

***

По правилам внутреннего распорядка, пропускные пункты в кремлевских воротах получали заранее по телефону сооб-

---

*) Центральный аэро-динамический институт.

щение, кто, когда, через какие ворота и с каким номером автомобиля должен прибыть. Поэтому, когда Тухачевский медленно подъехал к Спасским воротам, — ближайшим к Ходынке, — комендант заставы только молча откозырял маршалу и машина беспрепятственно въехала в Кремль.

У центральной комендатуры Тухачевский спросил дежурного, кто и когда его вызвал и, соответственно полученным указаниям, пошел в помещение ЦК партии. Там, у входа в старинный каменный дом, его встретил ранее вернувшийся в Кремль Ежов.

—Вот прекрасно, дорогой Михаил Николаевич, что ты так быстро прикатил. Не советский маршал, а сплошная молния. Хи-хи-хи... Это хорошо. У меня, брат, к тебе важное дело. Пойдем, пойдем.

Ежов угодливо улыбался, заглядывая по своей всегдашней привычке в глаза собеседнику, и его сутулая фигурка на кривых ножках все время словно кланялась. Тухачевский, как и все старые партийцы, не любил Ежова. У каждого из советских вождей были какие-то заслуги в прошлом, какие-то способности, что-то характерное и всегда сильное. Ежов, как хорошо все знали, выдвинулся вперед только благодаря своей угодливости Сталину, своей способности к мелким интригам, изворотливости, приспособляемости. Вот почему маршал неохотно отвечал на все его шуточки и, усевшись в кабинете Ежова в мягкое кожаное кресло с двуглавым императорским орлом на спинке, сразу спросил:

—Да... Так в чем дело, Николай Иванович?

Выразительное, даже красивое лицо Ежова потеряло свое приторно-любезное выражение. Он медленно придвинул к Тухачевскому традиционный ящик сигар, сам закурил и задумчиво пустил колечко дыма к потолку. Тухачевский не без скрытого раздражения смотрел на его медленные движения.

—Ну, говори, Николай Иванович. У меня масса дела.

Ежов улыбнулся с чуть заметной насмешливостью.

—Ну, ну... Не торопись, дорогой Михаил Николаевич. Не торопись. Спешка, сам слыхал, нужна только для ловли блох. А у меня к тебе дело важнющее, можно сказать сверхгосударственное. Так что твои текущие дела пусть пока без тебя текут, дорогой друг... Без тебя...

—Ну, уж... И любишь ты, Ежов, вечно преувеличивать и театральничать. Что теперь за важные дела? Лето, везде спокойно. Что у тебя за страсть серьезничать?

—Ладно, дорогой маршал, Фома неверующий. И вовсе я, брат, не преувеличиваю. Дело у меня к тебе, действительно, важности государственной и говорю я с тобой (голос Ежова почтительно снизился) по поручению самого Сталина, самого Сталина. Разговор наш совершенно секретный и, так сказать,

предварительный. Потом ты будешь иметь окончательный разговор с самим Иосифом Виссарионовичем.

—Вечером? Когда он прилетит?

Живые черные глаза Ежова впились в лицо маршала.

—Да, ты ведь был на аэродроме? Значит, знаешь, что товарищ Сталин полетел на "Максиме"?

Тухачевский пожал плечами.

—Все это видели. И тебя сбоку тоже заметили. Меня Ягода тоже сильно уговаривал полететь на "Максиме".

—Ах, вот как?— В голосе Ежова послышалось что-то вроде торжества. —У-го-ва-ри-вал? А ты не согласился, не согласился?

—Как видишь. У меня такая масса дела, что не до прогулок ни по земле, ни по воздуху.

—А Ягода, говоришь, все-таки, тебя си-и-и-льно уговаривал полететь на небо?

—Ну-да... Только это к делу совсем не относится, Николай Иванович. Говори про свой вопрос, и я уеду.

—Ну, ну... Именно это, товарищ, к делу. Именно о Ягоде я и хотел с тобой поговорить. О Я-го-де,— тихо и значительно повторил Ежов.

—Об Ягоде?

Тухачевский был искренно удивлен. Ежов заметил это и странно усмехнулся.

—Да, да... Именно об Ягоде,— он секунду помолчал и тихо продолжал, не поднимая глаз: —Видишь ли, Михаил Николаевич, товарищ Сталин имеет кое-какие опасения относительно нашего Генриха. Да, да, опасения... После смерти Менжинского и откомандирования Трилиссера на восток, все нити внутренней полицейской политики теперь сосредоточились исключительно и монопольно в руках Ягоды. Кроме того, все последние политические и вредительские процессы дали в его руки очень большую власть и полномочия. Да, бо-о-о-ольшую власть...

Ежов говорил медленно, не поднимая головы. Недовольство Тухачевского сразу же сменилось жгучим напряжением. Он ясно понимал значение начатого разговора и его мысль лихорадочно искала связи между ним, маршалом Тухачевским, и тем острым положением, на которое намекал Ежов. Последний внезапно взглянул на маршала, заметил живой блеск его напряженных глаз и не без ехидства усмехнулся.

—Ну, ты, видно, Михаил Николаевич, уже и сам начинаешь смекать, почему я тебя потревожил. Мы тут с товарищем Сталиным уже марксистски проанализировали положение. И имеем опасение, что Ягода может потерять равновесие. Все, сам знаешь, люди, все человеки... Кому не хочется в Наполеона сыграть? Время, можно сказать, путанное. Ты, конечное дело, и

сам давно заметил, что наш дорогой Генрих — парень шибко честолюбивый и все вверх норовит переть. Ну, что ж — рыба ищет, где глубже, а человек — где... выше, пьянее... знаменитее. Хи-хи-хи... Вот поэтому, — как это треплются, — "из сюдова вытекивает такой морализм" ... Ну, я короче, короче. Проще говоря, честолюбие Ягоды может перерасти в очень серьезную опасность. А нам никакие кандидаты ни в Бонапарты, ни хотя бы только в Фуше ни на дьявола не нужны. Наша же милейшая Ягодка уж очень много полицейской власти в свои руки забирает и чересчур "своими" людьми себя окружает. Словом: "много хорошего — тоже плохо" ... Пока (Ежов подчеркнул это слово) Генрих из своих рамок не выходит, но... Хи-хи-хи... Не такие мы дураки, чтобы этого мирно дожидаться. . . Но, но. . .

Ежов опять замолчал и пристально взглянул на нахмуренного маршала.

—Но?— переспросил тот, не отводя глаз.

—Но,— повторил Ежов еще медленнее и тише, —решили мы с Иосифом, что может... понимаешь, я подчеркиваю, **может** настать момент, когда Ягоду придется малость укоротить. Для безопасности советского государства.

Собеседники замолчали. Тухачевский откинулся в кресле и его красивое твердое лицо сделалось суровым и непроницаемым.

—Да, я понимаю,— тихо уронил он. —Но какое я имею отношение к этому вопросу?

Ежов оживился.

—Ну, дорогой Михаил Николаевич, ты это так себе, для профоры спрашиваешь. Ты уж, конечно, и сам давно догадался, к чему я веду. У Ягоды в руках есть военная сила — наша внутренняя армия: войска ЧОН, теперь НКВД. И сила немалая — больше 200.000. И ему подчинена. Обожают они там его или нет — дело десятое, но он может попробовать сыграть на этой силе, как римские цари. Как это там назывались ихние гвардейцы?..

Тухачевский чуть усмехнулся. Ежов, в прошлом простой рабочий-металлист, не был, конечно, "подкован" в истории.

—Преторианцы.

—Во, во... В самую точку. Я тоже знал, да признаться, подзабыл. Ну, так этим ягодовским преторианцам нам нужно, на всякий случай, подготовить и противопоставить другую силу. Парень он, Ягода-то, никак не трус и крови, хи-хи-хи, не боится. Особенно чужой, хи, хи, хи! Особенно чужой. В погоне за властью, за карьерой, за славой и в особенности при угрозе для его шкуры, он может все на попа поставить. Хоть он и еврей и коммунист. Хи, хи, хи!.. Ведь "чем чорт не шутит, когда Бог спит"? Пусть он там и безбожник, и ни в Бога, ни в чорта не верит, но нам-то спать все равно не полагается. И уж

ежели наша милая Ягодка почувствует, что положение его чуть шатнулось, то...

—То?— переспросил Тухачевский медленно.

—То,— Ежов хитро усмехнулся, —очень даже просто. Нужно заранее **кое-что** предпринять. Этакое профилактическое. Потому что экзамен намерениям Ягоды очень даже недалек. Очень недалек.

—Ты что-либо предполагаешь серьезное?

Ежов отвел глаза в сторону.

—Как знать? Как знать?.. Все может быть. Но не в этом суть. Решили мы с товарищем Сталиным в обоих случаях — и при внезапном срыве Ягоды и при необходимости "профилактического лечения" — на тебя и Красную армию, дорогой маршал, опереться. Ты уже не раз советскую власть выручал. Твоя преданность партии и Сталину вне подозрений. И ты более всего подходишь к решительным действиям, потому что Ягода тоже станет решительно действовать, если ему эта возможность будет предоставлена. Наша задача — не дать ему никакого шанса даже икнуть. Ну так вот: согласен ли ты подготовить тормоз или контрудар в ответ на возможный со стороны Ягоды какой-нибудь камуфлет?

Тухачевский пыхнул сигарой, помолчал несколько секунд и спокойно ответил:

—Ну, конечно. Какой может быть разговор? А что я должен подготовить?

—Это уж дело техническое. Ты от меня будешь получать соответственную политическую информацию, а со своей стороны — ну, не мне тебе указывать: ты парень военный, тебе и карты в руки. Ты с восстаниями Муравьева, Кронштадта, Антонова справился, так теперь опыт у тебя есть. Тебе с маршальской колокольни виднее, что и куда. По-моему, действуй так: поставь себя мысленно на место Ягоды, продумай ситуацию, заговор и переворот (глазки Ежова сощурились в лукавой усмешке) и сообрази все необходимые контрходы. Это — как в шахматах... Словом, прими меры к тому, чтобы все возможные со стороны Ягоды фокусы были бы на корню ликвидированы. Понятно тебе все это?

—Конечно.

—Значит, заметано, заметано? Можем мы на тебя рассчитывать?

—Конечно,— опять твердо повторил Тухачевский. —Но я настаиваю на разговоре с самим товарищем Сталиным. Он, вероятно, скоро вернется.

Ежов остро посмотрел на маршала.

—Вероятно. Прогулка небольшая — на небо и обратно. Хи, хи, хи! Сталин и сам хотел с тобой поговорить обо всем этом. Поэтому я и имею его распоряжение задержать тебя до

его приезда. Ты уж не нервничай, дорогой маршал. Отмени свои дела в Реввоенсовете. Дела-делишки — не волки, в лес не убегут, не убегут. Хи, хи, хи! Ты и сам понимаешь насколько наш вопрос важнее твоих текущих дел?

В это время запел телефон. Ежов кивком головы попросил извинения у собеседника и взял трубку. Какой-то голос взволнованно и сбивчиво произнес несколько слов. Лицо Ежова окаменело. Выразительные губы сжались в твердую полоску. Глаза сощурились, как от яркого света.

—Т-а-а-а-ак,— протянул он. —Хорошо! Пока держите эти сведения в полном секрете, под угрозой немедленного расстрела. Приказ ЦК партии. О дальнейшем доносите немедленно.

Он положил трубку и с каким-то странным, словно торжествующим выражением посмотрел на маршала. Лицо его передергивалось. С минуту длилось напряженное молчание.

—Что это ты?— с недоумением спросил Тухачевский.

—Что? Что?— сдавленным голосом повторил Ежов и, не отвечая на тревожный вопрос маршала, резко взял другую трубку.

—Коммутатор! Коммутатор!.. Да, чорт вас раздери. Срочно дайте товарища Ягоду. Срочно, вне всякой очереди. . . Говорит ЦК...

Он судорожно сжал трубку, ожидая ответа.

—Да в чем же, все-таки, дело, Николай Иванович?— опять спросил Тухачевский.

—В чем дело?— словно во сне переспросил Ежов. —"Максим Горький" потерпел аварию в районе Кускова.

Несмотря на всю свою выдержку, Тухачевский резко поднялся в кресле.

—Как!?— голос его перехватило, и смуглое лицо побледнело. Несколько секунд глаза собеседников не отрывались друг от друга. Тысячи лихорадочных мыслей пробегали в мозгу маршала.

—А... а товарищ Сталин?— с необычайным напряжением спросил он.

Голос Ежова был сдавленным и едва слышным, когда он, странно блеснув глазами, медленно отчеканил:

—Ни один человек не спасся... Все!

***

Под торжествующий гул своих мощных шести моторов несся красавец "Максим Горький" над окрестностями Москвы. Над ним, в нескольких стах метрах сзади, углом следовало звено истребителей, казавшихся ласточками рядом с громадным орлом. Командир воздушного корабля имел задание: сделать большой круг около столицы и по диагонали дважды пересечь город, чтобы дать возможность пролетариату вблизи полюбоваться чудом советской техники, величайшей птицей мира.

Погода была чудесной, ясной, солнечной, безветренной. Гигантская Москва, город, споривший за первое место в Европе с Парижем и Берлином, расстилался внизу, как раскрашенная карта. Премированные ударники-пассажиры с веселыми возгласами и прибаутками искали с помощью биноклей свои кварталы, дома и фабрики. Сталин сидел в кабинке управления и, казалось, был доволен, что гул моторов мешает разговаривать. Он был задумчив и рассеян.

Звено истребителей летело в безукоризненном порядке, словно их связывала невидимая цепочка. Отправленные в порядке почетного эскорта в такую летную прогулку, пилоты были, по военному уставу, все с парашютами, но не привязывались к сиденью, ибо никакие фигуры высшего пилотажа не были разрешены. Все семеро летчиков были проверенными, выдающимися мастерами своего дела. Вот почему командиру совсем не приходилось управлять своим звеном, а нужно было только в микрофон по радио передавать маршрут "Максима Горького", сообщавшийся ему Волковым.

Летчик крайнего углового самолета Благин вел свой аппарат механически, а в душе его все больше и грознее разгорался пожар страшного жертвенного решения. Он принадлежал к группе той идеалистически настроенной молодежи, которая всем своим пылким сердцем ушла в строительство страны под флагом социализма. В глазах этой молодежи социализм не был спорной теорией, которую каждый мог понимать, как хотел или как ему было выгоднее. Эта молодежь не задумывалась над тем, почему, собственно, и Сталин, и Вандервельде, и Бухарин, и Макдональд, и Троцкий, и Гитлер, — все они называют себя социалистами. Для него, молодого летчика, социализм был символом какой-то народной справедливости, какого-то пути реформ, который обязательно выведет родину на высоту новой славы и процветания.

Кровавая партийная грызня, ужасы насильственной коллективизации, постоянный террор, расстрел старых соратников Ленина, непрекращающееся смятение в стране, продолжающееся повсеместно горе и страдание народа, — все это поколебало веру молодежи в правильность пути, по которому ведет страну Сталин. И постепенно сложилось убеждение, что именно этот "великий кормчий" виновен в горе народа, что именно он упрямо тормозит прогресс и нормализацию страны и для сохранения своего поста, своего диктаторского положения, не задумается ни перед чем, чтобы сломить здоровые попытки народа наладить мирную жизнь любимой России.

Вот почему смелое лицо Благина было бледным и решительным. Он давно уже ждал случая привести в исполнение свой героический план — любой ценой, даже ценой своей жизни, спасти Россию от кровавого грузина. Он был твердо

уверен, что, уничтожив деспота, вернет Россию к нормальному порядку жизни, к прекращению дикого террора и раскрепощению творческих сил страны. С новых ростков новой жизни нужно было силой сбросить давящую плиту сталинского абсолютизма. Свободная, мирная Россия и Сталин были несовместимы... Недаром ведь столько молодых горячих сердец искали случая избавить Родину от стального диктатора. Можно было заранее предполагать, что Сталин примет участие в парадном полете "Максима Горького". Подслушанный доклад связиста прекратил тягостное ожидание. Сама судьба, казалось, вкладывала в его руки меч мести за миллионы русских жизней, погибших по вине Сталина. Момент расплаты, наконец, наступил... Вот там, в нескольких стах метрах внизу и впереди, в громадном корабле сидит этот "дрянной человечишко с желтыми глазами", как звали Сталина старые партийцы. И жизнь этого человека теперь уже находится в руках Благина.

В голове молодого летчика вихрем неслись лихорадочные мысли. Мелькнуло морщинистое доброе лицо матери, потом лукаво улыбнулась всеми своими милыми ямочками мордочка комсомолки Клавы... Ах, эта мордочка. .

"Комсомолочка моя,
Губки, как малинка..."

Но сейчас же чувство мужского долга прогнало эти видения. Мозг начал работать над техникой удара...

Само собой разумеется, истребители вылетели без бомб и без патронов в пулеметах. Да и что могло бы сделать такое оружие против гиганта? Нет, можно было действовать только таранным ударом, погибнуть самому, но не дать Сталину опуститься на русскую землю живым и невредимым для продолжения своих фанатических опытов и уничтожения лучших людей страны. Ведь все равно после покушения спасти свою жизнь было бы невозможно. Так уж лучше погибнуть сразу в этом сияющем воздушном море, на глазах сотен тысяч русских людей. Таранный удар — вот единственное решение! Но удар по корпусу гиганта ничего не даст. Поврежденный "Максим" пойдет на снижение — ведь пилотирует его такой блестящий летчик, как Волков, и Сталин будет, все-таки, спасен. Удар спереди по моторам может вызвать пожар корабля, но это не наверное. И даже с поврежденными моторами "Максим" спасется. Нет, надо добиться падения "Максима". Резкого падения, а не спуска. Надо бить только по крылу. Сломать его. Лишить машину несущей плоскости. Заставить упасть, как камень. Тогда никакие парашюты никогда не успеют спасти...

—Поворот на 20 градусов. Курс северо-восток,— донеслись через наушники до сознания Благина слова командира звена. Летчик механически повернул штурвал и поглядел вниз. Под

ним было Кусково, небольшой поселок, около которого находится известный стрелковый полигон... Вот там, в темном лесочке, вечерком встречался он с любимой девушкой... Эх...

Молодой летчик сжал зубы, тяжело вздохнул, повернул рукоятку газа "на самый полный" и потянул штурвал на себя. Машина легко рванулась вперед и стала свечкой подниматься кверху.

—Благин, куда?— донесся до него голос командира. — Сейчас же на место!

—К чорту!— сдавленно крикнул Благин в трубку микрофона и, легко обогнав свое звено и пронесясь над "Максимом Горьким", пошел в мертвую петлю.

На воздушном корабле только двое сразу же заметили и поняли значение появившегося над ними истребителя: это были Волков и Сталин. Оба сразу побледнели и с остановившимся дыханием смотрели, как легкая быстрая птица грациозно переворачивается в воздухе. Волков сразу толкнул штурвал от себя. "Береженого и Бог бережет". Надо было уйти от опасности, даже если она и мнимая. Ведь мертвая петля над самолетом не входила в программу полета, а он имеет на борту такого пассажира, как сам Сталин. "Максим Горький" послушно и плавно повернулся и резко пошел на снижение. Но истребитель был в три раза быстроходнее и подвижнее. Не выходя из вертикального положения мертвой петли, он, как бесстрашный стремительный сокол, бросился вниз на громадную птицу.

Вся жизнь молодого летчика сосредоточилась в глазах. Только бы не скользнуть мимо, только бы не дать Волкову уклониться от столкновения, только бы ударить прямо и точно. На полном газу мотор ревел все оглушительнее. "Максим Горький" рос с каждым мигом. Громадное крыло, сверкающее серебром дюралюминия, было как раз под ним. Красная звезда, как гигантская мишень, надвигалась в гуле и свисте падающего, как метеор, истребителя, с неотвратимой быстротой. Еще несколько секунд...

Рука твердо держала штурвал, но сердце перестало биться. Вся жизнь была в глазах. На какую-то тысячную секунды показалось, что за широким стеклом мелькнуло искаженное, бледное, такое знакомое по фотографиям, усатое лицо. Раздались треск и грохот, и сознание исчезло...

Тысячи людей, с восторгом наблюдавшие снизу за торжественным полетом воздушного чудовища, с интересом заметили, как быстро отделился крайний истребитель от своего, ровным треугольником летящего звена, как легкой птицей взвился он над "Максимом Горьким" и как после красиво вычерченной в безоблачном синем небе мертвой петли, камнем ринулся на гиганта и ударил его по крылу. В воздухе вспыхнул

легкий дымок; "Максим" покачнулся, его крыло надломилось, отвалилось в сторону и бесформенной грудой, вместе с истребителем, камнем полетело вниз. Гигант, словно из последних сил, как смертельно раненая птица, в конвульсии судорожно метнулся вбок и потом, накренившись в сторону отбитого крыла, тяжело и грузно стал падать, переворачиваясь в воздухе.

Тысячи сердец замерли. Вертикальная полоска прочертила по синему небу, скрылась за дальним лесом, и издали до слуха ошеломленных зрителей донесся глухой гул взрыва.

Давно-давно, когда революция еще не была в сознании людей кровавой, свирепой мегерой, а многим казалась прекрасной, сказочной, алой принцессой, которой можно было отдать свое сердце и посвятить всю жизнь, Максим Горький написал гордую "Песню о Соколе", о маленькой птице с большим мужественным сердцем. Думал ли когда-нибудь гениальный писатель, только что отравленный, что так странно сплетется в клубок его имя, написанное красным на стальном гиганте, с чудесной легендой о маленьком бесстрашном Соколе, погибшем в борьбе за свободу, за свет, за волю...

Еще плыл над дальним лесом клуб ржавого дыма, еще корчились в агонии обугленные тела, еще не знал мир о свершившемся, а в воздухе, казалось, звенели и звенели пророческие слова того, кто дал свое имя погибшему гиганту:

"Блестело море, все в ярком свете,
И грозно волны о берег бились.
В их львином реве гремела песня
О гордой птице. Дрожали скалы
От их ударов. Дрожало небо
От грозной песни:
"Безумству храбрых — поем мы славу!.."

А человек-сокол с огненным бесстрашным сердцем лежал исковерканной грудой мяса и костей, впившись закоченевшими окровавленными пальцами в штурвал своего самолета, отдав жизнь за счастье, за освобождение любимой Родины...

***

Приехав с аэродрома на Лубянку, Ягода дал распоряжение отменить все доклады и уселся за широкий стол своего кабинета. Казалось, сквозь ледяную кору его всегда невозмутимого лица пробивались какие-то отблески внутреннего пламени. Он закурил и, поднося спичку к папиросе, с каким-то удивлением и недовольством заметил, что его пальцы слегка дрожат. Недовольно бросив спичку в угол, он нервно встал и, открыв стенной шкафчик, налил себе стакан вина. Выпив весь стакан залпом, Ягода подошел к окну и задумчиво посмотрел на Лубянскую площадь. Там, как обыкновенно, суетился человеческий муравейник. Медленно ползли по кривым линиям рельс трамваи, быстро пролетали автомобили, грохотали телеги... Все было буднично и мирно. Никто не подозревал,

что над страной уже висит громадная опасность внутреннего взрыва.

Только один Ягода во всем мире знал, что теперь, именно в эти минуты, может быть, решится и судьба страны и его личная судьба. Уже давно сосредотачивал он в своих руках все силы, все нити власти, все возможности для переворота. И вот теперь дело дошло до кульминационной точки... Там, где-то в сияющем летнем воздухе, летит "Максим Горький" с диктатором страны в качестве пассажира... Долетит ли он до земли, а если долетит, то в каком виде?..

Уже давно Ягода вдумывался в возможности устранения Сталина. В руках всемогущего начальника политической полиции было много возможностей "ликвидировать" Сталина, как он сам без стеснения ликвидировал своих старых соратников, ставших ему почему-либо поперек дороги или даже могущих в теории это сделать. Ягоде не нужно было даже самому организовывать покушения. В бурлящей, полной недовольства и протеста стране нужно было только в подходящий момент перестать быть особенно бдительным. Нужно было посмотреть сквозь пальцы на одну из многочисленных попыток покушения на красного диктатора, как это он недавно сделал в отношении Кирова, бывшего его злейшим соперником... Случаи всегда представятся. Ягода знал по секретным сводкам, что имеются какие-то террористические группировки во Вхутемасе, что чем-то подозрительным пахнет к параду 7-го ноября... Да, возможности всегда имеются в изобилии. И если в "теорию вероятности" влить фактор "полицейской близорукости", то в результате неизбежно кому-то будет спета похоронная песня: "Вы жертвою пали в борьбе роковой..."

Злая усмешка поползла по умному проницательному лицу страшного наркома. Нужна только выдержка. Как вот в эти минуты... Ведь там где-то судьба уже бросает свои костяшки: "чет — нечет", выигрыш — проигрыш... А пока там что — спокойствие и выдержка. Ягода быстрыми нервными шагами подошел к скрытому в стене большому несгораемому шкафу, повернул какие-то кружки и рукоятки и осторожно открыл дверцу. Этот его личный архив был устроен таким образом, что мог автоматически либо убить незнакомого с механизмом человека, либо мгновенно уничтожить все документы.

Ягода вынул из шкафа какую-то папку и сел за стол. Странная насмешливая усмешка опять промелькнула на его жестоких тонких губах. Темные глаза блеснули торжеством. Уже давно ему доносили, что один из первоклассейших военных летчиков, Благин, держит себя как-то странно. Тщательная слежка дала некоторые данные, по которым можно было предположить, что молодой человек переживает период каких-то внутренних колебаний и сомнений. Точных данных о его антисоветских настроениях не было. Благин был перво-

классным пилотом, членом партии и безупречным солдатом. Агранов давно уже предлагал, в порядке профилактики, перевести Благина в провинцию, но Ягода, лично собирая сведения о летчике, не только оставил его в московском летном отряде, но даже дал свое согласие на включение в состав почетного эскорта при "Максиме Горьком". Терпение и выдержка Ягоды, кажется, дали свои плоды. Сегодня ночью ему доставили решающее письмо. Ближайший друг Благина, превращенный Ягодой в сексота, принес небольшое письмо, написанное Благиным по адресу матери, с поручением отослать, "если что-либо случится..."

"Родная моя мамочка, — писал летчик, —прости, что я причинил тебе смертельную боль своей гибелью. Но верь мне, дорогая, что я жил и умер за Россию. И умер не напрасно. Твой сыночек Коля".

Внизу мелко было приписано:

"Последний сердечный привет Клаве".

Ягода, словно ослабев, глубже опустился в свое кресло и задумался. Как будто все в его расчетах было правильно. Конечно, что-либо непредвиденное еще могло помешать в данном случае, но ведь тогда появятся еще и другие возможности. "Всегда добивается успеха тот, кто умеет умно ждать". Если теперь что-либо смешает его расчеты и Сталин ускользнет из невидимой сети, будет наброшена другая, с другим ору-

ОБРАЩЕНИЕ НИКОЛАЯ БЛАГИНА К НАРОДАМ РОССИИ*)

Николай Благин

"Братья и сестры! Вам выпало нести тяжелый крест, живя в стране коммунистической заразы, где на троне царствует красный кровавый империализм, где эти бандиты, каторжники и убийцы, самозванцы и авантюристы, жулики и негодяи, идиоты, сумасшедшие, кретины и дегенераты, именуют себя маркой ВКП(б). Пусть каждый из вас не забывает, что это ВКП(б) означает: Второе Крепостное Право (бандитов).

Запомните же имена и те лица самозванцев, которые восхваляют себя, называя любимыми, мудрыми вождями народа. Пусть каждый из вас не забывает голода 1921-1933 годов, когда ели не только собак и кошек, но и людей. А в это время бандиты-коммунисты устраивали торгсины для приезжей дряни из-за границы, чтобы замазать ей глаза. Дескать, как вы хорошо живете! В этих торгсинах на золото и иностранную валюту можно было купить, что душе угодно, только не вам, братья и сестры. В то время, как вы голодали, бандиты-коммунисты экспортировали по грошевым ценам за границу про-

*) **Примечание издательства.** Мы нашли нужным напечатать письмо летчика Н. Благина к народам России, как исторический документ. Ведь сам Благин пожертвовал своей молодой жизнью в борьбе с коммунистическими насильниками.

жием. Все равно жить вместе со Сталиным невозможно. Или он, или Ягода. Третьего не дано. Людей сильных, самостоятельных и, следовательно, для него опасных, Сталин около себя не выносит. Рано или поздно он столкнет Ягоду. А для Ягоды этот толчок, этот спуск означал несомненную гибель. Это, может быть, какой-нибудь Рыков, мирный пьяница, Божья коровка, не проливший на своем веку ни капли человеческой крови, — он еще может выжить, даже упав с советских высот. Но его, Ягоду, не пощадят... Недаром вот в этом шкафу (он невольно взглянул на него) хранится столько документов, от которых зависят репутации, карьеры и жизни не только одного Сталина. Не зря Ягода хвастался, что у него есть подробный план личной конспиративной квартиры самого начальника английской Интеллидженс сервис... Что уж говорить про руководителей своей страны? На каждого подобран обвини-

---

дукты лучшего качества. Якобы здесь в стране советов все хорошо, все благополучно.

Не забывайте, братья и сестры, как было все "хорошо" и "благополучно". В то время, когда из вас тянули последние жилы принудительными займами и т. п., когда вы действительно своим потом и кровью зарабатывали себе на кусок хлеба, килограмм гнилых овощей и тухлую рыбу, в это время бандиты-коммунисты закатывали попойки, балы и дикие оргии с проститутками, растрачивая миллионы народных денег. Не забывайте этого никогда, братья и сестры! Не забывайте за что был убит бандит Киров. Вам слишком примелькались рожи бандитов-самозванцев: Сталина, Кагановича, Димитрова и других коммунистов-авантюристов. Помните кого надо бить первого в случае войны. Война должна быть обязательно, чтобы освободить вас от цепей рабства, тяжелого крепостничества, кровавого большевизма, сумасшедших коммунистов. Никогда нигде во всем мире не будет спокойно до тех пор, пока не будет до конца уничтожен, — с корнем, до последнего бандита-коммуниста, — коммунизм, эта тифозная вошь на теле всего человечества. И как бы эти бандиты ни заверяли всех, что они не хотят войны, это наглая ложь! Коммунисты, при удобном случае, сеют везде смуту, разруху, нищету и голод. И если они не хотят войны, так это потому, что знают, что это будет их последняя битва, в которой коммунизм сотрут с лица земли, словно заразную бациллу.

Братья и сестры! Помните и мстите до последней капли крови тем, кто хвалит и в восторге от советской власти, где царствует бандитизм коммунистов.

Братья и сестры! Завтра я своим самолетом врежусь в самолет имени "босяка Максима Горького". Это произойдет не случайно. Я убью не один десяток лодырей-бандитов, коммунистов, которые именуют себя ударниками и катаются на вашей шее. Этот самолет, который построен на ваши кровные деньги, по принуждению, я знаю, что он упадет на вашу шею. Но терпите, братья и сестры, всякому терпению бывает конец. Перед смертью я объявляю вне закона всех коммуиистов и тех, кто сочувствует им. Я умираю, но вы — вечно помните Николая Благина, который отомстил и умер за русский народ. Летчик Николай Благин. Москва, 17 мая 1935 г."

тельный или компрометирующий материал. Ангелов на советских высотах нет. Недаром Ленин, ничуть не стесняясь, говорил: "Партия — это не институт благородных девиц. Иной мерзавец тем именно и ценен, что он мерзавец..." Невинных душ не было и нет за красным картоном партбилета... Этот вот шкаф — страшное оружие в руках Ягоды, но одновременно и страшная опасность для него самого. Разве есть кто-нибудь рядом, кому можно было доверить? На советских высотах человек человеку не только волк, а хуже — соперник. И соперник злобный, беспощадный, завистливый, готовый прибегнуть к любому предательству для достижения победы. Сам Ягода подбирал для Сталина все фальшивые обвинения против старой гвардии — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Томского, Бухарина. Зачем наивно думать, что в таком же шкафу, в кабинете Сталина, не лежит и не пухнет "дело" самого Ягоды? И ведь когда-нибудь эти обвинения прогремят против него самого?.. Умно говорит китайская пословица: "На тигре можно ехать верхом, но слезть с него нельзя..." Ягода понимал: сорвись он — смерть... Нужно лезть вперед и выше; только в этом спасение. Только в этом его будущее!..

Нет, все взвешено правильно. Уже не раз он разжимал свой кулак, отворачивался словно случайно, и таинственно скоропостижно гибли советские вожди — убили Кирова, "самоубился" Томский, как-то "преждевременно умерли" Максим Горький и Менжинский, "неожиданно" случился "разрыв сердца" у Дзержинского, умерли от сердечных припадков Куйбышев и Орджоникидзе. А чего стоят все эти политические процессы над старой гвардией, оказавшейся "шпионами фашизма" и "агентами Гестапо"?.. Нет, Ягода сделал свое дело для Сталина и скоро для не него он станет только лишним и опасным свидетелем кроваво-грязных закулисных комбинаций. И, — что еще важнее, — все более опасным противником в борьбе за власть и за ее сохранение в диктаторских формах. Нет, как будто все рассчитано правильно. Этот летчик Благин, нервный, националистически настроенный, самоотверженный идеалист, потрясенный картиной расправ, коллективизации, террора, голода, произвола, — он может решиться на покушение. Все говорит за то, что это вполне возможно. Его письмо к матери подводит черту. Это несомненно предсмертное письмо. Большинство шансов за то, что сегодня с "Максимом" что-либо случится, но Ягода останется в стороне. А если нет — ну, так что же? Благина расстрелять, как ненужного уже человека, а к Сталину пропустить убийцу через другую щель. Убийца найдется всегда. Недаром говорится: "в тени, отбрасываемой деспотом, всегда таится человек с ножом..."

Негромко загудел кремлевский телефон. Ягода не сразу взял трубку. Несколько секунд неподвижным взглядом смотрел на никель аппарата, видимо, собирая разбросанные мысли

и сжимая волю в кулак. Сегодня нервы ему были нужны в полном блеске их выдержки и силы.

—Да?..

—Ты, Генрих? Говорит Ежов. Загляни-ка, пожалуйста, немедленно сюда ко мне.

—А что — есть что-либо срочное?

—Найдется, Генрих. Но не телефоном. Так приезжай в Кремль немедленно.

Голос Ежова был как будто спокоен и ровен. Правда и то, что люди Кремля не слабонервные девицы.

—Ладно. Буду через 20 минут.

В мозгу Ягоды проносились неясные мысли и догадки. В чем там дело? Вызов его в Кремль ничего необычного не представлял. Но форма этого вызова и именно теперь, когда "Максим Горький" несся в ясном небе навстречу... навстречу чьей-то судьбе... А может быть... **уже?**

Как-то внезапно зазвонил внутренний телефон.

—Да...

—Вы, товарищ начальник? Вы?.. Только что наш пост в Кускове донес, что "Максим Горький" сбит на землю ударом истребителя, делавшего мертвую петлю.

—Та-а-а-ак,— холодно прозвучал голос Ягоды. —Есть жертвы?

—Машина упала с высоты около 2.000 метров,— докладывал взволнованный голос. —С отломанным крылом. Взорвалась и горит. Насчет жертв точных сведений пока еще нет, а только надо думать, что все погибли. Отломанное крыло и 2.000 метров...

—Хорошо,— Ягода помолчал. —После получения дополнительных сведений, телефонируйте мне в Кремль, в кабинет Ежова. — Есть, товарищ начальник...

С бледным, решительным лицом вошел Ягода в кабинет Ежова. Тухачевский сидел, глубоко погрузившись в мягкое кресло, в каком-то подавленном раздумьи. Ежов нервно ходил по диагонали кабинета и при появлении Ягоды резко остановился. Его глаза остро взглянули на всемогущего начальника политической полиции. —Ты уже знаешь?

Сухое лицо Ягоды передернулось. В минуты волнения его щека непроизвольно дергалась, придавая еще более мрачное выражение каменному лицу с ястребиными глазами.

—Да,— медленно и глухо ответил он. —Какая трагедия!..

Глаза обоих встретились, стремясь прочесть что-либо в душе другого. Но оба были старыми, травлеными, матерыми партийными волками и привыкли к борьбе и выдержке. Несколько секунд длилось молчание. Ежов первый отвел глаза.

—Ну, что ж,— вздохнув, проговорил он. —Не будем медлить. Надо срочно выходить из положения. Пойдем в кабинет Сталина. Туда я уже кое-кого из Политбюро успел вызвать.

Тухачевский удивленно поднял на него глаза, но ничего не спросил. Молча маршал и нарком последовали за Ежовым. Пройдя по нескольким низким кремлевским коридорам, все трое вошли в кабинет личного секретаря Сталина и начальника его личной охраны. Там, по заведенному порядку, все оставляли оружие. Тухачевский секунду помедлил, отстегивая свой наган. "Все равно — ведь Сталина уже нет в живых", подумал он. Но привычка к военному порядку и упорный взгляд вытянувшегося Петерса, — коменданта Кремля, — заставили его молча положить оружие и последовать по коридору за Ежовым. Только один Ягода знал, что в стены этого коридора вделаны громадной силы рентгеновские аппараты, проверяющие, нет ли у проходящих к Сталину спрятанного оружия. Но теперь Ягоде не до мыслей о правильном функционировании охранительного аппарата. Ведь скоро охранять нужно будет кого-то другого. Того, кто еще станет на пути к власти самого Ягоды. Ведь борьба за эту власть не прекращалась ни на секунду...

Ежов открыл дверь кабинета и пропустил туда сперва Тухачевского, а потом Ягоду. В небольшой простой комнате, за широким письменным столом сидел и спокойно улыбался. . . сам Сталин. Тухачевский, зная, что Сталин иногда заменяет себя своими двойниками, пытливо взглянул ему в лицо и нервно спросил: —Слушай, Иосиф... Это ты... Или?..

—Я... Я сам, собственной персоной,— усмехаясь ответил Сталин, пожимая руку маршала. —Без ошибки. Факт.

Теперь сомнений уже не было. Глухой спокойный голос с грузинским акцентом был единственным и неподдающимся подделке. Тухачевский медленно провел рукой по лбу, кивнул головой сидевшему в кабинете Кагановичу и, словно в бессилии, опустился в кресло. Между тем, в это время между Ягодой и Сталиным происходил секундный поединок глаз. Несмотря на всю свою выдержку, Ягода был взволнован... Еще накануне он лично говорил со Сталиным и убедил его полететь на "Максиме". Но до последнего момента никто не должен был знать, что Сталин будет на прогулке, и было решено никаких подмен двойниками не устраивать. Что, в самом деле, могло случиться в тихий день с громадной машиной в простом полете над Москвой? На самолете того типа, который мог свободно пересечь Ледовитый океан над полюсом и снизиться в Сан-Франциско? Какая авария могла быть с самолетом, который даже на половине своих моторов спокойно мог опуститься в любом месте? На самолете, построенном самим Туполевым, управляемом первоклассным летчиком и уже испытанном в пробных полетах?.. Именно на твердом расчете, что Сталин лично будет участвовать в полете, был построен весь план Ягоды. А тут... Сомнения не было, что за столом сидит Сталин, а не его двойник. Что это — случайность или... недоверие? Неужели его игра разгадана?

Ягода, впившись глазами в лицо Сталина, не видел, с какой торжествующей усмешкой смотрел на него самого Ежов. Но секунды проходили. И какие секунды!.. Ягода, наконец, опомнившись, бросился к Сталину.

—Ну, слава Богу, Иосиф, что ты остался здесь.

Голос Ягоды звучал уже почти спокойно и непринужденно. Радость его была инсценирована прекрасно. Он был подлинно стальным человеком и ничто не могло надолго вывести его из равновесия.

—Ха-ха-ха,— рассмеялся Сталин, добродушно пожимая руку наркома. — Это, вероятно, в первый раз наш милейший Генрих Бога вспомнил. Ха-ха-ха... Вот что значит, когда человек волнуется, увидев своего любимого вождя живым и здоровым, вместо котлеты. Мне мой ангел-хранитель шепнул, что лучше не лететь... А вот ты, Генрих, как ты мог это проворонить?

В голосе Сталина, несмотря на мягкую шутливость тона, прозвучало что-то грозное. Ягода деланно спокойно пожал плечами.

—А чорт его знает. Я немедленно подниму всех на ноги, чтобы раскопать эту историю до самых корней. Всего никогда учесть невозможно. Все было проверено до точки. Кстати и все семеро летчиков были вне всяких подозрений. А враг пробрался, все-таки.

—Да, конечно, конечно,— с чуть заметной насмешливостью поддакнул изящный Каганович, стремясь рассеять грозовое напряжение. —За всем не усмотришь! Это, как у меня недавно в Нижнем был один вредительский процесс. Вызвали туда, как эксперта, одного ста-а-а-рого профессора. Тот бубнил, бубнил... Председателю надоело, он и спрашивает прямо: "Да вы мне, товарищ профессор, прямо скажите — можно считать, что сюда контрреволюция влезла?" А тот пожал плечами и покачал лысой головой. "Ничего не могу вам сказать, товарищ председатель. Пути контрреволюции неисповедимы..."

Сталин опять рассмеялся.

—Неисповедимы, говоришь? Ну, ну... Но только для нас, марксистов, это никак не объяснение. У нас случайностей и мистики быть не должно... Вот что, Генрих,— обратился он к Ягоде и голос его стал сухим и твердым. —Мы тут налету обсудили создавшееся положение и считаем, что ты, к сожалению, начал выпускать вожжи из рук. Оно и понятно — столько лет без отдыха ведешь громадную работу. Не мог не устать. Заработался. Вот мы и решили дать тебе немного отдыха. Так что я пока перевожу тебя на должность Наркомсвязи. А свой наркомат передашь Ежову.

После этих слов воцарилось напряженнейшее молчание. Ягода смотрел в черные непроницаемые глаза Сталина и кровь отливала от его сердца. Какие-то змейки не то ужаса, не то

озлобления поползли по нервам. Лихорадочно заработал мозг. Момент был решающий. Ни своих опасений, ни своих мыслей высказать здесь было нельзя.

—Ну, что ж, Иосиф, — так же спокойно ответил он. — Я, пожалуй, и сам бы не прочь отдохнуть. Тебе виднее, что и как лучше для страны и революции.

Острые глаза Ежова не заметили в своем противнике никаких внешних следов волнения и растерянности. Он с некоторым удивлением взглянул на Сталина, который одобрительно крякнул, как бы невольно хваля стальную выдержку Ягоды.

—Ну, вот и отлично, Генрих. Так и решим... Пока что будем держать это решение в секрете. Ты пока строго обследуй аварию "Максима" и потом потихоньку подготовь Наркомат и дела к сдаче Николаю.

—Есть, товарищ Сталин. Во всяком случае, командира звена истребителей и начальника летного отряда я сейчас же расстреляю.

—Ну, это дело твое,— пожал плечами Сталин. —Для острастки неплохо. Пусть другие внимательнее будут. Да и приготовь, кстати, данные для официальной версии причин аварии. Лучше всего, думаю, сказать о внезапном помешательстве пилота. Всем, кто был при отлете, дай срочное приказание молчать, что я был в "Максиме". Те, на машине, никому уже не скажут... А теперь, Генрих, иди двигай свои дела...

Ягода пожал протянутую ему Сталиным руку, кивком головы попрощался с молчаливо смотревшими на него Тухачевским, Кагановичем и Ежовым и направился к дверям. Сталин встал проводить его и дружески потрепал отставленного наркома по плечу.

Сохранивший все свое самообладание, Ягода прекрасно понял, что означало присутствие маршала Красной армии в этой комнате. В возможном бою за власть Сталин хочет использовать против него силу армии. Ну, что ж, может быть, еще поборемся. . .

Когда Ягода взялся уже за ручку двери, его остановил голос Сталина.

—Генрих. . . Вот что еще я хотел тебе этак, по-дружески, сказать: пожалуйста, без глупостей... Понимаешь?

Фраза была сказана тихо и спокойно, но в голосе Сталина Ягоде послышался лязг металла. Он понял, что его планы разгаданы, что проницательный грузин читает его мысли. . . "Глупости"?.. Нет, не в глупостях дело. Пусть его блестящий шахматный ход с Благиным оказался ловко отпарированным. Но проиграна ли только одна эта комбинация или вся жизненная партия? Пока эту игру необходимо срочно свести к ничьей. А потом, потом? Там будет видно!

И Ягода спокойно, пожав плечами, уверенно вышел из кабинета.

ГЛАВА 4

Среди молодежи

На мягком войлоке тира тело стрелка лежало по всем правилам искусства — как можно плотнее к земле и как можно тверже на локтях. Широкий ремень плотно обвивал руку Тани и крепко вжимал приклад в плечо. Мушка медленно поднималась к черному яблоку мишени. Ровно-ровно... Вот между черным яблоком и мушкой осталась только тоненькая белая ниточка. Дыхание совсем замерло и палец стал мягко давить на спуск. Винтовка лежала неподвижно. Еще немножко... Главное ведь, чтобы выстрел всегда был неожиданным даже для самого стрелка!.. Еще... Есть!

От уменьшенного заряда тяжелая военная винтовка не давала отдачи. Таня мигом щелкнула затвором, меняя патрон, и в голове мелькнуло:

—Хорошо ли?

—Прекрасно, Таня,— ответил на немой вопрос чей-то спокойный голос сзади. —Девять!

Девушка живо обернулась. В метре сзади нее лежал человек в положении для стрельбы. В руках его была складная подзорная труба.

—Это вы, Миша?

В голосе Тани прозвучала искренняя радость.

—Нет, это не я. Это мой дух...

—Ну-да! Конечно, только одни духи да индейцы могут так бесшумно подбираться к людям. Вот удивили!

Рабочий дружелюбно улыбнулся, глядя на радостно порозовевшее лицо девушки.

—Что ж тут удивительного? Разве я не обещал придти? Разве вы мне не поверили?

—Нет, нет... Вам я верю всегда,— и смутившись от горячности тона, Таня опять повернулась к мишеням.

—У меня еще два патрона, Миша. Смотрите, куда я попаду.

Девушка целилась с особенной старательностью, желая заслужить одобрение своего нового друга. И когда раздалось сзади спокойное: "Десять. Молодец, Таня!" она опять вспыхнула радостным румянцем. Последний выстрел дал еще девятку.

—Ну, пойдем, поглядим, —заорал Ведмедик после отбоя. — Неужели, Полмаркса, Танька нас с тобой обставила? Вот девки пошли — прямо пальца в рот не клади. У Таньки столько талантов, что просто ущипнуть некуда.

Опасения снайпера были напрасными. Он уверенно выиграл товарищеское состязание: 92 очка из 100 возможных. Таня выбила 86, а комсомолец — 80.

—Что ж это вы?— благодушно спросил Пенза.—Не в ударе?

—Вроде этого, —не без сумрачности отозвался Полмаркса. —В мозгах кавардак и полное завихрение: завтра диамат*) сдавать нужно. Боюсь, что по текущим политическим событиям гонять будут. А я насчет ереси Зиновьева да Каменева — ни в зуб ногой... Почему такое: вдруг вчерашние герои и вожди сегодня враги и предатели? Своих мозгов на объяснение не хватает. Нужно заучить официальное объяснение. А это, думаете, легко?.. А насчет стрельбы — это не так и важно. Я ведь комиссаром буду, а не снайпером. Мне не 100 очков давать, а указывать, куда, когда да по кому стрелять нужно .

—Ну, конечно,— с насмешкой отозвался Ведмедик. —Ты по врагу "Капиталами" Маркса стрелять будешь. 105 процентов из 100 возможных. Политстахановец!..

Тем временем друзья вернулись на линию огня. Таня удобно примостилась с подзорной трубой Пензы и приготовилась следить за его стрельбой.

Длинный, стометровый тир "Парка Культуры и Отдыха" был покрыт нежно-зеленой травкой. Вдали стояли щиты с белыми круглыми мишенями; за ними поднималась высокая стенка, а дальше, за деревьями под обрывом, лениво текла Москва-река. Где-то сбоку, за густыми липами, слышались музыка и шум многоголосой толпы... На линии огня расположилось уже десятка два новых стрелков. За низкой оградой нетерпеливо теснились группы посетителей парка, ждавших очереди пострелять. Тут были школьники и спортивная молодежь, военные и старики. Было много девушек**).

Пенза положил на край войлока свою неразлучную потухшую трубку и небольшой стэк, усеянный монограммами, с неторопливостью старого опытного стрелка взял только что испытанную Ведмедиком винтовку, тщательно осмотрел ее и удобно улегся на войлоке.

—Ну-ка, ну-ка, дядя Миша,— весело подзадорила его Таня. —Не осрамитесь!

Пенза вполоборота поглядел на нее. В своей коричневой широкой юбке, белой спортивной майке с короткими рукавчиками, загорелая и веселая, с коротко подстриженными волосами, с оживленным подвижным лицом, на котором то и дело от

---

*) Диамат — диалектический материализм, основной закон марксизма, метод рассмотрения событий и явлений под углом зрения крайнего материализма.

**) В советской России стрелковые тиры широкой сетью раскинуты по всему лицу страны, от столицы до деревень. Стрельба доступна всем, так как государство субсидирует стрелковую подготовку и цена патрона минимальна. Постоянные соревнования с призами подогревают спортивный интерес к стрельбе и увлекают к более серьезному изучению трудного искусства пулевой стрельбы. Поэтому-то в праздники стрелковые тиры везде полны. Массовая военная подготовка населения СССР — один из характернейших штрихов жизни страны.

улыбки показывались, словно вспыхивали, милые ямочки у уголков рта, она была воплощением свежести, здоровья и молодого задора. Особенно нравился Пензе контраст между умными, широко расставленными ясными глазами и детским, румяным, круто изогнутым ртом. И, — странное дело, — не было в этой девушке ни капли кокетливости; она была проста и естественна, как живой ветерок цветущего поля или улыбка солнечного луча.

—Да я, ведь, столько времени не стрелял,— отозвался Пенза. —Где же мне за вами угнаться? Стрельба постоянной тренировки требует.

—Рассказывайте кому другому,— отпарировал стоящий сзади Ведмедик. —И по выправке сразу видно и по тому, как винт держите, что старый вояка. Скромничаете. Сколько, вероятно, лет по живым целям стреляли?.. Ох, Танька, скрипит, кажется, наша с тобой слава!..

Через полминуты раздался первый выстрел и вслед за ним восторженное Танино — "десять"!

—Вот чорт,— не без беспокойства пробормотал Ведмедик. —Случайно, может быть?

Пенза опять тщательно прицелился.

—"Десять",— в голосе Тани были и восторг и беспокойство. А вдруг и в самом деле этот простой рабочий их, призовую стрелковую молодежь, обставит вчистую? Позор...

—Десять, десять, десять, десять,— раздалось от подзорной трубы, и голос Тани все ослабевал в своем оживлении. Пенза опять мельком поглядел на девушку и незаметно усмехнулся.

—"Шесть",— голос Тани невольно прозвучал радостью.

—Ах, чорт,— пробормотал Пенза с досадой. —Сорвал. Вот что значит давно не стрелять. Ну, ничего...

—Десять, десять... Ну, пропали мы с тобой, Ведмедик. . . Еще одна десятка — и аминь...

Наступило напряженное молчание. Пенза опять замер со своей винтовкой. День был ясный, и в стекле подзорной трубы белая мишень была видна четко, со всеми кругами, цифрами, пробоинами. Легкий ветерок весело шевелил оборванными краями бумаги... Куда-то войдет десятая пуля?.. И вдруг! Девушка ясно увидала, как на белом фоне слева, далеко от центра, появилась черная точка.

—Два... Два!— радостно воскликнула она. —Пропала вся ваша сумма очков, Миша! Все испортили. Эх, вы!

Несмотря на внезапное сожаление, Таня сияла. Ведмедик тоже не скрывал своей радости. Они, стрелковая молодежь, все-таки остались впереди. Пенза поглядел на их молодые радостные лица и со скрытым вздохом подумал, как, собственно, немного нужно, чтобы доставить молодым сердцам громадную радость. Нужно только "нечаянно" проиграть состязание. То,

что для него представляло такой очевидный пустяк, для этих юных человеческих зверят — такая радость... Все в мире относительно и все несоизмеримо. Может быть, **эта** радость субъективно больше, чем **его** радость, когда, скажем, он разгромил Колчака?.. "Что есть истина"? — вспомнил он высокомерные и презрительные слова Пилата, сказанные Христу после бичевания. Что есть мерило счастья и радости?..

В конце концов, он и сам был рад радости молодежи. Но, сделав раздосадованный вид, проворчал:

—Да, конечно... Дайте мне вашу тренировку, я вас в чистом виде обставлю.

—Возможно, что последний патрон бракованный попался, — великодушно заметил снайпер. —Это частенько бывает.

—Вероятно... Но, впрочем, как же я могу нашу прекрасную королеву обставить? Это было бы совсем даже не по-рыцарски.

Таня, с каким-то внезапно вспыхнувшим подозрением, поглядела на смеющееся лицо рабочего, но взгляд того был ясным и непроницаемым.

—А где ваш четвертый мушкетер?— переменил он тему разговора. —Я думал — вы всегда вчетвером.

—Д'Артаньяшка-то?— переспросил Ведмедик, переминавшийся с ноги на ногу и горевший желанием поскорее посмотреть мишень своего соперника. —Да он что-то в театре малюет. Занят больно —не подступись!

Пенза и Таня продолжали лежать на войлоке — до команды отбой вставать с линии огня запрещалось — и оживленно обменивались замечаниями об их маленьком стрелковом матче. Внезапно Ведмедик, топтавшийся сзади, обернулся к Полмарксу и нечаянно наступил своим подкованным военным башмаком на ногу лежавшей Тани. Та вкрикнула.

—Ах, Танюшенька, прости за ради Бога!— испуганно воскликнул снайпер и его розовое юношеское лицо даже побледнело. —Ей же Богу, нечаянно!

—Нечаянно,— сердито заметил Пенза, глядя на капли крови, выступившие на ноге, покрытой ссадинами. —Право, вы даже не медведик, а просто слон.

—Вот чортова шляпа, мать твою,— с неожиданной яростью воскликнул Полмаркса, наклоняясь над раненой девушкой. —Ты даже не слон, а хуже... Или, марксически говоря, если тезис — человек, антитезис — обезьяна, то синтез — как раз ты... Дубина!

Глаза Тани были полны слез. Нога ее покрылась кровью. Видимо, тяжелый ботинок повредил также и сухожилия ступни.

—Очень больно?— заботливо спросил Пенза, помогая девушке подняться после звука трубы.

—Не-е-ет,— слабо ответила она, улыбаясь через силу. И, увидя испуганное лицо Ведмедика, добавила: —Ничего...

Провинившийся снайпер мигом слетал в аптеку тира, и рабочий с ловкостью старого солдата перевязал пораненую ногу. Завязывая концы бинта, он лукаво усмехнулся, взглянув на сморщенное от боли лицо девушки, сделавшееся совсем детским, и ласково погладил ее по ноге.

—Ничего, Танюша. До свадьбы заживет. Надо бы подуть на "ваву" и поцеловать — это детишкам очень помогает. Но вы ведь взрослая снайпериха.

Потом неожиданно он поднял девушку своими сильными руками и поставил ее на землю. У Тани даже дух захватило от нового ощущения полета в мужских руках. Раскрасневшись от смущения, она, опустив голову, поправила свои значки "Ворошиловского стрелка" и "ГТО"*) и невнятно поблагодарила Пензу за помощь.

Через несколько минут все они группой выходили из тира. Таня приняла предложенную ей руку Пензы, а уже забывший о своей провинности, Ведмедик с азартом рассказывал рабочему, что, по имеющимся сведениям, в СССР скоро появятся новые автоматические винтовки.

—Вот тогда постреляем! — с восторгом воскликнул он. — Это ведь сплошная конфетка, а не винтовка! Какая она там будет — никто пока толком не знает, но мы, снайперы, уже коечто пронюхали. Только вы, Миша, смотрите — никому ни гу-гу!

—Почему так?

—Да ведь это до поры до времени строгий государственный секрет,— отозвался Ведмедик. Его, еще пухлые, губы были серьезны и полны важности.

—Неужели?— невинным тоном отозвался Пенза. —А я и не знал! Но не беспокойтесь, Ведмедик, ей Богу, никому не скажу. Могила... Но почему, собственно, вы в таком восторге? Разве наша теперешняя винтовка так уж плоха?

—Нет, не то, что плоха, — пожалуй, лучше других иностранных, но ведь какая разница? Небо и земля. Вот вы были на фронте, вам должно быть понятно. Лежу я, скажем, в каком-нибудь хорошем укрытии, может быть, даже за этаким стальным щитком. Закамуфлирован, как... ну, как воробей на навозе. Партизан, одно слово! И вот в руках у меня такой вот автомат с телескопом. Мои глаза, слава Богу, и так словно бинокли, а тут шестикратный телескоп — на тысячу метров воробья вижу. И что бы впереди ни пошевелилось, ни появилось, хотя бы мышь — сейчас же ее на крестик паутинок телескопа. Раз — и аминь. Пишите домой письма... Да ведь я с таким винтом на 800 метров любую голову продырявлю. И

---

*) "Ворошиловский стрелок" — сдавший стрелковые нормы на 50 метров из мелкокалиберной и на 300 метров из боевой винтовки. Значок "Готов к труду и обороне" дается за сдачу испытаний по физической подготовленности и отчасти по политзнаниям.

ведь рук от него отрывать не нужно — только нажимай. 15 пуль — это верных 15 смертей... И скорость-то какая!

—Но ведь пулемет скорость еще большую дает?

—Ну, что пулемет,— презрительно скривились молодые губы. —Пулемет — громоздкая машина. Ее не упрячешь. Тяжесть, два человека, патронные коробки и все такое. Только вслепую все свинцом заливать. Грубая работа для плохо стреляющих дураков. А от отдельного винта-автомата никому нигде спасу нет. Против нескольких хороших снайперов всякая атака — гиблое дело.

В голосе Ведмедика был непритворный восторг.

—Ну, а в кого стрелять, Ведмедик — вам все равно?— не без лукавства спросил Пенза.

Простодушное лицо юноши выразило удивление.

—Как это "в кого"? Во врагов нашей Родины. Очень даже просто.

—Ну, а кто враги Родины?

Ведмедик удивился еще больше.

—Ну и вопросы вы задаете, Миша... Несообразно даже. Враги те, кто на нас нападает.

—Вот и сел в калошу,— вмешался молчаливый Полмаркса, мрачно шагавший позади. —Враги те, что не только на нас нападают, но и те, кто внутри строительству нашему мешают. Вредители всякие, диверсанты, фашисты, социалпредатели...

—Иди ты к дьяволу!— зло огрызнулся Ведмедик. —И вечно у тебя партийная точка зрения. Я, брат, не милицейский и не чекист. Я — простой русский солдат...

—"А мы — простые русские ребята
И любим Родину свою",—

пропела Таня

—Вот именно,— обрадовался поддержке Ведмедик. — Именно простые русские ребята. И по своим русским я не стрелок.

—Ну, вот и видать, что ты политически совсем не подкован. Классовая борьба вовсе, брат, не кончилась.

—Как же так?— лукаво спросил с самым невинным видом Пенза. —Ведь социализма мы уже в основном добились. Так откуда классовая борьба, если классов уже нет?

Все с любопытством поглядели на нахмуренное лицо веснущатого комсомольца. Но тот не смутился.

—Да... Все это так, но насчет конца классовой борьбы Сталин сказал: это — "гнилая теория". Именно потому, что социализм победил, классовая борьба стала еще острее.

Взорвался веселый хохот.

—Да, да, не ржите, черти. Это ведь не я, а сам Сталин сказал. В "Комсомольской правде" черным по белому было пропечатано. Так что, может, внутренний враг порой опаснее даже внешнего.

—Ну и вюой с ним, — уже злобно оборвал его молодой снайпер. —А для меня наши русские никогда не враги.

—Ну, а как же в гражданскую войну?— прямо спросил Пенза. —Я вот в свое время воевал с русскими...

—Тогда другое дело было. Там на нашу народную власть интервенты шли, чтобы все старое, гнилое вернуть. С той стороны не русские шли, а просто наемники капитала, реакционеры да помещики...

—Здорово, Ведмедик,— одобрительно крякнул Полмаркса. —Ты иногда не очень балдой бываешь. Молодец.

—Иди к чорту,— опять огрызнулся снайпер. —Думаешь, как "КИМ" надел, так у тебя и в мозгах что прибавилось? Политик тоже нашелся. Это словно про тебя Есенин сказал:

"За твоим комсомольским билетом
Пустота, пустота, пустота?.."

Таня весело засмеялась и подхватила Пензу под руку.

—Да бросьте, ребята, ссориться. В такой день?.. Даволько вам.

Приказания Тани, как всегда, были законом. Полмаркса, все-таки, втихомолку огрызнулся:

—"Довольно"?.. Ишь какая шустрая? Прицепилась на буксир и рада покомандовать...

Таня, действительно, наслаждалась ощущением мужской опоры. Ей впервые смутно понравилась сила мужских рук, так легко поднявших ее с земли, и теперь она беззастенчиво пользовалась своим положением "хромоножки".

—А тебе что — завидно?

—Вот еще что? А только это ведь эксплуатация человека человеком. И это в советской-то стране!

Таня расхохоталась.

—А если человек не возражает? Верно, дядя Миша? Наша власть, братишка! Триста лет нашу бабью кровь вы, мужчины, сосали, дайте и нам пососать...

Веселая компания, шутя и пререкаясь, неторопливо шла по многолюдным аллеям парка, мимо американских гор, спортивных площадок, кегельбанов, театров, беседок, кино, мелких тиров, танцовальных уголков, качелей, гигантских шагов и прочих аттракционов парка. Незаметно друзья подошли к парашютной вышке. У ее ограды стояла возбужденная толпа, шевелящаяся и шумливая.

—Что там,— прервала разговор чуткая Таня. —Что там такое случилось?

Они подошли ближе. Какой-то серьезного вида пионер в очках солидно рассказывал своим друзьям, что тут только что "в лепешку, в дым" разбился один парень, парашют которого почему-то во время не раскрылся. Труп сейчас же был увезен каретой скорой помощи, но инструкторы напрасно зазывали молодежь продолжать прыжки. Зловещий глухой шум падения

тела, казалось, еще звучал у площадки. Засыпанная песком кровь еще пугала впечатлительные молодые души.

—Как же, держи карман шире,— ворчливо говорил какой-то молодой рабочий, стоя в передних рядах. —Там еще та кровь, почитай, не просохши, а тут опять лети? А, может, я тоже сковырнусь к чортовой бабушке? Стедова, братцы, 60 метров. Чистая костоломка. Нет, братки, теперя дураков нету. Ежели раз осечка — никто больше не поверит...

Таню вдруг что-то взмыло. Она освободила свои руки и решительно шагнула вперед.

—Эй, товарищ инструктор! Давай я скачусь с неба, если мужчины труса празднуют. Герои тоже...

Молодой рабочий окинул ее презрительным взглядом.

—Храбрюга тоже нашлась тута... Треплешься, верно. Неужто полетишь?

—Полечу!— Голос Тани звучал звонко и решительно.

—"Эх, живи, не тужи,
Помрешь — не убыток!"—

пропел насмешливо какой-то подпивший парень, ухарски подмигивая девушке.

—Ну, ну. Лети, лети, девка, пятки только не растеряй...

Угрюмый высокий инструктор парашютного дела просиял.

—Давайте, давайте, товарищ... А то, что ж такое выходит? Из-за какой-то глупой случайности все забастовали? А ежели на фронте?..

Но прежде, чем Таня и инструктор направились к вышке, к ним подошел рассерженный Пенза.

—Куда это вы собрались,Таня?— сурово спросил он. — Что за блажь?

—А почему бы нет? —вызывающе ответила Таня. —У вас разрешения должна спросить? Что ж, если мужчины на попятный пошли, может быть, советские девушки им пример показать смогут?

Ясные голубые глаза смотрели смело и прямо. Крутые губы сложились в уверенную, чуть презрительную усмешку.

—Что за ерунда,— решительно оборвал ее Пенза. —Причем тут мужчины? Ну, куда вам лезть?.. Товарищ,— обратился он к инструктору. —Не пускайте ее. Видите сами — у нее нога повреждена.

—А которое ваше дело?— недовольно возразил инструктор. —Она взрослая. Ей самой дело решать, что и как... Вы ей нянька или жених?

—Ерунда, не в том дело, —опять резко прервал Пенза. — Но не раненым же девушкам прыгать?— и неожиданно для самого себя добавил: —Давайте уж лучше прыгну я.

Он и сам не знал, почему внезапно сложилось в нем такое решение. Было так глупо из-за вспышки досады и самолюбия подвергать себя совершенно ненужному, бессмысленному

риску. Но слово уже вырвалось и, злой и мрачный, сердито сунув удивленной и растерянной девушке свой стэк и трубку, он решительно пошел за обрадованным инструктором к вышке. В толпе прошел шум: нашелся, мол, смелый человек, который сейчас спустится на то "мокрое место", которое осталось от только что разбившегося прыгуна.

Оба молча поднялись в лифте на вышку. Там прыгуну прикрепили особо проверенный парашют. Длинный инструктор с опаской поглядывал на мрачное лицо рабочего, все еще боясь, что тот может отказаться в последнюю минуту. Тогда ведь его день пропадет: толпе нужен был психологический толчок, чтобы она забыла происшедшую трагедию и опять дала прыгунов.

Внезапно Пенза усмехнулся. Ему пришло в голову, от какой, в сущности, мелочи может часто зависеть судьба целой страны. Вот из-за каприза девчонки он, маршал Тухачевский, подставит под совершенно ненужную смертельную опасность свою голову. Голову, которая теперь решала вопрос о судьбе России и от которой эта судьба реально зависела. Как путанно и подчас ерундово складываются извороты и узлы жизни!

—Ну, что — готово?— сухо спросил он. В его голосе не было заметно абсолютно никакого волнения. Инструктор с удивлением посмотрел на твердое лицо.

Он привык к колебаниям и волнению прыгунов. А тут — ни в голосе, ни в лице не было и тени тревоги. Только какая-то непонятная досада. Бывают же такие каменные люди. . .

—Готово, товарищ. Все проверено. Осечки не будет. Прыгайте, не бойтесь ничего.

Рабочий презрительно пожал плечами, поглядев на чуть растерянное лицо инструктора.

—Ладно. Только если там что — придется вам самому безвременно погибшему маршалу некролог писать.

Инструктор не сообразил, что, собственно, значили странные слова рабочего, когда тот, уверенно подойдя к краю вышки, приветственно махнул кому-то рукой и смело прыгнул вниз.

**
*

Таня затихла и молча прижалась к Ведмедику, пока Пенза в лифте поднимался наверх. Когда же темная фигура нового приятеля, с горбом парашюта за спиной, показалась на краю 60-метровой вышки, девушка замерла, закрыла глаза и в волнении вцепилась ногтями в руку друга.

Черная фигура отделилась от края и в толпе пронеслось единодушное "а-а-ах". В этом "ах" было, кроме удивления, и какое-то разочарование, ибо за спиной падающего сразу же вырос белый гриб и через секунду широкий купол белоснежного парашюта остановил стремительное падение прыгуна. Прошло еще несколько секунд плавного падения и Пенза благо-

получно приземлился на мягкой песчаной площадке. Толпа зрителей прорвала ограду и повалила к смельчаку. Но первой, позабыв про больную ногу, к Пензе примчалась Таня. Не думая, что она делает, девушка кинулась в порыве восторга на шею рабочему и пылко его поцеловала.

—Что это вы, Таня?— с ласковой насмешливостью спросил тот, освобождаясь от своих ремней. —Я с того света вернулся, что ли?

—Да нет, это я так,— внезапно смутилась девушка. —Мне только стыдно, что я вас так подвела. И, кроме того... это, так сказать, награда за вашу храбрость!..

—Ну, уже и храбрость!.. Тут таких храбрецов в день несколько сотен прыгает, — вы всех их целовать будете? Этак я не согласен — берите обратно ваш поцелуй...

Лицо Пензы ласково смеялось. Досада его прошла. Порывистый, искренний поцелуй Тани тронул его. Как-то в своей суровой жизни ему не приходилось испытывать очарования простой, сердечной, чистой, женской нежности. После безрадостной юности в военном корпусе, после страшных лет великой и гражданской войн и плена, его окружали только женщины, видевшие в нем "выгодную партию", богатого и красивого маршала, делавшего блестящую карьеру советского военного вождя. Но человека, товарища, просто Мишу в нем не видел никто. Вот и сейчас он официально числился женатым, имел даже дочь десяти лет, но ему холодно было около них, он был им чужой и они были ему чужими. Черствое его сердце не было пробуждено ни для любви, ни для семьи. "Там" не было ни искренности, ни сердечной теплоты. Вот почему эта милая девушка, без тени сомнения принимавшая его за мастера завода, со своими искренними порывами, со своей ласковостью, с веселым молодым задором, как-то смягчала жесткое сердце старого солдата, видевшего в жизни только бой, напряжение и опасность. Удивительно было еще то, что в этой странной девушке совсем не было кокетливости. Она была совершенно проста и искренна. Ее девичье очарование струилось, как аромат лесного ландыша, как песня птицы, как веяние напоенного солнцем ветерка. Она еще не доросла до той грани, когда женщина уже думает, как бы выгоднее пристроить в жизни данный ей природой капитал красоты и женственности. Таня была еще скорее хорошим товарищем, чем красивой девушкой. И именно это придавало такую прелесть ее отношению к Пензе.

—Ну, идем, идем, Танюша,— сказал Пенза, освободившись от ремней парашюта и заметив смущение девушки. —Идем, голубчик.

Ласковое слово вырвалось как-то само собой, удивив произнесшего его. Но большие голубые глаза смотрели так восторженно и нежно, милые ямочки так радостно смеялись, что трудно было не поддаться очарованию веселой молодости.

Отмахиваясь от похвал и одобрений толпы, Пенза с друзьями прорвались, наконец, через людскую стену и вышли из парка.

—Здорово у вас, дядя Миша, все это вышло!— с восторгом воскликнул Ведмедик, влюбленно глядя на Пензу. —Прямо ангелом с неба слетели. Как на санках! А я бы, по совести сказать, сдрейфил на убитое место сигануть...

—Да, это вот, — что называется, — "хоть бы хны",— одобрительно поддакивал и Полмаркса. —Классически! И Таньку выручили.

—Прямо, как настоящий рыцарь из сказки,— подхватил снайпер. —Шик!

—Рыцарь,— прошептала девушка, прижимаясь к руке Пензы. —Рыцарь... Как это красиво!..

Пенза засмеялся.

—Да бросьте вы, ребята, про пустяки болтать!..

—Рыцарь без страха,— тихо сказала Таня, глядя блестящими глазами на Пензу.

—Без страха, но, надеюсь, не без упрека,— перевел все в шутку Пенза. —Да что вы все из меня героя делаете? Экая невидаль: прыгнул вместо хромой королевы. Ерунда!.. А куда мы теперь?

—Куда? А к нам на пир!— весело заорал Ведмедик. —Разве забыли, дядя Миша? Мы сегодня вас так накачаем и накормим, что только держитесь. Господи! И до чего все эти волнения аппетит разжигают! Лезем скорей на "букашку"*).

—Ишь ты — "лезем",— проворчал комсомолец, бывший весь день не в духе. —Легко сказать! Сегодня выходной день — трамваи битками набиты... Народу больше, чем людей!

Действительно трамваи были полны той особенной, чисто московской полнотой, когда даже на поручнях вагонов не за что уцепиться.

—Ну, вот,— беззаботно отозвалась Таня. —А моя нога на что? —Нога? А при чем тут твоя нога?

—Экий ты недогадливый! Да я ведь ра-не-на-я!— радостно пропела она. И достав что-то из кармана, продолжала: —Нате, Миша, держите. Вы у нас теперь наибольший. Ой-ой-ой...

Через минуту на рукаве Пензы белела повязка с красным крестом, и, скрывая улыбку, он помогал, вместе с остальными приятелями, втаскивать стонавшую девушку на переднюю площадку трамвая**). Сурово командуя, он расчистил место для "раненой".

—Вы бы, товарищок, каретку скорой помощи вызвали, — недовольно заметил вагоновожатый. — А то неравно тут еще придавят вашу раненую.

—Да уже с полчаса вызывали,— хмуро ответил Пенза. —

---

*) Московский круговой трамвай "Б".

**) В московских трамваях вход через переднюю площадку воспрещен.

Чорт их знает, — так и не прислали. Верно, много дела... А тут перелом ноги, — с парашютной вышки студентка сверзилась. Каждая секунда дорога. Еще не дай Бог, кость насквозь пройдет — такая септицемия будет, что и на тот свет недолго девочку отправить.

Звонкое слово "септицемия" доканало вагоновожатого и он пустил на площадку всю молодую компанию. Удобно устроенные на очищенном месте, приятели отправились домой, с трудом скрывая блеск молодых глаз. Таня для проформы, изредка постанывала.

***

В скромной комнате студенческого общежития на Гороховой улице уже весело распоряжалась подруга Тани, веселая, наголо остриженная, курносая хохотушка Варя, вся состоящая из упругих полушарий и блеска белых зубов. Жизнь клокотала в ней бурным потоком. Смех рвался из ее груди непроизвольно, как сила от нее не зависящая. Приятели говорили, что Варька ржет, когда ей даже палец показать... Крепкая, коренастая, в мужском костюме, она хлопотливо устанавливала незатейливое угощение на колченогом столе, прикрытом, как скатертью, последним номером "Правды "и встретила пришедших чем-то вроде воинственного индейского клича. Когда ей представили Пензу, она мигом назвала его Мишкой и фамильярно похлопала по спине, чем вызвала косой, недовольный взгляд Тани.

—Пенза,— захохотала она. —А почему не Самара или Саратов? Этакий географический человек! Ну, садитесь вот туда, Миша, как старшой, — на председательское место. "Под образа", как сказали бы наши предки, ежели бы они и сюда своих божьих морд понавешали. А ты, Танька, чего это хромаешь? Кто это тебе копыто подломал? Ведмедище? Вот чорт косолапый! Мы ему за это в пасть стакан перцовки с самого низу вольем: пусть поплачет в наказание!

Через несколько минут веселое оживление царило за столом. Гости расселись, кто на стульях, кто на кроватях. Смех и шутки волнами прокатывались по комнате. На столе было сервировано больше водки, чем закуски: водку в советской России достать гораздо легче. Вот почему оживление забушевало очень скоро: молодые голодные желудки поддались влиянию спиртного после первой же полдюжины рюмок. Глаза заблестели еще больше, щеки раскраснелись, и издали могло показаться, что в комнате шумит какой-то бурный пчелиный улей.

—Что может быть лучше водочки, доброй российской водочки? — поднимал Полмаркса свой стаканчик. — Ведь по существу, она невкусна. Все морщатся, а все пьют... Классически! Вот уже сколько тысяч лет люди пьют водочку. Сон и водка лучшие друзья человека!

—Не бреши,— вмешался Ведмедик. —Водочку пьем толь-

ко мы, русские. Где всяким иностранцам додуматься до такой гениальности? Потому Россия такая могучая, что водочку пьет. У нас три мировых изобретения: водочка, баня и валенки. . .

—Ха-ха-ха... А самовар?

—А хороший мат?

—А русская песня?

—Ну, песня это не изобретение, это — мы сами. Мы без песни не люди, а скифы... Вот, кстати, выпьем еще по паре и заставим Таньку попеть. Наш физкультсоловей...

—А знаете, ребята,— сверкая зубами и глазами, сказала Варя. —Я как-то пожалилась одному старикану на водку — голова с похмелья трещала. Я и бахнула — вероятно, говорю, водка плохая была. А он этак поглядел на меня искоса над очками — старый хрен был, и говорит этак внушительно — "это вы, гражданка, зря. Молодо — зелено. Водки бывает или много, или мало, но плохой водки вообще на свете не бывает!.."

Раздался смех и опять забушевало молодое оживление.

Пенза чувствовал себя как-то раздвоенным. Он с наслаждением слушал песенки Тани — веселые, звонкие и задушевные, ласково отвечал ей улыбкой на улыбку и как-то полусознательно наслаждался непривычной для него атмосферой беззаботности и непринужденности, царившей за студенческим столом. Никто не обращал на него внимания и он начинал словно оттаивать. Здесь от него не требовалось постоянной напряженности и готовности к удару, параду, к укусу исподтишка, предательству, дипломатии и изворотливости. Здесь он мог быть самим собой, — внешне простым рабочим Пензой, а внутренне — маршалом Тухачевским, решающим вопрос о судьбе страны. И мысли его невольно возвращались к вопросу об Ягоде.

Внешне, по своему поведению, он был просто старшим товарищем в молодой студенческой компании, которая так радушно приняла его в свое коллективное сердце, но мысли его были мыслями маршала Тухачевского, проверявшего, все ли сделано для обезврежения всемогущего чекиста. Кажется, было сделано все необходимое, все, что можно было предусмотреть. В Москву стянуты некоторые наиболее верные боевые части Киевского военного округа, которыми командовал его старый друг, дерзко-смелый молдаванин Иона Якир. В "дивизии особого назначения, имени Дзержинского" — главной опоре НКВД, срочно сменены некоторые старшие начальники и, под предлогом маневров, выведены из города те роты, где предполагалось особое влияние Ягоды. Вся служба информации поставлена на ноги. Ежов был начеку и зорко следил за всеми шагами своего соперника. В кармане Смутного, адъютан-

та маршала, во время отлучек последнего, всегда лежал запечатанный пакет с точными указаниями, где именно можно найти Тухачевского, в случае каких-либо непредвиденных неожиданностей. Смутному Тухачевский верил, — он был твердый и проверенный друг, несмотря на свою молодость...

Кажется, было предусмотрено все... Тухачевский, внутренне усмехаясь, думал, что все эти контрмеры, это продумывание внутреннего переворота под углом зрения Ягоды, может и ему, маршалу Тухачевскому, когда-нибудь сослужить службу. Если дело дойдет до необходимости внутреннего взрыва... Но пока что Тухачевский спасал Кремль от гибели. Реально от гибели, ибо, если бы Ягоде удалось сделать переворот, то никто из его недругов — а их было так много! — не остался в живых. Не такой человек был этот железный нарком, почти двадцать лет стоявший у окровавленных рычагов машины террора...

На суровом лице задумавшегося Тухачевского неожиданно мелькнула усмешка. Сколько уже раз зависела от него судьба России! Реально зависела! Его память пробежала эти воспоминания прошлого. Вот на Волге, в 1918 году. Самое горячее боевое время. Советская власть еще не оформилась и не окрепла. Заговор гвардии полковника Муравьева, тогдашнего главнокомандующего всеми советскими армиями. Муравьев предлагал ему, молодому командиру, включиться в заговор против Кремля и выйти на раздолье России этакими новыми Стеньками, боевыми атаманами русской вольницы... Тухачевский отказался, был арестован, едва не погиб, но потом зато видал, как попавший в простую ловушку Муравьев упал, изрешеченный пулями латышей. Заговор был сорван.

Конец 1918 года. Ленин лежал в Кремле, тяжело раненый эсэркой Дорой Каплан и тихо стонал: "Ах, зачем только мучают? Убивали бы сразу, на месте..." Кремль был растерян и потрясен. Власть уходила из рук. Кольцо белых армий сжималось все плотнее. Судьба советской власти висела на волоске. Еще одно крупное поражение и все покатится... И вот тогда Тухачевский, во главе своей прославленной пятой армии, отчаянным рискованным маневром под Бузулуком и Уфой прорвал белый фронт, разбил чехов и отбросил врагов Кремля за Волгу. Именно тогда он прикрепил к своей груди первый орден Красного знамени...

Потом неожиданно Колчак мощно ударил из Сибири. Белый адмирал на Волге! Это звучало как историческое Hannibal ante portas! — "Ганнибал перед воротами Рима!"... И тогда опять ударил Тухачевский рядом отчаянно смелых маневров, отбросил Колчака за Урал, в рискованнейшем переходе прорвался со своими армиями через теснины Урала в Сибирь и Колчак был разгромлен. Потом, переброшенный на юг, Туха-

чевский добил Деникина и смел последних белых врагов серпа и молота с лица советской земли. И тогда второй орден заблестел у него на груди. Орден с кроваво-красным блеском, цвета пролитой им реками русской крови... А дальше — Польша рванулась на лакомую Украину. Киев, — мать городов русских, — в руках поляков! Под Смоленском польские легионы!.. Именно ему, 26-летнему юнцу, тогда вручил Кремль власть над многомиллионной Красной армией для похода на Польшу. Тогда судьба Европы висела на волоске. И Кремль чуть не стал центром Евразии...

Дальше, — в 1921 году — разгром мятежного Кронштадта, который потряс страну своим лозунгом — "Советская власть без коммунистов". Матросы — "краса и гордость революции", едва не подняли на дыбы всю недовольную страну. Кризис грозил стать смертельным. "Перестреляю, как куропаток", бросил желчный Троцкий угрозу Кронштадту. Тухачевский выполнил этот приказ в разгромленной им крепости... А через год — взрыв крестьянских восстаний под самой Москвой, в Тамбовской губернии, под руководством неуловимого и вездесущего Антонова. Обе стороны соперничали в жестокостях и накале своей ярости. Больше года зажимал Тухачевский восставшие губернии в мертвом кольце, тушил восстание в крови, провоцируя и беспощадно расстреливая. И все-таки подавил. Кремль опять вздохнул свободно...

И вот теперь. Кто другой мог бы теперь спасти Кремль? Ведь недаром уже давно Ягода стремился завязать интимную дружбу с Тухачевским, искал связи. Ведь если бы он только намекнул Ягоде, что не прочь пойти с ним вместе против красного диктатора, — положение Кремля было бы абсолютно безнадежным. Но идти с Ягодой на спасение страны? Б-р-р-р... С Ягодой? С этой рептилией с ястребиными глазами и дергающейся щекой? Чтобы потом быть им подло преданным и уйти с мировой сцены с заплеванным именем? Нет, никогда! Нужен честный прямой бой за Россию... Но не вместе с Ягодой!..

Широкие плечи маршала содрогнулись, когда он вспомнил мертвенный взгляд маленького человечка с прыгающей щекой. И только вздрогнув, заметил, что все молчат и с любопытством смотрят на него. Лицо Тани было озабочено и взволнованно.

—Что с вами, Миша? У вас такое странное выражение!

Голос Тани вернул Пензу к действительности. Усилием воли он прогнал свое напряжение и, уже улыбаясь, спросил:

—Какое "такое выражение"?

—Прямо страшное...

—Ну, вот какие пустяки,— опять рассмеялся Пенза, дружески обняв плечи прислонившейся к нему девушки. —Ерунда! Просто, маленькое несварение желудка от обилия питей и недостатка закуски. В животе бурление началось или, как гово-

рят, "душа с Богом заговорила..." Вот я к разговору этому и прислушался...

Молодежь успокоенно засмеялась.

—Классически! Ну и что ж, Бог через ваше чревовещание много интересного сообщил?— спросил Полмаркса.

—Немало,— тихо ответил рабочий, и за столом опять воцарилось прежнее оживление. Только одна Таня не была успокоена.

—Ах, Миша,— вздрогнула она. —Как бы я хотела знать, что у вас в мыслях и... на сердце.

—Что это вас так взволновало, Таня?

—Да лицо у вас было ужасным... Таким жестоким, жестоким!.. Скажите, неужели вы — недобрый?

—Я-то?— удивленно переспросил Пенза. —Добрый или нет?

Удивление его было искренним: такая точка зрения ему никогда не приходила в голову, даже в кровавые времена гражданской войны, когда десятки тысяч пленных и мирного населения расстреливались по его приказу. Для будущего маршала уже тогда только одно слово имело решающее значение — **"нужно"**. Все же остальные гуманитарные соображения отходили на далекий задний план. А теперь эта славная девушка поставила вопрос совсем по-иному.

—Вы — жестокий? В вас нет жалости?

Пенза заглянул в девичьи глаза.

—Да, как сказать, Таня... Как-то у Ленина спросили, не жалко ему, что так много народу гибнет? Он этак усмехнулся своими татарскими глазами и коротко ответил: "Умных жалею..." Так и я. Слыхали, может быть, про слова Заратустры —этакого философа: "Друзья мои. Да разве я жесток? Я только говорю — падающего толкни..."

Лицо девушки, разрумяненное выпитой водкой, вдруг затуманилось. На ясные голубые глаза легли длинные ресницы. Алые губы болезненно передернулись.

—Как это жестоко сказано,— тихо ответила она, опустив голову. —Неужели только сильные и лучшие достойны жизни и жалости? А больные, а раненые, а старики, а маленькие, а несчастные? Как с ними? Разве их жизни — все равно?..

Пенза живо вспомнил недавнюю сцену у трамвая, когда он около раздавленного человека, хладнокровно закуривая трубку, отвечал на такие же взволнованные вопросы д'Артаньяна. Он пожал плечами и не ответил.

—А по-моему, куда лучше, чем ваш этот, как его... За-Зара... —Заратустра?

—Ну-да. Куда лучше его сказал наш Горький. "Самая лучшая должность на земле — это быть Человеком..." С большой буквы...

—Может быть,— мягко ответил Пенза. —Да только очень

уж нелегкая жизнь у меня была. И... есть... советская жизнь — не для слабых. Добрым мне нельзя быть...

—Ну, пожалуйста,— умоляюще прижалась к нему девушка. —Ну, хоть здесь, с нами, со мной, не будьте жестоким... В мире так хорошо и светло. Пусть вам, хотя бы с нами, здесь будет просто, легко и хорошо! Около моего,— она, вспыхнув, поправилась, —около наших дружеских сердец. Как это чудесно поется в одном романсе:

"О чем задумался, мой милый?
О чем же ты грустишь?
Обними меня и с силой
Ты к груди своей прижми!..
Я тоску твою и горе
Поцелуем разгоню...
Жизни море
Пусть во взоре
И твоем блеснет сильней!

Голос девушки звучал тихо и нежно. Она пела для него, мастера Михаила Пензы, милого и сильного товарища, для которого где-то в уголке ее сердца расцветали фиалки первой любви. Искренно тронутый, Пенза хотел что-то ответить, но в это время за столом опять раздался восторженный шум. Стриженная Варя, дирижируя трубкой, встала и с пафосом произнесла:

—"Кто там? Французы?
Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ:
Прикосновение — смерть..."

—Вот это да!— восторженно раздалось отовсюду. —Вот это так сказанул!.. Кто? Волошин? Поэт такой?.. Здорово! Прямо в точку!

Оказывается, разговор за столом давно уже перешел на тему о фильме "Кутузов", и молодежь делилась своими мыслями о нем.

—Нас, братцы, не тронь,— вызывающе орал Ведмедик. — А то мы и с процентой отдать можем. Нас голыми руками не возьмешь...

—Ну, ну, ты, вояка,— презрительно протянул Полмаркса. —Небось, Япония еще недавно вздула Россию, как в бубен... Дело, правда, не в солдатах, а в управлении. Если нашему солдату дать хорошее управление — так только держись!

—Верно,— поддержала Варя. —А ты скажи, товарищ политрук, как это так случилось во время войны с Наполеоном, что наши крестьяне с ним не пошли? Ведь, говорят, тогдашнее крепостное право хуже всякого рабства было. Наполеон — как ни говори, он парнище передовой был — он же обещал русским крестьянам свободу... А ни черта не вышло...

—Как "ни черта"? А партизанщина?

—Ах, да... Ха-ха-ха!.. Ну, так как, Полмаркса?

Комсомолец наморщил лоб и не находил ответа. С марк-

систской точки зрения, раб и пролетарий не имеют отечества. Или иначе — "ubi bene — ibi patria" — где хорошо, там отечество. А тут русские мужики времен царизма взяли освободителей в дреколья. Как же так?..

Пока он мялся в поисках ответа, Таня решительно сказала:

—А это очень просто, ребята. По-моему, если Родине грозит опасность, — тут дело не до внутренних непорядков. Нужно драться всем плечо к плечу.

—Верно, Танечка,— просиял Ведмедик. —Вот и я так думаю... Я где-то читал, что какой-то англичанин, Чор... Чорт... на чорта его фамилия похожа... Так он в начале англо-бурской войны, когда все мозгляки скулили, что война эта, мол, несправедливая, так прямо и бахнул: "Права моя страна или нет, но я с нею..." —Вот это да...

—Так у нас в гражданскую войну вышло, когда царский генерал Брусилов в Красную армию поступил против поляков драться... Правильно!..

В этот момент в полуотворенной двери показалось улыбающееся лицо художника.

—Ага... Ага, д'Артаньяшка, —закричали ему молодые голоса. —Что так поздно? Иди сюда — догоняй...

—Никак, ребята, не мог раньше,— серьезно ответил из коридора д'Артаньян. —Под Кузнецким мостом кит на мель сел — пришлось помогать...

Это было сказано таким серьезным тоном, что не сразу все сообразили, в чем дело. После того уже, как шутка была понята и взорвался хохот, Ведмедик все еще неуверенно оборачивался на хохочущих. Пенза воспользовался моментом общего оживления и вышел в коридор. Через минуту д'Артаньян опять просунул голову в дверь.

—Я скоро извернусь, ребята, и опять приду. Не унывайте тут без меня. Только кита спихну в реку*). Наркомпочтение всем...

—Хороший парень, наш д'Артаньяшка,— заметил кто-то за столом, когда художник исчез...

—Хороший-то, хороший,— презрительно заметил комсомолец, —да только Божья коровка. "Иде-а-лист"... Ему бы доклады читать — "Пуп и нечто". Он навсегда жизни напугался. К нему даже кролик может подойти среди бела дня, на штаны наделать, а то еще и за ногу кусануть... Хотя усики у него гитлеровские, да душа бабья. Он даже, говорят, верующий. Как это по-студентски:

> **"Верую, Господи, и исповедую,**
> **Хоша и не каждый день обедаю..."**

Все засмеялись.

---

*) Кузнецкий мост в Москве — название улицы, на которой нет ни реки, ни моста. Когда-то, в средние века, тут протекала речушка Неглинная, давно уже упрятанная в подземные каналы.

—Ну, может и не так,— примирительно заметил Ведмедик, —но, пожалуй, вояка с него, действительно, никуда. Это прямо, как про него, Петр Великий сказал: "увольняется по чистой за вид, приводящий весь строй в уныние..."

—Молчал бы ты лучше, чорт снайперский!— накинулась на него с неожиданной силой Варя. —Выискался тоже критик? Под носом сперва утри, когда о д'Артаньяшке говоришь. А ты, Полмаркса, недостоин поцеловать след той блохи, которая нашего художника укусит. Он настоящий парень. Настоящая сила всегда молчалива и спокойна. И не треплется, как пустая бочка... И как ты!

—Вот так отшила!— зааплодировали кругом. —Правильно, Варька: не давай приятеля в обиду.

—Божья коровка? Это ты, брат, зря запустил. Левацкий загиб... Вообще наш д'Артаньяшка — хороший парень, честный и дельный. А что он тихий, так ведь говорят же: "в тихом омуте черти водятся..."

—Какие там у него черти?— огрызнулся обиженный неожиданным наскоком Полмаркса. —Треплешься ты, Варька... Расскажи вот лучше дяде Мише, почему ты башку стрижешь и люльку в зубы вставила?

В голосе комсомольца почувствовались яд и насмешка. Но Варя смело подняла "перчатку вызова".

—Ну и что ж? Ну и скажу. Мне стыдиться этого не приходится.

Пенза с неожиданным интересом посмотрел на крепкую девушку, по-боевому размахивавшую своей трубкой... Одета в простую мужскую рубаху и широкие штаны. Голова ее острижена под машинку. На пальцах ни одного кольца. У Тани тоже не было кокетливости, но в ней все было тонко и как-то изящно. Варя же, словно нарочно, желала стереть с себя внешние следы женственности.

—Ну и скажу... Я, товарищ Миша, имею свою теорию на бабью жизнь. По-моему, это унизительно для человеческого достоинства быть "привле-ка-тель-ной"... Быть этаким цветком, который пчел, самцов, к себе привлекает. "Секс-эппиль" дурацкий. Природе нужно только производство детей, а на остальное ей наплевать с высокого дерева: на нашу душу, мозги, высшие стремления... Вот я и не желаю "быть привлекательной". Словно я какая-то проститутка, вещь для приманки, для показу. Не желаю я быть этаким "медом" для голодных парней, чтоб они с загоревшимися глазами и паскудными улыбками на мои губы, да грудь, да ножки глядели. Тьфу... Хочу я быть, прежде всего, Человеком, а не самкой, не бабой.

—А замуж-то выйти, поди не прочь?

—Ну и что ж, — спокойно отпарировала комсомолка. — Коли придет такое время, настоящая любовь вместе с друж-

бой, — я вовсе не прочь. И любить буду хорошо, крепко, по-человечески, без ревностей и трагедий... И матерью хорошей буду. А пока там что — буду делать в жизни свое дело. Мы вот с Танькой физкультинструкторами будем — народное здоровье сохранять для Родины... Каждая женщина должна в жизни свое дело делать, а не глядеть, как бы поскорее замуж выскочить... А если доведется, так я хочу, чтобы меня за меня самую любили, а не за локончики, ножки и прочее. Унизительно это до чорта: что я — красивая лошадь на базаре? А мужские глаза и лапы по мне лазить будут и распаляться?.. К дьяволу!.. Или какая-то там "мисс Европа", которая полуголенькой премии за красоту ищет, чтобы потом красотой своей деньгу зарабатывать — то ли в Холливуде, то ли у миллионеров, то ли в "выгодном браке"... К чорту! По-моему, проклятие женского рода вовсе не рождение детей, а именно охота за женским телом... Надо мужиков от этого отучить. Небось "мистеров Европы" нету? Мужчине стыдно было бы полуголым перед женскими экспертами появиться? А почему нас на это подуськивают? Сволочи долгоштанные, кобелячье племя...

В голосе Вари было столько горячего задора, что все рассмеялись.

—Правильно, товарищ человечишка!.. Ответила, что надо! Ни себя, ни д'Артаньяна в обиду не дала... За тобой, ежели кто смельчак на тебе женится, не пропадет!..

—Правильно, Варя,— одобрительно отозвалась Таня. — Нужно поменьше значения женскому телу и красоте придавать... А то за ним очень часто нашей души, сердца, жизни не видно... Я вот французский язык теперь учу. Так там уже и вообще слова "человек" нету...

—Как так?

—Да так: "homme" это обозначает и мужчину и человека. Одновременно... Обидно!

—Да, ведь народная мудрость говорит же, —ядовито ввернул Полмаркса, —"селедка — не рыба, баба — не человек"...

—Иди ты к чорту со старыми глупостями... Вот почему я д'Артаньяшку люблю, что у него мозги светлые и честные.

—А и верно,— заступилась и Таня за художника. —Право, наш д'Артаньян — стоющий парень. Пусть, может, не так, чтобы внешне боевой, так не всем же петухами быть! А душа у него чудесная. И мозги и совесть — не вам чета.

—Совесть? А с чем ее едят? Дай-ка мне полкила этой твоей совести закусить водку. А еще советская девка! Этакие "духовные "уклоны... А что вы, дядя Миша, про д'Артаньяна нашего думаете?

Пенза неторопливо пожал широкими плечами и вынул трубку изо рта. Глаза его были оживленными и веселыми.

—Да, как сказать... Мало я его знаю А только любопыт-

но, что самые счастливые люди в жизни — идеалисты и мученики.

—Мученики? Какого дьявола им счастливыми быть?

Опять Пенза пожал плечами.

—Ну, очевидно, счастье не в набитом желудке. Есть что-то другое, что привлекает человека и делает его жизнь осмысленной. "Не хлебом единым жив человек"...

Но такая философия не интересовала подвыпившую молодую компанию. Только Таня внимательно смотрела на задумчивое лицо своего соседа и понимающе улыбалась ему.

—Довольно тебе, Танька, нашего дядю Мишу монополизировать!— раздался возглас Полмаркса. —Запевай лучше студенческую про Коперника.

И под звон стаканов поплыла песня:

"Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать земли вращенье.
Дурак: зачем он не напился,
Тогда бы не было сомненья...

Так наливай, сосед, соседке,
Соседка любит пить вино...
Вино, вино, вино, вино —
Оно на радость нам дано!

Таня подмигнула Пензе и тот послушно взялся за бутылку, не переставая удивляться тренировке советской молодежи: они могли выпить несравненно больше, чем молодежь старого времени...

Через полчаса появился в дверях художник, навьюченный многочисленными свертками и пакетами. Когда его стали "авралом"*) разгружать — все только охали и ахали: столько вкусных штук было им принесено.

—Святая яичница!— орал в восторге Полмаркса. —Да ведь это прямо,— он не находил даже слова, чтобы выразить свой восторг. —Это... прямо, чорт побери, сверхклассически.

—Да ты, д'Артаньяшка, миллионером заделался? Скудова это у тебя?

—А это я только что премию за декорацию получил. Мы скоро в МХАТ**) новую пьесу ставим. Так вот за образцовое и срочное выполнение награду выдали. И немалую... Так что жрите на здоровье за мой талант.

—Ого... Молодец!.. А какая там пьеса пойдет?

—"Дни Турбиных". Из времен гражданской войны в Киеве. Шикарная пьеса — прямо, как жизнь, так просто и без всяких фокусов... На следующей неделе премьера. Вся Москва, можно сказать, будет... Может, даже и сам Сталин.

—Ну вот! Станет Сталин по театрам ходить! Есть ли у него для этого время?..

---

*) Общая работа всей командой на корабле.

**) Московский художественный академический театр.

О, бездонные желудки... Пенза с удовольствием смотрел, как быстро уничтожаются привезенные д'Артаньяном припасы и вспомнил, как когда-то, до войны, он и сам, в свое юнкерское время, мог уничтожить все, что находилось на столе. Хорошее времячко было! Без кровавых вопросов, тяжелой борьбы, лжи и притворства. Как это говорил Пушкин про такой возраст:

"В те дни, когда нам были новы
Все впечатленья бытия..."

Ему, старому закаленному солдату, было хорошо сидеть "инкогнито", как рабочему авиазавода, в этой простой веселой компании молодежи. Здесь он чувствовал себя не маршалом, не полководцем, не заговорщиком, а "своим" парнем, товарищем, родным... И эта милая девушка сбоку, с ее особенным очарованием. Несмотря на то, что она могла с полным правом быть названа красивой, из нее не исходили, обычные для сознающей себя красивой, женские флюиды секса. Она была проста, как весенний полевой цветок. И так же очаровательна, как такой цветок, по сравнению с оранжерейным роскошным растением... Обычно женщины как-то волновали его мужские нервы, возбуждали его, привлекали. А эта девушка смягчала его, растормаживала его напряженные нервы. И глядя на ее красивые улыбающиеся губы, ему вовсе не хотелось прильнуть к ним жадным мужским поцелуем, а только просто ласково улыбнуться в ответ на ее улыбку. Думая об этом, он повернулся к Тане и заметил, что та с каким-то недоверием и даже подозрением, смотрит на него.

—Что это вы, Таня?

—Скажите, Миша... Только по совести... Это все (она повела жестом в сторону привезенных художником закусок) не на ваши деньги куплено?

Пенза весело рассмеялся. Ведь этакая обостренная чуткость у этой девушки! Другие уписывают закуски за обе щеки, вовсе не интересуясь, откуда прилетела эта скатерть самобранка... Он взглянул на д'Артаньяна и потом, открыто глядя в глаза Тани, спокойно ответил:

—Да, что вы?.. Я же ведь сюда с пустыми руками пришел — как гость на ваше угощение. Вот в следующий раз угощение опять за мой счет будет. Хорошо? Могу я как-нибудь пригласить вас в действительно хороший ресторан и угостить первоклассным ужином? А, Таня? С настоящим французским шампанским?.. А?

Девушка вздохнула и слабо улыбнулась. Видимо, ее голова уже начинала кружиться от выпитой водки.

—Ах, Миша, Миша... Вы прямо, как злой соблазнитель... Не нужно бы верить ни одному вашему слову... И не соглашаться... Но что же с вами сделаешь?..

—Значит согласны? Слово?

Девушка тяжело вздохнула, словно сдаваясь, и закрыла длинными ресницами глаза...

—Чего там, — раздалось с другого конца стола, где опять разгорался какой-то спор. —Что ты мне своего Кутузова тычешь? Варшаву до Кутузова еще и Суворов брал! Экая невидаль — твоя Варшава! Да мы поляков били всегда, как хотели...

—Да? "Как хотели"?.. А вот в 1920 году сели в калошу.

Осаженный в своем патриотическом ажиотаже, Ведмедик замялся.

—Ну, так что?.. Не взяли тогда, — возьмем потом. Придет свое время.

—А чего нам нужно опять с ними задираться? Земли нам, что ли, не хватает?

—Да не то, что земли... А просто подраться охота,— откровенно сказал Ведмедик. Его розовое, полудетское лицо как-то не соответствовало его воинственным намерениям. — Такая уж у нас планида — драться... Знаешь, ведь, ровно две трети своей истории Россия всегда с кем-нибудь дралась... Генерал Кульнев — тот, помнишь, который мельком в "Кутузове" показан был, так он прямо так и сказал: "Люблю, — говорит, —матушку Рассею: она всегда где-нибудь с кем-нибудь да дерется..."

Все засмеялись, только лицо д'Артаньяна осталось хмурым.

—Чего тут ржать? Грустить нужно, что столько тысяч лет люди, разумные существа, без драки жить не могут. Словно нельзя иначе жизнь устроить, без выпускания кишек друг другу.

—Да иди ты к чортовой матери, художник несчастный,— презрительно отозвался Полмаркса. —Коровка Божья!.. Крови боишься! Брось... Человеков много на свете. А если будет мало, — баб мобилизуем.

—Что мы тебе — инкубаторы для производства военных пополнений?— взвилась Варя.

—А разве не так,— хохотал комсомолец. —Конечно так! Только люди очень не любят все своими словами называть. Вот в Ведмедике, например, ясный русский империализм играет.

—Патриотизм,— важно поправил его раскрасневшийся снайпер.

—Какой там к чорту патриотизм? Патриотизм — это когда защищать свою Родину. А когда мы Кавказ, Крым, Польшу, Сибирь брали — причем тут патриотизм?.. Просто драться и пограбить хотелось. Надо же говорить прямо.

—Ну, ясное дело,— поддержала комсомолка. —Красивые слова надо по боку. Войны просто потому происходят, что мужчинам подраться хочется. Вот и весь "марксический анализ"... Все остальное — надстройки над этим инстинктом. Ясно, как самовар.

—А тебе, Ведмедик, за что подраться хочется?

—За что? — Ведмедик секунду растерянно смотрел на Варю. —За что? А хоть бы за нашу Белоруссию, половину которой поляки у нас оттяпали. Что ж мы им — в зубы смотреть будем? Если в двадцатом году Тухачевский сел в калошу, то ведь мы и опять можем стукануть по полячишкам.

Таня, с блаженной улыбкой прильнувшая к плечу Пензы (приятели не ревновали ее, товарищески и молчаливо признавая первосходство рабочего над ними), внезапно почувствовала, как тот вздрогнул, когда было названо имя Тухачевского.

—Вы это, Ведмедик, зря сказали насчет калоши и Тухачевского, — медленно произнес он и, как всегда бывало, его негромкие слова заставили всех замолчать. —Ведь вы мало знаете историю этой войны?

—Чего же "мало"?— хорохорился выпивший снайпер. — Опозорился, да и все тут. Мы, русаки, всегда били ляхов — и при Иване Грозном, и при Борисе Годунове. и при Екатерине, и при Николае. А тут? Ведь Тухачевский в 12-ти километрах от Варшавы был. А все-таки не взял! Позор. Стыдно вспомнить!..

На щеках Пензы выступила легкая краска. Он чуть было не ответил что-то резкое, но заметил, что на всех лицах было написано чувство горечи и обиды. Было очевидно, что даже эта молодежь, бывшая младенцами в то время, переживала разгром тогдашней Красной армии, как чисто русский позор...

—Вы, дорогой мой Ведмедик,— спокойно начал он, —не вполне в курсе дела. Вы тогда еще, простите, под стол пешком ходили и вряд ли знаете, как проходила та война. Чтобы обвинять крупного полководца так резко, нужно действительно знать, а не только "слышать". А дело было так...

И опять с захватывающим интересом склонились молодые головы над мгновенно очищенным от бутылок столом. Опять под умелыми руками на столе был обозначен фронт и полилось увлекательно ясное, точное объяснение. Молодежь забыла про недопитые бутылки и с затаенным дыханием слушала красочный рассказ про эпопею бурного польского похода... Как только Пенза кончил, разом посыпались замечания.

—Ну, это вот ясно... Клим сроду военным не был, а туда же полководец, маршал... Буденный напутал, да, видать, и Сталин только раз в жизни стрелял — да и то, когда в Тифлисе царское казначейство грабил. Он же никогда сроду солдатом не был... В политике он — мастак, но тут же знать нужно... А и верно — Тухач не виноват. Что же сделать с такой братвой: чего моя левая нога хочет? Не армия была, а партизанщина...

—Но зато теперь Красная армия не той чета,— восторженно блестя глазами, воскликнул Ведмедик. —Теперь иное дело!..

—“...Ведь от тайги до Британских морей
Красная армия всех сильней...
Так пусть же красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой.
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний, смертный бой...”

Песенка, звонко и свежо пропетая Таней, внесла в оживленную военную дискуссию что-то интимное и бодрое.

—Классически, — одобрил Полмаркса. —Здорово спето, Танька. И во-время. Именно ”всех сильней“. Говорят, теперь Тухачевский здо-о-о-рово нашу армию подтянул и подковал.

—Только держись!— вспыхнул Ведмедик. —Никого не боимся. Никаких ни фашистов, ни капиталистов. А Тухача я, пожалуй, зря облаял. Он теперь свое дело здорово делает. Даже вот автомат вводит.

—А знаете что, ребята,— вызывающе вставила Варя. — Если будет война, то кто выиграет войну?.. Русская женщина!

—Вот на... Это почему такое?

—А потому, что война будет всенародная. И если там, в этих дурацких загармоницах, баба на подневольном положении: кровать, кухня, пеленки, да домик, то у нас, в советской России, женщина может вместе с любым мужчиной рядом стоять и драться — и на фронте и в тылу. И инженером, и техником, и машинистом, и летчиком, и снайпером, и офицером, и трактористом, и танкистом. Совсем другая бабья порода пошла. Попили нашей кровушки, товарищи мужики! Будя!

Зазвучали мужские протесты. На комсомолку накинулись, вырвали из ее рук трубку и началась приятельская веселая возня. Пенза смотрел на все это с добродушием могучего, большого пса, наблюдающего за возней щенков.

—Эка разыгрались, — покровительственно произнес Полмаркса, присаживаясь к Пензе. —А ведь неунывающее племя наше советское. Веселость из него так и прет.

Пенза кивнул головой.

—Это потому, что оно, это племя, всем довольно. В старых еврейских легендах говорится, что Моисей вывел свой народ из Египта и повел его ”в страну обетованную“. Поход длился целых 40 лет. Старики все повымирали, а молодежи после пустыни новая земля показалась сущим раем...

Комсомолец недоуменно поднял брови.

—Ну, так что?.. Причем это?

—Да так,— уклонился от прямого ответа рабочий. —Просто наше советское племя иной жизни не видело и сравнения не знает. Вот ему немного и нужно, чтобы быть довольным.

Ни Таня, ни Полмаркса не поняли, что, собственно, хотел сказать этими словами их взрослый гость. Комсомолец при-

стально вгляделся в спокойное, властное лицо Пензы и неожиданно спросил:

—А скажите, дядя Миша... Вот гляжу я на вас и кого-то мне ваша личность напоминает. Прямо, страх что-то знакомое!.. Вы, как ударник и изобретатель, не печатались в газетах? По случаю премий ваших?

—А ведь и верно,— откликнулась Таня, с улыбкой заглядывая снизу в лицо своего соседа. —На кого-то вы, Миша, очень здорово похожи!

Пенза спокойно пожал плечами и потянулся к пустой консервной коробке, заменявшей пепельницу, чтобы выколотить свою трубку.

—Только теперь заметили? Эх, вы, молодые зоркие глаза. Снайперы... Совы вы,а не стрелки... Да конечно же, я на кого-то похож. Не только на папу и маму... Ну, да я вам подскажу — меня уже сколько лет на производстве дразнят. В цехе прямо проходу нет: Тухачевский — и точка...

Опять зашумел хор восклицаний.

—А и верно! Ну, прямо вылитый маршал! Только что, пожалуй, ростом не вышел, да плечьми поуже. А так — сплошной маршал.

—Ох, Миша,— лукаво заглянула Пензе в глаза Таня. — Ох, зря вы сознались. Вас теперь только "маршалом" звать и будут. У нас ребята зубастые... Кличку прицепят твердо.

—Ну, так что же? Есть Ведмедик, есть д'Артаньян, есть Королева и Полмаркса. Почему бы и Маршалу не быть?

Пенза благодушно пожал плечами.

—А мне что — зовите, как нравится. Этакая важность!

—Ну, вот и ладно. Почему нашей компашке своего собственного маршала не заиметь? А потом, наш Миша в военном деле — прямо мастак. Так и чешет... Значит, заметано, товарищ маршал! Ведмедик, налей-ка по баночке по этому случайно случившемуся случаю.

Опять звякнули рюмки и темы веселого разговора пошли играть в чехарду. Полмаркса затянул пьяным голосом:

> **—"А в команде слышен ропот:**
> **"Позабыл крестьянский класс,**
> **Разлагается с княжнами,**
> **Отрывается от масс!"**
> **Самокритику и ругань**
> **Слышит Разин про княжну**
> **И за борт ее бросает**
> **В пролетарскую волну..."**

Шум и хохот опять заполнили комнатку.

—Только вы там что хотите,— шепнула Таня, чокаясь с Пензой, —но я вас никогда маршалом называть не буду.

—Это почему так?— улыбнулся тот.

—А потому, что вы для меня никакой не маршал, а Миша, просто милый Мишенька.

Слово прозвучало шутливо, но за этой шутливостью ясно почувствовались нежность и сердечность. Смеющиеся, чистые, голубые глаза сияли так правдиво и открыто, что закаменевшее сердце старого солдата было тронуто. Жесткие морщинки у углов его красивого, круто вырезанного рта, смягчились. Он ласково улыбнулся девушке и дружески похлопал по ее руке.

—Миша, так Миша... Не возражаю, Танюша. Ведь и мне надоело слово "маршал" — меня всегда так зовут... На моем заводе, конечно... Так что ж, милая королева, не выпить ли нам по этому случаю на брудершафт?

Лицо Тани радостно впыхнуло и она хлопнула в ладоши.

—Идет, идет... Хорошо придумано. Эй, там, Четвертьмаркса, дай сюда бутылку.

—А ты чего вне очереди суешься?

—Да мы вот с Мишей на брудершафт выпиваем.

—Ого... Здорово! Околпачила-таки уже наша Танька бедного маршала. Ну, так и мы тоже, может, на ты выпить с маршалом хотим. Всякому, небось, лестно...

Пенза улыбнулся, глядя на окружающие его дружеские, веселые лица.

—Ладно. Согласен со всеми, но только — тпру — ... Целоваться буду с одной Таней. А то губы у меня не казенные. Еще мозоли набьешь!

—Ну и чорт с тобой. Краля какая маршальская нашлась! Шаляпин, подумаешь! Обойдется и без поцелуев. Нам лишь бы повод выпить был...

Водка Тане и Пензе была торжественно налита. Оба они встали, осторожно скрестили руки и медленно поднесли рюмки ко рту.

—Пей до дна. Пей до дна... Пей до дна,— пел веселый хор приятелей.

—Ну, а теперь целуйтесь,— скомандовал Полмаркса. —Да взасос, по-русски. Чорт с тобой, маршал, мы парни сравнительно неревнивые. В СССР ревность в отставке. Ну-ка...

—Ай, да Танька — и ее водка забрала.

—Ну что ж: "Бывают девушки, как лед,

А лед, известно, тает летом..."

—А нну-ка, чтобы аж губы вспухли!

Таня смело протянула свои обнаженные загорелые руки, обняла шею рабочего и сердечно и просто поцеловала его в губы. Голубые глаза опять блеснули весельем и нежностью. Пенза ответил так же ласково и почувствовал, что уже давно у него на душе не было так легко и светло, как теперь, при шуме и гвалте этой веселой молодой компании и после крепкого поцелуя этой милой девушки.

—Ну, а теперь по старинному обычаю хорошенько обматерите друг друга.

Пенза не нашел сразу, как бы посмешнее выругать девушку. А потом усмехнулся.

—Эх ты, одноногая парашютистка!..

—Классически... Нет, слабо... Ну, а ты, Танька... Лай его покрепче!

Девушка наморщила лоб, а потом весело засмеялась:

—Эх ты, липовый маршал!

На этот раз сам Пенза от души расхохотался. Его смех, впервые громко прозвучавший в молодой компании, вызвал самый заразительный отклик.

—Вот, чорт,— с трудом промолвил Ведмедик, вытирая выступившие от смеха слезы. —Никогда в жизни так не ржал, как сегодня. Прямо зараза...

—Правильно, стрелок. Если глотка водкой смазана — оно всегда веселее. А мы вот теперь, на закуску, песенку какую-нибудь грянем. Д'Артаньяшка, сбегай, друже, к соседям — попроси гармошку. А ты, Танька, настройся спеть нашу комсомольскую... Там ведь как раз про меня сказано — "холодный полюс откроем". Скоро, может, я от вас улечу в ледяные тартарары. Шрайб открыткес по адресу: "Северный полюс. Полмарксу"...

—Идет.

—Правильно: "пой песни, хоть тресни,а жрать не проси..."

Через минуту грянули первые аккорды гармонии, и свежий мелодичный голосок Тани зазвенел в притихшей комнатке:

"Иди вперед, комсомольское племя,
Вперед, чтоб наши улыбки цвели.
Мы побеждаем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли.

Хор тихо и дружно подхватил:

Мы — молодые хозяева земли...

Опять зазвучали смелые бодрые слова, полные молодого задора:

Мы все добудем, поймем и откроем —
Холодный полюс и свод голубой.
Когда страна быть прикажет героем—
Из нас героем становится любой!..

Песня звучала с большим подъемом. Пенза с новым для него наслаждением, вслушивался в мягкий голосок Тани и внимательно присматривался к лицам молодых людей и выражению их чувств. Хоровая фраза — "Из нас героем становится любой" — прозвучала уверенно и твердо. Молодые лица сияли, глаза смотрели бодро и смело — молодежь пела о самой себе:

Но если враг нашу радость живую
Отнять захочет в смертельном бою,—
Тогда мы песню споем боевую
И грудью станем за Родину свою...

Опять хор прозвучал, словно какая-то песенная клятва:

"И грудью станем за Родину свою..."

"Да, "Интернационал" так не поют,— мелькнуло в мыслях у Пензы. —Молодое сердце уже не вздрагивает от призывов мировой революции. Ему, русскому молодому сердцу, дай другие слова — Родину, Россию, Отечество. Героизм во имя Ее... Только это поднимет ее на бой, на жертвы, на смерть... Молодая Россия хочет во что-то верить и кого-то любить. Тысячелетняя история великого народа звучит даже в этих горячих звуках, в этих словах, от которых загораются русские сердца:

"И грудью станем за Родину свою.."

Пенза так задумался над своими мыслями, что не сразу заметил, как стали убирать стол, чтобы освободить место для танцев. Он встряхнулся и еще раз, улыбаясь по-новому, оглядел своих молодых приятелей.

"Если таких вот ребят у нас много, не пропадем", — тепло подумал он. — На такие вот их чувства только и стоит ставить крупную ставку... С такой молодежью каждый победит!.."

Потом, взглянув на часы-браслет, он подошел к Тане:

—Простите, хозяюшка, — начал он, но сердитый взгляд остановил его. — Да, виноват, — вспомнил он, улыбаясь, — прости, Таня... Но мне, к сожалению, уходить нужно — скоро моя смена на заводе. Я ведь и без того себя виновным чувствую — столько времени с вами пробыл! А ведь у меня изобретения лежат, дожидаются... Но уж очень хорошо было мне с вами — прямо душой отдохнул... А теперь покажи мне, милая, ход к воротам. А то уже темно и я у вас тут заблудиться могу.

Девушка даже и не пыталась убедить Пензу остаться подольше. Она уже знала, что если рабочий что-либо говорит, то это твердо, точно и... решено. Поэтому она молча подхватила его руку, они незаметно, не прощаясь, выскользнули из шумящей веселыми голосами комнаты и вышли в коридор. Через несколько минут они стояли у ворот на улицу.

—А, может быть, тебя, Миша, к траму проводить? — заботливо спросила Таня. — А то ты еще запутаешься...

Пенза благодушно рассмеялся.

—Ну, вот еще что выдумала! Иди назад, Танечка. У тебя ведь гости — потанцуешь за мое здоровье.

—Да, я ведь ка-а-апельку хромоножка!

—Ну, так тем более, тебе гулять незачем. До свиданья, милая.

Голос Пензы звучал очень задушевно и тепло. Это странное соединение в новом друге суровости, силы и нежности удивляло и очаровывало девушку. Она чувствовала, что этот рабочий — человек энергии, решительности и действия. Он несомненно видел много крови и смертей на фронтах, и это не могло не наложить известного отпечатка жестокости и на его лицо,

и на его душу. Но где-то в глубине у него еще сохранилось, все-таки, что-то сердечное, теплое... Вот как этот ласковый тон и слова. Как это чудесно!.. Сердце девушки дрогнуло ответной нежностью.

—До свиданья, милый... А когда я тебя опять увижу?

—Уж и не знаю, Танюшенька... Работы очень много. Но ведь теперь я знаю твой адрес и могу всегда тебе написать, что и как. Ладно?

—Ну, конечно... Я... Я всегда рада буду тебя видеть. До свиданья...

Опять девичьи руки обняли сильную шею рабочего. Это был уже третий поцелуй в течение дня. Но если первый — у парашютной вышки — был словно просьбой о прощении и радостью за прошедшую опасность, а второй, после "брудершафта", дружеский и смелый, то этот поцелуй у ворот был совсем иным — застенчивым и робким. Нежные девичьи губы мягко прижались к твердым мужским и какое-то новое опьянение качнуло Пензу. Не мужское желание, не жадная, а какая-то теплая волна прошла по закаленному сердцу. Рабочий крепко обнял прильнувшую к нему девушку, шутливо сжал ее в своих сильных руках, и — о чудо! — вдруг женские ребра хрустнули каким-то мягким, веселым аккордом, рокотом, словно там, внутри, раскрылись какие-то затворы, чтобы впустить к себе прижатое мужское сердце...

***

Через полчаса рабочий шел от трамвайной остановки к стоявшей в тени военной машине и его губы как-то смущенно кривились в непривычной мягкой улыбке. Потянувшись механическим движением за трубкой в карман, он нащупал там небольшой сверток и опять теплая волна прошла по его сердцу. Это перед расставанием ему сунула Таня:

—Тут тебе, Мишенька, пара бутербродов. Завтра утром на работу пойдешь — меня хорошим словом вспомнишь.

Ведь, этакое "святое женское беспокойство"! Что делали бы бедные мужчины без женской жалости на свете?.. Пенза-Тухачевский даже рассмеялся, представив себе свой утренний завтрак, где было все, что только он мог захотеть, — русского и заграничного. А тут — простой бутерброд, оторванный от скудного студенческого пайка. И ведь не откажешься от такого подарка, — он ведь от чистого девичьего сердца.

Он развернул бумагу и, улыбаясь, откусил кусок хлеба. В этот момент под ногами его что-то взвизгнуло. Маленький покинутый щенок, ушибленный ногой, жалуясь на свою бедную долю, пополз в сторонку.

—Ах ты, бедалага, — сочувственно произнес Пенза и благодушие собственного замечания рассмешило его.

"Видно и меня водочка стала разбирать, — подумал он. —Стареешь, стареешь, товарищ маршал.Сердце нужный закал теряет".

Но было неожиданно так приятно почувствовать себя добрым. Ласковое лицо Тани встало перед ним. "Укротительница свирепых маршалов", — улыбнулся он и внезапно повернул обратно. Темный клубочек, прижавшийся в тени забора, старался быть совсем незаметным. Кругом было так шумно. Ничего ласкового и вкусного. Только что чья-то равнодушная нога больно ударила его... Одинокий, заброшенный щенок жался под забором и тихонько поскуливал. Неожиданно к нему наклонилась большая тень, чья-то рука ласково погладила его взъерошенную грязную шерстку и положила перед его мордочкой что-то благоухающее. И когда, захлебываясь от жадности и попискивая от голода, щенок стал есть что-то вкусное, чей-то дружелюбный голос сверху произнес:

—Жри, жри, малыш! Помни, что даже на этом сволочном свете есть все-таки добрые женские сердца... Добрые и к щенятам, и к маршалам. .

Человек отошел и опять усмехнулся.

"Нет, в конце концов, тот еще не стар, кто еще может делать глупости!.." И внезапно фигура произнесшего эти слова человека еще более выпрямилась, словно новая волна бодрости прошла по сильному телу...

Старый шофер, закрывая дверцу машины за своим начальником, заметил это новое выражение лица и подумал:

—А, видать, хорошо провел времячко маршал-то наш! На службе, небось, всегда кремень, а не человек... Машина... А тут — поди ж ты — словно потеплел! И ведь не похоже, чтобы выпивши. Видать, что-то хорошее мимо сердца прошло...

ГЛАВА 5

Красный диктатор

—Чирк... Чирк... Чирк... В темноте только что наступившего, теплого летнего вечера, видно было, как на веранде двухэтажного деревянного, окруженного развесистыми деревьями, дома чуть вспыхивали, тлели и тухли спички. Человек неподвижно сидел в широком шезлонге и тщетно пытался раскурить потухшую трубку. Наконец, от шезлонга раздалось нетерпеливое ругательство и где-то вдали глухо прозвенел звонок.

Смутная тень в белом обрисовалась в рамке темной открытой двери с веранды в комнаты.

—Что тебе, Иосиф?

Голос прозвучал мелодично и мягко. Человек в кресле недовольно двинулся.

—Это, чорт его знает, что. Полкоробки спичек истратил и ни одна не загорелась. Сделай, Надя, строгий выговор прислуге. Безобразие!

Женщина, названная Надей, засмеялась. Ее тихий смех в темноте прозвучал мирно и успокоительно.

—Прислуга здесь не причем. Это советская продукция виновата. Дети из школы принесли даже такую песенку:

"Спички шведские, Пять минут вонь,
Головки советские: Потом огонь..."

—Перестань шутить, — недовольно и резко проворчал человек в кресле. —Такие вот дурацкие мелочи меня из мыслей выбивают. Принеси мне, пожалуйста, настоящих спичек.

—Сейчас, Иосиф. Не нервничай понапрасну... У меня есть где-то настоящие, заграничные. Каганович как-то принес пачку... В подарок.

Опять прозвучал тихий смешок и неясная фигура исчезла. Через несколько минут принесенная спичка вспыхнула ярким пламенем и на миг осветила узкий, в морщинах раздумья, лоб, грубо высеченный, крючковатый нос и черные, с синеватым отблеском, усы. Сидевший в шезлонге человек успокоенно откинулся назад и с удовольствием пыхнул коротенькой трубкой.

Посидеть вечером в тишине со своей неразлучной трубкой и крепко подумать над своими делами — было старой потребностью Сталина. Его дом — дача в Горках, небольшом имении в окрестностях Москвы, был цитаделью его личной жизни. Там, в саду, в старом помещичьем доме, окруженном всеми мерами охраны, которую только могла изобрести современная полицейская техника, жил сам красный диктатор, со своей женой Аллилуевой и двумя детьми — Светланой и Василием. Яков, взрослый сын его от первого брака с грузинкой Екатериной Сванидзе,

был теперь в военном училище. Старые прислуги следили за несложным хозяйством. Никого посторонних в доме не было. Даже охрана была совершенно незаметна для глаз обитавших в доме. Здесь именно было место, где Сталин тщательно обдумывал свои дела и откуда он приезжал в Москву диктовать свою волю urbi et orbi ("городу и миру") — красной столице и многочисленным коммунистическим партиям всего мира.

Вечер был на редкость тихий и мягкий. В большом заглохшем саду откуда-то из глубины доносилась порывами песня соловья. Звезды мирно и торжественно мерцали в темном небе. Все было спокойно и тихо вокруг. Только мысли сидящего в шезлонге человека были напряжены и мрачны. Порой он затягивался трубкой, потом рассеянным движением протягивал руку за стаканом с вином и опять замирал в тяжком раздумьи.

Своему необыкновенному возвышению Сталин был обязан остроте своего политического анализа и способности к интригам. У него сыздавна выработался простой взгляд на окружающих его людей: "все без исключения подлецы и никому нельзя доверять" Исходя из такой точки зрения при анализе намерений своих многочисленных врагов, он всегда ставил себя на их место и продумывал заранее все то, что они вообще могли против него предпринять. А поскольку он сам не знал никаких моральных устоев и признавал их отсутствующими у других — его предвидения были всегда реальными и он всегда был готов к еще более худшему, чем в действительности могли ему готовить враги в борьбе за власть.

В процессе развития советской жизни три силы росли рядом со Сталиным и, так или иначе, могли ограничить либо пошатнуть завоеванное им с таким трудом и такой кровью положение. Эти три силы были — партия, ГПУ и армия. Став генеральным секретарем партии, Сталин, путем постоянной смены состава партийных комитетов, добился того, что на руководящих постах стали люди, лично ему преданные, от него зависимые и ему лично неопасные. Все же те, кто своим авторитетом, влиянием, умом или способностями могли быть Сталину соперниками или даже возбуждать об этом мысль, были удалены, опорочены или даже попросту "выведены в расход" тем или иным способом. У Сталина "цель всегда оправдывала средства..." Лишенная своего костяка, — "старой гвардии", людей с индивидуальностью, со своими точками зрения на политику страны, — партия стала просто бюрократическим механизмом, послушным орудием в его руках. Самостоятельно мыслить, дискуссировать, творить партия перестала. Ее задачей теперь было только управлять по велениям Политбюро (т. е. Сталина) и поддерживать единодушными резолюциями предложения, внесенные Центральным комитетом на съездах.

Второй силой была ВЧК-ОГПУ-НКВД во главе с умным и хитрым Ягодой, терпеливо и тщательно забиравшим вожжи управления в свои руки. Сталин давно уже следил за властолюбивым Ягодой и теперь, наконец, с помощью Тухачевского, самого энергичного и решительного маршала, гарантировавшего содействие армии в случае "пронунсиаменто"*) и эту силу удалось обезвредить. Операция смены Ягоды прошла блестяще и, застигнутый врасплох всемогущий начальник политической полиции, ясно понимая свое бессилие, вынужден был отойти от власти без попыток сопротивляться. Ежов уже принял командование над опасным аппаратом НКВД и с каждым днем укреплял свое положение. Ежов был свой. Простой рабочий, выдвинувшийся только благодаря Сталину. Преданный, как собака... А впрочем?

В темноте вечера Сталин потянулся к стакану вина и с удовольствием выпил несколько душистых глотков. Под его усами поползла усмешка. Он так любил посидеть спокойненько вечерком и развернуть перед мысленным взором сложную вязь той борьбы, сети интриг и клубка интересов, которые окружали его вот уже почти сорок лет. И как радовало его это чувство одиночества и неразделенной власти... **Сам!** Один, как гигант среди коленопреклоненных пигмеев и поваленных соперников.

Соловьиная трель нарушила нить его мыслей. Он нахмурился и опять налил себе стакан вина. Что дергает за язык эту проклятую птицу по ночам? Чего она не спит, чорт бы ее побрал, и только другим мешает?

Он позвонил.

—Пойдите в сад, — сухо сказал он пришедшей прислуге, —и прогоните птицу камнем к чортовой матери. Мешает только!

Потом его мысли опять вернулись к государственным делам, к весу и влиянию тех, кто окружал его в повседневной работе. Каждому своему помощнику он всегда старался противопоставить другого — соперника, могущего и жаждущего сменить того на посту. Так, он имел Ежова против Ягоды, Жданова против Андреева, Тухачевского против Ворошилова, Мехлиса против Гамарника, Кагановича против Орджоникидзе. Всегда каждому крупному деятелю был готов его заместитель, по мере возможности заранее и зло натравленный на соперника. Этот элемент соперничества, злобы, яда, недоверия Сталин тщательно культивировал и поощрял... Вот и теперь Ежов рад полученной власти и не подозревает, что Сталин уже заранее ищет ему заместителя в рядах своего верного окружения... Дать много власти своим сподвижникам, сплотить их в одну семью, как это делал Ленин, было не в обычае

*) Насильственный внутренний переворот в южноамериканских республиках.

Сталина. Ленин был вождем по призванию. Его силе и власти покорялись охотно и без потери своего достоинства. За ним были культура, ум, воля и слава. Ленин был Ленин... А ему, Сталину, полуобразованному революционеру, когда-то, как и Дзержинский, едва не ставшему священником, было не под силу управлять страной любовью и авторитетом. Нужно было управлять насилием и хитростью. В среде же своих сподвижников — старым правилом свирепого и хитрого Рима: "разделяй и властвуй." Не напрасно, расстрелянный Сталиным, идеолог партии, первый "генсек" Бухарин, назвал его "гениальным дозировщиком". Да, Сталин умел сохранять равновесие... в свою пользу...

Когда имя Кагановича пронеслось в мыслях Сталина, его губы сложились в усмешку. Этот молодой талантливый еврей был много понятливей других и уверенно шел к высшим постам, не давая своей голове закружиться от опьянения властью. Сталин вспомнил постоянные попытки Кагановича сблизить его со своей сестрой Розой и неожиданно почувствовал, как по его нервам крепкого шестидесятилетнего человека прошла волна возбуждения. Роза Каганович действительно была женщиной, которая могла возбудить даже истрепанные многолетней революционной борьбой нервы диктатора. Вызывающая, кричащая южная красота Розы, девушки в полном расцвете 24 лет, бросалась в глаза Сталину во всех случаях, когда в его присутствии женщинам можно было находиться. Брат умело и толково продвигал свою сестру к подножию диктаторского трона. И нельзя сказать, чтобы эта игра была Сталину неприятна. Он ясно понимал ее, но не видел в усилиях Кагановича ничего, кроме стремления укрепить этим свое положение и сделать свою карьеру еще сногсшибательнее. Такие побуждения Сталин всегда поощрял.

Опять засопела потухшая трубка. Огонек вспышки настоящей заграничной спички и на этот раз блеснул без осечки и осветил плотоядно улыбавшееся лицо грузина... Да, конечно, Роза была роскошной женщиной, могущей возбудить его затухающую чувственность. Куда до нее этой старухе Аллилуевой, может быть, хорошей матери и другу, но теперь давно уже никудышной любовницы. А Сталину вовсе не нужно было ни друзей, ни хранительниц семейного очага. Вся сила его страстной натуры ушла в политику. Чувства отца и семьянина у него были атрофированы, но южная кровь еще не совсем остыла. Да, что ни говори — Роза аппетитный кусочек!

Сталин со вкусом выпил еще полстакана вина и заставил свои мысли опять вернуться в привычную политическую колею. Вопрос о соперничестве всегда был для него самым больным вопросом. Но ему уже удалось обезглавить партию; в ней не было теперь никого, кто мог бы стать опасным соперником;

старая гвардия была уничтожена. Молотов — аккуратный служака и только. "Каменный зад" — звали его в стране и в партии. Он мог усидчиво работать в своем кабинете по 16 часов, но вести за собой? Нет, на это он не способен. Молодые силы — Жданов, Каганович, Хрущев, Андреев — еще не доросли даже до мысли о том, чтобы стать вождями...

В ГПУ-НКВД Ягода был страшной опасностью. Теперь его уже почти нет — он обречен, хотя официально еще наркомсвязи. Других опасных людей расчистит Ежов. А если сам Ежов захватит очень уж много власти — ну, что ж (Сталин хмыкнул удовлетворенно) — "пойдет налево". Но после ликвидации партии, как самостоятельной силы, после обезглавления второй опасности — НКВД — оставалась еще третья сила, с которой нужно считаться и... посчитаться. Эта третья сила — армия. Усиление армии было делом первейшей необходимости, но, укрепляясь, как орудие обороны, армия одновременно становилась все более ощутимым фактом внутренней политики. А это уже было Сталину никак не на руку.

Война, очевидно, так или иначе, неизбежна. Германия и Польша вооружались лихорадочным темпом. А готовое оружие имеет необычайную способность начинать, наконец, стрелять почти само собой. Причины для выстрелов изобретаются дипломатией уже потом... Сталин совсем не был против войны. Почему бы не распространить свою власть на всю Европу. Но Европа в 1920 году отбила первую вылазку воинствующего большевизма. Европа 1930-32 годов была страшно слаба. Ее сердце — Германия находилась накануне революции. Но тогда как раз Советский Союз, из-за перегибов в коллективизации, из-за "головокружения от успехов"*) был сам неспособен на удар... Момент прошел. Германия выправилась и теперь стояла не только защитным валом перед Европой против большевизма, но и сама могла перейти в атаку. Гитлер, вооружавший страну по последним образцам военной техники, готовился к удару. Задыхаясь на своих песчаных полях, лишенная колоний, поднявшаяся после поражения и унижения страна, пристально смотрела на богатый восток. Drang nach Osten опять чувствовалось в воздухе. Вместо масла готовились пушки... Правда, в СССР военная подготовка не отставала от германской. Тухачевский делал громадные и успешные усилия, чтобы довести Красную армию до предела ее силы. Какой ценой страна платила за эту подготовку — Сталину было безразлично. Пусть стонала Россия от переселения народов

*) "Головокружение от успехов" — выражение самого Сталина, когда он, видя всеобщее возмущение в связи с ужасами насильственной коллективизации, обвинил в них... мелкую низовую сошку, мелких партийных чиновников, среди которых многие были расстреляны, а "перегибы" прекратились. Погибло, как считают эксперты, от 5 до 6 миллионов самых хозяйственных русских крестьян — "кулаков".

на восток, в Сибирь, Приморье, Туркестан. Пусть широким, кровавым ковром покрыли концлагери весь север и восток России. Ничего! Нужно было во что бы то ни стало отодвинуть от запада и перенести на восток центры управления и индустрии страны. И насильно передвигать население к востоку. В этом состояла главная стратегическая подготовка к будущей неизбежной стычке...

Вся эта гигантская подготовка велась в СССР непрерывно, но скрытно и тайно. Гитлер готовился, бряцал оружием и угрожал. Сталин тоже готовился, но в упрямом молчании. А если не молчал, то официально высказывал мысли, которые старые партийцы встречали с плохо скрытой, веселой усмешкой. Так, недавно он дал интервью американскому журналисту Ховарду и когда тот неожиданно спросил у Сталина насчет его намерения поднять мировую революцию, последний сделал "искренне наивное" лицо.

—Какую такую "мировую революцию"?

Американец даже смутился от подобной наглости.

—Помилуйте, мистер Сталин. Да ведь весь мир считает, что вашей задачей является установление мирового коммунизма путем революции во всех странах.

Еще более "удивленным" стало лицо красного диктатора.

—Откуда взялось такое странное мнение? Тут явное недоразумение. Наш Советский Союз думает только об устроении своей жизни и никогда не помышляет вмешиваться в дела других стран. Все басни о том, что мы стремимся к какой-то мировой революции — ничто иное, как фантазия наших врагов...

Сталин пыхнул трубкой и довольно крякнул, когда вспомнил огорошенное лицо американца и потом оживленные комментарии мировой прессы. Он прекрасно понимал, что для коммунистической и сочувствующей СССР прессы во всем мире подобного рода заявления — прекрасный пропагандный материал и что нехитрые мозги среднего иностранца будут окончательно вывихнуты этим сенсационным утверждением.

Ну, конечно, таких людей, как Гитлер и Муссолини, всякими интервью не провести. И все равно — так или иначе, рано или поздно — война неизбежна. "Длительное сосуществование коммунизма и капитализма невозможно",— сказал еще Ленин. Но теперь вместо дряблых демократий выросла новая сила фашизма и национал-социализма. И эта сила смертельный враг... Да, война... Но если она вспыхнет, — не будет ли она грозить лично Сталину, пожалуй, даже в большей степени, чем самой стране? Боевые действия неизбежно выдвинут вперед военные потребности и руководителей армии. Потребуется напряжение всей страны, возбуждение в ней инстинктов патриотизма, неизбежные политические уступки, смягчение режима террора, выдвижение новых людей и пр. и пр. Если теперь Ста-

лин в виде войск НКВД имеет внутреннюю армию, то ведь при вспышке серьезной войны нельзя будет оставлять в тылу массу хорошо откормленных преторианцев. Да и та, настоящая армия будет не в пример сильнее... И вот тогда — не появится ли у кого-либо из облеченных новой властью полководцев простая и ясная мысль: "А зачем, в сущности, нам теперь сам Сталин? Не будет ли **без него победа** проще и скорее достигнута"?.. Не найдутся ли в Красной армии, как в революционных армиях Великой французской революции, свои кандидаты в Бонапарты, которые, имея в руках военную силу, попытаются в первую же очередь избавиться от него, Сталина, пока что держащего теперь их в своем подчинении?

Мысль была проста и логична. Сталин опять зажег потухшую трубку и перебрал в памяти теперешних кандидатов в Бонапарты.

Ворошилов, когда-то отчаянный партизан, бесшабашная душа. Теперь он и староват, да и простоват для Бонапарта. Да и сам, конечно, понимает, что ему не под силу одному справиться с большой порцией власти. Он добился всего, чего хотела его простая душа: денег, власти, мягкой постели, красивых женщин... Чего ему еще?.. Тимошенко? Ну, этот еще менее опасен. Полуграмотный простецкий участник гражданской войны, выдвинувшийся только благодаря Сталину. Нет, не из такого теста лепятся Бонапарты! Пусть Бонапарты подобны молнии — их увидишь только в момент удара, но и для молнии нужна атмосфера бури, грозы... Нет не Тимошенко опасен... Жуков? Офицер военного времени, хороший способный солдат. Этот уже более опасен, но нет у него ореола ни в армии, ни в партии. Хороший служака... но политический вождь? Вряд ли! Нет у него тонкости и уменья лавировать. Его можно "выдвинуть" и потом — "задвинуть" во время. Жуков **может** подумать о перевороте, но теперь он о нем не думает... **И сам** не додумается... Буденный? Этот вот более опасен, хотя бы по одному тому, что несомненно любим в армии. За этим пойдут, куда бы он ни позвал. Но может ли позвать куда-либо этот бывший вахмистр с жгучими усами? Сам —нет... Он может быть страшен только под влиянием кого-либо другого. Он исполнитель, не более. Ну, кто дальше? Тухачевский?.. Да...

По своему методу, Сталин представил себе линию поведения Тухачевского в случае войны. Маршал уже теперь имел крупную и, главное, серьезную популярность в армии. Он — единственный и несомненный кандидат в главнокомандующие. Во время войны он перенесет свое место пребывания в ставку и там, разумеется, сумеет обезопасить себя от длинных рук Ежова. А затем? В случае неудачи, он обвинит перед армией Сталина в "перегибах" и ошибках. А в случае удачи — **зачем**

ему Сталин вообще?.. Обладая военной властью и непосредственной возможностью найти себе преданных людей — почему бы ему не предпринять взрыв против Кремля, — скажем, арестовать Салина где-либо на фронте или даже в самом Кремле?.. И, конечно, ликвидировать... Да и сам противник — во всех случаях — станет вести переговоры с непосредственным руководителем армии и уж, конечно, поставит первым же условием "низложение Сталина"... Все это так ясно и логично. Только дурак не следовал бы такому плану. А Тухачевский никак не дурак и очень честолюбив. Да, конечно, в армии самыми опасными являются такие вот бывшие гвардейские офицеры, несмотря на их партийные билеты...

"Партийный билет"? Сталин насмешливо хмыкнул. Уж онто хорошо понимал, что не идеологические причины привлекли Тухачевского в партию. Для этого честолюбца партбилет был только ступенькой в его карьере красного полководца. Если бы, по случайности, этот гвардейский поручик попал к белым и ему там дали бы ход — он также беспощадно бил бы красных, как это делал со своими сотоварищами по императорской армии... Да, такие вот беспринципные люди наиболее опасны в периоды неустойчивости и опасности. Лучше заранее от них избавиться. Хотя прошлое Тухачевского и безукоризненное, но... "береженного и Бог бережет!" Тухачевский несомненно ценный человек. Но... лучше не рисковать. В случае войны, если даже не хватит знающих полководцев — отступать, готовить новые кадры "своих" людей. А Тухачевский?.. Нет на свете незаменимых людей! Один из лучших главнокомандующих в истории мира был журналист Троцкий... Да, нужно действовать!

Пока, с помощью армии, сменена головка НКВД — ГПУ. Теперь на очереди — с помощью НКВД, нужно заранее обезопасить себя от возможности появления "красных Бонапартов" вообще. После ликвидации опасности появления соперника в партии и удара в спину со стороны "государства в государстве" — НКВД — военный бонапартизм был самой реальной и опасной угрозой и карьере и жизни Сталина.Вопрос об угрозе его власти был для Сталина всегда самым болезненным. Вот почему, даже при мысли об этих опасностях, его нервы напряглись и к сердцу медленно подкатил знакомый комок припадка. Ноющая, тянущая боль мягкой ватой окружила сразу отяжелевшее сердце и толчками поползла к левому плечу ... Это был один из обычных припадков грудной жабы — застарелой болезни сердца, результата сорока революционных лет и напряжений.

Сталин удобнее вытянулся в кресле, сделал несколько глубоких вдохов, заставил себя успокоиться и с радостью почувствовал, что сердце опять приходит в покой. Медленными движениями он опять зажег свою трубку и мягкие ее вспышки

время от времени освещали напряженное задумчивое лицо. Потом это лицо прояснилось: незатухающая мысль дошла до какого-то ясного вывода. Точка над размышлениями была поставлена. После ликвидации Ягоды, очередной опасностью будущего, врагом № 1, был признан маршал Тухачевский. Несмотря на все его заслуги перед советской властью, несмотря на ту громадную работу, которую он вел по укреплению Красной армии, несмотря, наконец, на то, что в неизбежной войне именно его гибкий, острый ум и подготовка могли лучше других бороться против стального мозга германского генерального штаба, — он для Сталина был более опасен, чем необходим.

Сталин никогда не любил этого гордого, спокойного и сильного человека. Не любил еще с тех пор, когда он, тогда мелкий партийный чиновник, пытался претендовать на лавры полководца и после ряда грубых ошибок в военном руководстве (особенно под Царициным и в польской кампании) был Лениным удален из армии. В том отстранении видную роль сыграл именно Тухачевский. А потом, в те времена, когда Сталин был только скромным наркомом по делам национальностей, Тухачевский в своих лекциях в Военной академии о польско-советской войне не скрывал, что роковую роль для результата этой войны сыграло опоздание конной армии Буденного, во главе Реввоенсовета которой стоял он, Сталин... Ну что ж. Теперь наступает время, когда можно будет вспомнить все старое Последний смех лучше первого...

Сталин зловеще усмехнулся и потянулся в темноте за последним стаканом вина. И неожиданно вспомнил, как недавно, в дружеской беседе со старыми кавказскими приятелями: Орджоникидзе — наркомтяжпромом, Берия — начальником НКВД Закавказья и Кандалаки — торгпредом в Берлине, кончая вторую дюжину бутылок вина, они шутливо заспорили — что самое приятное в жизни человека. Орджоникидзе считал — первая ночь с любимой женщиной, Берия — полная бесконтрольная власть над людьми, а Кандалаки — первоклассный ужин с шампанским, когда желудок вполне здоров. Когда с этим же вопросом пристали к Сталину, он, хитро улыбаясь ответил:

—Самое приятное, по-моему, вот что, товарищи: иметь хорошего смертельного старого врага, долгое время дружелюбно улыбаться ему в лицо, выждать хо-о-о-роший момент и... вввва! Ударить его кинжалом в спину. А потом выпить бутылку хорошего кахетинского и с легким сердцем пойти спать...

***

В семье Сталина вставали рано. Уже в 7 часов утра все сидели на балконе за утренним кофе. Дети Сталина, мальчик 12-ти и девочка 14-ти лет, сейчас же после утреннего кофе отправились на автомобиле в закрытую школу для детей высших советских сановников, расположенную в старом загородном

имении какого-то великого князя за Серебряным бором. Жена Сталина, Аллилуева, тоже отправлялась в Москву на свою работу в ЦК партии. Последним, обычно, уезжал в Москву Сталин.

Несмотря на чудесное летнее утро, за столом царило молчание — глава семьи был мрачен и раздражителен. Он неохотно бурчал в ответ на вопросы жены и после кофе, кивнув детям на прощанье, медленно подошел к перилам веранды и стал набивать свою неразлучную трубку. Дети — оба черноволосые и черноглазые — украдкой поцеловали мать и весело выскользнули из дома. В аллее их уже ждал закрытый черный автомобиль. Убирая со стола, Аллилуева изредка выжидательно посматривала на молчаливого мужа и, наконец, решилась спросить его:

—А ты, Иосиф, когда едешь?

Сталин недовольно обернулся.

—Ну и когда ты, Надя, привыкнешь не задавать лишних вопросов? — раздраженно буркнул он. — Ведь, сама знаешь давно, что я назначаю свой отъезд всегда внезапно и никому никогда заранее об этом не говорю.

—Знаю, знаю... Я только хотела тебе напомнить, что у тебя сегодня врачебный осмотр. Ты не забыл?

—А ты помнишь хоть раз, чтобы я что-нибудь когда-нибудь забывал?

Голос звучал грубо и резко. Аллилуева незаметно вздохнула и ее полное доброе лицо омрачилось. Она всегда как-то съеживалась при резкостях своего мужа. Когда-то, еще во времена "проклятого царизма", она, веселая, восторженная курсистка, страстно влюбленная в революционный романтизм, вышла замуж за этого мрачного грузина, уже тогда овеянного зловещей славой кровавого террориста и героя. Восторженность и влюбленность скоро ушли, настоящей любви, как оказалось потом, не было никогда и остался только долг жены и матери — та страшная биологическая сила, которая сцепляет и поддерживает миллионы неудачно сложившихся браков.

Видя, что Сталин не оборачивается, Аллилуева еще раз вздохнула и вышла. Через несколько минут вдали зарокотал мотор, увозивший ее в Москву. Сталин неторопливо докурил свою трубку, тщательно выколотил ее о каблук, посмотрел на большие серебряные часы и вошел в дом. Взяв трубку внутреннего телефона, он вызвал дежурного по охране:

—Дайте машины к 8.40. Маршрут Д., пост II.

Никто в мире не охранялся так тщательно, как генеральный секретарь компартии — "вождь пролетариата всего мира". Весь богатый опыт террористов царского времени был шиворот навыворот использован для организации охраны красного вождя. "Мы не такие дураки, как цари,—с усмешкой говорил Сталин. —

На тех можно было охотиться среди бела дня, так же просто, как на куропаток... Нас так легко не подстрелишь"... Не только дом, сад, ограда и вся прилегающая местность были оцеплены специальной охраной (тут применялись все виды современной сигнализации и хитроумных ловушек), но и все дороги к Кремлю. Когда Сталин выезжал из Горок в Москву, специальные посты немедленно прекращали всякое движение по шоссе, и по пустынной линии, гудя, проносились метеорами шесть больших черных машин. Эти автомобили были бронированы по специальному заказу и никогда не было известно, в какой именно из машин сидит Сталин. Он менял номера машин каждую поездку, равно, как и маршрут и ворота Кремля, куда въезжал. Сегодня он назвал маршрут Д. и пост II. Это означало, что шесть черных машин, нигде не останавливаясь, промелькнут по определенным улицам и въедут в Боровицкие ворота — одни из двенадцати в Кремле. К этому времени там не должно было быть ни одной другой машины и караул, молчаливо выстроившись, ждал прибытия "Державного Хозяина Земли Советской"... Да, красные вожди "умели себя беречь".

"Ахиллес был просто напросто дураком, — усмехаясь говаривал Сталин. — Ему бы против своей "небронированной" пятки стальную стельку носить надо было"...

Сталин, одетый, как всегда, в защитный френч, под которым неизменно был панцырь, военные брюки и высокие сапоги, быстро вошел в низенькую дверь, куда когда-то входили медлительно-важные московские цари, и остановился поздороваться с секретарем и начальником охраны. Фотиева, старый личный секретарь Сталина, была высокой, худой, пожилой женщиной, известной своей изумительной энциклопедической памятью. Она, между прочим, могла давать своему шефу любые справки о всех крупнейших коммунистах, не прибегая к архивам и личным делам.

—Кто у вас сегодня на докладах?

—Жданов, Каганович, Тухачевский и Ежов, — ответила Фотиева. —Все предупреждены.

Сталин молча кивнул головой и, в сопровождении начальника охраны, Петерса, направился к себе в свой скромный кабинет. По старому обычаю, деловой день у Сталина всегда начинался с доклада начальника охраны Кремля. Сев за простой стол, на котором в определенном порядке уже лежали газеты и бумаги, Сталин, не глядя на Петерса, бросил:

—Ну, как дела, Иоганн!

—Чего ж там... Все, как надо, товарищ Сталин,— ответил Петерс. —Порядок.

Голос начальника охраны звучал глухо и медлительно. Сам Петерс, — низкий, коренастый, с необыкновенно широкими плечами, — казался в этой простой комнате каким-то стран-

ным и лишним — словно дикий зверь в человеческом доме. Он был в форме войск НКВД и один в кабинете Сталина имел право оставаться при оружии. Его невыразительное, бритое, плоское лицо было бы незаметным, если бы на нем не сверкали каким-то мертвым, мрачным светом два бесцветных жестоких глаза под белесыми бровями. Эти два глаза притягивали внимание. Но любопытствующий, заглянув в эти пустые глаза, чувствовал, что внезапно какая-то необъяснимая дрожь пробегала по его телу. Никто не выдерживал взгляда глаз Петерса: не потому, что среди его товарищей не было смелых людей, а просто потому, что мертвая жуть и какая-то, словно холодная, слизь ползла из темных впадин, где мрачно блестели эти немигающие огоньки.

Его товарищи по чекистской работе шутя говаривали, что под влиянием взгляда Петерса подследственные сознаются во всем: в подготовке извержения Везувия, во взрыве Колизея, изнасиловании Сфинкса, потоплении "Титаника" или в появлении кометы Галилея. Лошади вздрагивали и нервничали, когда Петерс приближался к ним. Ни одна, даже самая свирепая, собака не бросалась и не лаяла на Петерса, когда он поворачивал к ней свои страшные глаза. Щетина на ее спине вставала дыбом и она уползала, поджав хвост. Как-то в загородном доме, после выпивки, Петерс шутя показал силу своих глаз. Сладко спящая, свернувшись на мягком кресле, кошка, после нескольких секунд направленного на нее взгляда его глаз, внезапно вздрогнула, проснулась и в диком ужасе бросилась из комнаты. Петерс обладал чисто звериным чутьем в отыскивании врага, готовящихся ударов и ловушек. Уже не раз предотвращал он хитроумно задуманные покушения на Сталина и именно потому тот доверил ему охрану Кремля и собственной особы, как верному цепному псу, знающему только одного своего хозяина и свой двор, которых нужно охранять от окружающего мира, полного опасностей и врагов.

—Все в порядке, говоришь?— рассеянно повторил Сталин. —Ладно, иди и попроси Фотиеву начать доклады.

—Есть, товарищ Сталин. Один только вопрос.

—Ну? . .

—Один из твоей личной охраны, Кочуберидзе, какое-то там наследство в Грузии получил. Просит увольнения.

Лицо Сталина омрачилось и жестокая складка прорезала низкий морщинистый лоб.

—Увольнение?— протянул он. —Скажи ему, Петерс, что из моей охраны увольнений нет. Нашел себе тоже новое занятие, ишак кавказский — баранов пасти? . . Князь тоже. . . Ерунда. Дай ему месячный отпуск и наградные — пусть поедет, проветрится. Но держи его под стеклышком. Если там что — болтать будет — понимаешь? —Само собой. Налево.

—И передай еще раз — никаких увольнений, кроме как ногами вперед. Денег на них не жалей: обеспечь ребят всем, чего они только хотят. Но предупреди еще раз: если со мной что-либо случится, — все они... Понимаешь — **все** сейчас же на тот свет отправятся. **Все**, понимаешь, **все**,—подчеркнул резко Сталин. —Круговая ответственность. Понятно, Иоганн?

—Чего же тут не понять?— угрюмо ответил Петерс. —Дело ясное.

На его плоском, рыбьем лице не отразилось ни одной мысли. Он четко, по-военному, повернулся и вышел.

Через несколько минут в кабинете Сталина сидел вызванный Фотиевой Жданов — низенький, плотный человек с модными усами "под Сталина" и живым твердым взглядом. Это была новая звезда на советском горизонте и, как считали некоторые иностранные корреспонденты, даже возможный заместитель "вождя". Во всяком случае, после загадочного убийства Кирова в Ленинграде, Жданов выдвинулся резко и неожиданно. Теперь он был одним из секретарей партии*) и непосредственным помощником Сталина по управлению партийным аппаратом. Именно эти двое людей решали зловещие вопросы, кого именно из старых партийцев пора снять со счетов жизни. Их решение передавалось в НКВД — сперва Ягоде, теперь Ежову и там, в таинственных кабинетах, готовились сенсационные процессы "шпионов", "вредителей", "предателей" и прочих "гадов".

—Ну, как наш Ягода?— первым долгом спросил Сталин Жданова, когда тот, не торопясь, присел к столу и раскрыл свой объемистый портфель.

При этом вопросе лукавая усмешка поползла по широкому лицу Жданова.

—Все готово, Иосиф, — спокойно ответил он. — Перетряхнули все его прошлое. Ну и, конечно, материалов набрали уйму. Такую сеть можно накинуть, что роскошь. Есть, например, полная возможность обвинить Генриха в том, что он отравил Дзержинского, Куйбышева, Максима Горького. Найдутся данные и о спекуляции и растратах. Дело уже Николая — обладить изъятие Ягоды и соответственные признания. Такие можно выверты сделать, что прямо послушать будет приятно!

На широком твердом лице Жданова опять скользнула ехидная усмешка. Сталин заметил это.

—Ты что?

—Да так, Иосиф... Мелькнула у меня мысль такой изгиб сделать — обвинить Ягоду в том, что он порасстрелял и сгноил в лагерях больше двух миллионов людей специально для того,

*) В большевистской партии несколько секретарей, по числу отделов Центрального комитета. Генеральный секретарь, разумеется, один.

чтобы возбудить народ против советской власти... А? Генрих-то ведь еврей!

Под черными усами Сталина тоже мелькнула усмешка.

—А вед не глупо придумано! Ну, что ж — действуй в этом направлении.

—Значит — согласен? Диктатор кивнул головой.

—Ладно. А как ты думаешь, Иосиф, не приладить ли Ягоду к уже готовому процессу Радека-Пятакова-Сокольникова?

Тот с минуту думал.

—Нет,— решительно ответил он, наконец. —Ягода пусть потом пойдет. Будет еще время.

—Хорошо. А Ежов, по-твоему, справится со всем этим?

Сталин тяжелым взглядом посмотрел на Жданова.

—Николаю я сам дам нужные указания...

Утвердив несколько высокопартийных назначений и дав директивы к проведению первых выборов по новой конституции, Сталин вызвал к себе Кагановича, который занимал ответственный пост наркома пути. Он с изумительной энергией и работоспособностью вел дела. Будучи полуобразованным 40-летним человеком, он, казалось, справлялся со всякой работой. Замечательная память и большое практическое чутье, в связи с жестокостью и смелостью, делали из него выдающуюся молодую силу.

Сталин высоко ценил энергию Кагановича и его преданность — слепую преданность породистой собаки своему единственному хозяину. Красному диктатору были нужны такие люди, но и эти люди, типа Жданова, Ежова, Кагановича, выдвигались вперед, только держась за своим хозяином в "струе генеральной линии".

—Вот что, Лазарь,— задумчиво сказал Сталин после небольшого технического доклада молодого наркома. —Давай теперь немного о другом. Ты знаешь, мы планируем постепенное передвижение наших индустриальных центров на восток. Война — на носу, хочешь или не хочешь. Может быть, даже раньше, чем мы предполагаем. Так вот, брат, что: мы готовим заранее для каждой фабрики, работающей на оборону, ее дубликат в Сибири, на Урале или в Туркестане. С таким расчетом, чтобы можно было туда в любой момент перенести станки, перебросить рабочих и продолжать производство. Твое дело, сам знаешь, обеспечить эти перевозки. Имей в виду, что не только эти перевозки будут производиться в бурное время, но и то, что все это может наступить совсем неожиданно. Ты обязан все предусмотреть заранее и начать это уже теперь. Понятно?

Умные глаза Кагановича опустились в знак того, что он все понял.

—Теперь второе,— продолжал Сталин, набивая трубку. —Позаботься, чтобы в "Гудке", "Индустрии" и других такого

рода газетах было побольше фактов о нашей безалаберности, неполадках, прорывах, браке и прочее, тому подобное.

Брови Кагановича поднялись было вверх, но потом он засмеялся.

—Понимаю, Иосиф Виссарионович. "Дымовая завеса"?

—Именно, товарищ,— усмехнулся и Сталин. —Пусть эти заграничные ослы за деревьями самого леса не видят. Наши настоящие цифры и достижения будут под секретом, а мелочи —их у нас, конечно, немало — пусть они глаз режут. "Советский хаос", "разруха транспорта", "чудовищный брак на производстве", ну и прочее. —С фотографиями?

—А почему бы и нет? В нашем положении тонкая политика нужна. "Не обманешь — не выиграешь".

Скрипучий, жесткий смех странно прозвучал в небольшой скромной комнате. Каганович попрощался и направился к двери. Там на секунду задержался.

—Ну, что еще, — недовольно заметил Сталин, деловой день которого был расписан по минутам.

—Так, товарищ Сталин... Я только вспомнил, что Роза очень просила передать вам самый сердечный привет и приглашение приехать к нам как-нибудь "на новоселье" — в новый наш "коттедж", поужинать по-простому, по-семейному.

Сталин усмехнулся, берясь за трубку внутреннего телефона.

—Спасибо, Лазарь... Поглядим. А своей Розочке передай такой же обратный "сердечный привет". Пока.

И опять скрипучий, — на этот раз довольный, — смешок прошел по комнате...

Очередной докладчик, Тухачевский, коротко и точно сообщил Сталину о ходе последних маневров в Киевском военном округе, о развитии военной промышленности и подготовке кадров. Генеральный секретарь партии молча слушал сухие, четкие слова блестящего маршала и одобрительно покачивал головой. Глядя на спокойный лоб Тухачевского и его умные глаза под крылатыми густыми бровями, он внезапно подумал, какую именно часть этого высокого лба вырвет пуля нагана, пройдя через череп со стороны затылка. И как эта пуля навсегда вырвет оттуда, вместе с жизнью, мысль и опасность бонапартизма. "На корню"... "В порядке профилактики"...

Но когда докладчик закончил, Сталин кивнул ему самым дружелюбным образом.

—Ладно, Михаил Николаевич. Правильная линия. Так и продолжай, дорогой товарищ.

Пододвинув маршалу коробку с сигарами, он заметил его движение в карман за трубкой и, дружелюбно улыбаясь, вынул из ящика своего стола пачку своего крепчайшего табаку.

—Ну, извини. Я забыл, что ты сигар не любишь. Попробуй вот моего собственного табачку. По особо-специальному заказу.

Потом он сам набил свою трубку и, откинувшись в кресло, продолжал почти интимным тоном:

—Все это очень хорошо. Растем, так сказать, и крепнем. Но я вот что тебе хотел сказать, Михаил Николаевич, из другой оперы. Два вопроса. Прежде всего, я с сожалением заметил, что между тобой и Климом проскальзывают некоторые трения. Так это?

Тухачевский неохотно кивнул головой.

—Да, есть такой грешок... Видишь ли, Иосиф Виссарионович, вся перестройка нашей армии на новых началах — в сторону свирепой механизации, специализации, централизации и прочего, до какой-то степени непривычна и даже чужда людям, бывшим штатским, выдвинувшимся в эпоху гражданской войны. Им все это часто кажется ненужным и сложным. Но, как ты понимаешь — если при гражданской войне, и особенно в стычке с Польшей, мы многое теряли из-за несовершенства нашей военной машины, то теперь, в будущей войне, нам нельзя базироваться только на лозунгах порыва, атаки, удара, напора и прочее. Нужна сложная машина, подготовленная к современной войне. Такие вот люди, как Клим, Семен, Щаденко, Зоф, Дыбенко*), все они, так или иначе, часто даже подсознательно, тормозят нашу перестройку. Вот иногда и приходится ругаться и спорить. Перед нами ведь не пустяки предстоят, а схватка с таким противником, как Германия,а, может быть, даже вместе с Польшей!

—Да, да, я понимаю все это... Только вот что, Михаил Николаевич — ты того... все-таки старайся не обострять отношений. Ведь все равно, в случае войны, командование перейдет к тебе. Клим уйдет в тыл для других задач. Ведь он, по своей отчаянной бесшабашности, всегда оплошностей наделать может... как в прошлом, например. Так что ты теперь не обращай большого внимания на тормоза и веди свою линию. Мы с тобой сделаем, как нужно.

Слово **"мы"** было подчеркнуто. Тухачевский, в знак согласия и подчинения, наклонил голову.

—А пока там что, ты, дорогой маршал, присматривайся к нашей молодежи. Там тебе скорее сподвижники найдутся. Подбирай себе товарищей, которые так же, как и ты, думают и готовы за тобой идти. Такие у тебя найдутся? Подобрал уже кого-нибудь?

—Ну, конечно,— не сразу ответил Тухачевский, не называя имен. —Люди у нас есть очень талантливые и им нужно только дать ход.

—Ну, вот и ладно,— недовольно ответил Сталин, ожидавший услышать имена. —Ты потом мне их как-нибудь назовешь и мы их выдвинем на более высокие посты. А пока старайся

---

*) Герои гражданской войны.

не затрагивать самолюбий и работай спокойно. Не забудь: и история, и жизнь, и я — за тебя, дорогой товарищ. И вот еще что... —Да?

—Насчет пропаганды и (Сталин хмыкнул) антипропаганды. Сам понимаешь, нашу растущую военную силу, нашу перестройку нужно по мере возможности, не только скрывать, но и камуфлировать. Пусть военные наши газеты печатают мелочи о непорядках в армии. Такая же линия будет и в гражданской прессе. Пусть создается мало-помалу впечатление о "советском хаосе"... Было бы даже очень неплохо "заиметь" (а ведь неплохое словечко наши комсомольцы выдумали?) этакую небольшую войнишку, на которой бы пустить миру пыль в глаза, черную пыль, что наша, мол, Красная армия ни к чорту не годится!

Смех Сталина прозвучал, как скрип ржавого железа по стеклу. Тухачевский сдержанно усмехнулся.

—Понимаю,— отозвался он. —Все будет выполнено, товарищ Сталин. —Ну, вот и хорошо. Есть что-нибудь еще?

—Один только вопрос. За последний месяц своей власти Ягода арестовал кое-кого из высшего комсостава армии. Мне еще неизвестно, в чем их обвиняют, но я хочу тебя просить, Иосиф Виссарионович, ни в коем случае не соглашаться на открытый процесс, если даже обвинение окажется серьезным.

Сталин остро посмотрел на маршала.

—Да-а-а? А почему? Ведь изменников и предателей партии мы судим открыто!

—Насчет партии, не мне, конечно, что-либо тебе указывать. Но в военном мире такой процесс произведет только самое отрицательное впечатление. Авторитетом командования накануне войны швыряться нельзя. Виновны — расстрелять. Но подрывать открытым процессом доверие красноармейской массы к своим командирам — значит ослаблять дух армии. Я очень боюсь, что Ежов, как и Ягода — люди невоенные, этого не понимают и заранее прошу твоей поддержки в этом остром вопросе. Сталин неопределенно качнул головой.

—Хорошо... Я подумаю над этим делом. И, во всяком случае, приму во внимание высказанные тобой соображения.

Отпустив Тухачевского и дружески пожав ему руку на прощанье, Сталин пригласил к себе Ежова.

—Ну, как с Ягодой?— сразу же спросил он нового наркома. —Уже держишь его в своей ежовой рукавице?

Тот довольно ухмыльнулся.

—Угу... Он парень, конечно, далеко не дурак и понимает, что к чему и почему, и что вылаза у него нет. Сидит тихонько, как мышь под метлой. —Наркомпочтель он уже принял?

—Да, так — для виду... Вероятно, ищет путей, чтобы опять вылезть наверх или ускользнуть от судьбы.

—Ну, а судьба у него, по-твоему, какая?—усмехнулся Сталин.

—Да, обыкновенная,— ощерив свои мелкие зубы, отозвался Ежов, показывая жестом, как за спиной у человека вырастают крылышки и уносят его наверх.

—Да, да, конечно. Только нужно это ловчее проделать. Пройди к Жданову и потолкуй с ним. Потом я тебе дам окончательные директивы. Пока же не спеши и не показывай вида, что Ягода у нас в сетях. Ты, кстати, его таинственный шкаф выпотрошил?

—Свой служебный шкаф в его кабинете он мне, в порядке сдачи дел, раскрыл. Но там, ясно, ерунда оказалась. А где его настоящий архив, — пока неясно. Надо полагать, где-либо под боком, скрыт до чорта. Мы Ягодку-то нашу одного на Лубянку и никуда не пускаем — а то ведь он все уничтожит мигом. Но шкафчик этот я найду — ТАК ИЛИ ИНАЧЕ!

Слово "иначе" прозвучало с таким ударением, что Сталин поднял брови. Поглядев на жестокое лицо нового начальника политической полиции, он одобрительно кивнул головой. Этот, действительно, найдет и достанет. С жилами все вытянет...

—Ладно. Доставай. Между прочим, я тебе настоятельно рекомендую несколько усилить информационную сеть (Сталин не захотел сказать "слежку") вокруг руководителей армии... Так, на всякий противопожарный случай.

Умные темные глаза Ежова с напряженным вниманием впились в непроницаемое лицо Сталина. Он только что в кабинете секретаря встретил Тухачевского, который сухо и холодно, даже с каким-то барским пренебрежением, поздоровался с ним. Неужели и здесь **что-то** начинается?

—Хорошо, — коротко ответил он. — И... маршалов тоже?

Сталин, не глядя, кивнул головой.

—Тухачевского?— совсем тихо спросил Ежов, не отрывая пристального взгляда от лица хозяина. Тот не ответил прямо, а изменил тему разговора

—Кстати, чтобы не забыть: твоя служба охраны на высоте? —Конечно. А почему ты спрашиваешь?

—Да я, видишь ли, сегодня, пожалуй, пошел бы в театр. В МХАТ'е "Дни Турбиных" идут. Говорят — свежо и ново. А я давно уже не развлекался. Так ты ручаешься?

Ежов секунду помолчал.

—Да. Иди. Я сам лично присмотрю за всем.

—Хорошо. А для медицинского осмотра все готово?

—Все, Иосиф. Только профессор-то наш шибко капризный. На осмотре можно ждать от него всяких глупостей.

—Ну, ладно, ладно,— успокоительно усмехнулся Сталин. —Если старые профессора дурака валяют, — это ничего. А вот если молодые неучи — это, брат, мно-о-о-го опаснее!..

ГЛАВА 6

Сердце Сталина

Знаменитый венский профессор-кардиолог Аппингер был резко недоволен. Если бы не совершенно баснословный гонорар за простой осмотр и диагноз — он никогда бы не согласился на поставленные ему унизительные условия. А условия были действительно очень странными: советский полпред предложил ему вылететь в Москву на один только день к нескольким важным пациентам, имен которых ему сообщено не было. Профессор обязывался:

1. Не задавать пациентам никаких вопросов и получать нужные справки только у сопровождающего врача.

2. Не разговаривать ни с кем, кроме приставленных к нему официальных представителей.

3. Хранить в тайне результаты осмотра и

4. Беспрекословно подчиняться общим распоряжениям, принятым в Москве.

Похоже было, что его приглашают к каким-то важным заключенным. Профессор читал газеты и с большим интересом отнесся к догадкам журналистов, что "добровольные признания" политических обвиняемых достигаются в Москве применением специальных лекарств. Возможно, что злоупотребление этими препаратами вызвало у кого-нибудь опасные сердечные явления и этим объясняется срочная необходимость в его диагнозе.

Прилетев вечером в Москву, профессор был не прочь утром осмотреть красную столицу, но ему в этом было очень вежливо отказано. Прибывший к нему для сопровождения к больным профессор Плетнев, старый русский ученый, говоривший по-немецки, и какой-то изысканно одетый, вылощенный чиновник с острыми глазами, после завтрака повезли раздраженного немца в Кремль. Профессор узнал Кремль сразу, даже сквозь поднятое стекло шикарной машины. Там, в кабинете коменданта, какой-то низкорослый, широкоплечий человек, избегая смотреть на самого профессора, тщательно осмотрел его чемоданчик с врачебными инструментами. Потом маленький лысый профессор надел свой халат и, блестя громадными очками и высоким лысым лбом, направился по темному коридору дальше в здание Кремля. Неожиданно где-то раздался странный звонок и знатному гостю было предложено вернуться. В кабинете коменданта чиновник с чрезвычайной корректностью попросил профессора оставить здесь все имеющиеся у него металлические вещи.

—Да какие же вещи? Ведь не могу я без инструментов производить осмотр?

—Нет, нет, профессор. Мы не про эти инструменты говорим. А про вещь, находящуюся лично при вас.

Раздраженный немец вспылил.

—Да говорите же ясно, наконец! Что вам от меня нужно?

—У вас, господин профессор, в левом кармане жилета имеется какой-то металлический предмет.

Тот с удивлением посмотрел на чиновника.

—Да... Есть... Но откуда вы знаете?

—Наша обязанность — все знать. Оставьте этот предмет здесь, битте.

—Но... Но какое вам дело до этого?— удивленно спросил профессор, вынимая из жилетного кармана большие старинные часы-луковицу. —Вы про это говорили?

(Профессор не подозревал, что во время его продвижения по коридору мощные рентгеновские установки сигнализировали коменданту о нахождении какого-то металлического предмета в кармане гостя.)

—Да, господин профессор. Не угодно ли оставить их здесь? Эти часы пока вам не понадобятся.

Немец возмущенно пожал плечами.

—Ну, знаете... Я в свое время осматривал немецкого и французского президентов, английского короля, голландскую королеву и многих больных рангом пониже. Но это в первый раз, чтобы... — Не волнуйтесь, профессор. Такие у нас правила.

Опять возмущенно пожав плечами, профессор положил на стол свою луковицу, очевидно, дедовский подарок-талисман, и молча последовал за своими спутниками. После ряда поворотов коридора знаменитого гостя ввели, наконец, в какую-то комнату. Навстречу ему из-за стола, где он что-то писал, поднялся среднего роста человек в военном кителе. С первого же взгляда Аппингер узнал в нем Сталина и понял причину таких странных на первый взгляд условий его визита. Действительно, не только ни один человек, но, вероятно, ни один заяц в Европе не имел стольких врагов и преследователей, как этот мрачный грузин, теперь вежливо поднявшийся при появлении в дверях приезжего венца.

—Гутен таг,— коротко сказал профессор, сразу почувствовав себя только врачом при виде пациента во плоти и крови. —Начнем?— повернулся он к Плетневу.

—Как вам будет угодно, коллега.

—Пока я буду приготовлять свои инструменты, попросите пациента раздеться до пояса.

Через несколько минут массивный, особо чуткий фонендоскоп*) профессора прильнул к волосатой груди Сталина. В тонкие резиновые трубки вошел шум биения сердца.

---

*) Особый медицинский прибор, приставляемый к телу больного. От прибора идут резиновые трубки к ушам врача.

Чу... Шу-у-у... Чу... Шу-у-у... Ровный сильный звук был ясен и ритмичен Профессор передвинул мембрану фонендоскопа к устью аорты. Сердечная машина и там была в достаточном порядке.

Оторвавшись от аппарата, профессор исследовал зрачковые рефлексы, чувствительность кожи и коротко кинул:

—Рентген, битте.

Все нужные материалы были приготовлены заранее. Плетнев сейчас же протянул профессору требуемое. Пленка негатива была ясна и бесспорна. Слабыми, но четкими линиями обрисовывалось сердце нормальных размеров. Сосуды сердца были заметны на снимке только чуть более темными извилистыми змейками за черным, словно тюремным, переплетом ребер, грудной кости и позвоночника.

—Сколько лет пациенту? —Шестьдесят.

—Странно... По состоянию сердца я не дал бы ему больше 46-47. Курит? Пьет?.. Та-а-ак... Вы не ошиблись ли, показывая мне этого пациента? —Нет, коллега.

Аппингер пожал плечами.

—Ну, что ж... Для его возраста сердечно-сосудистая система не дает данных для опасения. Конечно, есть неврастения, зависящая, очевидно, от злоупотребления табаком и спиртным. Может быть, имеются и постоянные тревоги и заботы в размерах, превышающих нормальные... А в общем — ничего серьезного.

—Будьте добры, коллега, все это изложить на бумаге.

Тот, пожав плечами, присел за стол и написал несколько строк.

—Как назвать пациента?

—"Пациент номер 1",— коротко ответил ему чиновник.

Через минуту профессор поднялся.

—Есть еще кто-нибудь?

—Да, пожалуйста, профессор. Пожалуйте за нами.

—Так, может быть, проще пациента сюда пригласить, чем мне бегать по комнатам и хрупкие инструменты с собой носить? — недовольно спросил немец.

—Извините, герр профессор. Распорядок этот установлен не нами, а приказаниями свыше... И поэтому...

—В мире медицины нет "приказаний свыше",— высокомерно оборвал чиновника знаменитый немец. —Есть только научная целесообразность. Качество осмотра и свежесть нервов врача важнее всяких "приказаний свыше".

Плетнев наклонил голову, чтобы скрыть в седеющей бороде улыбку.

—Все это в так называемом у нас "буржуазном мире" ... А здесь — все иначе. Я очень прошу вас, коллега, не нервничать и следовать распоряжениям. Мы ведь эти распоряжения не сами выдумали. Мы тоже обязаны им следовать.

Немец, возмущенно дернув узкими плечами, ворча последовал за ним через коридор в другую комнату. При появлении в дверях профессора, сидевший там человек поднялся. Аппингер с удивлением узнал в нем... Сталина.

—Позвольте, —повернулся он к своим спутникам. —Но ведь этого господина я только что осматривал?

—Простите, профессор,— спокойно, с чуть заметной усмешкой склонился к нему чиновник. —Вы обязались не задавать вопросов, не имеющих отношения непосредственно к болезням. Это — "пациент номер 2"...

Профессор качнул головой с видом недоумения и негодования, и взялся за свой фонендоскоп. На этот раз его осмотр был много длительнее и внимательней. Аритмии в биениях сердца, глухие шумы и анормальности в размерах, видимо, заинтересовали его. Невнятно разговаривая сам с собой, кардиолог задал несколько коротких вопросов и решительно повернулся к Плетневу.

—Этот пациент в плохом состоянии. Миокардит и невроз. Совершенно очевидно отравление ядами — наркотиками. Никотин, алкоголь, кокаин, героин. Начинающееся ожирение сердца на почве недостатка движения...

Плетнев молча показал ему на стол с бумагой. Немец написал несколько страниц своим неразборчивым почерком и поднялся.

—Еще кто-нибудь?— лаконически спросил он.

—Да, пожалуйста, профессор. Еще трое. Сюда вот.

Немец послушно направился за своими спутниками, но когда в следующей комнате перед ним снова поднялся новый Сталин, он с раздражением обернулся.

—Да что же это, в самом деле, коллега? Я ведь не мальчик, чтобы со мной всякие мистификации производить. Тут театр, что ли? То вы мне почти здоровых людей показываете, то какой-то паноптикум из одних и тех же двойников!.. Я отказываюсь в таких условиях от осмотра!

—Это — "пациент номер 3", — учтиво склонился к разъяренному маленькому профессору изящный чиновник. —Очень прошу вас, герр профессор, не нервничать. Смею вас уверить, что никакой насмешки и театральности во всем этом нет. Таковы политические требования данного положения.

Слова "политические требования" прозвучали так веско и серьезно, что профессор, злобно взглянув на холодное лицо чиновника и уловив призыв к терпению в глазах Плетнева, взялся за свои инструменты. Прислушавшись к первым же звукам сердца "пациента номер 3", профессор сразу же забыл свое недовольство. Тут перед ним была несомненно тяжелая болезнь. Звуки биения сердца были глухими, словно клапаны сердечного насоса заржавели и погнулись. В стуках сердечной машины не было признаков какой-либо ясной поломки или де-

фекта, но, очевидно, что вся она до крайности изношена и уже негодна для больших напряжений. Исследование кровяного давления, рентген, функциональная проба с несомненностью определили бесспорную картину тяжелой хронической болезни.

—...Н-да,— протянул он, поворачиваясь к Плетневу и говоря пониженным тоном. —Тут клиническая картина angina pectoris ("грудной жабы"), резкого артериосклероза и слабости сердца. Какова профессия пациента?

—Мне запрещено ответить на этот вопрос, коллега.

Немецкий профессор с недоумением посмотрел на лицо русского ученого, хотел сказать что-то резкое, но удержался и только пожал плечами. Получив ответы о питании, отдыхе, курении, вине, возрасте и образе жизни этого "пациента номер 3", Аппингер стал догадываться, что, по всей вероятности, именно этот Сталин и есть настоящий. Но он ничем не показал своей догадки, спросил Плетнева о прошлом пациента, еще раз тщательно с помощью своих хитроумных замысловатых приборов выслушал сердце, тщательно с лупой в руках, сняв громадные очки, осмотрел рентгеновские снимки и молча сел за стол. На этот раз его диагноз был длинен и полон подробностей. Все трое — уже одевшийся пациент, Плетнев и чиновник, молча стояли сбоку, стараясь не мешать знаменитости в его мыслях.

А тот, то опять снимал свои очки, потирал высокий лысый лоб, то снова задумывался. Когда он взялся за ручку, Плетнев, незаметно приблизившись, стал читать своими дальнозоркими старческими глазами строчки, потянувшиеся из-под пера знаменитости. Повинуясь сердитому взгляду "пациента номер 3", чиновник бросил на русского ученого угрожающий взгляд и даже пытался за рукав оттянуть его от стола. Но тот сделал вид, что не понял.

Медицинские фразы, перемешанные с латинскими терминами, лились и лились из-под пера. Но вот появилось слово: "прогноз"*) и Плетнев еще ближе наклонился над венским коллегой.

"В данном возрасте и при данном нервном состоянии больного болезнь неизлечима и медленно, но неизбежно, будет прогрессировать. "Exitus laetalis"**) возможен в любой момент, но может быть также отсроченным на многие годы. Пациент может умереть внезапно от паралича сердечной мышцы или от кровоизлияния в мозг. Возможны также тромбозы в других ветвях сосудистой системы. Решающую роль могут играть внешние обстоятельства — жизненные удачи или неудачи, внутренние потрясения, повышение нервного напряжения и пр.".

---

*) То, чего следует ожидать в будущем.
**) Смертельный исход.

Написав еще несколько фраз относительно общей линии в лечении, профессор встал и, кивнув головой интересному с точки зрения врача пациенту, пошел к двери.

—К номеру 4?— коротко спросил он.

Слабая усмешка поползла по тонкому лицу чиновника.

—Именно, профессор. Вот сюда, битте!— ответил он, бережно складывая и пряча в портфель подписанный диагноз. В этот момент пациент кивнул ему головой.

—Когда то, что профессор этот намарал, будет переведено —немедленно принесите мне. Если какая-нибудь живая душа, кроме вас, увидит эти бумаги... То... Понимаете?

—Понимаю, товарищ... пациент,— почтительно ответил чиновник.

Вслушивавшийся в интонации незнакомых русских слов, профессор улыбнулся и уже в благодушном настроении прошел в другую комнату. Там, при виде поднявшегося ему навстречу нового Сталина, он даже не удивился. Но на "номер 4" ушло только несколько минут.

—"Sanus" (здоров),— коротко бросил он Плетневу и, как выдрессированное животное, послушно пошел дальше. Последний пациент опять вызвал его врачебный интерес. У него оказался порок сердца в достаточно опасной форме. Профессору доставило особое удовольствие разобраться в тонкой путанице шипящих, глухих звуков сердечных клапанов и потоков струящейся внутри, за покровом из кожи, мышц и костей, крови. Как хороший шахматист перед запутанным положением на доске, профессор ясно понял слабые и сильные стороны сложного процесса, совершающегося в грудной клетке "пациента номер 5". С видимым удовольствием специалиста, разобравшегося в трудном положении, он написал свой очередной диагноз и вопросительно поглядел на чиновника.

—Теперь все,— с чуть заметной улыбкой ответил тот. Профессор с довольным видом направился обратно по полутемным, низким старинным коридорам Кремля в кабинет коменданта. Там, аккуратно сложив свои инструменты и халат, он надел пиджак и с видимым удовольствием протянул руку за своими часами. Протянул и внезапно остановился. Только теперь его глаза прямо встретились с глазами Петерса и немецкий профессор замер с протянутой за своей луковицей рукой. Невыразительное, бледное лицо коменданта было бы незаметным, если бы на нем не сверкали каким-то мертвым, мрачным светом два бесцветных жестоких глаза под белесоватыми бровями. Эти два каких-то пустых глаза сразу приковали профессора и необъяснимая дрожь пробежала по его телу. Ему показалось, что из этих темных впадин к нему поползла какая-то темная, мрачная жуть, какая-то холодная слизь...

Профессор не знал, что до его приезда Сталин категориче-

ски запретил Петерсу, коменданту Кремля, смотреть на знатного гостя:

—Ведь ты его до смерти перепугаешь,— смеялся он. Но после осмотра Петерс все же доставил себе удовольствие встретить взгляд немца и испытать силу своих страшных глаз...

Только через несколько секунд Аппингер с трудом оторвал свой взор от немигающих глаз Петерса, опустил в карман часы, несколько растерянннно попрощался с Плетневым, молча сел в приготовленную машину и отправился на аэродром.

Уже много недель после, в кругу близких друзей в Вене, рассказывая некоторые подробности своей поездки в Москву, знаменитый профессор, понизив голос, закончил:

—Советской жизни мне не показали, но все, что о ней можно было себе представить, я прекрасно почувствовал, взглянув в глаза того чекиста в Кремле... Вы все знаете — я старый врач и, как врач, много страшного видал на своем веку. Нервы уже притупились. Но если теперь я ночью, внезапно вздрогнув, просыпаюсь в поту, — это значит, что передо мной опять мелькнули ТЕ страшные глаза...

Директор МХАТ, знаменитый артист Станиславский, крупный старик с львиной гривой седых волос, был в очень плохом настроении. Ему только что позвонили из секретариата НКВД и предупредили, что сейчас в театр явятся двое рабочих, которых НКВД просит всюду пропустить под видом инспекторов пожарной охраны. Попытки Станиславского выяснить причину и цели такого распоряжения остались безрезультатными. Ему ответили коротко и категорически — "в порядке боевого политического задания". Спорить не приходилось. Поэтому, когда к нему в кабинет явилось двое молодых людей, одетых в форму пожарных техников, он молча выдал им пропуска в здание театра и только после того, как за ними закрылась дверь, пожал плечами. Можно было догадаться, что именно сегодня, перед премьерой пьесы "Дни Турбиных", НКВД хочет что-то проверить или в чем-то удостовериться. А может быть и что-то подготовить...

Инспекторы пожарной охраны, пользуясь тем, что днем в театре уже не было репетиций, а возились только декораторы и монтеры сцены, начали систематический обход всех помещений. Оба они надели на правые руки какие-то странные черные перчатки и стали тщательно ощупывать все щели и закоулки, в первую очередь главных лож. При этом осмотре они все время поглядывали на часы-браслеты, прикрепленные на обычном месте — кисти левой руки. Долгое время они молча осматривали закоулок, пока один из них, наконец, не издал восклицания, глядя на свои часы. Другой мигом присоединился к товарищу и оба они, глядя пристально на стрелки, стали протягивать свои руки во все углы одной из лож. Наконец, один из инспекторов с торжеством вытащил из-под ковра в углу какой-то свер-

ток. В нем оказалась завернутая в бумагу пачка гвоздей. Находка была небрежно брошена на старое место и осмотр продолжался.

"Пожарные инспекторы" были сотрудниками НКВД по отделу охраны вождей. Оба были снабжены новыми, только что усовершенствованными приборами, позволявшими открывать присутствие металлических предметов путем особого рода уловителей. Черная перчатка на правой руке была снабжена тонкой сетью особых металлических электродов. Портативные батареи были размещены незаметно в разных карманах. На левой руке у каждого не часы, а прибор, определяющий близость металла. Сложный аппарат, устроенный на принципе использования электро-магнитных излучений и отталкиваний, позволял фиксировать путем колебания стрелки близость и направление металлических вещей. Именно таким способом можно было обнаружить спрятанное, где угодно, оружие, бомбу, адскую машину и даже кинжал. Правая рука такого "инспектора" могла без всякого подозрения, как своеобразная антенна, приблизиться к подозрительному месту или человеку, а предательская стрелка на левой руке отмечала наличие, близость, направление и даже величину металлического предмета.

Долго и кропотливо шел осмотр. Особенно внимательно проверили инспекторы закрытые директорские ложи и затем перешли на сцену. Там их внимание сразу же привлек один энергичный молодой декоратор, который, проходя мимо, неизменно вызывал резкое отклонение стрелок. Один из инспекторов остался наблюдать за этим декоратором, а другой продолжал осмотр. Через полчаса наблюдатель с недовольным лицом подошел к своему товарищу. —Ну, что там?

—Ерунда,— тихо ответил тот. —Щипцы и молоток. . .

Осмотр продолжался с прежней тщательностью. Долгое время сотрудники НКВД "открывали" то болты, то блоки, то металлические инструменты. Наконец, около какой-то узкой щели за кулисами, стрелка одного из приборов резко дернулась. Оба инспектора стали медленно поворачиваться, определяя, как компасом, местонахождение таинственного металлического предмета, "встревожившего" стрелки. Наконец, направление было точно выяснено, один из инспекторов на животе подполз под кучу старых декораций и вытащил оттуда какой-то ящичек, завернутый в промасленную бумагу. Обе стрелки, уже не дрожа, показали направление к ящику

Когда инспекторы осторожно развернули бумагу и открыли крышку ящика — оба они чуть побледнели и многозначительно переглянулись: в ящике лежали две тяжелых ручных гранаты. . .

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 7

Что произошло в один вечер

Слава МХАТ'а — Московского художественного театра — гремела по всему миру задолго до революции. Он был "новым словом" в деле искусства, и много иностранцев приезжало со всех концов мира, чтобы, даже не понимая ни слова по-русски, присутствовать на спектаклях, изумительных по постановке, естественности игры и высокой художественности исполнения. МХАТ был единственным в мире театром, где артисты играли без суфлера и где, чтобы не портить цельности впечатления, аплодисменты были абсолютно запрещены.

После революции, названный "Московским художественным академическим театром имени Максима Горького", МХАТ был вынужден пойти на уступки в выборе репертуара и стал ставить революционную халтуру: "Бронепоезд 614", "Призрак бродит по Европе", "Как закалялась сталь" и пр. Только иногда удавалось поставить что-либо из классического репертуара, но потом нажим сверху опять снижал знаменитый театр с высот служения искусству на службу злободневной политической пропаганде.

...Вышедший в Москве, в конце НЭП'а, когда условия цензуры были немного ослаблены, роман Булгакова "Дни Турбиных" — история последних дней гетманского Киева в 1918 году — произвел большое впечатление простой живостью и "человечностью" своего стиля. Среди казенных энтузиастически-советских "ура-романов" "Дни Турбиных" были каким-то свежим и светлым пятном на сером фоне советской литературы. Переделку романа в пьесу и постановку ее в МХАТ'е все приветствовали с энтузиазмом. Вот почему скромный зал МХАТ'а в Пролетарском (бывшем Камергерском) переулке на премьере был переполнен, и даже сам "вождь всех народов мира" решил удостоить пьесу своим посещением...

Во всех больших театрах Москвы для Сталина была перестроена специальная ложа, совершенно закрытая со стороны зала и открытая только в сторону сцены. Кроме всяких сигнализаций и особой охраны, над бронированным барьером ложи было устроено специальное приспособление—тонкая стальная штора, мгновенно закрывавшая ложу в случае тревоги. К ложе вел совершенно отдельный ход...

Когда, при полном и настороженном молчании зрителей, ушел в сторону скромный занавес с серой чайкой — эмблемой

Художественного театра — все очутились в атмосфере 1918 года, в "том" Киеве, бурлящем, путанном и полном напряжения. Первый же акт пьесы — жизнь белого артиллерийского дивизиона, сразу же поразил зрителей естественностью игры и правдивостью типов. Белые офицеры не были, как это полагалось по советским пьесам, дикими, пьяными, злобными зверями,а такими же людьми, как и все остальные, с их страстями, трагедиями, слабостями, радостями и сомнениями. Зрителям перестало казаться, что перед ними игра на сцене. Рампа словно перестала существовать и перед глазами проходила настоящая живая жизнь, наблюдаемая сбоку незаметным глазом. Силою таланта артистов все чудом были перенесены в Киев того времени — с немцами, гетманом Скоропадским, белыми армиями и надвигающимися красными и петлюровскими войсками. И стала так понятна душевная растерянность этих офицеров, привыкших не думать о политике, а только исполнять распоряжения начальства. Но на этот раз и само военное начальство не знало, что делать. И над совестью каждого повис тягостный вопрос: за что драться, кого, собственно, защищать и за кого отдавать и свои жизни, и жизни той горячей молодежи, которая шла записываться в артиллерийский дивизион добровольцами?..

Когда, при взволнованном молчании зрителей, серая чайка закрыла штаб белого дивизиона, Сталин взглянул через специальное отверстие на переполненный советской знатью зал и стал отмечать там знакомые лица. Потом он усмехнулся и дал распоряжение дежурившему у дверей охраннику:

—Передайте, чтобы ко мне попросили сюда Кагановича с сестрой!

Через несколько минут, в антракте, длинным окольным путем в ложу ввели изящно одетого наркома с его сияющей красотой, нарядом и улыбкой сестрой.

Сталин встретил гостей очень любезно, неуклюже уступил Розе свое место у барьера и приказал подать бутылку лучшего вина. Вино и Роза привели Сталина в самое хорошее настроение, и после нескольких минут веселой болтовни, к началу второго акта, его всегда хмурое, напряженное лицо стало более веселым и оживленным.

***

В большой гостиной Турбиных — скромная вечеринка. Старший Турбин — военный врач, младший — Николка, студент-доброволец, их сестра Елена и трое офицеров — громадный капитан Мышлаевский, грубоватый и решительный; капитан Шервинский, изящный и остроумный, давно влюбленный в Елену и маленький, мешковатый, сонный поручик Карась.

Еще есть белый хлеб, закуски и водка. В воздухе только начинает пахнуть большими переменами, но уже все сознают,

что эта вечеринка может быть последней в их личной жизни. И какое-то полуистерическое настроение царит за этим скромным столом провинциальной гостиной. Разговоры все время возвращаются к политике. Первым смешит всех маленький Карась, решительно изрекая по крестьянскому вопросу, что мужик требует немного, но ясно: первое — вся земля мужикам; второе — каждому по 100 десятин и на нее верная бумага с царской печатью; третье — чтобы город не брал хлеба силой; и четвертое — чтобы из города привозили керосин...

Смех артистов передался в зал. Надежды мужиков были так злободневны и понятны, что улыбки поползли даже по лицам тех советских воротил, которые имели так недавно кровавые дела с многомиллионной мужицкой массой, теперь уже прочно загнанной в колхозы. Второй взрыв смеха прошел по залу, когда уже полупьяный капитан Мышлаевский, говоря о самостийной Украине, выпалил острый и злой стишок:

—Ще не вмэрла Україна
От Киева до Берліна!
Гайдамаки лихо дрались,
Дейчланд, Дейчланд, юбер аллес!

После первой же фразы стишка остро возбужденный Николка ядовито ввернул: "Але вже смердит", и хохот, взорвавшийся на сцене, передался в зал. Несмотря на старую традицию — не высказывать своего одобрения или неодобрения — кое-где сорвались и аплодисменты. А на сцене продолжалась мирная обыденная выпивка, естественная и непринужденная, каких в быту бывают миллионы...

Перепрыгивающий с темы на тему разговор вдруг коснулся чего-то большого и важного: старший Турбин сообщил, что по последним сведениям, Император Николай убит большевиками. Слова были просты и обыденны, но после них какой-то холодок прошел со сцены в зал. Зрители насторожились. А там, на сцене среди офицеров, все сразу точно протрезвели. Студент Николка, забияка и насмешник, побледнел и бессильно оперся ослабевшими руками о ручки кресла.

—Как? Император Николай Александрович? — пробормотал, встряхивая опьяневшей головой, капитан Мышлаевский. —Да не может быть!

—Наш Государь? — негромко ахнула Елена, и какое-то горестное подавленное молчание секундной птицей пронеслось над столом и овеяло притихший зал. Твердый голос Шервинского прервал напряжение.

—Это неверно, господа. Известие о расстреле Императора...

—Несколько преувеличено, —вдруг сорвалось у пьяного ошеломленного Николки. На него шикнула сестра, а Шервинский продолжал:

—Известие это придумано большевиками, чтобы ослабить

наши белые ряды. Я могу вам сообщить — только под громадным секретом...

Он медленно обвел глазами всех и твердая сталь его взгляда скользнула по притихшему залу.

—Господа офицеры... Елена Владимировна...

Давно неслыханные слова "господа офицеры" прозвучали гордо и резко. Поникший Карась и опустившийся в кресло Мышлаевский как-то сразу подтянулись и, казалось, золото их погон блеснуло по-новому.

—То, что я вам расскажу, — абсолютная тайна. Государь Император спасся из Екатеринбурга и был перевезен сперва в Японию, а затем в Берлин. Там он теперь — гостем у Императора Вильгельма. Мне известно, что в Берлине...

—Так ты же там не был?— пробормотал Мышлаевский.

—Все равно,— строго взглянул на него поднявшийся Шервинский. —Я знаю точно... Так вот, гетмана Скоропадского, с его свитой из русских офицеров, принимал недавно сам Вильгельм. И он в конце приема сказал следующее: "Я теперь с вами, господа, прощаюсь, а о дальнейшем с вами будет говорить" ... Он отступил, и из-за портьеры вышел наш Государь. "Поезжайте с Богом, господа офицеры, на Украину,—тихо сказал он. —И формируйте там ваши полки. Когда же настанет час, я сам лично стану во главе своей армии и поведу ее в сердце России, в Москву"!.. И слезы покатились по его взволнованному лицу...

Страшна, велика и таинственна власть человеческого слова. Вот звучат привычные слова тысячу раз без резонанса. А потом, — в тысячу первый, — обожгут они сердце и коснутся чего-то, что вдруг потрясет душу...

И эти простые задушевные слова Государя так были произнесены, что зал перестал дышать. Старый артист Художественного театра сумел вложить в слова полупьяного офицера, игравшего на сцене перед советской аудиторией, что-то непередаваемо мистическое и глубоко волнующее. Неумирающая легенда дохнула своим ароматом в душу каждого русского человека. Легенда о спасении последнего Императора России...

Несколько тягостных секунд длилось на сцене молчание среди замерших артистов. Потом резко, с какой-то отчаянной яростью, вскочил Николка.

—Да ведь!.. Но.. Если так... То ведь... Господи! Да здравствует Император!

—Жив!.. Господи!.. Наш Император жив еще! Ах!— истерически вскинулась Елена и ее пышные волосы вспыхнули золотом от резкого движения. —Пока Он жив — жива и Россия... Да здравствует наш Император! Пью за Его здоровье...

Медленно поднялся и массивный Мышлаевский. Его ноздри раздувались и лицо побледнело.

—Ему никогда не простится отречение на станции Дно. Но... Но все равно: без Императора России не быть. Поэтому, даже если он и мертв, то... Да здравствует Император!.. Ура!

—Ура, ура, ура!— нестройно зашумел стол. Зазвенели стаканы и какой-то безумный вихрь закружился на сцене. Все что-то кричали. С восторженным взвизгом поднялся Николка. Блаженно сияло красивое лицо Елены. И неизвестно, как и почему, словно сами собой, возникли торжественные звуки русского гимна:

"Боже, Царя храни"...

Только первые секунды в пении была пьяная разноголосица, но сейчас же хор сам собой наладился и чудесный металлический баритон Шервинского загремел, вплетаясь в звуки хора:

"Сильный, Державный,
Царствуй на славу нам"...

Что-то неопределенное, но потрясшее души зрителей вложили старые "императорские" артисты Художественного театра в пение чудесного русского гимна. Словно миллиарды, отзвучавших в прошлом, в этом величественном гимне горячих восторженных голосов невидимым аккомпаниментом вплелись в этот хор. Поднялись и вытянулись в струнку пьяные офицеры, выпрямленные невидимой чудесной пружиной, и не отрывая от них своего зачарованного взора, словно в каком-то странном полусне, стали подниматься зрители в зале. Еще не отзвучали последние, такие гордые слова старого гимна, как почти весь зал, не сознавая того, что он делает, стоял, словно и не было "Великого Октября"...И только с последним звуком, опомнившись, все стали садиться в свои кресла, стараясь не глядеть друг на друга и поздно пугаясь того, что вышло как-то само собой...

Сталин, сидевший позади Розы, при первом же странном шуме в партере, прильнул к дырке в стенке ложи и увидал вставший, завороженный в каком-то забытьи зал. Нехорошая усмешка поползла по его жестокому, суровому лицу...

***

Когда на сцене артист в золотых погонах начал рассказывать легенду об Императоре, за кулисами какой-то молодой человек в костюме рабочего быстро скользнул за декорации, опустился на живот и достал из уголка ящичек. Лихорадочно спешившими руками он развернул промасленные газеты и сунул руку за гранатами. В этот момент его сзади обняли чьи-то сильные руки и к лицу прижался платок с одуряющим запахом. Молодой рабочий потерял сознание и невидимые руки унесли его в темную дверь. Через несколько минут у тайника появился, беспокойно озираясь, другой парень, но через минуту и его тело бесшумно и незаметно скользнуло в темную пасть какой-то двери. А на сцене звенели стаканы и звучали возбужденные голоса. Русские офицеры пили перед концом Белого Киева. . .

...После конца второго акта Сталин, раздраженный и злой, решил уехать из театра домой. Но Лазарь и Роза так умильно просили осчастливить их коттедж своим посещением, что он решил и в самом деле прокатиться и рассеяться. Большие красивые глаза девушки молили так нежно...

—Предупредите товарища Ежова, что я на час-другой поехал к товарищу Кагановичу,— приказал он охраннику.

—Есть, товарищ Сталин,— коротко ответил тот. —Только, кажись, снизу сюда как раз сам товарищ Ежов идет...

И в самом деле, Ежов, спеша и сияя, с каким-то ящичком подмышкой подходил к ложе.

—Ну и цензура у тебя, Николай,— ворчливо заметил Сталин. —Такую пьесу пропустили на сцену... Чистая контрреволюция... Провокация... Дай-ка распоряжение выяснить, кто в зале первыми стали подниматься...

—Есть, товарищ Сталин. С пьесой трудновато было. Она ведь в мягкие времена написана — в НЭП. А тогда много ошибок было сделано. Как-то даже Ильичу сказали: "Конь о четырех ногах, да и то спотыкается"...А он, хи-хи-хи... так ответил: "Да ведь тут не один конь, а целая конюшня споткнулась"...Хи-хи. Болезни роста... Ошибка вышла. Мы учимся на своих ошибках, хи-хи-хи...

Сталин не улыбнулся на угодливые шуточки Ежова.

—Только дураки учатся на своих ошибках. Умные учатся на ошибках других,— мрачно проворчал он.

—Ну-да, да, конечно, — поддакнул Ежов, бережно прижимая к груди ящичек. Его лицо искрилось веселой покровительственной усмешкой. —А как теперь прикажешь? Запретить, что ли?

Сталин на секунду задумался. В самом деле — книгу читали тысячи и тысячи. Снять пьесу с репертуара — ненужный скандал, который только поднимет славу и пьесы и книги. Только реклама этой вот сцены с гимном. Интонацию этих старых контрреволюционных артистов не задавишь... Как же быть?

Потом блестящая мысль пришла ему в голову.

—А мы вот что сделаем, Николай. Передай от моего имени этому старому хрычу, директору, выражение моего недовольства и удивления, и приказ, чтобы в следующих представлениях все это (видно было, что Сталину неприятно произнести "Боже Царя Храни") пение проходило совсем под пьяную лавочку. Небось на репетициях так, сволочи, не пели. Пусть это золотопогонное офицерьё уже валяется под столом в пьяном виде и ни в коем случае не встает смирно. И без ин-то-на-ций!.. Понятно? Тогда и зал смирно сидеть будет, ха-ха-ха...

Хитрая усмешка появилась на его лице. Роза вздохнула, как бы пораженная его гениальностью и, нежно склоняясь к нему, прошептала:

—Ах, какой изумительный выход...

—Это вот правильно, — опять как-то покровительственно ответил Ежов. —Так сказать, не "Боже, Царя храни", а "Боже, ОТ Царя храни"... Хи-хи... Наш-то ведь последний Царь царствовал не как в гимне, а как раз наоборот — на славу врагам и на страх нам... Хи-хи-хи.. Ну и вышел в расход... А теперь, Иосиф Виссарионович, довольно литературы. Приступим к делам серьезным. Я тебе тут подарочек принес. Подарочек ценный, можно сказать. Сурпризец...

И он, торжествующе сияя, протянул ящичек Сталину. Удивленный Сталин приоткрыл крышку и увидел там две ручных гранаты. Его рука резко отдернулась. Ежов торжествующе засмеялся.

—Да они уже без кишек. Охолощенные!

—Откуда это у тебя?

—А это, дорогой мой Иосиф Виссарионович, полчаса тому назад в твою личность должно было полететь... Под звуки царского гимна. Здорово удумано было!

Испуганная Роза откровенно прижалась к плечу Сталина. Тот, чувствуя это прикосновение, вызывающе усмехнулся и провел рукой по усам.

—Ликвидировал?— коротко спросил он.

—Ну, ясно. На самом на корню.

—Молодец! Следствие уже начал?

—Еще бы...

—Ладно! Завтра утром доложишь. Вот тебе и прогулка в театр. Вот тебе и "Дни Турбиных"... Только высунь куда-нибудь нос, как...

Он галантно взял девушку под руку и стал спускаться по потайной лестнице...

***

В те часы, когда занавес с серой чайкой раздвигался и переносил московских зрителей 1936 года в Киев 1918-го, от Москвы-реки, вдоль высокой кремлевской стены, поднимались рука об руку Пенза с Таней.

Им было хорошо друг с другом. Пенза чувствовал себя в компании этой милой девушки просто и спокойно. Ему казалось, что когда он с нею, не только исчезают морщины забот на его лбу, но и старые морщины на его сердце. Мягкая веселость и доверчивая беззаботность этой девушки с серьезными глазами и всегда улыбающимися губами напоминала ему его молодость в Пензе, гимназические времена, маевки, бурно брызжущий веселый смех друзей, — времена, когда все казалось простым, ясным и интересным.

Таня не пыталась анализировать, почему ей хорошо с этим сильным серьезным рабочим. Она как-то сразу женской интуицией почувствовала к нему безотчетное доверие и какой-

то сорт женской жалости к его внутреннему одиночеству и замкнутости. Пенза не был человеком, напрашивающимся на такую жалость, но сердечная ласковость лилась от Тани, как тепло и свет от солнца. Маршал с его выдающейся внешностью, славой и обеспеченностью, был давно избалован поклонением женщин, но в этой девушке было что-то свежее, чистое и светлое, что трогало его твердое сердце. Таня не играла, не кокетничала и, видимо, искренно верила, что Пенза — мастер авиазавода, существо даже чуть низшее, чем советский молодой студент. И оттенок чуть заметной комической покровительственности — вот вроде знаменитых бутербродов, сунутых "бедненькому рабочему" на завтрак — изредка проскальзывал в отношениях Тани и неизменно трогал и забавлял Пензу.

Они были уже совсем приятелями. Болтая и смеясь, оба поднялись к храму Василия Блаженного и там остановились. Был ранний лунный, светлый вечер. Москва сияла миллиардами огней. По площади с низким шумом стремился поток людей. Гудели автомобили, резко звонили, проносясь вверх и вниз, трамваи. Но средина площади была пуста — людской муравейник шевелился только по краям. Таня потянула приятеля к храму и там, в тени каменной громады, присела на ступеньки.

—Погоди-ка, голубчик. Этак не годится! Камень-то ведь холодный.

И Пенза, сняв свой пиджак, заботливо постелил его на ступеньке.

—Спасибо, Мишенька,— ласково сказала она. —А ты-то сам как?

—Ну, если старые солдаты будут бояться простуды, — пропала Россия!

Таня звонко рассмеялась.

—Тут ни словечка верного нет, Миша! И никогда Россия пропасть не может. Россия вечна!

—Как так "вечна"?— улыбнулся энтузиазму девушки Пенза. — Да ведь Россия уже теперь не существует.

—Как так?

—Да так. . . Есть СССР, РСФСР, но России, как таковой, нет.

—"Как таковой"! — рассердилась девушка. — Как тебе, Миша, не стыдно в самом деле! Да мы-то с тобой — русские?

—Да, как сказать? Официально-то, пожалуй, советские.

—Брось ты. Разве в вывеске да в названии дело? Разве от того, что на Кремле блестят, вместо старых русских орлов, красные звезды, он перестал быть сердцем России? Или вот эта Красная площадь перестала быть свидетельницей всей русской истории? Ты ведь знаешь ее историю?

—Чью?

—Да этой вот Красной площади?

—Знаю.

—Ну, конечно. Ты, Миша, все знаешь!— ласково улыбнулась рабочему девушка. —Прямо даже удивительно. Нет вопроса, на который ты бы ответил "не знаю"... Дай-ка я тебя еще разик поэксплуатирую, — расскажи мне, милый, про эту площадь. Ну, пожалуйста! Ну, милый, ну, хороший, ну, серебряный, ну, золотой мой Мишенька...

Таня ласково прижалась своей щекой к плечу Пензы и тот неожиданно для себя вздрогнул: никогда ему не приходилось испытывать такой свежей, такой милой, непосредственной простой женской ласки.

—Что, тебе холодно?— прозвучал заботливый голосок девушки.

—Да нет, Танюшенька. Это я так... Я вот закурю и трубкой согреюсь,— и он ласково погладил ладонь, лежавшую у него на плече.

С наступлением темноты постепенно замирал и человеческий шум. Площадь становилась все пустынней и поток пешеходов на ее краях начинал редеть. С мягким рокотом, падая каскадами, прогудели куранты Спасской башни. Медленно пробило 9 часов.

Пенза удобнее устроился ступенькой ниже, чуть прислонившись к ногам девушки, чувствуя сквозь ткань тонкой рубашки живую теплоту ее тела. Спичка осветила полуоткрытые губы и неподвижные глаза Тани, глубоко задумавшейся. Пенза опять легонько провел пальцами по ее руке.

—О чем опять задумалась, Нежнолапочка?

Голос его прозвучал очень нежно. Девушка встрепенулась и вспыхнула, сделав вид, что она не слышала ласкового имени.

—Прости, Мишенька. Это — женская впечатлительность... Я, знаешь, кажется, в эти несколько секунд прожила вместе с Красной площадью тысячу лет ее истории... Как это восхитительно — слиться, раствориться в прошлом, в нашем русском прошлом... Ну, а теперь, товарищ мастер, начинай свой рассказ. . .

—Да, Таня, ты права,— задумчиво ответил Пенза. —Мы ведь только маленькие песчинки, маленькие капельки русского моря. Или русской реки, — вот, как Волга... Каждую секунду миллионы капелек скользят и протекают. Никогда Волга не бывает одной и той же. И все-таки, она — Волга-Матушка, русская река... Так и Россия...

Пенза минуту молчал, сосредотачиваясь. Трубка его несколько раз пыхнула красным огоньком в темноте.

—Москва, Кремль, Красная площадь,— тихо начал он. — Тысячу лет тому назад вот на этом кремлевском холме весело шумел дикий сосновый Боровицкий бор. Киев к тому времени уже был, так сказать, полутысячелетним городом. А тут — кругом шумели необозримые моря лесов, прорезанных свет-

лыми речками — Москва, Яуза, Неглинная... В одиннадцатом веке в этом месте уже было какое-то селение, и некий боярин Кучка даже построил здесь свою боярскую усадьбу. Кто такой был этот самый Кучка и почему именно в этом месте? Вышло это у него случайно или он уже понял, что именно этот пункт представляет собой какой-то своеобразный центр русской земли — перекрещение путей между западом, с его промышленными товарами, и востоком, с его шкурами, мехами, воском и драгоценными камнями? Севером, с его путем "в варяги", и югом — путем "в греки"? А то просто, может быть, он хотел подальше уйти от татар, поляков, литовцев? А может и еще проще — понравилось ему это чудесное живописное местечко?.. Кто теперь скажет?

"Но через столетие здесь уже обосновался князь Юрий Владимирович, беспощадно вырубил чудесный бор и построил здесь первый деревянный Кремль — будущее сердце России... В этот период возвышался торговый Новгород; истекал кровью под ударами запада — поляков и востока — татар, Киев, "мать городов русских", а здесь спокойно рос и креп новый центр русской земли. Правда, скоро и сюда пришли татары, и хан Тохтамыш сжег дотла деревянный Кремль и покрыл русскими трупами весь холм и то место, где мы сидим... Но уже сильна была Русская земля и при Иване Третьем, великом князе Московском, который начал себя уже называть "Царем всея Руси", на этом холме знаменитый итальянский зодчий Фиоравенти построил каменный Кремль — вот этот, который стоит и до сих пор. Это было на грани XIII и XIV веков. И именно при Иоанне III через эти ворота (Пенза легким движением указал на громадный силуэт Спасской башни) с позором уезжали из Кремля последние послы татарского хана, которым Иоанн отказал в повиновении и выплате дани. Именно отсюда улюлюкала им пестрая московская толпа, провожая комками грязи и камнями некогда грозных поработителей Руси. Вот именно тут, у этих — чувствуешь ты это? — самых ворот... Именно этот смелый жест Великого Князя Московского окончательно закрепил за ним главенство в стране. Москва стала процветать все больше.

"Трудно было ей в то время — кто тогда считался с Московским княжеством? В середине XIV века осадили Москву литовцы — а ведь тогда Польско-литовское государство было от Балтийского до Черного морей... Величайшее государство Европы!.. Где оно теперь?.. А Москва все крепла и процветала. И была барьером между Европой и азиатскими ордами. Это вот Европа забывает, упрекая нас в отсталости. Ведь две трети своего существования Россия провела в тяжелых войнах, грудью защищая и себя и Европу от Азии... Москва была не только защитным барьером, но и звеном связи между

двумя материками. Вот на этой самой площади, такой теперь спокойной, в старину все дни кипела торговля товарами со всех концов мира — от Царьграда до Стокгольма, Амстердама и Вены, до Китая, Урала и Кавказа... Потом, как Божья гроза, пронесся над страной Грозный Царь, срывавший головы с тех, кто думал только о своей выгоде, а не о пользе всей Русской Земли. При Грозном эта площадь полностью оправдала свое имя Красной...

"Тогда же построили два гениальных русских самородка, зодчие Барма и Постник, эту вот чудесную церковь, на ступенях которой мы сидим... Есть легенда, что когда сняли последние леса, и эти пестрые цветные купола засияли на фоне синего неба, — Царь был ошеломлен красотой и оригинальностью архитектуры. Он понял, что эта церковь войдет в историю зодчества не только России, но и всего мира, как что-то единственное и неповторимое. В то время ценили мертвое и не считались с живым. И здесь вот, перед церковью, может быть, у этих ступенек, спросил Грозный архитекторов, вперив в них свои страшные глаза:

—"А можете ли вы ЕЩЕ О Д Н У такую прекрасную церковь построить?

"Не поняли зодчие значения этого странного вопроса и мрачного взгляда. Тряхнул старший, Постник, головой и уверенно ответил:

—"Конечно, Государь. Прикажи только. Хоть сотню таких же выстроим по всей Руси!

"Долго и зловеще смотрел Грозный на самоуверенного зодчего. Мрачно нахмурились его брови. Замерли окружающие бояре. Знали они, что обозначают сдвинутые брови Грозного Царя.

—"Хоть сотню? — повторил Царь. — Нет. Пусть эта церковь останется единственной, неповторимой на Руси и во всем мире. Выколоть им глаза..."

Пенза рассказал эту небольшую сценку так художественно, что Тане показалось, будто она видит перед собой страшные мрачные глаза Грозного Царя. Ей захотелось в испуге встать со ступенек. Почему-то ей показалось, что кровь из пустых глазниц великих русских архитекторов брызнула как раз на те ступеньки великолепного храма, где они теперь сидели... Она вздрогнула и еще теснее прижалась к плечу Пензы. Тот тоже долго сидел молча, забыв о трубке, погруженный в свои мысли. Обаяние прошлого, даже жестокого прошлого, овладело и им.

Потом Таня вздохнула.

—Да, конечно... Много в нашем прошлом крови и несправедливости. Страшное время было. Средние века... Но кто, например, знает, что мы, русские, сожгли в те времена на кострах только 14 человек?.. А какой-нибудь Великий инкви-

зитор Торквемада хвастался, что он сжег — "очистил огнем" — двадцать пять тысяч человек!.. Пусть и у нас в русском прошлом есть кровавые пятна, а все-таки... Все-таки прекрасна наша русская Москва. Помнишь, Миша, как Лермонтов чудесно писал:

"Над Москвой Великой, златоглавою,
Над стеной Кремлевской, белокаменной,
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучи серые разгоняючи,
Заря алая поднимается.
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается..."

"Ах, как жаль, что этот поэтический бриллиант не переложен на песню. Как хорошо бы спеть, как вот:

"Не даром дышит вся Россия
Дыханьем Матушки Москвы,"—

тихо пропела девушка.

—Говорят — нет Франции без Парижа, — продолжала она. —А какая может быть Россия без Москвы?..

"Москва, как много в этом слове
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось"...

Мелодичный голос девушки прозвучал особенно тепло в мягком сумраке наступившей ночи.

—Спасибо тебе, Миша, за рассказ. Я тоже многое читала про историю России — и старые книги, не советского издания. Иначе — как же правду узнать?.. Хорошо сказал Никитин:

"Уж и есть за что, Русь великая,
Полюбить тебя, назвать матерью,
Встать за честь твою против недруга,
За тебя в бою сложить голову..."

—И вот, когда вспомнишь, что после татар в этом Кремле, нашем Кремле, хозяевами — пусть на время — были поляки, подбирались шведы и залезли французы, — зло берет. Правда, поляков быстренько выставили и после Смутного времени с новым Царем стала крепнуть и расти Русская Земля. Были, конечно, и тревоги и смуты — где их не было? Вот на этой самой площади Петр Великий сурово расправился со стельцами, пытавшимися подорвать единство страны междоусобиями. Сколько голов катилось здесь! Красную площадь, пожалуй, вымостить этими черепами можно было бы. Вот на этой кремлевской стене (приятели оглянулись на суровый темный силуэт высоких стен и башен Кремля) у каждого зубца была просунута балка, на которой повесили по два стрельца. Жуть берет, когда вспомнишь о том времени. Но зато после прогремела Полтава, и укрепленная и объединенная Россия вышла в ряды европейских держав. Пусть были потом Емелька Пугачев

и декабристы — державного хода Империи это не остановило... Да, да, Миша. Ты не удивляйся, что я так о прошлом России говорю. Я не верю какому-нибудь Покровскому, что в нашем прошлом все только кровавое и страшное было. Нет, было и гордое и светлое. А если лилась кровь, то она лилась — несмотря даже на ошибки — для блага страны... Ты знаешь, Миша, мы русские не любим крови. Для нас кровь — это боль. Боль это — жизнь. Жизнь это — душа. А душа — это какая-то искра внутри каждого... Вот сто семьдесят миллионов человеческих душ-искр — это и есть Россия. А пролитая кровь — это цемент, связывающий нас, теперешних, с прошлым и будущим... Вот почему Россия — в нашей душе, а не на паспортной бумаге...

Пенза поднял на девушку блестевшие интересом и симпатией глаза и мягко коснулся ее руки.

—Да ты совсем поэтесса, милая Танюша! Сколько у тебя огня и любви к России!

—Ну, а как же иначе?— просто ответила девушка. —Разве так вот и жить — только для своего брюха, для своей маленькой жизни?.. Не думать о Родине, ее прошлом и будущем?

Искренность этого девичьего чистого и светлого порыва тронула даже суровое сердце Пензы. Он взял руку Тани, лежавшую у него на плече, и ласково провел ею по своей щеке. Девушка смущенно улыбнулась, мягко отняла руку и, сделав над собой усилие, продолжала:

—Да, много крови тут было... Последние казни здесь производил Наполеон, карая оставшихся московских жителей за то, что они предпочли опустошение и пожар столицы безусловной и унизительной сдаче на милость победителя.

“Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою...
Не праздник, не прощальный дар, —
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою”...

”Когда-то все пылало вокруг этой площади. А с высоты кремлевской стены мрачно глядел властелин всего мира на этот пожар, с дымом которого меркла его слава:

“Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?..
Теперь с поникшей головою
Стою на кремлевских стенах,” —

опять пропела Таня.

”Наполеон сорвал крест с Ивана Великого, взорвал стены Кремля, но не спас этим себя. Через эту же площадь уходили французские солдаты в свой последний поход-отступление. А потом... Потом — век славы и величия. Не было уже крови, не было тут казней, а только парады, празднества и музыка. И только в начале этого века услышала опять Красная площадь взрывы бомб революционеров и стоны раненых. Тут погибли

великий князь Сергей и много царских сановников, которые знали, что на них идет охота, но оставались до конца, до смерти на своем посту... И еще раз, — Бог даст, в последний, — видела эта площадь кровь молодых юнкеров, которые в 1917 году пытались защищать Кремль... И с тех пор — отдых от крови... Надолго ли? Навсегда ли?.. "

Голос Тани прозвучал едва слышно, словно она спрашивала что-то Высшее, что руководит судьбой людей и что слышит даже несказанные слова... Пенза с искренней ласковостью мягко обнял ее колени и положил свою голову на мягкое тепло женского бедра. Взволнованная своим же рассказом девушка почти не заметила движения рабочего. Ее глаза были устремлены на темный силуэт Кремля и мысли были далеко от действительности. После нескольких минут молчания Пенза тихо сказал:

—Видно, что для тебя все это живое и родное...

—Ну, а как же иначе, Миша? — повторила Таня. — Это же все наше, понимаешь, НАШЕ, русское, что ближе всего связано с нашим сердцем. Наши и боль, и гордость, и стыд, и слава, и кровь... Все наше. Помнишь в марше Буденного:

"Никто пути пройденного
У нас не отберет".

"Тысячу лет идет уже Россия по этому пути. Русскому пути... "

—Но ведь... Но ведь теперь армия, которая проходит по этой площади на парадах, уже не русская, а красная?

Пенза задал этот вопрос с несколько провокационными целями — увидеть реакцию советской девушки на такую фразу. Реакция оказалась яркой. Таня выпрямилась, как от удара электрического тока, и отстранила от своих колен голову рабочего.

—Как ты так можешь говорить, Миша?— с упреком вырвалось у нее. —Ты вот в гражданскую войну людей, русских людей, убивал. Так ведь не для славы Интернационала, а для блага нашего же народа, для установления народной власти, чтобы выкинуть иностранцев и тех, кто завел страну в тупик. Разве, например, теперь ты охотно поехал бы в Испанию проливать свою русскую кровь за испанцев и какой-то там "мировой пролетариат"?

Пенза усмехнулся.

—Пожалуй, что и нет!

—Ну, вот видишь сам? А если бы какие-нибудь эти испанцы напали на нас, — тогда как?

—А как по-твоему?

—По-моему, ясно — надо драться, землю свою защищать. Тут у нас, может быть, не все гладко и хорошо еще, но все это наше, русское. А если сейчас Красная армия называется крас-

ной, то ведь все равно она состоит из русских людей и будет защищать русскую землю.

—"Русскую Землю"?— с какой-то особенной тонкой интонацией тихо повторил Пенза. —Но ведь вместе с Русской Землей ты будешь защищать и Сталина, и Ягоду, и ГПУ, и партию, и Лубянку, и концлагери?.. А как со всем этим?

Пенза улыбался, но глаза его смотрели сурово и испытующе. Девушка осеклась. Несколько секунд она молчала, а потом жалобно посмотрела на своего спутника.

—Да-а-а-а,— растерянно сказала она. —Вот и д'Артаньян тоже так говорил... Не при всех, а наедине. И сколько боли у него было на душе!.. Ведь, действительно, это не одно и то же...

—Значит, ты понимаешь, что Сталин — не Россия? И что защита СССР не есть защита России?

Теперь Пенза откровенно улыбался, видя замешательство девушки. Ее примитивному мировоззрению он нанес как бы смертельный удар. **К А К** ответит ее молодое русское сердце? А молодое сердце Тани мучительно искало ответа. В самом деле, это все очень просто для Ведмедика и Полмаркса. Но вот умный чуткий д'Артаньян мучается в поисках ответа на такой вопрос. И не находит его... Ах, если бы...

—Ах, если бы, — вырвалась у девушки затаенная мысль.— Ах, если бы Россия опять стала не советской, а просто Россией!... Армия — не красной, а просто русской. Солдат не красноармейцем, а просто русским солдатом!.. Миша, родной мой Миша! Неужели всегда будет так, как сейчас? Неужели нам, русским, нужна эта проклятая мировая революция, неужели у нас не может быть чего-либо более близкого русскому народу, чем этот коммунизм?.. Зачем нам он? Почему нельзя устраивать русскую жизнь по-русски, без этого страшного большевизма, без террора, свободно, привольно?.. Почему никто не любит Сталина, а все его только боятся? Как зло сказал недавно д'Артаньян — "**ЗА** Сталина никто умирать не хочет, а **ОТ** Сталина умирают миллионы"... Боже мой, Боже мой! Ах, если бы нашлись русские люди, которые изменили бы все это?Какой Сталин русский человек? Что ему Россия?.. А мы все, все русские, хотим кому-то верить, кого-то любить! И если придется жертвовать жизнью, то за настоящую, а не за советскую Россию. Боже мой! За что послано бедной России такое тяжелое испытание?.. Ах, Миша, мы все хотим добра России, хотим ее защищать. Но... какое нам дело до мировой революции, до коммунизма? Да пропади они пропадом! Наши предки вот уже тысячу лет за Россию дрались, за настоящую Россию. И умирали со спокойной душой. Но умирать... за Сталина?.. Господи! Где же правда, где верный путь в этом страшном путанном вопросе?..

Странные мысли и ощущения разбудили в Пензе эти сбивчивые слова взволнованной девушки, которая не могла найти ответа на страшные вопросы. А, между тем, в душе Пензы-Тухачевского откуда-то из подсознания выплыли наверх инстинкты русского человека, веками защищавшего Россию от ее врагов. Сам Тухачевский был столбовым дворянином и история его рода шла из глубины веков. Теперь он неожиданно почувствовал себя потомком тех, кто, может быть, стояли вот здесь, на этой самой площади, на этом самом месте, когда Иоанн III прогонял татар; когда сдавшиеся и разбитые поляки покидали со стыдом Кремль; в рядах знатных зрителей глядел на катившуюся на Лобном месте для блага страны голову Пугачева; кто входил в дымящуюся пожарами Москву, оставленную Наполеоном, или потом, в рядах блестящей кавалерии, проходил тут на торжественных парадах перед Российским Императором.

А вот теперь потомок этого славного русского рода, бывший подпоручик гвардии, ныне красный маршал, хотел только, чтобы его личное "Я" сияло выше и ярче других... В его усилиях, в его карьере до сих пор не было ничего другого, кроме личного честолюбия, личной карьеры, славы, могущества, власти, выгоды **ДЛЯ СЕБЯ,** а не для Родины. И даже неизбежное столкновение со Сталиным и его режимом он рассматривал, как ступеньку к **своей** карьере, к **своей** славе... И теперь внезапно в его голове мелькнула странная мысль, что выдвигая свою личность, ввязываясь в опаснейшую борьбу, не выполняет ли он одновременно какого-то мистического задания в истории России? Не пользуется ли им история, как рычагом, чтобы повернуть свой путь на другие — НАЦИОНАЛЬНЫЕ рельсы? Разве не совпадают его личные желания восстановить русское в красном с инстинктивным, пока мало осознанным, но ярким желанием всех этих Тань, Ванек, Ведмедиков, д'Артаньянов и миллионов крепкой, смелой русской молодежи видеть Россию, именно Россию, а не СССР, могучей, счастливой и мирной?

Что-то горячее и светлое поднялось неожиданной волной в его холодной, черствой душе. Красный маршал почувствовал себя прежде всего русским, связанным невидимыми, но крепкими нитями с прошлым и будущим своей Родины. Его мысли о перевороте были внезапно пронизаны РУССКИМИ НИТЯМИ. Сделать этот переворот не только для себя, для своего имени и своей карьеры, но и для России, для родной страны, которая бьется и задыхается в чуждых ей идеях и формах коммунистической жизни, в маске Интернационала. Для страны, которая жаждет любить и верить, ищет оформления своей любви к Родине ищет человека, олицетворяющего эту идею служения именно и только России. И который может повести

страну к славе и благоденствию... Если потребовать жертву и кровь молодежи, то **во имя России,** а не для абстрактных и чуждых стране целей...

Пензу так захватили эти новые мысли и ощущения, что он не заметил, как Таня опять начала о чем-то говорить. Не вслушиваясь в ее слова, он с симпатией и нежностью вглядывался в ее милое оживленное лицо и впервые мысль о том, что в будущих испытаниях она может пострадать, — впервые пришла ему в голову. Ведь все равно их славная дружба будет, в конце концов, открыта и если что-либо случится лично с ним, — бедная девушка автоматически попадет в безжалостную машину Ежова. А там... Чувство неожиданной и такой непривычной жалости вспыхнуло в нем при мысли, что должна будет перенести эта студентка в застенках НКВД, в случае... если маршалу Тухачевскому не повезет. И если Туполев, Гамарник, Уборевич, Якир шли за ним по идейным или личным соображениям, то справедливо ли подвергать эту милую девушку такому страшному риску?.. В голове его мелькнула новая идея. Наклонившись к Тане, Пенза опять ласково обнял ее колени и положил на них свою голову. Его улыбающееся лицо приблизилось к лицу Тани. Та вспыхнула и смущенно улыбнулась.

—Что это ты, Миша?

—Да так... Просто, по сердцу теплая волна прошла. Скажи, Танюшенька, ты ведь меня чу-у-у-уточку любишь?

—А зачем спрашивать?— тихо прошептала она. —Разве ты сам этого не ощущаешь? Милый мой...

Ласковые пальцы коснулись спутанных черных волос Пензы. Он опять чуть вздрогнул. Красивейшие женщины расточали ему свои ласки, но такая простая и теплая нежность была для него новой. В ней было что-то материнское, сестринское и не было ни капли кокетливости. В прикосновении девичьих пальчиков за нежной застенчивостью сквозила только хорошая и ясная любовь и искренность. И именно это еще больше тронуло жестокое сердце Пензы.

—Ну, ладно, Танюшенька... Я понимаю...

Он овладел пальчиками девушки и, несмотря на ее сопротивление, ласково поцеловал их по очереди.

—Я понимаю... А что, если бы я попросил у тебя обещания, важного обещания... очень важного?.. Ты ведь мне веришь?

—Ну, конечно, Миша, — просто ответила девушка. — А что именно тебе нужно, милый?

—Обещай мне, что ты беспрекословно выполнишь мои три первые просьбы. Какими бы они ни были!

—А зачем тебе нужно такое обещание, Миша? Разве ты сомневаешься в том, что я тебе всегда верю и сделаю все, что для тебя нужно будет?..

—Все это так... Но у меня на душе будет легче.

—А какие это такие таинственные просьбы?— смущенно засмеялась девушка.

—Ты не смейся, Таня. Я еще сам не могу сказать, какие именно будут эти просьбы, но ты можешь мне доверять полностью. Зря я приказывать не буду. У меня будут серьезные основания, которых ты, может быть, и не поймешь, но они — даю честное слово старого русского солдата — не будут капризом! Ну, так как, маленькая моя, идет?..

Слово "приказывать" было суровым и жестким, но голос Пензы звучал мягко и нежно. Чувство доверия и любви опять захлестнуло сердце девушки.

—Идет, Миша. Если тебе это так важно, — я согласна.

Пенза выпрямился.

—Значит, серьезно? Ты обещаешь выполнить беспрекословно мои первые три приказания?

Голос звучал уже не ласково, а повелительно. Чувствовалось, что этому странному рабочему приказывать так же естественно, как другим подчиняться его приказам; что он — прирожденный командир, никогда не шутящий ни со своей властью, ни со своими приказами. Таня призналась самой себе, что для нее совсем не будет ни неприятно, ни унизительно повиноваться этому сильному спокойному человеку, со всеми его странностями. Ее глаза смотрели прямо и открыто, когда она ответила:

—Обещаю, Миша!

—Руку? Даешь слово?

Опять, как при первом знакомстве, мягкие и нежные девичьи пальчики потонули в сильной мужской ладони.

—Даю.

—А чем ты мне поклянешься?— голос Пензы опять звучал ласково и мягко.

—А чем хочешь... Ну, ей-Богу...

—В Бога-то я не очень верю, Таня. Для меня это...

—Ну, честное слово!

—"Честь"? Тонкое это слово... И очень уж гибкое...

—Ну, хорошо — глаза девушки блеснули и она резко выпрямилась. — Тогда... Тогда — клянусь Россией!.. Выше этой клятвы для меня ничего нет!..

ГЛАВА 8

На Лубянке

Поздно ночью, не спеша, подходили Пенза и Таня к воротам института, где жила студентка. Пенза был задумчив и рассеян. Новые точки зрения на перспективы переворота и его личное в нем участие, внезапно вспыхнувшие в его сознании, искали точных формулировок и решений. Ясная деловая голова его искала новых подходов к большому задуманному делу. Совсем новые оценки морального и национального порядка всплыли перед ним. Под дело его личной карьеры внезапно стал подводиться прочный вечный фундамент интересов Родины, тесная связь с которой впервые ясно обрисовалась в душе красного маршала. Как всегда бывает в вопросах чувства, словно какие-то молнии осветили рассудочные построения и окрасили их в иные цвета... Какой-то перелом наметился еще неясно, еще без деталей, но уже стало очевидно, что какой-то жизненный план должен быть и БУДЕТ пересмотрен.

Таня была весела и радостна. Ей было как-то даже легко, отдав своему другу какую-то часть своей воли, своей судьбы. Это ее не пугало. В ней все росло чувство доверия и любви к этому странному сильному рабочему с сумрачным взглядом, тоном прирожденного командира и какими-то мягкими и светлыми побуждениями, изредка вспыхивавшими в глубине его сурового сердца... У ворот своего общежития Таня крепко прижалась к груди друга и на прощанье нежно его поцеловала. В ее глазах светилась такая простая, ясная, доверчивая девичья любовь, что Пенза был тронут. В первый раз в жизни у него было ощущение, что его любят за него самого, любят преданно и чисто, ничего не требуя и ничего не добиваясь. Он почувствовал свое сердце согретым и с улыбкой подумал, что "ревматизм сердца" начинает проходить. "Тот не стар, кого любят!" Хорошо сказано!

"И может быть, на мой закат печальный
Мелькнет любовь улыбкою прощальной",—

мелькнули в его памяти строчки Пушкина, и он усмехнулся. До "заката" еще было далеко, но любовь этой милой девушки, все-таки, согревала и смягчала его твердое, жестокое сердце. Он обнял тонкую талию Тани и сердечно ответил на поцелуй.

—До скорого свиданья, милая Нежнолапочка! Я ведь еще не забыл своего обещания свести тебя в хороший ресторан.

—Э, голубчик. Я ведь — русская! По мне — "с милым рай и в шалаше" ... Где ты, где тебе хорошо, — там и я счастлива. До свиданья, милый. Не кручинься. Все образуется!...

Она весело махнула рукой и скользнула к воротам. Но внезапно с невольным вскриком остановилась. Навстречу ей выдвинулись две тени.

—Вы — гражданка Смолина?— негромко прозвучал вопрос.

—Я... А что?

—Ничего особенного. Вы задержаны. Следуйте за нами.

—Миша, Миша! —испуганно вскрикнула Таня. —Иди сюда!

Пенза, уже было отошедший от ворот, вернулся несколькими прыжками. Неизвестные люди насторожились.

—Вы, гражданин, вместе с ней были?

—Да, а в чем тут дело?

Рука Пензы была глубоко опущена в боковой карман. Один из неизвестных заметил это и резко скомандовал:

—Руки вверх!

В темноте блеснула сталь револьвера. Пенза остался неподвижным.

—В чем, все-таки, дело?— также медленно и спокойно повторил он. —Что тут за чепуха?

—Руки вверх! — взвизгнул неизвестный. — Или я буду стрелять!

—Бросьте дурака валять,— решительно оборвал его Пенза. —Кто вы такие и в чем дело?.. И бросьте револьвером баловаться. Вы у меня на прицеле, а не я у вас.

Действительно, оттопыренная пола пиджака указывала, что револьвер в кармане Пензы готов к выстрелу. Его голос звучал твердо и решительно. Неизвестные несколько растерялись.

—Оперативное задание Наркомвнудела.

Он негромко свистнул. Откуда-то из-за угла выплыла машина.

—Граждане, прошу не сопротивляться. Садитесь. А вы, гражданин, сдайте оружие.

—Сдам в комендатуре,— усмехнувшись, ответил Пенза. — Теперь еще рановато... Но поехать — это можно.

—Гражданин, повторяю — сдайте оружие, иначе я применю силу.

—А вы, дорогой товарищ, перестаньте орать и нервничать, — повернулся к кричащему Пенза. —Я вам не девушка. Вас я не знаю и документов ваших не вижу. Кто вы такие, мне неизвестно: грабители или оперативники? Так что, пока вы остаетесь под прицелом, но я подчиняюсь...

Он спокойно шагнул к девушке, взял ее под руку и, не спуская острого взгляда с чекистов, направился к машине. "Операгентам" еще не приходилось встречаться с таким странным сопротивлением. Обычно при слове "ГПУ" все терялись и не думали о возражениях. А этот странный человек, — по виду рабочий, — говорит так, как будто ОН ими коман-

дует. Но он согласен ехать — большего пока ничего и не требуется. А "там" можно будет сбить с него спесь. Двое чекистов молча сели против арестованных и машина помчалась.

—Ничего, Танюшенька... Это простое недоразумение и скоро, как ты сама говорила только что, — "все образуется"... Не нервничай!

—Приказываю не разговаривать! — раздалась команда.

—Да брось ты, товарищ, наконец, дурака-то валять! — сердито огрызнулся Пенза. — Я ведь не о политике говорю, а успокаиваю девушку, которую вы же напугали. И заметьте себе еще раз — и твердо — плевать я хочу на ваши крики и угрозы. Я сопротивления не оказываю, но вы у меня под дулом все время. Так что, сидите смирно и везите нас на Лубянку. Но если машина повернет в сторону, я немедленно открываю огонь!

Голос был так решителен и свиреп, что чекисты не нашли, что возразить. Молча, с наведенными револьверами, они так и просидели всю дорогу, пока машина не затормозила мягко перед зданием НКВД. Пенза вынул руку из кармана и, покровительственно обняв плечи испуганной девушки, еще раз произнес несколько ободряющих слов. Чекисты, видя, что он спокойно направляется к дверям комендатуры, теперь молчали.

В приемной комендатуры один из них предъявил ордер и Таня немедленно была уведена. Пенза бросил ей вдогонку веселую улыбку и повернулся к чекистам. Лицо его сразу же приняло строгое, суровое выражение.

—Ну, так в чем же дело, наконец?

—Прежде всего сдайте оружие, гражданин.

Теперь чекист говорил уверенно и спокойно. Двери сзади захлопнулись, и арестованный был в их власти. Пенза вынул из кармана пистолет и положил его на стол.

—Только спустите предохранитель, товарищ,— спокойно предупредил он коменданта. —И осторожнее — вот этак. Это новый американский пистолет — "Сэведж", — по особому заказу мне доставлен. Единственный экземпляр в Союзе. Бьет и как пулемет, и как хотите. Я чуть было не пристрелил ваших ребят. Но, по счастью, договорились...

—Как же это вы так? — не без любопытства спросил широкоплечий коренастый комендант, вглядываясь в спокойное лицо рабочего.

—А так... Кто же их знает? Ваши ли они или бандиты? Ночь, темно, документов не видно... Они — в штатском. Мою знакомую вдруг так, ни с того, ни с сего, взяли... Так что мы, собственно, друг друга арестовали...... А теперь — пожалуйста. Я готов подчиняться.

—А кто вы такой?

Рабочий вынул паспорт и протянул его коменданту.

—Михаил Николаевич Пенза... Рабочий... 39 лет... Та-а-а-к! А почему у вас револьвер?

Так же молча Пенза протянул разрешение. Все было в полном порядке. Комендант вопросительно посмотрел на своих сотрудников, привезших Пензу.

—Этот товарищ вместе с той гражданкой был,— объяснил один из чекистов. —Они вместе подошли к воротам, разговаривали и целовались.

—Ага,— многозначительно протянул комендант. —Придется вас задержать, товарищ!

—А это почему такое? — отозвался рабочий, не выказывая никакого беспокойства.

—Это уж позвольте нам знать, почему. Вы арестованы. И точка. Прошу без лишних вопросов.

—А что дальше?— также спокойно спросил Пенза.

—Дальше — известно что. Обыск и камера. Чего тут спрашивать?

Пенза пожал плечами.

—Ну, ну... Это все вовсе не так просто. Дайте мне служебную линию Наркоматов.

—Нет, товарищ. Незачем! Что вам будет нужно, — вы выясните при первом же допросе. Это дело следователя, вам разрешать или не разрешать говорить по телефону. Я не разрешаю.

—Может быть, в обычном случае вы, товарищ, и были бы правы. Но со мной дело особенное. И я не прошу, а требую, чтобы мне предоставили телефон на две минуты.

—Сказано и баста,— прервал Пензу комендант. —Что тут, в самделе, дискуцию разводить? Следуйте за мной!

Рабочий не шевельнулся. Его спокойное твердое лицо усмехнулось.

—Я еще раз вам, товарищ комендант, повторяю: я вовсе не обыкновенный арестант. Вышло недоразумение...

—Вот вы его со следователем и выясните.

—...которое разрешится немедленно же при телефонном разговоре.

В спокойном голосе арестованного были какие-то нотки, которые заставили коменданта забеспокоиться. Он, по-старому военному опыту, почуял, что этот рабочий почему-то чувствует себя какой-то силой и, очевидно, имеет какое-то право так твердо говорить даже в комендатуре НКВД. Но авторитет власти казался сильнее всех таких туманных догадок.

—Следуйте за мной, гражданин, и не валяйте дурака. Иначе я прикажу применить к вам силу! Мы тут и не таких, как вы, обламывали!

Пенза опять усмехнулся.

—Ну, смотрите, чтобы это вам дорого не обошлось, дорогой товарищ. Соедините меня сами с Реввоенсоветом немедлен-

но. Я приказываю вам, товарищ. И я имею право вам приказывать!

Голос рабочего прозвучал таким четким и суровым приказанием, что несколько растерянный комендант невольно взял трубку. Через минуту он молча протянул ее арестованному.

—Коммутатор Реввоенсовета? Дайте срочно Смутного. Кабинет или квартиру.

Чекисты напряженно следили за рабочим. Брови коменданта были сердито нахмурены... Через несколько секунд в трубке зашумело и арестованный произнес:

—Здорово, Иван Алексеевич! Узнаешь голос? Ну, ладно... Возьми-ка немедленно дежурную машину и приезжай срочно на Лубянку в комендатуру. Я тебя там жду. Имей в виду — срочно... Через четверть часа? Ладно. Пока.

Он положил трубку. Чекисты с некоторым недоумением смотрели на его потертую одежду, грязные сапоги, засаленную кепку.

—Спасибо товарищ. А теперь я тут посижу, подожду.

Не ожидая разрешения, рабочий сел на стул и стал закуривать. Комендант рассердился.

—Это вы, товарищ, уже чересчур,— раздраженно сказал он. —Как арестованный, кто бы вы ни были, вы обязаны подчиняться. Можете подождать в камере.

Пенза, закуривая, пожал плечами.

—Да поймите же вы, наконец, товарищ комендант, что я вовсе не арестованный, а тут вышло простое недоразумение, которое через четверть часа выяснится.

—Ну и просидите в камере эти четверть часа!

—И меня обыщут?

—Ну, а ясно... Правила-то на что существуют?..

—Ох, товарищ! Видно, не пойти вам выше должности коменданта. Сообразительности не хватает, — вздохнул Пенза, опять поднимаясь и туша папиросу в пепельнице на столе коменданта. —Ну, что ж — ничего не поделаешь. Дайте мне кабинет наркома!

—Какого наркома?

—А разве у вас их два? Кабинет товарища Ежова.

—Да бросьте вы, в самделе, дурака валять,— рассердился чекист. —Станет Ежов со всяким тут рабочим время в разговорах терять? Ему теперь не до вас — забот полон рот... Идите в камеру немедленно. А то, как бы худо не вышло...

—И в самом деле — довольно рассуждать,— резко оборвал его Пенза. —Я приказываю вам соединить меня немедленно с кабинетом товарища Ежова. Слышите: приказываю, иначе вы ответите по службе... Если я вас дурачу — я и в ответе буду. Ну?

Голос опять звучал так повелительно и, вместе с тем, так

просто, что комендант, наконец, понял, что этот рабочий имеет в самом деле какое-то странное право приказывать ему, дежурному коменданту Лубянки. Он смущенно взял трубку и через несколько секунд заговорил:

—Да, да... Лично. Очень важно. Срочное требование одного тут важного арестованного... Да, да... Под мою ответственность...

Комендант оторвался от трубки и протянул ее рабочему. Тот, не спеша, затянулся папиросой и, под настороженными и недоверчивыми взглядами чекистов, взял трубку телефона.

Несколько секунд царило молчание. Потом рабочий спросил:

—Это ты, Николай Иванович?.. Не узнаешь? Ну, плохие, брат, у тебя аппараты. Или, может быть, так делами заморочен? Кто? Да, Тухачевский!.. Ага, теперь узнал? Ха-ха-ха!.. Ну, здравствуй. Спустись-ка, брат, сюда в комендатуру на минутку, выручи меня... Что? Ладно...

Когда арестованный, улыбаясь, опустил трубку, в комендатуре воцарилось подавленное молчание. Каждый всматривался в спокойное лицо "арестованного" и удивлялся тому, как это он раньше не узнал в нем известного им всем маршала. Даже в костюме рабочего...

Через несколько минут раздались уверенные шаги и в комнату вошел низенький надменный Ежов. Удивленно оглянув окружающих, он готов был о чем-то резко спросить, когда навстречу ему поднялся со стула улыбающийся "арестованный".

—Вот чорт? — не скрывая своего удивления, сказал нарком, пожимая руку маршалу. —Ты, Михаил Николаевич? В таком виде?

—Ничего, Николай Иваныч, не сделаешь, — иногда и это нужно. Помнишь, как Ильич говаривал: "личная проверка выполнения — самое важное"... Надо кое-когда и свою контрразведку проверять...

—Ах, вот оно что? А как ты сюда попал?

Тухачевский пожал плечами и не без юмора взглянул на коменданта. Тот вытянулся в струнку и негромко ответил на сердито-вопросительный взгляд начальника:

—Так что, товарищ нарком... Гражданин этот... То-есть, прошу прощения, товарищ маршал, был арестован при задержании гражданки Смолиной...

—Какой гражданки?

—По вашему срочно-боевому приказу... По тому, вечернему!

—Ах, вот оно что!.. Как же ты, Михаил Николаевич, оказался с той девушкой?

—Ну, уж и поухаживать на старости лет нельзя?— засмеялся Тухачевский. —Разве лунные ванны уже декретом запрещены? А девочка она прямо расчудесная...

В эту минуту в комендатуру быстро вошел адъютант маршала Смутный. Увидев своего начальника в разговоре с Ежовым, он вытянулся.

—Ну, спасибо, дружище. Все в порядке... Пойдем-ка, Николай Иванович, я тебе имею кое-что сказать... Мне можно идти, товарищ комендант?— совершенно серьезно повернулся он к чекисту. —Или я все еще арестованный?

—Помилуйте, товарищ маршал... Просим прощения...

—Не за что,— ответил Тухачевский, беря свой фальшивый паспорт и Сэведж.— Вы по службе были вполне правы. Твои ребята, Николай Иванович, вполне толково и резонно работают. Выдай им, пожалуйста, за мой счет наградные... Чуть меня не пристрелили...

—Ладно, ладно. Идем, Михаил Николаевич. Тебя пристрелить — еще, пожалуй, пуля такая не отлита. Да и потом — советского маршала стрельнуть — честь, брат, немалая!..

Когда они оба вышли из комендатуры, Ежов, понизив голос, серьезно спросил:

—Ну, а все-таки... Как ты очутился с этой девочкой?

—А что... Подозрительна она, что ли?

—Еще бы... Она замешана в сегодняшнем покушении на Сталина!

Тухачевский удивленно свистнул.

—Это она-то? Тут что-то не то... Я с нею сегодня весь вечер вместе провел. И за нее ручаюсь совершенно. Допроси ее и выпусти.

—Ручаешься?— косо посмотрел на него Ежов.

—Совершенно! И чтобы тебе было спокойнее, пришли ее после твоего допроса ко мне. Я дополнительно ее прощупаю. Если что-либо будет неясное — сообщу тебе. Гарантирую, что она не сбежит и отвечаю за это полностью.

Ежов опять искоса поглядел на Тухачевского и чуть пожал плечами — в голосе сурового маршала были нотки какого-то волнения. Но ссориться с членом ЦК Ежов не хотел. Да ведь, кроме того, девушка была пока в его распоряжении, за решетками его НКВД... Что-то тут странное! Надо будет проследить за этой парочкой повнимательнее. Девушку выпустить, но "держать на короткой цепочке". Может быть, что-либо выяснится еще и совсем неожиданное? Пусть приманка погуляет на свободе...

—Ладно, — после нескольких секунд молчания сказал, наконец, Ежов. —Это только, брат, для тебя я такое служебное преступление сделаю. Как ни говори — она под сильным подозрением. Но уж если ты за нее Т А К ручаешься...

***

Через несколько минут, еще не успевшая даже как следует испугаться, Таня сидела перед столом следователя. Сам Ежов

стоял в стороне в качестве зрителя. Арестованная чистосердечно рассказала историю своего знакомства со студентом Полевым, сообщила все известные ей о приятеле подробности, и Ежову скоро стало очевидно, что с политической стороны эта девушка вне подозрений. По методу НКВД, сразу же после покушения все лица, причастные к его виновникам, были немедленно арестованы, но, очевидно, эта славная девушка, за которую так твердо ручался маршал, была в самом деле непричастна к бомбам в МХАТ'е. Выспросив, что еще можно было, о знакомых д'Артаньяна (другого террориста Таня вообще не знала), следователь вопросительно посмотрел на Ежова.

Тот, стоя в тени в углу кабинета, задал ей несколько вопросов об арестованном вместе с ней спутнике. Таня так же простосердечно и откровенно рассказала, как она познакомилась с мастером авиазавода Пензой и как наладились между ними приятельские отношения. Девушка не знала, что Пенза-Тухачевский давно уже освобожден и горячо защищала "невинность" своего друга.

—Значит, вы за товарища Пензу ручаетесь?— с едва заметной усмешкой спросил Ежов.

—Конечно. Он такой простой, русский и...

—Ну, ладно,— прервал ее Ежов. —А скажите-ка лучше, кто, собственно, из наших советских вождей вам лично известен? Не вообще, по фотографиям, а ЛИЧНО?

Таня назвала председателя Всесоюзного комитета физкультуры Харченко, ректора своего института Зикмунда, но Ежов только отмахнулся.

—Нет, нет... Кого-либо повыше.

Девушка в недоумении пожала плечами.

—Да, кажется, никого... Откуда мне их знать?

—Ну, а все-таки... Товарища Жданова, например?

—Нет,— прозвучал удивленный ответ.

—Маршала Ворошилова?

—Нет...

—Товарища Ежова?

—Тоже нет...

—Маршала Тухачевского?

—Конечно, нет. Откуда мне их знать?

Ее голос звучал неподдельной искренностью.

—Хорошо. Достаточно. Подождите, гражданка, в коридоре и не волнуйтесь.

Ошеломленная Таня, в сопровождении солдата, вышла в коридор и села на диван, не зная, что с ней будет дальше. Она была еще больше удивлена, когда ее через час провели вниз и усадили в автомобиль, в котором сидел молодой военный.

—Куда это меня?— тревожно спросила она.

Молодой военный внимательно всмотрелся в нее. Его лицо было спокойно и приветливо.

—В Реввоенсовет.

Заметив испуг на лице девушки, он мягко добавил:

—Успокойтесь, милая барышня. Вам нет никакого основания беспокоиться. Вы уже почти на свободе.

—Как это "почти"?

Молодой военный лукаво и не без таинственности усмехнулся.

—А вот сами сейчас увидите...

***

Как во сне, шла Таня по длинным коридорам Реввоенсовета, не представляя себе, куда ее, собственно, ведут и что с нею будет. События надвинулись таким бурным темпом, что она невольно растерялась. Наконец, после нескольких поворотов пустынных коридоров с часовыми, сопровождавший молодой военный ввел ее в какую-то комнату и взял одну из многочисленных телефонных трубок.

Через несколько секунд ему, очевидно, задали какой-то вопрос, на который он коротко ответил: "Есть!" Затем, опять лукаво усмехнувшись, провел Таню в другую комнату, где на небольшом столе был сервирован невиданный советской студенткой, роскошный ужин.

—Подождите тут, гражданка,— сурово сказал он, указывая на стул около двери и сейчас же ушел.

Таня осталась одна. Широко раскрытыми глазами всматривалась она в окружающую ее роскошную обстановку и не понимала, что за сон ей снится... Зачем она в этом таинственном Реввоенсовете? Что она — военная шпионка? Или из нее собираются сделать шпионку? И зачем этот стол с ужином? Какая-нибудь провокация или... пытка. Ее размышления были прерваны едва слышным скрипом двери и неожиданно чьи-то руки крепко закрыли ей глаза, а голос сзади — ах, какой знакомый и родной! — сказал:

—Ну, вот. Теперь, гражданочка Нежнолапочка, вы будете немедленно расстреляны бокалом шампанского!

Господи!.. Неужели? Таня вскочила и, сияя, обернулась. Улыбающееся лицо склонилось к ней и милые губы прижались к ее губам.

—Миша... Родной...

Девушка подумала, что она произнесла вслух эти слова, но на самом деле ее губы были прижаты к губам любимого, дыхание замерло и эти слова только пронеслись сияющей, радостной, горячей волной по всему ее существу. И сразу стало просто и спокойно. Раз **"ОН"** здесь, — значит все будет хорошо!.. Но когда она оторвалась от мужских губ, ее лицо побледнело и руки невольно опустились вниз. Перед нею, с улыбающимся, — таким знакомым и родным, — лицом мастера-рабочего Пензы, стоял военный с золотой звездой на ворот-

нике щегольского мундира и с сияньем двух орденов Красного знамени на груди... А потом... потом сказка продолжалась. Растерявшаяся девушка пила что-то необычайно вкусное, ела что-то само таявшее во рту, а против нее со знакомой веселой усмешкой сидел тот же милый Миша. Только уже не рабочий Пенза, а маршал Тухачевский... Таня не могла бы сказать, как долго продолжалась эта сказка, о чем они говорили. Голова ее кружилась и от выпитого шампанского, и от вихря приключений, и от близости любимого рабочего... Ибо Миша-мастер был ей пока ближе, чем Миша-маршал...

Очнулась она только тогда, когда ее безвольное тело легло на широкий диван и поцелуи Миши стали горячими и ищущими. Только тогда она стала пробуждаться от радужного сна. Прикосновение горячей мужской руки к обнаженным бедрам резко привело ее в сознание. Она почувствовала страсть своего друга, но какая-то светлая волна чистой, нежной любви захлестнула и победила безвольную чувственность дрожащего тела... Ах, это шампанское — гибель для женщин! Шампанское, отнимающее волю, парализующее сознание, окрашивающее весь мир в легкие, веселые цвета и тона!.. Шампанское, от которого поет женское сердце, клокочет в жилах помолодевшая кровь, тянутся сами собой навстречу мужским горячие женские губы и безвольно, бездумно и радостно подчиняется жадным мужским рукам трепещущее тело...

Но Танина любовь была еще ясной, чистой и светлой. Вот почему волна какого-то мягкого внутреннего протеста поднялась в ней. Вот почему мягко обняли шею мужчины нежные девичьи руки, и губы умоляюще прошептали на ухо:

—Миша... Родной мой!.. Любимый!.. Не надо ЭТОГО. .. Не нужно, П О К А . . . Я ведь совсем, совсем пьяная. Ничего не понимаю и не соображаю... А я хочу, чтобы все... это, как праздник прошло — светло, радостно и ясно... Не в пьяном угаре... Пойми меня, любимый мой... Считай, что я У Ж Е твоя, но пусти меня...

Мужские руки не отпускали Горячие темные глаза были так близко у лица Тани. Жадные хищные губы торжествующе улыбались у девичьих губ.

—Ты теперь моя, совсем моя, Танюшенька. Я не пущу тебя.

И опять умоляюще зашептали девичьи губы.

—Миша... Дорогой... Я не буду сопротивляться. Я в твоей власти... Но ты — у меня первый и... единственный... Я не хочу, чтобы наша любовь началась так... Под пьяную руку... Пойми меня, родной. Мне хочется не только любить, но и уважать и тебя и свое чувство... А здесь, пьяными... Пусти меня... Верь мне — я твоя... совсем, совсем твоя. Но "это" потом, когда я буду готова к празднику любви. Будь сильным, Миша.. Умоляю тебя...

Впоследствии Тухачевский не раз вспоминал и удивлялся, что заставило его выпустить тогда трепещущее тело любящей девушки. Он — суровый жестокий солдат, никогда ни к кому не признававший жалости. Он, для которого сила всегда была и правом и моралью... А тут?.. Правда, если бы девичье тело хоть сколько-нибудь сопротивлялось — инстинкт борьбы овладел бы мужчиной и Таня была бы смята сильными руками. Но тело Тани было нежным и покорным, и только в больших голубых глазах стояли слезинки чистой и светлой мольбы. И сильный и жадный мужчина неожиданно для себя уступил, удивляясь самому себе и чувствуя странную радость на сердце от этого "мужского поражения"...

...Как часто пути истории зависят от мелочей! "Мировая история сложилась бы иначе, будь у Клеопатры нос подлиннее"... Но страсть Антония к прекрасной египетской царице изменила судьбу Рима...

Кто мог бы подумать, что мольба молодой русской девушки, выраженная так женственно и мягко, сыграет роль одного из роковых звеньев в истории России?..

***

Навеселé, оживленный и довольный, возвращался Сталин ночью к себе домой, в Горки. Ужин у Кагановича действительно удался на славу. Было так мило и уютно. С необычайным тактом Лазарь сумел избегнуть политических разговоров и весь вечер свелся к славословию самого Сталина. Не было ни грубой лести, ни подобострастия. Просто вышло как-то само собой, что он очутился среди верных и преданных друзей, которые искренно и бескорыстно признают в нем гения, учителя и друга... И — ах, какое там было вино! Цецце!..

Сталин даже прищелкнул по-грузински языком, вспомнив о вине и ужине. И потом — эта чудесная Роза, веселая, как жаворонок розовым утром и пьянящая, как лучшее Кахетинское... Она сумела так растормошить Сталина, что тот даже пустился с нею в пляс. Вот это так девка!.. Сталин вспомнил, как в темном уголке зала она потянулась к нему, как тесно прильнуло гибкое девичье тело, каким жаром обожгли губы. И не только губы: словно нечаянно скользнул, как змейка, горячий трепещущий язык, и по телу шестидесятилетнего диктатора пробежал огонек страсти... Да, эта Роза, — она понимает свое бабье дело!.. Это не то, что Надя, рыхлая, вечно занятая, остывшая, равнодушная жена... Да это совсем не то...

Когда Сталин, в самом приятном расположении духа, вышел на балкон выкурить перед сном трубку, он заметил в кресле светлую фигуру.

—Это ты, Надя?

—Я, Иосиф... Что ты так долго?

—Да вот... Закрутился по делам... Потом поужинал с приятелями. А что?

Аллилуева минуту помолчала.

—Да ты бы хоть по телефону предупредил. Да и вообще, поосторожней. Как бы что не случилось... Опасно тебе, родной, ездить зря по приятелям. И без того у меня сердце никогда не на месте за тебя...

Сталин рассердился. Ему хотелось ответить, что Роза — не первый попавшийся приятель, но он сдержался. Хмыкнул и недовольно ответил:

—Ну, вот... Панику только наводишь!.. Хотя, ха-ха... хоть меня Ежов и сильно охраняет, но вот сегодня в театре чуть бомбой не ахнули.

Светлая фигура в кресле выпрямилась.

—Как? Сегодня?

—Ну-да,— опять довольно хохотнул Сталин. —Хотели, да не успели. Ежов их тут и накрыл.

Аллилуева бессильно опустилась в кресло.

—Ну, вот опять... А ты смеешься, Иосиф!.. Почему ты никак не хочешь переменить свою политику? Постараться успокоить страну, чтобы тебя любили, а не охотились за тобой, как за диким зверем, с бомбами... Не жить так, как мы теперь живем, — словно в тюрьме... Даже детям никуда показаться нельзя. Почему это на Западе никто никого не боится? Зачем весь этот террор теперь? Помнишь, даже Ильич предостерегал от террора против членов партии. А ты?.. Время революционных потрясений уже прошло. Зачем нам постоянная кровь? Разве для такой жизни мы боролись с Царем?.. Теперь уже пора нормальную жизнь начать строить... Неужели, ты думаешь, приятно это каждую минуту за тебя и за детей бояться?..

Резкий голос прервал ее взволнованную задыхающуюся речь.

—Ну, довольно тебе, Надя, скулить! Будет так, как я захочу! И точка. И нечего тут слезы разводить.

Аллилуева со вздохом поднялась и молча вышла. Сталин проводил ее недобрым взором, — и опять кроваво-красные губы Розы мелькнули в его памяти. И подленькая мысль пронизала сознание:

"А зачем, собственно, ему теперь вообще нужна Аллилуева? Уже пожилая, рыхлая, неинтересная женщина, даже и не помощник и не восторженная почитательница, а критик и нытик... Дети уже выросли. Он сам еще достаточно молод — как сегодня огоньки пробежали по нервам! А что, если?"..

Несколько раз вспыхнула и погасла спичка, потухла докуренная трубка и в тишине послышался довольный вздох: под какими-то выводами была поставлена крепкая точка. Судьба Аллилуевой, старой подруги и жены, была решена...

ГЛАВА 9

За советскими кулисами

Ранней ночью, отвезя Таню в общежитие ее института, Тухачевский возвращался к себе. Он любил одинокие прогулки в автомобиле, когда его мысли текли яснее и шире. Дав, как обычно, распоряжение своему старому шоферу ехать медленнее, он откинулся на кожаные подушки своей роскошной машины, закурил и задумался.

Маршал был в каком-то нервно-приподнятом настроении. Он досадовал, что Ежову теперь известны его переодевания. Подействовало на него также и неожиданное сопротивление Тани и своя собственная неожиданная сдача перед просьбой девушки. Правда, маршал не был чувственным человеком. Частенько, в компании близких приятелей (друзей у него не было вообще), он любил повторять слова Наполеона:

"Я — существо совершенно и абсолютно политическое. Для меня всерьез не существует ни карт, ни вина, ни женщин. Я совершенно поглощен своим делом..."

Так было и с Тухачевским: он так же был невосприимчив к соблазнам и наслаждениям жизни. Это не значило, что он был аскетом или чуждался радости. Но все это не захватывало его. Главное в его жизни было: добиваться власти, славы, первенства. Именно это владело его душой с самых юных лет, когда он, потомок старинного, столбового дворянского рода, давшего много блестящих военных имен в прошлом, решительно потребовал от отца перевести его из гимназии в военный корпус. Уже с тех пор все силы его души были направлены к достижению своих целей. Во время Великой войны он заявлял своим товарищам: "Или меня убьют, или в 30 лет я буду генералом"... Но Тухачевский ошибся: на положении генерала, — пусть хотя бы и красного, — он стал уже 23-х лет от роду. Главнокомандующим — в 26... Действительность обогнала даже самую его пылкую фантазию.

По головокружительности карьеры, только Наполеон обогнал красного маршала. Но... кто читает в будущем?.. В отличие он Наполеона, в молодости пылко влюблявшегося и добивавшегося побед не только на полях сражений, но и в среде прекраснейших женщин, Тухачевский был почти равнодушен к слабому, но соблазнительно прекрасному полу. На заре своей красной военной карьеры он женился на своей первой юношеской любви — пензенской гимназистке Марусе Игнатовой. Но уже через год произошел взрыв. Хорошенькая Маруся была уличена в том, что в поезде командарма возила до-

мой родным, в дни мучительного голода, сжимавшего всю страну в 1918 году, мешки с рисом, консервами, мукой и пр. Жена командарма — мешочница и чуть ли не спекулянтка! Когда Тухачевскому это было поставлено на вид, он зашел в вагон к жене "поговорить и объясниться"... Когда, после его посещения, Марусю нашли с простреленной головой и сбоку записку — "в смерти моей прошу никого не винить" — дело было замято.

Уже недавно, в свои "предмаршальские времена" (Тухачевскому был дан титул маршала в 1935 году), он женился на культурной интересной женщине, никак не пролетарского класса. У него уже была дочь, но семейной жизни не было никогда. Чем дальше, тем больше отходил он от жены, с которой его связывали только официальные, непрочные узы советского брака. Душевно был всегда одинок, замкнут, холоден и суров. Вся его громадная энергия и необычная для типичной русской лени работоспособность были направлены в одну точку, — в свою основную военную работу, выносившую его наверх, сперва к советской, а потом (он твердо верил в это) к европейской и мировой славе. Шаг на эту ступень был неизбежен. Еще Ленин убежденно сказал: "Длительное сосуществование мира буржуазного и коммунистического невозможно". Но если стычка между этими мирами была неизбежна, то кому же повести в бой красные войска, как не ему, прославленному победами маршалу Тухачевскому? Вот почему в подготовку армии для этих "СВОИХ" побед — он твердо верил в них — он вкладывал все свои силы...

Мягко покачиваясь в машине, Тухачевский внезапно вспомнил прощальный поцелуй Тани, еще не пришедшей в себя после переживаний последнего вечера. Такой чудесный, такой искренний девичий поцелуй. И не маршалу, а просто милому Мише. Все это было так необычайно, так ново и очаровательно. Нет, все-таки, Пушкин прав — "любовь на закате"... И он, чуть смущенно улыбаясь своим мыслям и ощущениям, вспомнил чудесную фразу из "Суламифи" Куприна:

"...Так посетила царя Соломона, величайшего из царей и мудрейшего из мудрецов, его первая и последняя любовь. Много веков прошло с той поры. Были царства и цари, но от них не осталось и следа, как от ветра, пробежавшего в пустыне. Были длинные беспощадные войны, после которых имена полководцев сияли в веках, как кровавые звезды... Но время стерло даже самую память о них. Любовь же бедной девушки из виноградника и великого царя никогда не пройдет и никогда не забудется, потому что крепка, как смерть, любовь, потому что каждая женщина, которая любит, — царица, потому что любовь прекрасна"...

Какие чудесные слова!.. Как верно сказано: "прекрасна первая любовь женщины и последняя любовь мужчины"... Ну,

конечно, Таня любит его, Тухачевского, со всем пылом первой девичьей любви. Но он-то сам? Маршал с мягкой насмешливостью улыбнулся. Ну, до этого далеко. Такие сердца, как у него, не растапливаются так скоро. Но никак нельзя отрицать, что около этой милой девушки ему легко и приятно...

Маршалу было как-то немножко жаль, что неожиданно разбилась такая смешная и милая сказочка про мастера авиазавода. Было так уютно сидеть инкогнито, как простой рабочий Пенза, в славной молодой компании, следить за порывами молодых чувств и мыслей и впитывать ласковую, нежную влюбленность этой искренней, простой девушки с нежными пальчиками, чудесно молодившей его жестокое сердце. Тухачевский вспомнил свою недавнюю вспышку страсти и не без смущенного удивления усмехнулся. Ведь вот этакие благородные качества отыскались в суровом советском маршале! Выпустить нетронутой из своих объятий влюбленную девушку, лежавшую на диване его кабинета после ужина. И только потому, что она ласково об этом попросила и слезинки-хрустали-ки блеснули в голубых глазах. Прямо чудеса в решете!..

Широкие плечи его дрогнули. Женская прелесть, "сексэппиль", как говорят американцы. Разве, все-таки, заехать к жене, успокоить бурю в крови?...

Вдруг скрипнули тормоза. Ночной ремонтный вагон трамвая медленно давал дорогу задержавшейся перед ним машине. Неожиданно оттуда донеслось:

—Чорт побери! Да это ты, Тухачевский, что ли? Вот те и на!..

Из окна стоявшего рядом автомобиля высунулось лицо улыбающегося Кагановича. В глубине сидел кто-то еще.

—А ты что это ночью по матушке Москве шатаешься?— шутливо сурово спросил Тухачевский. —Мандат на это у тебя есть?

—Иди ты!.. Я Сталина до дому провожал, а на обратном пути нечаянно Левку прихватил... А ты, маршал, куда?

—Да домой...

Каганович ответил презрительно-веселым свистом. Он был в явном подпитии.

—Тоже — домосед выискался! Брось, дружище... Давай, брат, лучше повоюем с бутылками да юбками... Мы как раз с Левкой собираемся в одно такое злачное место завернуть. Айда с нами.

В окно просунулось сухое, жесткое лицо Мехлиса, редактора "Правды".

—В самом деле, товарищ Тухачевский. Давай проветримся хоть немного. Нельзя же, как верблюды, работать по 26 часов в сутки...

В голове Тухачевского не было серьезных деловых мыс-

лей. Пары шампанского и очарование Тани вышибли его из "маршальского седла". И потом... поцелуи девушки, ощущение ее стройного тела, которое было так близко, оставило где-то в глубине тела какую-то неясную неудовлетворенность. . . Мужские нервы имеют свои законы... Будить недовольную жену? Да и... одна ли она у себя? Это ведь будет "внеочередной визит" —они давно дали полную свободу друг другу — супруги двадцатого советского века... Почему бы и в самом деле не встряхнуться. Тем более, что компания была, с советской точки зрения, вполне благонадежной — Каганович — нарком, а Мехлис — редактор "Правды "и секретарь ЦК.

—А куда вас нелегкая несет?— сдаваясь, спросил он.

—Да у нас тут, в Китайгороде, есть закрытое кабаре одно — пальчики оближешь, дорогой маршал. Под протекторатом Цека, так что все — свои люди и на первейший сорт... Едем, Михаил Николаевич! Пересаживайся к нам. Пусть твоя машина сзади топает...

***

Тухачевский проснулся внезапно, словно какой-то инстинкт приказал ему открыть глаза. Но сознание вернулось к нему не сразу. Он смутно вспомнил, что где-то было много выпито, что появилась какая-то очень хорошенькая девушка, с которой он потом очутился в своей "запасной" комнате в Реввоенсовете, на том же диване, где еще так недавно лежала Таня.. Но где же теперь эта девушка?

Кабинет был слабо освещен затемненной на ночь лампочкой. Но и при этом скудном свете очнувшийся Тухачевский заметил, что новая приятельница, привезенная им из ночного кабаре, стоит над его небольшим письменным столом и роется в ящиках.

—Ты что это?

Вероятно, голос маршала был очень грозен, ибо из рук девушки беспомощно выпали какие-то бумаги, и она сама, побледнев, без сил опустилась на стул. Объяснять по существу было нечего. Остатки винных паров мигом выветрились из головы Тухачевского. Он сразу понял, что эта стройная девушка, с красивым польским именем Ванда, подсунутая ему в кабаре шпионка. Быстро спрыгнув с дивана, Тухачевский вытащил из кобуры свой любимый Сэведж и поднял его к глазам девушки.

—Если ты мне, Ванда, сейчас же не скажешь, кто поручил тебе за мной шпионить, — я убью тебя, как собаку.

Холодная жестокость Тухачевского имела печальную славу еще с времен гражданской войны. Очевидно, Ванда знала о ней. Да и суровое лицо стоявшего перед нею человека говорило само за себя. Пощады быть не могло.

—Ну?.. В последний раз спрашиваю — кто направил тебя сюда.

Красивые глаза наполнились слезами. Сексотка*) не имела права назвать своего хозяина. За это грозил расстрел. Но здесь, перед глазами, смерть была еще ближе и еще бесспорнее. И пойманная на месте преступления, девушка тихо прошептала:

—Ежов...

***

Трудный вечер и ночь достались Ежову. Все оперативные силы НКВД были брошены на розыски участников покушения на Сталина. Серые и черные машины метались по городу, арестовывая всех, кто только мог иметь хоть какое-либо отношение к заговору молодежи на жизнь вождя. Разумеется, прежде всего были арестованы те, кто учился, дружил или жил вместе с двумя виновниками покушения. Что за этими двумя молодыми людьми скрывались многие другие, — Ежов был уверен.

В то время, как постепенно камеры особого назначения заполнялись арестованными, — в большинстве студенческой молодежью, — особо опытные следователи вели первые допросы двух террористов. Полевой-д'Артаньян угрюмо молчал. Несмотря на все подходы, запугивания и провокации, от него не могли добиться ни одного слова. Видимо, он был человек волевой и, зная прекрасно, что при всех результатах следствия ему грозит неминуемый расстрел, только улыбался презрительно и злобно в ответ на все ухищрения следователей. И молчал, решительно сжав зубы под тонкими, недавно пробившимися усиками.

Другой террорист, маленький белокурый студент, был взвинчен до степени истерики, но также не отвечал на коренные вопросы следствия: кто руководил заговором, где были приготовлены или украдены бомбы и, главное, кто влиял на молодежь, пошедшую на террористический акт. Каково бы ни было это влияние, — личное или идеологическое, — показания Полевого могли помочь Ежову и Сталину обвинить и отправить к праотцам еще кого-либо из "врагов народа, пойманных с поличным..."

Скоро стало очевидным, что белокурый студент — только второстепенный помощник, а главной пружиной, стержнем действия, является молчаливый художник. Поэтому-то отчаявшись добиться добровольных признаний, следователь позвонил Ежову, прося инструкций. Нервно и зло Ежов приказал привести к нему обоих. Он был в ярости. Это покушение — первое, которое ему, как новому наркому НКВД, нужно было быстро и основательно распутать. Нужно было показать Сталину и многочисленным и неуловимым "врагам народа", что

---

*) Секретная сотрудница НКВД.

"карающий меч победоносного пролетариата" — НКВД, перейдя в другие руки, с еще большей быстротой и безжалостностью рубит головы осмелившимся восстать против советской власти и ее вождей.

—Молодой человек, —начал мягко Ежов, когда д'Артаньяна ввели к нему в кабинет. —Мне доложили, что вы не хотите отвечать на задаваемые вам вопросы. Именно поэтому я и решил с вами лично поговорить. Я — наркомвнудел Ежов. Садитесь, пожалуйста.

Он жестом показал студенту на стул. Тот молча и спокойно уселся, не отрывая напряженных глаз от красивого, чисто выбритого лица наркома.

—Из вашего молчания и упрямства я заключаю, что вы несколько неправильно представляете себе положение вещей. Вы еще очень молоды — лет двадцати с лишним. Поэтому я уверен, что вашей попыткой покушения на жизнь товарища Сталина руководили не столько взвешенные и проверенные политические причины, сколько чье-то разлагающее влияние. Поэтому я и склонен рассматривать ваш поступок только, как следствие тлетворного влияния на вас и ваших товарищей других, более взрослых преступников, оставшихся в тени и толкнувших вас на смерть. Покушение не удалось и теперь эти подлые трусы, конечно, стремятся уйти от ответственности и бежать от руки революционного правосудия. Так вот что, молодой человек. Я, нарком Ежов, гарантирую вам жизнь, а в недалеком будущем и свободу, если вы откроете нам этих закулисных преступников, которые стояли за вашей спиной. Я рассматриваю вас и вашего товарища, как простое орудие взрослых заговорщиков. Нам же важно уничтожить не вас, техническое орудие, а вырвать корни самого зла. Поэтому-то я и прошу вас еще раз взвесить мои слова и откровенно сообщить мне все, что вы знаете по данному делу. Как я вам уже говорил и как повторяю, — я даю слово, что вы останетесь живы и скоро будете свободны. Советская власть сурова, но не кровожадна. И молодые жизни, пошедшие несознательно на преступление, будут нами, конечно, пощажены... Вы поняли меня, товарищ Полевой?

Острые рысьи глаза Ежова впились в черные, пылающие внутренним огнем, глаза молодого террориста. Тот молчал.

—Вы поняли меня?— повторил Ежов.

Полевой наклонил голову и по его губам скользнула презрительная усмешка. С минуту продолжалось напряженное молчание. В роскошно обставленном большом кабинете, кроме сидящих Ежова и Полевого, у стола стоял, напряженно вытянувшись, следователь, а у двери, неподвижной статуей с револьвером в руке, конвоир. Полевой продолжал молчать и опять усмехнулся. Эта усмешка взорвала нервного Ежова.

—Я не шуточки шутить пригласил вас сюда! Мне не ваши презрительные улыбочки нужны, а откровенные признания. И вы не думайте, что в противном случае, при игре в молчаночку, вам только расстрел грозит! Мы от вас так или иначе этих признаний добьемся. ТАК или ИНАЧЕ, — вы это понимаете?

Черты лица наркома исказились. Ему раньше казалось, что с таким щенком он легко справится — хитростью или угрозами, не прибегая к пыткам. А тут вдруг такое неожиданное и решительное упорство! Взбешенный, он вскочил из-за стола и подбежал к молчаливо и спокойно сидящему студенту.

—Я заставлю вас заговорить, чорт бы вас побрал!— вскрикнул он. — Всеми способами! Жилочки из вас по одной вытяну, но говорить вы будете. Все жилочки! Я перед вашими глазами сперва всех ваших друзей и знакомых запытаю и расстреляю, но... но вы у меня заговорите...

Студент медленно поднялся. Под упавшими на лоб черными спутанными волосами глаза загорелись непримиримой ненавистью. Глядя сверху на маленького бесновавшегося Ежова, он попрежнему презрительно молчал. Тогда наркомвнудел выхватил из кармана небольшой пистолет.

—Видите?.. Видите?— захлебываясь, закричал он. —Говорите, пока не поздно, пока вы живы... А то иначе...

Он не договорил. Что-то угрожающее мелькнуло в черных глазах арестованного. И внезапно звук резкой пощечины хлестнул воздух. Ошеломленный чекист прервал свои вскрики, отступил назад и поднял пистолет.

—Сталинская блядь, —хрипло вырвалось из сжатого горла студента и лицо его перекосилось. Что-то глухо хрустнуло в его рту и он плюнул в лицо Ежову струей крови и откушенным концом языка. С залитыми кровью глазами, Ежов тряхнул пистолетом и выстрелил. Полевой стоял выпрямившись. Смертельная бледность стала покрывать его лицо и струя крови изо рта лилась все сильнее. Ежов в бешенстве нажимал гашетку карманного Маузера опять и опять, и колени молодого террориста подломились. Он тяжело упал на стул и медленно скатился на пол. А Ежов, в припадке сладострастного бешенства, все еще продолжал выпускать пулю за пулей, пока не щелкнул пустой затвор. Потом он, тяжело дыша, вытер кровь с лица и обернулся к неподвижно стоявшим следователю и конвоиру.

—Какая сволочь,— сквозь зубы прошипел он. —Убрать!..

Но когда конвоир невозмутимо наклонился к убитому, Ежов внезапно воскликнул:

—Нет, постой, постой!.. Веди сюда немедленно другого.

С бледным лицом и трясущейся челюстью вошел в каби-

нет другой студент. Он слыхал в коридоре выстрелы и уже догадался, что здесь произошло. При виде трупа своего друга, студент окаменел. Ежов, вытирая кровь с лица, подошел к нему.

—Вот посмотрите на своего товарища, — глухо и тихо сказал он. —И подумайте, не торопясь, над своей жизнью и своими показаниями... Подумайте...

Он махнул рукой следователю и конвоиру, и все чекисты вышли из кабинета, закрыв за собой дверь. Молодой студент остался в большом мрачном кабинете один-на-один с окровавленным трупом друга...

В коридоре Ежов вполголоса сказал следователю:

—Оставьте его одного там часика этак на два... Потом, ручаюсь, он заговорит!..

***

Большой военный автомобиль резко остановился у главного подъезда дома НКВД на Лубянке. Высокий, прямо держащийся военный вышел из автомобиля и быстро вошел в двери. Там ему дорогу загородил дежурный командир войск НКВД.

—Ваш пропуск, товарищ?

—Разве вы меня не узнаете?— раздраженно бросил военный.

—Я не имею права узнавать или не узнавать никого, товарищ маршал,— спокойно возразил дежурный, сразу узнавший Тухачевского. —Но пропуск необходим.

Тогда Тухачевский расстегнул шинель и вынул из кармана билет члена ЦК партии. Дежурный внимательно просмотрел его и, молча откозыряв, отошел в сторону. Маршал, пройдя несколько шагов, остановился.

—А почему вы, товарищ, узнав меня, все же спросили пропуск? Вы ведь должны знать, что члены ЦК всюду входят без пропуска?

—Я не имею права доверять своим глазам, товарищ маршал,— просто ответил подтянутый, чисто выбритый командир. —Ведь вместо вас может войти загримированный террорист. А билет члена ЦК с фотографией — нечто бесспорное, так как я знаю форму и номера этого билета. Таковы у нас строгие правила, товарищ маршал.

Тухачевский, пожав плечами, продолжал подниматься выше, направляясь в кабинет Ежова. Его лицо было напряженным и злым, и он нервно перешагивал по несколько ступечек широкой, устланной коврами лестницы. На одном из поворотов его кто-то окликнул.

—Это ты, Михаил Николаевич? Опять у меня в гостях?

Это был сам Ежов, только что отмывший в уборной с лица кровь и давший новые распоряжения по ведению дальнейшего следствия.

—Как ты сюда попал? В чем дело?

Тухачевский подошел к нему и сделал знак сопровождавшему Ежова сотруднику отойти в сторону.

—Скажи, Николай Иванович, этак по совести, как старый товарищ по партии, — это ты назначил за мной слежку? Ты направил ко мне, под видом девочки из кабаре, свою шпионку?

Голос маршала был сух и резок. Ежов понял, что тот до крайности раздражен и озлоблен.

—Какую шпионку?— удивленно спросил он, чтобы выиграть время и подготовиться к ответу. Он уже догадался, что установленная им за Тухачевским слежка в каком-то месте обнаружила себя.

—Да девочку из кабаре, Ванду, что ли?

—В первый раз слышу! —с искренним удивлением пожал плечами Ежов. Он и в самом деле в первый раз слышал это имя. Как ему было знать имена отдельных сексотов?

—Ты смотри, Николай Иванович, — угрожающе, но так же тихо продолжал Тухачевский. —Если я доложу о всем этом безобразии в Центральном комитете, тебе же будут неприятности!

—Да повторяю же тебе — ни черта я об этом не знаю! Давай пройдем вместе к Мейснеру — он у меня секретной слежкой за партийными верхами заведует. Может быть, это он, по дурости, что-нибудь напутал?

—Ну, пойдем. А то — понимаешь сам — я малость спьяна к себе девочку из парт-кабаре затащил; потом, ночью, гляжу, а она в письменном столе моем роется! Если бы фашистка — сразу бы ее убил. Но она призналась, что из твоего заведения...

Мейснер, худой и длинный латыш с бесцветными глазами, был в своем кабинете. Это было не удивительно: весь состав НКВД в эту ночь был мобилизован в порядке боевого задания. И всем нашлась работа — уже больше двухсот человек молодежи томилось в камерах внутренней тюрьмы.

—Скажи, Мейснер,— обратился Ежов к своему помощнику, войдя в его кабинет. —Не ты ли имел глупость приставить к маршалу какую-то там кабаретчицу, по имени Ванда? Не ты ли это безобразие допустил?

Какие-то интонации в голосе начальника показались Мейснеру странными. Ведь именно по личному приказу Ежова за Тухачевским была установлена особенная слежка. А теперь — "безобразие", да еще с таким странным ударением. Но, взглянув в напряженное лицо маршала, он мигом сообразил, что произошло.

—Какая Ванда? В чем дело?

Тухачевский подошел ближе.

—В А С , товарищ, спрашивает начальник, а не вы задаете вопросы,— резко оборвал он Мейснера. —Говорите прямо — ваша сексотка Ванда или нет?

Мейснер чуть растерялся перед напором маршала и вопросительно взглянул на очутившегося сзади начальника. Глаза того ясно говорили "выручай"!

—Моя,— нерешительно пробормотал он и тотчас же пошатнулся от полученной от Тухачевского пощечины.

—Я вам покажу, товарищ Мейснер, как уважать достоинство советских маршалов и членов Цека,— воскликнул он и на смуглых щеках его показались красные пятна. —Я научу вас, как беречь авторитет старых членов партии! Товарищ Ежов, — повернулся он к наркому, —я требую, чтобы этот прохвост был немедленно вышиблен из твоего комиссариата, иначе на первом же заседании Цека доложу об этом безобразии!

Мейснер и Ежов видели, что маршал находится вне себя. И действительно, нервные переживания последних часов довели всегда хладнокровного Тухачевского до грани вспышки. Кобура его револьвера была расстегнута и было очевидно, что разгневанный гость может прибегнуть к оружию. Решительность маршала была известна давно... Вот почему Ежов кинул быстрый предостерегающий взгляд побледневшему Мейснеру и, дружески взяв Тухачевского под руку, примирительно сказал ему:

—Да брось ты, Миша, волноваться из-за ерунды! Ну, дурака свалял Мейснер. Я его, конечно, немедленно вышибу. А может быть и та девка на свой риск и страх активность показать хотела... Из-за чего разговор? "Обо что речь", как говорят в Одессе. Что ты контру за собой чувствуешь, что ли? Ха-ха... Троцкизмом решил заняться?.. Брось, Михаил. Просто ты сегодня не в своей тарелке — то ли перепил, то ли недопил. Пойдем, брат, в буфет, опохмелиться. У меня тоже сегодня ночь аховая...

Тухачевский кинул на неподвижно стоявшего за столом бледного Мейснера последний яростный взгляд и вышел. Когда шаги в коридоре затихли, Мейснер криво усмехнулся и взялся за трубку телефона.

—Комендатура? К вам только что поступила гражданка, присланная маршалом Тухачевским. Освободите ее немедленно и соедините со мной...

Через несколько минут он говорил:

—Ты, Ванда?.. Говорит товарищ Филипп. Ну, как? Горячая ночка вышла?.. Вляпалась? Эх ты, сексотка с тебя, как с навоза пуля. Что?.. Есть материалы?.. Ага!.. Хорошо! Я к тебе приеду часа через два... Да?.. Это здорово... Ну, пока!..

***

—Ну, как?— резко спросил Сталин, когда утром Ежов пришел к нему с докладом. — Распутал?

Лицо наркомвнудела было усталым и измученным. Он всю ночь провел в лихорадочной атмосфере допросов, напряжения

и провокации. Но зато в его папке накопилось немало важного.

—Распутал, товарищ Сталин, распутал малость. Это дело с двумя бомбами было несложным, но ниточка за ниточкой пришлось распутывать многое другое.

—Другое?— вопросительно поднял голову Сталин.

—Да, Иосиф. Что-то я боюсь, что наш Ягода не то допустил, не то ПРОПУСТИЛ многое в среде нашей молодежи. Там далеко не все в порядке. Идет глухое брожение, и ухо нужно держать востро.

—Так... Так... А практически?

—Ну, практически много я за ночь не успел раскопать — ведь больше двухсот человек пришлось изолировать... Основного террориста, — того, что за бомбу брался, чтобы в твою ложу бросить, пристрелить пришлось.

—Что так скоро?

—А это, чтобы другого парня говорить заставить. Первый был очень уж упрям, а другой, как я и предполагал, послабже... Ну, вот, провел он в моем кабинете наедине с трупом часа два, ну и заговорил.

—Почему "в твоем кабинете"?

—А я сам того первого пристрелил,— лицо Ежова расплылось в морщинках садистского удовольствия и он возбужденно потер всегда потные ладони. —Надо было... Десять пулек из Маузера запустил ему под шкурку. Десять пулек... Весь ковер замазал кровью. Но зато — тот, другой, поглядев всласть на кровушку, а потом и на наши "спецкамеры", заговорил... И где бомбы доставали, и кто участвовал. Правда, много он и сам, видно, не знал, но мне только за одну ниточку ухватиться. За одну только ниточку!... Ну, конечно, вегетарианские методы пришлось отложить в сторону... Пришлось кое-кого из молодежи пе-ре-вос-пи-тать... Что ж делать — лес рубят, кости летят... Да и то ведь верно — уж кто наши спецкамеры даже только посмотрел — эти на белом свете долго не живут. Рассказать о них некому...

И опять на лице Ежова мелькнуло чувство наслаждения. Сталин молчал несколько секунд.

—Ты, значит, думаешь, что Ягода не заметил всех этих заговоров?

Слова "не заметил" прозвучали с ударением. Ежов подметил это.

—То ли "не заметил", то ли... "не хотел замечать"... Это вроде нашего полета на "Максиме"... Докажи, как и что... А только среди молодежи контрреволюция росла, как грибы. Если бы во время я нити не вскрыл, — плохо пришлось бы тебе и многим нашим...

—Так, так... Ну, тогда, пожалуй, довольно нашему Генриху почтами и телеграфами управлять. Обдумай, как все сде-

лать потише и половчее. Уже пора. В своем новом аппарате ты уверен?

—Да, конечно. Я уже сменил, кого нужно было. Кое-кто сменен и навсегда. А в общем — будь спокоен.

—Ладно. Так ты Ягоду арестуй, но неожиданно, чтобы он не успел ничего уничтожить. Архив у него богатый. Там у него, надо полагать, много документов есть... Про всех... Документы эти — сразу ко мне, не глядя и не показывая никому! Это я крепко говорю тебе, Николай!.. К самой Ягодке пока что не применяй никаких твоих воспитательных мер в спецкамерах. Потом поглядим. Может быть, он еще для какого-либо процесса пригодится. Он-то больше других понимает, что нужно будет говорить то, что мы ему прикажем... Ха-ха-ха... Сломали мы крылья всемогущему коршуну... По вчерашнему делу рапорт у тебя уже готов?

Ежов протянул ему папку.

—Хорошо. Я на свободе просмотрю. Пока, говоришь, следствие идет на полном ходу? Да? Ну, продолжай его и дальше. И не церемонься — всякое такое недовольство нужно каленым железом выжечь. И без сентиментальности к "молодым жизням"... Как это один царский жандармский генерал хорошо сказал: "патронов не жалеть"... Нам стесняться нельзя. "Самое взрывчатое вещество в мире — человеческая мысль". Мы должны ее тушить заранее — не ждать взрыва. Так что, Николай, нажимай...

Он провел рукой по усам и усмехнулся.

—Это, как недавно мне жена дома говорила, насчет всяких реформ, политических перемен в стране. Я ей ответил, как когда-то Столыпин в Государственной Думе: "Сначала успокоение, а потом реформы". Какие — мы еще посмотрим... "Не запугаете", бросил он тогда в ответ на знаки недовольства. Так и мы... Крепкий дядя был этот Столыпин... Он мне почему-то нашего Тухачевского напоминает.

—Вот, кстати и о Тухачевском, товарищ Сталин. За последние сутки о нем выяснилось мно-о-о-го любопытного!

—Ого!— воскликнул Сталин. Лицо его выразило живейший интерес.

—Первое,— начал Ежов, —Тухачевский вчера вечером был арестован вместе с одной студенткой, приятельницей того террориста, который в тебя нацеливался бомбу бросить.

—Он, маршал, со студенткой?

—Вот, вот... И в костюме заправского рабочего. Я его сам в комендатуре освободил. Оказывается, он и главного террориста лично знал!

—Так, так... А девушка?

—Маршал за нее очень просил и ручался. Ну, чтобы не вызывать в нем подозрений, я допросил девушку и выяснил, что

она действительно к заговору никакого отношения не имеет. Я ее отправил к Тухачевскому. Тот почему-то об этом очень просил.

Сталин задумчиво покачал головой и молча стал набивать трубку.

—Ну?

—Второе: оказалось, что маршал частенько проводит время в компании молодежи, переодетый рабочим. Возит на эти дела его старый шофер Павлов, беспартийный, старый солдат. От наших поручений давно уже отмахивался. И похоже на то, что нередко маршал по таким делам разъезжает.

Ежов замолчал и вопросительно взглянул на Сталина, ожидая реплики. Но тот молчал, нахмурив низкий лоб и опустив глаза.

—Третье: этой ночью мы подсунули Тухачевскому красивую девочку из нашего кабаре. Правда, она засыпалась и маршал ее накрыл при исполнении, так сказать, "служебных обязанностей". Но все же она дала любопытную сводку: маршал во сне (а он сильно выпивший и взволнованный был) бормотал что-то много о России, Кремле, Родине, ну и прочих таких идеологических херовинах. А на письменном столе она видела какие-то записи. По памяти восстановила эти заметки и я переслал их в шифровальную, но фамилии там были известные: Уборевич, Корк, Путна и другие... Я тебе принесу все эти данные, когда они из шифра вернутся... Теперь четвертое: после ареста этой моей сексотки, — Тухачевский мне же ее и прислал! — Ежов хихикнул, — примчался маршал ко мне с форменным скандалом: почему такое за ним, мол, слежка? Моему помощнику Мейснеру в морду дал и обещал на ЦК вопрос поднять, если я его не вышибу. А Мейснер — молодчага — догадался: все на себя принял, меня в сторону отвел.

—Вышибить? А почему это?

—А эта, хи-хи-хи... по его мнению, слежка унижает честь старого партийца... Но взволнован наш маршал был до последней степени. Даже удивительно было и... странно... Странненько.

Сталин задумался: двойная жизнь советского маршала, его связь с молодежью, среди которой оказались даже террористы и, наконец, его нервность при раскрытом случае слежки за ним, — все это давало много поводов для размышлений. Несколько минут он молчал. Ежов сидел неподвижно и ждал решений диктатора.

—Н-да,— нарушил тот, наконец, напряженное молчание. —Действительно странно... Жаль, что твоя, как ты говоришь, девочка вскрыта. Но, говорят, только Папа римский не ошибается... Да... А мы вот что, товарищ, сделаем: слежку ты продолжай, только половчее. Мейснера награди за догадли-

вость и переведи в другое место, чтобы маршал наш не волновался... А самому ему мы сделаем, так сказать, генеральную проверку или, проще выражаясь, серьезную провокацию. Тут как раз иностранные генеральные штабы давно уже меня просят кого-нибудь к ним прислать для связи и технических переговоров. Наш маршал недавно уже ездил в Лондон, на похороны короля. Ну, вот я думаю его еще раз послать и в Англию, и во Францию, и в Германию. Если у него в черепе нет скверных мыслей — ну, что ж — тем лучше. Пока он нам человек нужный. А если... Понимаешь?

Ежов скупо усмехнулся.

—Добре... А там, за границей, как с маршалом-то?

—Дай директивы всем своим резидентам подготовить все, что нужно, для обстоятельной слежки за маршалом. В каком направлении — сам понимаешь. И не без маленьких провокаций. Потому что после его возвращения я должен решить, как и что... И тогда... Слов нет, ценный он парень, но... незаменимых людей нет.

—Понятно, товарищ Сталин. Все будет сделано.

—И вот еще что, Николай.— Сталин на секунду словно замялся. — Я решил себе еще одного личного секретаря взять.

—К Фотиевой?

—Да... Фотиева пусть остается, — у нее память, как энциклопедия. Да и опыт. Сработался я с ней. А в помощницы ей я хочу дать Розу Каганович. Пусть учится работе... Помогать мне будет... Тем более, что (Сталин помедлил) Аллилуева давно уже отошла от моих личных дел и ей за последнее время что-то сильно нездоровится.

Ясный взгляд Ежова встретился с мрачными глазами грузина. Им немного нужно было, чтобы понять друг друга.

—Да... Печально все это, Николай, но ничего не сделаешь. Старость. Очень боюсь я, что Аллилуева (он не сказал "жена" и Ежов отметил это) еще чего доброго и скоропостижно померетъ может... Сколько у нас за последние годы ценных людей так вот неожиданно умерло!

—Да,— вздохнул Ежов, лицемерно опуская глаза. —И Фрунзе, и Горький, и Дзержинский, и Орджоникидзе, и Куйбышев, и Киров... Судьба!

—Что и говорить,— тяжело вздохнул и Сталин. —Жаль будет, конечно, но хорошо, что дети уже почти взрослые. Так ты того, Николай, потолкуй с соответственными докторами, что бы если там что... Сам понимаешь, — все-таки жена.

Оба собеседника с минуту молчали. Ежов понял намек диктатора, и в его мыслях смерть Аллилуевой сделалась только вопросом техники и времени. КАК — это было уже простой задачей. Если, скажем, в средние века дамам дарили перчатки, отравленные тайным ядом, и они через месяц умирали от ка-

кой-то странной болезни, не оставлявшей никаких следов, то в распоряжении врачей НКВД теперь яды были еще более тонкие...

—Хорошо,— просто сказал Ежов. —Заметано. А теперь, Иосиф, позволь мне тебе еще один сюрприз сделать. Сюрпризец!

Сталин скупо усмехнулся.

—Такой же, как вчера в МХАТ'е?

—Да, вроде того. Съездим со мной на минутку в ГУМ*).

Сталин удивленно поднял брови.

—В ГУМ? Да что ты чудишь, Николай? Что ты там мне продавать хочешь?

—Поедем, — там сам увидишь! Любопытная штучка: этой ночью на крови отыскал. Едем, товарищ Сталин. Не раскаешься. И всего-то дела на 10 минут. А удовольствия получишь — на целый день. У меня все готово. Все готово!

—Сюрприз, говоришь? Ну, едем, чорт с тобой.

***

Через несколько минут две закрытых машины выехали из Спасских ворот. Одна из них остановилась перед зданием ГУМ'а; другая въехала в ворота. Перед задними дверями, в каком-то пустынном закоулке этого здания-лабиринта, машина остановилась. Сталин и Ежов быстро прошли наверх, мимо каких-то людей в штатском, которым Ежов сделал незаметный знак. По грязной, темной и запущенной лестнице оба поднялись на чердак, заваленный тарой от проданного товара. Там, у небольшого слухового окошка, заставленного разбитыми бочками, Ежов остановился.

—Ну-с, а теперь перед тобой, дорогой мой товарищ Сталин, замечательное театральное представление. Мне так и хочется просить тебя на несколько секунд закрыть глаза. Ну, уж не буду, не буду...

Он откинул в сторону несколько обломков и перед глазами удивленного Сталина открылся большой тяжелый пулемет со вставленной и готовой к действию лентой патронов.

—Ну-с, каков сюрпризец?— торжествующе воскликнул Ежов. —Ты когда-нибудь из пулемета стрелял?

—Нет. А что?

—Наклонись, все-таки, к прицелу и погляди, куда все установлено.

Сталин послушно наклонился к пулемету и нашел прицельную линию. Дуло кровожадной машины было точно направлено на трибуну на мавзолее Ленина, — туда, где в дни парада всегда стоит Сталин со своим окружением.

—Каково?— торжествовал Ежов. —Наведено, как говорит-

---

*) Государственный универсальный магазин на Красной площади.

ся, по ниточке. Патроны разрывные. Я их еще не осматривал, может быть, даже и отравленные... Хорошо сработано? А?

Сталин с нахмуренными бровями поднялся от пулемета.

—Н-да... Как это тебе удалось открыть?

—А я не зря цельную ночку с молодежью провозжался, "перевоспитывал"... Можно сказать, сам весь в кровище измазался. Но зато выудил тебе подарок от советских комсомольцев. Выудил!

—От комсомольцев?— машинально переспросил Сталин.

—Ага... Три четверти из них — комсомольцы. Чистая работа... Это все наша симпатичная Ягодка не доглядывала.

—А откуда пулемет?

—Пока не знаю: по номеру потом выяснится. Я ведь пока тут ничего не трогаю. Только тебе вот показал: надо же в кои веки чистой работой похвастаться! Пока там что, — до ноябрьских торжеств еще три недели. Мне эта машина ловушкой служит. Кое-кто из недоарестованных "стрелков" еще сюда, вероятно, завернет "проверить", ну и... приклеится. Ведь тут, что ни говори, не мелочь и не случайность, а серия заговоров. Если бы не я... Ну, что скажешь?

Сталин молча, с нахмуренным лбом, стал спускаться вниз. В его голове мелькнуло: "А не устроил ли ты сам эту инсценировку, чтобы меня припугнуть и на моем страхе попользоваться? Все вы — карьеристы. Любите меня, как собака палку. Только бы что урвать..."

Ежов следовал за угрюмым Сталиным и, в свою очередь, думал:

"Эх, разве что понимает эта тупая грузинская башка в сюрпризах? Я столько старался, а он хоть бы доброе слово сказал... Эх"...

***

Ясный, резкий звук горна прорезал холодный осенний воздух.

—Огонь!

Громадное пустынное поле Кусковского стрельбища внезапно ожило: из-под одного куста показалась голова в каске. Подальше из окопа выскочила сторожевая собака и быстрым бегом пустилась куда-то с донесением. Еще дальше поднялись в перебежке несколько солдат. Пробежали и опять скрылись...

Маршал Тухачевский лежал, плотно вжавшись в поблеклую траву с новой автоматической винтовкой и пускал по движущимся мишеням пулю за пулей. Лежавший рядом с ним наблюдатель с полевым биноклем в руках, изредка бросал:

—Сектор А 4 — поднялся перископ... Сектор А 2 — собака. Сектор Г 7 — танкетка...

Через три минуты горн дал отбой. Тухачевский с оживленным раскрасневшимся лицом встал, обтирая локти и колени. Несколько военных столпились вокруг него.

—Ну, как? — спросил его начальник стрельбища.

—Великолепно,— ответил маршал. —Чудо, а не винтовка! И точность и скорость замечательны. И что приятно, — отдача куда меньше... Ну, поздравляю вас от всего сердца, товарищ Дегтярев, — обернулся он к единственному штатскому на стрельбище. —Позвольте обнять и поблагодарить вас от имени нашей армии и страны.

Маршал сердечно обнял старика. Тот растроганно всхлипнул и расплылся в счастливой улыбке.

—И вам спасибо, товарищ маршал. Только ведь при вашей поддержке да, признаться, при вашем нажиме, удалось так скоро и ладно справиться. Теперь все пойдет, как по маслу.

Действительно, официальные испытания новой винтовки дали чрезвычайно благоприятные результаты. Если по точности своей стрельбы новая советская винтовка несколько уступала прославленной канадской винтовке Росса, то нисколько не была в этом отношении ниже любой винтовки других армий. Но по скорости стрельбы она значительно превосходила их все.

Лучшие снайперы армии и Осоавиахима*) испытывали со всех точек зрения новое оружие, образцы которого привез с собой из Тулы Дегтярев. Из нескольких штук было специально произведено по 10.000 выстрелов: в течение нескольких дней, без пощады оружия, трещали, не переставая, выстрелы на стрельбище. Изнашиваемость ствола и затвора была нормальной. Были произведены специальные испытания в особо тяжелых условиях — в дождь, среди пыли и песка. Две винтовки на сутки оставили в пруде. Две закопали в землю; некоторые были подвергнуты грубым ударам и толчкам, — новая винтовка с честью выдержала все испытания. Но особое ликование вызвала новая винтовка у снайперов. Каждый опытный стрелок понимает, ЧТО ЗНАЧИТ отрывать в бою винтовку от плеча и ворочать затвором именно тогда, когда дорога каждая десятая секунды и цель не ждет. При стрельбе в боевых условиях — при плохой видимости, при мимолетном появлении цели или, наконец, при необходимости развить шквал огня — новая винтовка без телескопа и с телескопом в руках снайперов — а их в стране уже было много десятков тысяч, — являлась страшным оружием. Немудрено поэтому, что глаза снайперов, окружавших Тухачевского, сияли от радости.

Маршал зорко присматривался к реакциям стрелковой молодежи и внимательно выслушивал суждения о новой винтовке. Несколько замечаний он отметил, как особо ценные: полупистолетное ложе, иной изгиб приклада у плеча и рукоятки затвора. Относительно необходимости штыка между молодежью возник горячий спор. Большинство резко отрицало необходимость штыка на такой точной и сложной боевой маши-

---

*) Общество содействия авиации и химии.

не. Другие, видевшие сами военную страду, признавали, что штык, все-таки, должен быть, но не постоянный, как на старой винтовке, а надевающийся перед атакой.

Спор разрешил сам маршал.

—Большое спасибо, товарищи, за высказанные мнения. Конечно, если бы вся наша армия состояла из первоклассных или даже просто хороших стрелков и выдержанных солдат, штык был бы только лишней тяжестью. Но поскольку пока, увы, этого еще нет, нужен и штык. Конечно, при стрельбе он только помеха. Но даже и в современной войне штыковая атака не исключается. Нужно дать нашему простому рабочему и крестьянину, недавно призванным в армию и попавшим в бой, ощущение, что в их руках не только точная машина для стрельбы, но и простое холодное оружие — типа старинных вил или рогатины. Это, как говорили римляне, — "ultimo ratio" — последний довод. Когда уже не до стрельбы, кусок острой стали на конце винтовки дает уверенность неопытному солдату, что он вооружен чем-то солидным. Патрон может оказаться с осечкой, затвор заклиниться, а родимый штык вывезет всегда...

—Да что, товарищ маршал, — недовольно возразил ему какой-то молодой снайпер, отстаивавший винтовку без штыка. —Разве ж мы живем в суворовское время, когда пуля была дурой, а штык молодцом?

Тухачевский усмехнулся.

—Конечно, дорогой товарищ,— мягко возразил он, —времена у нас теперь другие, но психика бойца изменилась не так уж много. Инстинкт самосохранения и драки остался почти тем же. Бывает, что и на современных фронтах дерутся просто кулаками и зубами, а не оружием.

—Уж будто бы, товарищ маршал?.. Это когда-то, в допотопные времена, может, было...

Спор, веселый товарищеский спор, разгорался с большим оживлением. Молодые энтузиасты стрелкового спорта сгруппировались около маршала, чувствуя в нем действительно бывалого, боевого старшего товарища... Осеннее небо было так ясно и чисто, солнечные лучи так приветливо грели своим последним теплом, что Тухачевский не чувствовал себя здесь начальником. Веселая смелая молодежь с винтовками в крепких руках живо напомнила ему его молодые боевые годы и он, охотно отзываясь на все живые вопросы, сам ставил острые темы. Мимоходом он сообщил, что одна из первых партий новых винтовок будет направлена в Испанию.

—Да на что им наши новые винты?— возразил какой-то курносый паренек с комсомольским значком на защитной рубашке. —Им старых винтов послать, — будет за глаза с них!.. Вояки тоже выискались! Им бы навахами ихними драться, а не правильным оружием да нашими автоматами.

Кругом засмеялись.

—Ну, конечно... Такие машины в чужие руки отдавать?

—А ты, Петька, легче на поворотах,— обрезал его кто-то.

—"Чужие руки". Сказанул тоже! Там ведь наш брат, пролетарий, бьется. Надо ему помочь. Ведь все испанское золото, небось, мы сюда, в Москву-то, "на хранение" взяли.

—Помочь — это я никак не против. Ну, там резолюцию вынести или монеты послать. А только не тем помогать, что нам самим так нужно, — не кровью да не такими вот конфетками.

Его широкая рука любовно погладила вороненую сталь винтовки.

—Ничего, товарищ. Мы пошлем им партию оружия, как образец. Поглядим, как оно себя покажет в настоящих боях,— сказал Тухачевский.

Объяснение маршала не удовлетворило курносого паренька.

—На испытание?— переспросил он недовольно. —Мы и сами на маневрах испытание еще почище сделаем. Зачем богатство наше за зря растрачивать?..

По глазам окружающей молодежи Тухачевский видел, что если не все высказываются так откровенно, как курносый комсомолец, то по существу таково мнение подавляющего большинства. Этому новому поколению фронт мировой революции, грохочущий в Испании, чужд и далек... Т У Д А, на Т О Т фронт эти молодые люди, если бы это от них зависело, не дали бы ни одной жизни, ни одной винтовки. Только — казенные резолюции казенных митингов, "клеймящие и прочее". "Какое нам дело до этой Испании?" — казалось, можно было прочесть в молодых глазах при разговорах о красной Испании... И опять лишний раз Тухачевский понял, что только русской дорогой можно подойти к русскому молодому сердцу...

—Ну, как, товарищи снайперы?— весело прервал оживленный разговор массивный латыш Эйдеман, председатель Осоавиахима. —Мы вас снабдили новым оружием, — смотрите же не подгадьте! На носу заочное состязание с Парижем. В нем есть пункт программы — произвольное оружие. Вот тут-то новый автомат и нужно будет показать.

—А зачем всему миру наше новое оружие показывать?— возразил кто-то. —Мы этих самых парижан и старыми винтами за милую душу вздуем. А эту надо бы пока, до поры до времени, до войны в секрете держать.

Эйдеман засмеялся.

—Ничего не выйдет, товарищ. Пока оружие было в стадии испытаний, — это еще куда там ни шло. Но если мы собираемся этим автоматом всю нашу армию вооружить — а это будет первая армия в мире с автоматами — какой уж тут секрет?

—Это, значит, выходит, товарищ начальник, что вся наша боевая подготовка, как под стеклышком?

—Ну, не вся,— опять засмеялся толстый Эйдеман, — но, все-таки... Не забывайте, что, по существу, каждый иностранный военный атташе — узаконенный шпион. Он обязан доносить своей стране все, что у нас делается в области военного прогресса... Другое кое-что, может быть, можно утаить, но общеармейскую винтовку — трудно. Про конструкцию винтовки он даже имеет право знать, вот только сколько винтовок, — это дело наше... А потом — в стране ведь и тайные шпионы водятся.

—А чего ж Ежов-то смотрит? Где его ежовые рукавицы?

—Э-э-э-э, сволочь везде найдется. За деньги немало людей можно купить, со всеми их потрохами и совестью... Но не в этом дело, товарищи. Наше состязание с рабочим Парижем — официально — гражданское, пролетарское. Ты, товарищ Харченко,— обратился он к подошедшему председателю Всесоюзного комитета физкультуры, коренастому лысоватому человеку, признававшемуся, что из всех известных видов спорта он занимался только кеглями, — уже проработал все детали встречи?

—Ясно. Будут стрельбы из пистолетов, малокалиберок, армейского и произвольного оружия. И разными командами—детской, женской и мужской. Из Парижа к нам приедут их представители, а мы туда пошлем своих. Это — как контроль за выполнением правил.

—А в гражданскую команду военных возьмете?

Не только Харченко, но и почти все снайперы рассмеялись наивности вопроса.

—Эк, товарищ, какие вы нескромные вопросы задаете! Вы же пока не парижский контроль? У нас в СССР — все пролетарии, все трудящиеся, все, так или иначе, рабочие. А что на них надето — разве парижане могут разобраться?

Опять все рассмеялись, так как всем было ясно, что команда рабочих Москвы, разумеется, будет создана из лучших стрелков СССР.

—Тут у нас горе,— сказал загорелый комсомолец. —Одного нашего снайпера НКВД заграбастал; за что, про что — никто не знает. Гвоздев — Ведмедиком зовут; стрелок, что надо... Как бы его выручить, товарищ начальник.

—Гвоздев? Ладно, я поговорю с маршалом; он, надо полагать, все сделает, что можно. Надо выставить самых лучших, чтобы не подгадить.

—Ну и вздуем же мы этих парижанов! Как миленьких.

—Еще бы!.. С такими-то винтами! А как, товарищ маршал, скоро у нас будут не только испытательные винтовки, а на каждого стрелка своя собственная?

—В свое время, дорогой товарищ. Не раньше, не позже. Будьте спокойны. Сегодня же мною будет утвержден протокол испытаний, и ТОЗ приступит к массовому производству. А теперь, товарищи, не забудьте поблагодарить нашего дорогого изобретателя, товарища Дегтярева, сумевшего создать лучший в мире образец автомата.

Когда молодежь окружила старика, Тухачевский отвел Харченко в сторону.

—Слушай-ка, Иван Петрович. Ты говоришь, что женские команды тоже состязаться будут?.. Да? А ты уже наметил состав нашей советской контрольной комиссии, которая поедет в Париж?

—Ориентировочная наметка уже есть, но пока никто еще не утвержден.

—Так вот о чем я хотел тебя просить, дружище. Там ведь, в контрольной комиссии, одна женщина тоже должна быть?

—Ясно. Если женская команда стрелять будет, — то как же без бабьей представительницы?

—Понятно. Окажи-ка мне, брат, услугу — назначь в состав комиссии одну мою знакомую.

Харченко испытующе поглядел на маршала.

—А кто она такая?

—Местная московская студентка, стрелок первоклассный, ворошиловка. И французский язык малость знает.

Харченко замялся.

—Я знаю, Иван Петрович, что это нелегко,— сказал Тухачевский, — но за нее мое полное ручательство и гарантия. Толковая девушка и прекрасно знает стрелковое дело. Так что с деловой стороны все в порядке. Окажи мне, пожалуйста, эту услугу, дружище,— добавил он, понизив голос и наклоняясь к уху "Главспорта". —Я не забуду этой любезности.

Харченко на минуту задумался. Конечно, кандидаток на поездку в Париж нашлось бы немало. Причины совершенно понятны. И многие из советских вельмож будут просить за своих "протеже". Но тут — стрелок, студентка и, главное, просьба самого Тухачевского, который не только сила теперь, но в будущем еще большая. Его благодарность — а он умеет и наказывать и благодарить — штука чувствительная и веская.

—Добре, — сказал, наконец, Харченко. — Идет... А скажи, дорогой маршал, эта твоя просьба имеет личный или политический характер?

—По-совести сказать, Иван Петрович, и то и другое. Во всяком случае, мне ты этим окажешь очень важную услугу. И я сумею тебя отблагодарить!

—Ну, что там... Старому товарищу, да чтобы отказать... Дай мне ее имя и адрес — я ее вызову и поговорю.

—Значит, обещаешь твердо, Иван Петрович?

—Твердо, Михаил Николаевич. Для тебя в лепешку расшибусь, но все сделаю...

В Институте физической культуры шел публичный зачет по гимнастике. На открытой площадке, пользуясь последними теплыми днями, студенты сдавали испытания по руководству гимнастическими группами. Каждому давалось определенное задание и он (или она) обязаны были с назначенной группой провести определенные упражнения. На площадке было шумно и весело. Дети, родные, знакомые, соседи, — все пришли с большой охотой полюбоваться красивым зрелищем. Одинаково одетые гимнасты, — стройная, здоровая, загорелая молодежь, — разбились на группы по всей площадке и выполняла задания экзаменационной комиссии. В одном углу шли прыжки в высоту. В другом — снарядная гимнастика, простые игры, метания. В центре ровные шеренги показывали вольные движения... Атмосфера бодрости и задора царствовала над зеленым полем.

Таня только что удачно сдела свой зачет и, еще не оправившись от веселого возбуждения, присела на скамейку, когда к ней подошел какой-то стройный молодой человек в штатском, с ясно заметной военной выправкой.

—Ну, как, товарищ Смолина, на сколько баллов сдали зачет?

—Да, кажется, на все, на которые можно было, — ответила Таня, удивленно осматривая незнакомого человека. — А откуда вы меня знаете?

Незнакомец добродушно усмехнулся.

—Тайна невелика. Прежде всего — ваша фамилия была названа перед испытаниями, а кроме того... — Кроме того?

—Мы с вами уже знакомы. Не так давно и встречались.

—Странно... Мне тоже так начинает казаться. Но где?

Молодой человек опять улыбнулся.

—А вы не ломайте себе над этим голову, товарищ... Таня. И возьмите это вот письмецо. Да только незаметно. После прочтения обязательно уничтожьте сейчас же.

Девушка с удивлением смотрела на незнакомца.

—А от кого это письмо?.. Что за таинственность?

—Письмо это (молодой человек закончил очень тихо) от Миши... —Ах!

Девушка схватила узкий конверт, тщетно отыскивая на нем свое имя или адрес. Когда она с удивлением подняла глаза на незнакомца — его уже не было. Зайдя за кусты, девушка с лихорадочным нетерпением разорвала конверт и достала оттуда небольшой листок бумаги.

"Милая Нежнолапочка, — было написано там. — Тебя на-днях вызовут в Центр и предложат одну весьма интересную

командировку. Соглашайся обязательно. Это — мой "приказ № 1". Не забудь сказать, что ты немного говоришь по-французски. В воскресенье, в 20 часов, приходи на то место, где мы занимались историей. Но по дороге обязательно смени десяток трамваев и пройди быстро пешком несколько концов по переулкам Китай-города. Письмо это тебе передаст мой друг. С ним ты когда-то ко мне ехала. Сожги письмо немедленно. До свиданья, дорогушенька. Твой М."

Радостная волна залила сердце девушки. Значит, Миша не только как рабочий, но и как маршал, о ней помнит, ее немно-о-ожечко любит и хочет видеть.

Боже мой, как хороша, как чудесна жизнь! И это осеннее ясное солнышко, и прозрачный воздух, и пробитые золотом кусты и деревья, и шум молодых голосов на стадионе, и ощущение силы, здоровья и молодости в каждой клеточке стройного легкого тела... И главное, — это вот чудесное чувство, что где-то там, вдали от этой площадки, но так рядом, в самом сердце, существует "ОН", ее Миша, не маршал, не рабочий, а просто М-и-и-и-шаа-а-а...

"Милый мой Милый мой
Строен и высок. Нежен и жесток"...

пропела девушка, вприпрыжку пересекая стадион. На сердце у нее пели птички. Ведь еще каких-нибудь два дня... Точнее — сколько?.. Да 38 часов, и она опять увидит своего милого Мишу!..

***

—Вот что, товарищи. Я пригласил вас всех сюда сегодня на, так сказать, закрытое военно-политическое совещание по весьма важному вопросу — нашей первой настоящей мирной вылазке в буржуазный военный мир.

Голос Сталина звучал веско и серьезно. В его небольшом кабинете сидели Молотов, Каганович, Ворошилов, Тухачевский, Гамарник, Ежов и Жданов.

—Дело в том, что в связи с непрестанно растущей мощью нашей страны и нашей армии, многие наши буржуазные соседи очень бы даже не прочь заключить с нами союзик поплотнее. Мы тоже не против этого — выгода экономическая и политическая прежде всего. А договоры, — как это прекрасно известно даже каждому пионеру, — это бумага. На бумаге всякую запятую можно всегда по-иному объяснить или... ну, сами понимаете, товарищи...

Угодливые улыбочки поползли по лицам некоторых.

—Да, так вот, особенно интересуются дружбой с нами теперь Англия и Франция... Им очень хочется заключить с нами крепкий военный договор — для поддержания европейского равновесия. Мы что ж — мы не против. Мы поддержим это равновесие, как говаривал Ильич, "как веревка поддерживает повешенного". Ха-ха... Пока нам выгодно. Очевидно, растущая военная мощь Германии их всех сильно беспокоит и тревожит.

Только мы одни смотрим на этот рост спокойно и уверенно, зная свою силу. Да, так вот... В последнее время генеральные штабы Англии и Франции несколько раз просили прислать им кого-либо из наших военных главков для связи, как,так сказать, символ растущей сердечной дружбы и готовности их...поддержать...

Сталин коротко засмеялся, словно заржал. Все собравшиеся усмехнулись: военные сдержанно, сталинские секретари и наркомы — подобострастно.

—Вот я и думаю: отчего бы и в самом деле к ним когонибудь не послать? Для закрепления этаких "дружественных уз". Риска нет никакого, а польза может выйти. Так что вот, товарищи, мне кажется, что послать кого-то можно и даже нужно. И мое такое мнение, что поехать в гости к буржуям следовало бы нашему маршалу Тухачевскому.

—Почему именно Тухачевскому?— немного резко спросил Ворошилов.

—Почему именно Тухачевскому?— искоса посмотрел Сталин на наркома обороны. —А вот почему: товарищ Михаил — наш проверенный боевой маршал. Он в курсе наших вопросов — не только военных, но и других. Он несомненно сумеет поддержать нашу марку за границей. Помните, как в свое время Чичерин много помог молодому Советскому Союзу своей представительностью, знанием иностранных языков, дворянским именем и даже уменьем шикарно носить буржуйский фрак? По собранию прошел добродушный смешок.

—Ну, так вот — товарищ Тухачевский обладает тоже нужными для заграничного представительства качествами — тоже старый дворянин и гвардейский офицер... Да ты не обижайся, Михаил Николаевич, за напоминание, —обернулся Сталин в сторону маршала, заметив его движение. — Я ведь с точки зрения политики говорю: для наших задач теперь это может быть выгодным. Для буржуазной прессы это будет хорошим поводом отметить, что с Советами, мол, все классы старой России и даже, мол, дворяне и офицеры... Ха-ха-ха... А потом еще, ты ведь, товарищ Михаил, языками владеешь?

—Да,— коротко отозвался Тухачевский. —Французским совершенно, немецким прилично. Английским неважно, но все же достаточно.

—Ну, вот видите, товарищи, — с удовлетворением заключил Сталин. — Все устраивается как нельзя лучше. Тем более, что товарищ Тухачевский уже раз ездил в Лондон, на похороны короля. Так что дорогу уже знает... Я думаю, что возражений против кандидатуры Михаила Николаевича не будет?

Он обвел своими черными суровыми глазами собранных сановников. Все ясно понимали, что диктатор спрашивает только для проформы и что вопрос уже твердо решен.

—Не-е-е-т, какие могут быть возражения?—сказал Молотов, чуть заикаясь. —Дело только в том, чтобы снабдить товарища Михаила точной информацией о том, что делается за границей и дать ему ясные директивы. А вообще говоря, поездку такого рода можно только приветствовать: нужно же, в конце концов, в мир дорогу проложить и себя там показать.

—Покажем! Еще и как — закачаются!— с веселым вызовом бросил смуглый решительный Жданов и все засмеялись.

—Правильно, Жданыч,— одобрил Сталин. —И еще как закачаются! Только в свое время, не теперь. Мы ждать умеем. Да и твоя фамилия такая — надо "жжжждать", а потом "дать"... Верно? Ха-ха-ха... Ну, будем кончать этот вопрос, товарищи. И договоримся так: каждый из вас, по своей специальности, даст маршалу нужные сводки и указания. Что же касается общих директив, то (Сталин на секунду задумался) то, что же о них сказать? Разве что два слова: наш бой с миром капиталистическим и особенно с фашистским — совершенно неизбежен. Но, конечно, из этих двух непримиримых врагов, — капитализма и фашизма, — последний опаснее всяких там демократий: он ближе и грознее, так как динамичнее и жаднее. И наша задача на данный момент — так лавировать между этими двумя силами, чтобы, по мере возможности, стравить их между собою, самим в нужный момент выйти на мировую арену с нашей нетронутой армией и поставить точку над событиями. —Красную точку, —вполголоса добавил Каганович.

—"Красную", говоришь?— усмехнулся Сталин. —Это само собой... Так вот —маршалу Тухачевскому нужно, не связывая себя никакими серьезными обещаниями и разговорами, выслушивать побольше признаний и пожеланий, а потом мы уже тут на месте разберем, что, к чему и как. Официально маршал поедет по приглашению английского и французского генеральных штабов, как знатный визитер дружественной державы.

—А если на обратном пути меня любезно задержат для дружественных разговоров в Берлине, тогда как? — негромко спросил Тухачевский.

—Тогда? Ну что ж, ты и там должен быть отменно любезен и очарователен. С парламентариями ты — советский демократ. С фашистами ты — безбожник, антиплутократ и социалист... А вообще помни, как говаривал Меттерних: "Язык нам дан для того, чтобы скрывать свои мысли"... Да не мне тебя учить, товарищ Михаил, как там действовать. Не забудь только получить от Ежова ходы к нашим тайным резидентам: от них ты получишь куда больше нужных сведений, чем от всех наших официальных полпредов...

Сталин и Ежов переглянулись и понимающе усмехнулись.

***

—Ну, да... Я приняла предложение Харченко,— тихо и не-

довольно говорила Таня, прижимаясь к плечу своего Миши. —Но, ей же Богу, мне вовсе не хочется никуда ехать!

Друзья сидели вечером на старом месте — на ступеньках храма Василия Блаженного. Тухачевский, сделавший большую поездку и сменивший две машины, был в штатском пальто. Он раскинул одну его полу на ступеньке и окутал ею девушку. Он опять был рабочим Пензой и Таня, доверчиво прижавшись к нему, рассказывала про свой разговор с Харченко.

—Вот же, ей Богу,— повторила она искренно, — вовсе не хочу я ехать в этот противный Париж. Мне и здесь хорошо.

—Вот те и на! А я-то думал, что ты так обрадуешься! Столько советских девушек год жизни отдали бы, чтобы только взглянуть на настоящий Париж, мировую столицу. Новые места, новые люди, новая жизнь. Поездка на казенный счет, прекрасное питание, оденут там тебя, как настоящую парижанку, — для представительства, ничего не поделаешь. Так сказать, в шелк и бархат... Почет везде. Ты за этот месяц французский язык еще подучишь — и молодцом справишься!

Девушка опять недовольно передернула плечами.

—Почет? Наряды?.. Да я не знаю, как эти все шелковые вещи и надеваются... Зачем мне это? Мне и здесь хорошо,— повторила она.

—Ну, что ты, Танюша! Ведь Париж — изумительный по красоте город. Туда туристы со всего мира ездят. Масса достопримечательностей и исторических ценностей.

—А ты разве там сам был? —Я-то? Пока, к сожалению, нет...

—Ну, так что ж ты тут расписываешь? А по-моему лучше нашей матушки России да Москвы — ничего в мире нету... У нас скоро морозцы начнутся, солнышко, снежок. В Сокольниках на лыжах, на Чистых Прудах на коньках... На морозце легком только щеки розовеют да на сердце легко и ясно... А там — слякоть европейская, классовая борьба да буржуи-богатеи. И рядом — голь пролетарская. Там, говорят, рабочий в трамвае должен буржую место уступать. А как только что — пулеметы и расстрелы. Тюрьмы — рабочими полны, тысячи голодают да умирают прямо на улице. Фашисты зверствуют... А ты — "мировая столица"! Нашел, чем соблазнять!..

—Ну, ну... Ты все это в очень уж мрачном свете видишь. А по-моему такая поездка — одно удовольствие.

—Да, — тихо прошептала Таня. — Если бы вот с тобой... А то — одна.

—Так ты и здесь меня не видишь неделями, а то и месяцами. Какая же разница?

—Ну, ничегошеньки ты, Миша, не понимаешь! —сердито воскликнула Таня. —Да ведь ты, все-таки, где-то здесь, рядом, в одном городе... Там же я буду от тебя за тридевять земель... А тут еще наш милый д'Артаньян куда-то совсем за-

пропал, Ведмедик и Полмаркса почему-то посажены — за них тоже сердце болит... Нет, Миша, как ты ни говори, я предпочла бы не ехать. Конечно, я обещала исполнить твою просьбу, но на сердце у меня будет очень, очень тяжело...

Тухачевский в темноте мягко улыбнулся. Голос девушки звучал такой свежей искренней печалью. Послала же ему судьба, почти на склоне лет, такую милую, такую нежную любовь!

—Ну, а если, — голос маршала звучал непривычно тепло. —Ну, а если я к тебе в Париж сам в гости приеду?

Таня резко выпрямилась. Ее глаза сердито взглянули на друга. В голосе прозвучала искренняя обида.

—Да что ты меня в самом деле дразнишь, Миша? Ну, просто, как маленькую девочку, уговариваешь и обманываешь. Я же ведь обещала, что поеду, только (голос ее сломался)...только на сердце будет очень тяжело и неспокойно. Мне все будет казаться, что с тобой — вот, вот — что-то должно случиться.

"Вот она, женская интуиция,— подумал Тухачевский. — Действительно эта милая девушка чувствует моим сердцем и тревожится моими тревогами, сама того не сознавая. Как все-таки хорошо, что мне удастся ее отправить отсюда! Приятно было бы ей в Париже своим приездом сюрприз приготовить, но уж, видно, придется теперь же об этом сказать. Утешить... Бедная девочка..."

Он еще ниже склонился к прижавшейся к нему Тане и тихо сказал:

—Да я ведь вовсе не шучу, милая ты человечица. И вовсе не дразню тебя. Я в самом деле к тебе в Париж приеду.

Слова эти были сказаны так, что девушка поверила сразу же. Ее тело выпрямилось и дыхание замерло.

—Ты?.. Ты? В самом деле?

Тухачевский молча кивнул головой и лицо Тани просияло.

—Вот так хорошо! Вот счастье-то! Голубчик ты мой, Мишенька! Как я там буду с тобой счастлива! На воле, вдали от твоих противных дел. Много, много вместе... Ну, конечно, теперь я с радостью поеду и буду тебя там ждать. Ох, как ждать... Дорогой ты мой! — воскликнула Таня, стремительным движением прижимаясь к плечу Пензы, и в голосе ее задрожали слезы. —Ты не знаешь, как крепко я тебя люблю и как чудесна жизнь... Только бы хоть немножко, хоть изредка, хоть капельку побыть с тобой вместе.

Тухачевский хотел добродушно-насмешливо улыбнуться в ответ на этот шквал нежности, но, к его удивлению, горло его сжала легкая спазма волнения. Сияющая волна любви, излучавшаяся от Тани, проникла в его сердце и сделала его ответную улыбку и поцелуй нежнее и ласковей, чем он сам ожидал. Каменное жестокое сердце старого солдата впустило в свою тьму тоненький лучик нежности и любви...

ГЛАВА 10

В стане улыбающихся врагов

Париж, 26 декабря 1936 года.

Мой дорогой Ведмедик!

Ну и до чего же я была рада получить твою открыточку, что ты жив, здоров и на свободе. Крепко, крепко целую тебя за это. Полмаркса наш куда-то выслан, а относительно д'Артаньяна — ни слуху, ни духу. Не знаешь ли ты что-либо о нем?

Ну и как ты, дурья твоя черепушечка, мог только подумать, что я тебя совсем, совсем забыла? Вот свинтус! Вот гляди, какое тебе длиннющее письмо накатала, благо, что одна тут торгпредская дама едет в Москву и прямо там без цензуры в ящик бросит. Не подведи! Не показывай никому!

Я в Париже уже целых 10 дней. Завтра начинаются состязания. Если наши ребята и девчата не выиграют, — я прямо с Кузнецкого моста вниз головой брошусь с отчаянья и позора... Ну, да ничего — вздуем, как в бубен. Ты только смотри у меня: сам-то не подгадь — выбей 105 очков из 100 возможных...

Париж действительно столица всего мира... Больше он или меньше Москвы по числу жителей, — это еще дело спорное, но что красота — это уж, брат, действительно. "Классически", как сказал бы наш Полмаркса. Мы все, — нас в контрольной комиссии 5 человек, — живем в общежитии торгпредства, бывшей гостинице. В каждом номере телефон, уборная, ванна. Признаться, я в первые дни по три раза горячие ванны брала — просто прелесть, как приятно! Конечно, наша русская баня ку-у-у-да симпатичнее, но и ванна тоже не так уж плохо. Только ты, Ведмедик, насчет ванны ребятам там не рассказывай, а то потом засмеют: только попади им на зубок.

Товарищи из полпредства и торгпредства взяли нас, азиатов, на буксир и показали все парижские достопримечательности. Ну, прежде всего, конечно, Эйфелева башня. С верхушки ее чуть что не Москву увидишь. Я так даже оттуда на восток, в сторону белокаменной нашей, воздушный поцелуй послала. Как это, брат, поется:

"Как ни тепло чужое море,
Как ни ясна чужая даль:

Не им развеять наше горе,
Размыкать русскую печаль"...

Но этак, по справедливости сказать, — здорово здесь жизнь налажена. Все удобно и "прикладисто". Ты вот, чудак, не верил, что в Париже тоже метро есть. И, брат, еще какое, —

куда обширнее нашего, московского. Ну, может быть, не такое шикарное, но удобно — страх — в любую дырку Парижа мигом доставляет. Я как-то от компании отбилась (потом си-и-ильный влет был мне за это) — так мигом сама до дому доехала. И вообще тут люди, так сказать, "непуганые". Говорят, что никого без ордера даже арестовать не могут. В дом без специального разрешения полиция войти не имеет права. Только, признаться, я этому не верю... А может быть... Тут государство тоже есть, но его не чувствуешь. Выходит, что государство для граждан, а не граждане для него... Никаких тебе "шершавых глаз" нигде не видать — словно французского НКВД и нету вовсе. Да я не верю: не может этого быть!

С языком мне пока туго, да и язык какой-то странный. Вместо девяносто говорят: "четырежды двадцать и десять". Или "делать любовь" — противное выражение... Главная церковь тут называется "Наша дама из Парижа" — не поймешь ничего. Но зато — купить можно всего, чего только душа хочет — лимоны, апельсины; в магазинах — прямо глаза разбегаются. Я уже все свои деньги истратила — подарки нужно же в Москву привезти. Не бойся, и тебя не забыла, — купила тебе самую лучшую смазку Винчестера для твоего автомата. Везде радио, велосипеды. Я сперва не верила, что у каждого рабочего велосипед есть. А и правда! Да и вообще тут в воскресенье миллионера от рабочего не отличишь. Я все время думала, что это буржуи. Даже ладони просила показать — а и верно — рабочие! Мозолей да машинной грязи не подделаешь.

Много тут, брат, удивительного... Никто никого не расстреливает, не арестовывает. Никаких фашистов и видом не видать... А какие, брат, кинофильмы! Прелесть! Веселые и никакой тебе политики... Умеют люди жить... Право, народишко тут совсем не плохой, хотя дураки. Тут недавно какой-то ловкий пройдоха дал в газете объявление: "Немедленно переведите мне по почте 100 франков. А то завтра будет УЖЕ ПОЗДНО"... Так нашлись тысячи дураков, которые ему послали по 100 франков — испугались, что завтра будет поздно... А то вот еще: один ловкий жулик всерьез сообщил, что скоро будет второй всемирный потоп и все погибнут. И он, мол, срочно строит большой ковчег с ограниченным количеством кают. Спешите запасаться билетами!.. Так этот ловкач миллионы сделал... Наши советские люди умнее: их такими штучками не обманешь. У них толковые головы, хотя насчет культурности — дело плохо. Нашим ребятам строго-настрого запретили пальцами сморкаться, а то скандал, — словно мы дикари какие. Но и то верно, по сравнению с парижанами, мы просто дикари... Кстати, тут парижанки — шик, красота. Какая-нибудь этакая "фря" нацепит что-нибудь пустяковое, но куда полагается и смотришь — красиво, или, — как тут выра-

жаются, — элегантно... Европа — одно слово... Не наша Азия. Совсем другая жизнь.

Туговато мне часто приходится с французским языком. Тут ведь говорят, как из пулемета. Но я уже не стесняюсь. Как чуть там что — я блок-нот сую — "экриве"... Ну, а если написано, — я уж тут понимаю. А меня, — надо сказать, — все понимают — прямо парижанкой скоро заделаюсь. Смешно сказать, но только в Париже я поняла, что по-французски можно даже и басом говорить. А я всегда думала, что это язык деликатный — не для баса...

Тут, брат, — не падай в обморок, — тротуары моют горячей водой с мылом. И вообще жизнь здесь веселая и мирная. По секрету говоря, мировой революцией и не пахнет. Коммунистов никто за зря не арестовывает и не расстреливает. Живут все мирно, хотя и ругаются, но без террора. Как это поется:

"Жили-были,
Не тужили
И другим давали жить"...

Только в Париже я стала понимать, что в жизни есть не только работа и долг, а просто и удовольствие. Ей Бо, приятно тут жить. Ты скажешь, верно — "обуржуазивается наша Танька". А, небось, пришел бы сам сюда в оружейный магазин, — глаза бы разбежались. Охотничье оружие — хоть на слонов — без всяких разрешений купить можно. На пулевое — пустяковое разрешение полиции. Да и вообще не строго, не то, что у нас.

Нам тут уже многое показали — поводили по музеям. Я прежде всего Венеру побежала смотреть. Не понравилась она мне — просто толстая баба. И куда ее руки делись — никто сказать не может. И как, в каком положении руки у нее были —тоже никто догадаться не может. Самое, пожалуй, интересное — могила Наполеона. Представь себе — круглый бассейн, только без воды. По краям внизу — знамена, которые Наполеон отвоевал. Говорят, там и русские есть... Но нечего хвалиться — у нас ихние тоже есть... В средине бассейна черный мраморный гроб с останками и м п е р а т о р а. Торжественно, но, право, совсем неуютно. То ли музей, то ли декорация. Я вспомнила три наших русских могилы — Кутузова, который этого самого Наполеона разбил, — тихий склеп со свечками и покоем, Толстого -- между трех берез на Ясной Поляне, — хорошо и спокойно там лежать великому старику. И потом Шевченко — он еще при жизни сам просил:

"Як умру, то поховайте
Мене на могилі
Серед степу широкого
На Вкраїні милой,
Щоб лани широкополі
І Дніпро і кручі
Були видні, було чути
Як реве ревучий"...

Там вот, на высоком берегу Днепра, на холме — его моги-

ла. Оттуда он чует, как ревет его любимый Днiпр... "Лежит у степу". Это, брат, по-нашему, по-русски. Широко! А то—театр. Если уж могила, то нужно, — если кто верующий, — молиться. Если нет, то чувствовать смерть и жизнь. А то. . . Ну, да ладно — это так, к слову пришлось. Многое я повидала, Ведмедик. Совсем иначе теперь жизнь вижу и понимаю. Ну, да об этом писать не буду — расскажу, когда встретимся. Между прочим, я себе тут шелковых чулочек напокупала — никогда их в жизни не видела. Ах, какая прелесть! Ты, Ведмедище необтесанное, в меня совсем окончательно втрескаешься, когда увидишь в чулочках. Ужас, как красиво...

Только ты там, брат, не подгадь: нам этот самый распрекрасный Париж нужно вздуть. Хоть мы и зимой стреляем, а тут слякоть, — вздуть нужно, хоть кровь из носу... Хотя мы, с точки зрения французов, и дикари (пожалуй, немножко это и правда), тем более вздуть их нужно — "знай наших, мол"!.. А то мне стыдно будет домой вернуться...

Ну, будь здоров, дорогушенька! Не унывай: приеду, ей Богу, расцелую. Твоя Таня.

P. S. (это здесь так пишут, когда в конце письма что-либо добавить хотят). Если встретишь Пензу (хотя вряд ли, но все-таки), поблагодари его. Думаю, что это именно он тебе помог выцарапаться из тюряги. Только это о-о-о-чень, брат, большой секрет. Когда-нибудь узнаешь. Жуткая тайна!

***

В Лондоне Тухачевского встретили с холодной, сдержанной вежливостью. На вокзале в почетном карауле стояли высоченные гвардейцы в традиционных красных мундирах и громадных мохнатых шапках. Приветливо, белыми английскими зубами, улыбались представители военного министерства, генерального штаба и прессы.

В сопровождении военного атташе, комдива Путны, — старого знакомца по гражданской войне, — низенького, угрюмого и молчаливого человека, Тухачевский посетил штаб, казармы, доки, военные заводы, полигоны. Всюду были порядок, покой и чисто английская уверенность в незыблемости сегодняшнего и прочности завтрашнего дня. На пытливые вопросы маршала о масштабах военных приготовлений англичане, улыбаясь, отвечали, что при сумасшедшем прогрессе современной военной техники, по их мнению, нет смысла готовить что-либо впрок, а нужно лишь быть готовыми к стремительному разворачиванию военной промышленности и притом по самым новейшим образцам оружия. В свою очередь, Тухачевского спрашивали о военном потенциале СССР, на что маршал отвечал официальными цифрами, не забывая указаний Сталина о "дымовой завесе". Путна служил переводчиком, ибо Тухачевский не был вполне уверен в своем английском языке,а те-

мы подчас были очень ответственные и трудные. Одно дело вести обыденный "домашний" разговор, а другое — отвечать на официальные военно-политические вопросы...

Путна, которого Тухачевский не видал много лет, понравился маршалу. Он был ясноголовым, толковым, спокойным эстонцем и в какой-то степени имел независимые суждения. Видимо, какие-то стороны советской действительности производили на него тягостное впечатление. В всяком случае, когда англичане как-то, с удивленным любопытством и плохо скрытым презрительным недоумением, стали расспрашивать о предстоящем "процессе 17" — "параллельном троцкистском центре", с участием бывших советских министров и воротил, он уклонился от обсуждения этой темы, сделав весьма кислое выражение лица. Когда же один из английских офицеров, в неофициальном порядке, спросил, как могло вообще случиться, что председатель Коминтерна, старый революционер, — к тому же еврей, — Зиновьев оказался на службе у Гестапо, он резко оборвал спрашивавшего и сказал, что он — простой солдат и в высшую политику своей страны не вмешивается. И что он-де имеет такт не спрашивать у англичан, как может случиться, что король отрекается от трона из-за женщины. Англичанин поперхнулся, покраснел и замолк. Взглянув на Путну, Тухачевский заметил на его тонких губах усмешку, но на лбу у него показались складки досады и даже боли. Очевидно было, что положение военного представителя Советского Союза Путны часто тягостно. Тухачевский с интересом отметил это и в свободную минуту в клубе полпредства, после воспоминаний о гражданской войне, где они оба одновременно получили по ордену "Красного знамени", разговорился с атташе по душам.

—Видите ли, Михаил Николаевич,— тихо и угрюмо говорил Путна. —Вы не поверите, как порой тяжело мне тут. Надо сказать прямо: нас здесь боятся и презирают. Боятся потому, что знают, что мы подняли военную мощь страны на очень большую высоту... А презирают за то, что у нас во внутренней политике остались приемы и методы времен начала революции. А ведь прошло уже 20 лет... И теперь все это никак не может объясняться требованиями революционного момента — "лес рубят, щепки летят", — а иначе: некоей потребностью "ам сляв" в палке, кнуте, нагайке, казнях и прочих вещах...

Путна как-то испытующе взглянул на маршала и, заметив его внимание и сочувствие, продолжал:

—Позвольте мне быть с вами откровенным, как со старым боевым товарищем. Я должен признать, что последние политические процессы повредили русскому имени в необычайной степени. Иностранец не понял всей этой неразберихи и

только закрепился в мнении, что Россия продолжает оставаться сплошной Азией и варварством... Вы вот слыхали вопрос того белозубого наивного англичанина... А ведь он-то по существу прав: чем объяснить все такие вот явления — процессы, признания, приговоры, расстрелы и прочее? Неудивительно поэтому, что газеты всех стран полны ядовитыми выпадами против нас. Возьмите, например: Вандервельде, вождь 2-го Интернационала, прямо так и сказал: "СССР — единственная страна, где нет коммунистов"... Какой-то турист вспомнил, как при приезде афганского короля Аммануллы где-то его сопровождавшие выехали в цилиндрах. И как все мальчишеское население встречало и провожало их восторженным ревом: "Цирк приехал!".. Другие газеты вспоминают слова Пушкина: "Дернула же меня нелегкая родиться в России с умом и талантом!"... Или еще: "Жизнь по направлению от запада к востоку постепенно теряет свою ценность"... Или как Наполеон сказал: "Поскреби русского и отыщешь татарина"... Кто, в самом деле, поверит тому, что Зиновьев и Каменев были платными агентами Гестапо?.. Что везде враги, везде шпионы — даже на самом верху. Если в России этому не верят, то что же сказать про Европу? Как выразился Андрэ Жид, писатель французский: "О России врут с восторгом и говорят правду с ненавистью". А правда-то жгучая и омерзительная... Если в самой России не верят, но молчат, то здесь не верят и говорят... И вот сияющая идея СССР — социализм, царство справедливости на грешной земле — оказывается под градом насмешек... А это... это так больно!

Тухачевский с вниманием и симпатией посмотрел на затянутого в щеголеватый мундир Путну. В голосе того было столько горечи и чувства, что трудно было предположить, что он играет какую-то роль. Просто человека, очевидно, прорвало. Молчал, молчал, накапливалась эта вот горечь и, наконец, перед старым боевым товарищем, к которому есть доверие, эти признания и вырвались. В ответ на взгляд Тухачевского Путна ответил таким же прямым и откровенным взглядом. Только на лбу его еще не разгладились складки мучительного напряжения.

—Ну, а если бы,— тихо и словно небрежно уронил Тухачевский. —Если бы в России кое-что переменилось — я говорю про внутреннюю политику, конечно — Англия стала бы иначе к нам относиться?

Глаза Путны блеснули.

—Ну, разумеется! Ведь сейчас все мы — позвольте поставить точку над і — чувствуем себя представителями какой-то азиатской деспотии.

Он выговорил эти слова ясно и открыто, не спуская глаз с лица Тухачевского.

—Да, да... Я понимаю всю ответственность произнесен-

ных слов, но вам верю, Михаил Николаевич... Может быть, единственному человеку в СССР... У меня есть не только мое личное доверие к вам, но и надежда, что вы еще сыграете большую роль в будущем... Ведь нужно же нам, наконец, уйти от этой азиатской славы и стать в ряды нормальных европейских стран... Как этого в Кремле не понимают?..

—Чего такого в Кремле не понимают?— раздался сзади собеседников веселый голос. —В Кремле, дорогой мой непутевый Путна, все-е-е-е понимают лучше, чем где-либо в мире...

Оба военных быстро обернулись. В дверях курительной комнаты стояла пожилая, невысокого роста, крепкая дама, изысканно и со вкусом одетая, с живым веселым лицом и умными лукавыми глазами под высоким открытым лбом.

—А-а-а,— просиял Путна. —Полпредша наша дорогая! Какими ветрами? Ну, иди сюда, симпатичнейшая из всех коллег!

Это была Коллонтай, советский полпред в Швеции. Смолоду горячая непримиримая студентка, революционерка, хотя и дочь генерала, она не только посвятила всю свою жизнь и свои недюжинные силы "прекрасной даме с красным шлейфом", но особенно выдвинулась на фронте, так называемой, "борьбы за раскрепощение женщины". Она сама, по существу, была первой женщиной в мире, сумевшей поставить себя на совершенно равноправное положение со мужчиной. Мало того, что она позволяла своему сердцу и телу любить, кого они хотят, когда хотят и сколько хотят (каковое право предоставлено в жизни почему-то только одному "сильному полу"), она и в области деловой доказала, что женщина, при соответственной подготовке, может занять все места и вести любую работу, ныне по закону или по социальному укладу доступную только мужчине. Прекрасный ораторский и писательский дар выдвинул ее в первые ряды не только революционерок, но и деятелей Октября вообще. И мимоходом, походя, она выпустила в свет несколько ярких романов о сердечной жизни женщины — как "Любовь пчел трудовых", и высказанные ею мысли буквально взрывали привычные представления о назначении женщины, о семье, о жизни сердца и пола вообще. Многие ее высказывания встречались в штыки и подвергались резкой критике, но толчки, которые она давала молодым мозгам, приносили свои плоды. Без особого основания именно ей приписали создание "теории стакана воды" — упрощенной комсомольской точки зрения, что половые отношения так же "биологичны" и примитивны, как и другие отправления и нужды тела; близость к женщине — так же проста, как просто жаждущему мужчине выпить стакан воды...

В области личной жизни Коллонтай не была похожа на скромную женщину, ждущую своего избранника или часа, когда ее изберут. Она сама смело шла навстречу своим чувствам, куда бы они ее ни вели и строила свою личную жизнь, не скры-

ваясь за ширмами приличий, особенно суровых к женщинам. Но ее бурная личная жизнь не мешала ей вести свою большую государственную и политическую работу.

Тип Дон Жуана воспет и в музыке, и в поэзии, и запечатлен в романах. Нельзя сказать, чтобы очень уж мрачными красками. А что, собственно, делал Дон Жуан в жизни и для жизни? Кто скажет?.. Коллонтай была своеобразным "Дон Жуаном в юбке", с тою лишь разницей, что она, параллельно со своей личной, свободной и скандальной жизнью, вела и другую — государственно важную и полезную для большевиков. Уже много лет она блестяще справлялась с ответственным постом полпреда в Швеции и, хотя не только за границей, но и в СССР, на нее часто выливали ушаты грязи, она только смеялась над этим и шла своей дорогой. Ее яркая индивидуальность, ум, юмор, боевые инстинкты, неизменно привлекали к ней если не всегда симпатии, то, во всяком случае, уважение товарищей по революционной борьбе. Вот почему и Тухачевский и Путна встретили ее неожиданное появление в клубе лондонского полпредства с искренней радостью. Разговор велся ими вполголоса и подслушивания бояться не приходилось. Фраза, услышанная Коллонтай, была просто случайностью.

"Полпредша", как шутливо назвал ее Путна, крепко пожала руку Тухачевского и сердечно ему улыбнулась. Когда-то, на заре революции, она тщетно "делала глазки" молодому и красивому советскому командарму, но тот, устремив все силы своей души в военные победы и карьеру, не откликнулся на зов обольстительной тогда большевички. Она же, признавая свободу выбора сердца не только для себя, но и для других, не была задета сердечной холодностью Тухачевского и сохранила с ним все последующие годы "дружеский контакт".

—Здорово, здорово, Михаил,— улыбалась она. —Я как только узнала из телеграмм, что ты в Лондон прикатил — не выдержала: взгромоздилась на первый же самолет и шарахнулась сюда: посмотреть на тебя, дорогой... Нелегко тебе будет тут с буржуями разворачиваться... Ты что про Кремль говорил, Путна?

Военный атташе не смутился.

—Да мы, Александра Михайловна, как раз на эту тему, о буржуях-то и говорили. Что иностранцы нас не понимают, а наш Кремль этого тоже, в свою очередь, не понимает... И поэтому нам тут так трудно стало работать...

Веселое выражение слетело с лица Коллонтай. Она глубже уселась в кожаное кресло, закурила папиросу и на несколько секунд задумалась.

—Н-да... Это ты, Эдуард, правильно вопрос поставил. Нам от этого кремлевского непонимания часто — ох, как еще — туговато приходится! Из-за этого и Михаил вот может здесь

впросак попасть и, как говорят, "гафу" дать... Ну, ну, ты не обижайся, Михаил, на старушечьи слова. Ладно, ладно,— засмеялась она, заметив протестующее движение маршала. — Только без комплиментов, пожалуйста!.. Я ведь сюда не только на тебя посмотреть прилетела, дорогой ты мой маршал. Хочется тебе несколько слов о нашем положении сказать. Я ведь среди иностранцев сколько уж лет работаю... Есть у меня наблюдения и выводы, которые тебе, может быть, пригодятся... Послушай, дружище.

Затянутые в свои военные мундиры Тухачевский и Путна с интересом взглянули на Коллонтай. Она молчала, собираясь с мыслями. Из соседней комнаты негромко доносились звуки радио; где-то дальше шуршали по полу ноги танцующих. В комнате, где они сидели, было спокойно и уютно. Роскошная обстановка окружала этих трех "бывших дворян" — ныне представителей советского пролетариата. Вездесущие бутылки с коньяком, коробки с сигарами и папиросами были на каждом столе.

—Да, так вот, — начала задумчиво Коллонтай, затягиваясь папиросой. Ее веселость исчезла, как и советский жаргон и шутки. Морщина напряжения прорезала высокий лоб. — Положение твое, Михаил, очень сложное, ибо ты попал сюда как раз в самый разгар связывания и развязывания больных политических узлов Европы. В общем, в Европе сейчас растут две силы — Германия и СССР. Англия наблюдает за этим ростом со все возрастающим беспокойством. Как ты знаешь, она всегда боролась с самым сильным государством на континенте — хронологически: с Испанией, Голландией, Францией, Россией, Германией. Ее за это частенько упрекали в вероломстве. На это как-то раз Дизраели — умный еврей был! — и возразил: "У Англии нет ни вечных друзей, ни вечных врагов. Единственное, что для Англии вечно — это ее интересы". Вот почему, между прочим, с отдельным англичанином можно дружить, но с Англией — никогда. А в особенности теперь... Разумеется, Англия очень бы не прочь, чтобы Советский Союз и Германия вцепились друг другу в горло. Она ведь всегда будет сражаться до последней капли крови чужих солдат... В Европе теперь чрезвычайно неспокойно. Имеется два основных невралгических пункта — Чехословакия и Польша. Чехи, конечно, мелочь. Да и притом их дорогой Бенеш — для нас замечательный человек. Он думает, что играет очень ловко — и нашим и вашим. Что он, демократ чистейшей воды, замечательно балансирует между Западом и Востоком. А на самом деле он играет нашу игру. И ПОКА нам годится... Когда же он свое дело сделает — мы посмотрим, что с ним сделать... Но вот Польша — она много крепче. В ней много воинственности и горячего патриотизма. Да и католическая церковь в ней — большая сила. Поляки не любят ни нас, ни немцев, на что они (Коллонтай весело засмеялась) имеют

полное и объективное право... Но чувства р е а л ь н о с т и у Польши нет. Ей и мы и немцы предлагали наступательно-оборонительный союз. Но она решила, что "мы и сами с усами", и что ей откуда-то из прекрасного далека поможет прекрасная Франция. Все это, разумеется, в порядке вещей: в течение последних пяти-шести веков политика Польши всегда была политикой нелепости или самоубийства. Только шляхетские сабли и выручали. Но теперь этого бряцания сабель уже недостаточно... Да, так вот... На европейском горизонте очень туманно и барометр все время падает. Наше столкновение с Гитлером в какой-то степени неизбежно и не так уж далеко. Но в какой оно ситуации произойдет, — это для нас очень важно. Мы ли станем выбирать этот момент или будем вынуждены встретить лавину от нас независящих событий?.. Во всем этом весьма большую роль играет наша "милая хозяйка": она хочет стравить других, а самой остаться в стороне. Сердиться на нее не приходится: для нее ее политика целесообразна. А ведь в политике имеют хождение только две монеты — сила и выгода. Морали и человечности нет места. "Голый чистоган", как говорил Ильич... Тебя здесь, в Европе, тоже рассматривают с точки зрения "чистогана": что с тебя можно получить? И ты здесь — нечто вроде знатного гостя — ну, вроде маршала Эфиопии, только посильнее...

—Именно дикой Эфиопии,— сумрачно пробормотал Путна.

—А хотя бы и так... В Англии к России всегда относились, как к варварски отсталой стране кнута и Сибири. Англия России никогда ничем не была обязана. Другое дело — Франция. Там тебя, Михаил, встретят куда лучше. А в Германии тем более... Но здесь ты — экзотический солдат, которого нужно как-то сделать союзником, эксплуатнуть, обойти, привлечь, но так — не очень уж... Все-таки — представитель дикарей-славян...

—Вот и я тоже говорю,— вставил Путна. —Нам невозможно объяснить иностранцам, что, собственно, происходит у нас в России.

—А ты, дорогой мой Эдуард, не пробуй даже и объяснять, — уже опять весело усмехнулась Коллонтай. —Помнишь, конечно, золотое правило германской армии: "Думать нужно только капитанам и выше"... Хотя ты по своему чину и генерал, — засмеялась гостья и дружески потрепала Путну по плечу, — но все же... Ты, брат, лучше уж не думай. Думанье в наше время ни до чего путного не доведет... Помнишь, как говаривал Чехов: "Если в голове заведутся вши — это еще ничего. Жить еще можно. А вот если заведутся мысли — совсем пропал человек"...

Оба военных весело рассмеялись. Действительно, в этой женщине, только что давшей шутливо-глубокий анализ поли-

тического положения Европы, был какой-то задорный огонек бесовской шутки. Она сама рассмеялась и сразу помолодела.

—Все хорошо в меру — даже мозги. Наш Сталин правильно сказал: "Европа все проглотит". Мы тем и сильнее, что у нас нет всяких там моральных тормозов. Нам все позволено. И считаемся мы только с реальностями. В частности, как замечательно сказал Маяковский:

"Известно, что в хорошем питании
Нуждаются даже лорды Британии".

И без нас Европе трудно пропитаться. Мы это знаем и на этом играем. А все эти упреки, уколы, намеки — ерунда... Тебе, Михаил, придется вести тонкую дипломатию, а если нужно, то и приврать с небесно-голубыми глазами. Раз это нужно для нашего дела — все позволено... Между прочим, если тебе эти английцы очень досадят своими намеками насчет нашего варварства, — кольни их, брат, Индией.

—Почему именно Индией?— удивился Тухачевский.

—Почему?— лукаво прищурилась Коллонтай. —А потому, что Индия — самое больное место для каждого англичанина — вроде хронического нарыва на заднем сиденьи. Плохи у них дела с Индией. Там ведь, — ты, вероятно знаешь, — 600 государств, 2.300 народностей, сословий и каст; из них 14 процентов париев, с которыми честный индус не может разговаривать и соприкасаться; кроме того — 222 языка, из них 30 главных... Трудно Англии справиться с таким пчелиным роем из 400 миллионов недовольных людей...

***

Через несколько дней, разговаривая с группой офицеров штаба, Тухачевский действительно подвергся целому нападению. Разговор велся на неофициальные темы, и в безукоризненно корректной форме офицеры стали расспрашивать Тухачевского о жизни в СССР, причинах классовой борьбы в стране, о необходимости террора и последних политических процессах. Обиднее всего было то, что с сущностью этих недоуменных вопросов советский маршал был вполне согласен и сам, но объяснять все уродливости советской жизни имел право только официальными терминами. Это злило и бесило его. "Чужой дурак — смех, свой дурак — стыд"... Скоро не советское, а просто русское самолюбие заговорило в нем с неожиданной для него раньше силой. Ему захотелось ответить ударом на эти колкие выпады сытых, самоуверенных англичан. Сохраняя внешнее спокойствие, он, вспомнив ехидный совет Коллонтай, перевел разговор на теоретические военные темы и на свою старую работу в качестве начальника Военной академии.

—А знаете, между прочим, джентльмены,— сказал он, —мы в Академии очень серьезно разбирали проекты атамана Платова при Павле I и Комарова при Александре III относительно похода на Индию!

Словно ветер задул веселые разговоры среди вылощенных офицеров. Лица стали внимательными и напряженными.

—Ну и какие недочеты нашли вы в этих фантастических проектах, мой дорогой маршал?— спросил среди общего настороженного молчания один из старших офицеров. Его голос звучал очень благодушно и, — чтобы показать свое хладнокровие, — он нарочито небрежно стал выбивать о каблук свою трубку. —Неправда ли, все это было сплошной утопией?

Тухачевский пожал плечами.

—До некоторой степени, особенно при тогдашних технических возможностях, разумеется, все это было достаточно фантастично. Мы вот готовим теперь высадку на Северном полюсе, о чем еще несколько десятков лет тому назад нельзя было и думать... Так и в отношении похода на Индию. Затруднения были не из-за возможного сопротивления английских войск, а исключительно благодаря природным трудностям такого похода. Наши академики — ну, так, конечно, в порядке только простого учебного задания, разбирали проект такого похода в Индию под углом зрения современных возможностей.

—И эти... проекты были серьезными?

—Ну, нет, разумеется,— весело рассмеялся Тухачевский. — Это были просто теоретические упражнения. Ведь СССР и Англия настолько дружны, что даже мысль о реализации таких проектов никому не приходила в голову. Просто это была занимательная военно-теоретическая забава.

—А вы... вы сами, дорогой маршал, разве можете считать, что в подобных проектах могло бы быть что-либо реально выполнимое? Поход на Индию — это ведь абсолютная утопия.

—Почему?— пожал плечами Тухачевский. —Ведь даже Наполеон разрабатывал подобный проект.

—Но у Наполеона ничего так и не вышло!

—Не вышло потому, что он его не предпринял. А если бы...

—Что "если бы"?

Тухачевский рассмеялся.

—Вы правы — по всей вероятности, ничего бы и не вышло. С тогдашними техническими средствами такой проект действительно был утопией. Но мы ведь в другое время живем...

—Неужели вы считаете в настоящее время поход на Индию выполнимым?

Голос спрашивающего был резок и напряжен. Глаза всех устремились на Тухачевского. Тот небрежно пожал плечами.

—Отчего же нет?— великолепно бросил он. —Военный потенциал СССР так высок, что если бы товарищ Сталин приказал — я несомненно прошел бы всю Индию в течение нескольких недель...

***

Париж проигрывал одно состязание за другим. Сами стрелки этого еще не знали, как не знала и широкая публика; теле-

граммы из Москвы до конца состязания держались в секрете. Но представители СССР, прибывшие для проверки условий состязания, уже знали о полном разгроме рабочих команд Парижа. Да и трудно было ожидать иного. За рабочий Париж выступали стрелки рабочих клубов, действительно "люди от станка", любители пулевого спорта, веселые молодые ребята парижских предместий. Против них, — в далекой, занесенной снегом Москве, — под маркой рабочих московских заводов выступали переодетые профессионалы стрелкового спорта — лучшие стрелки Красной армии, "Осоавиахима" и "Динамо"*). Как могла парижская комиссия, приехавшая в Москву, проверить, что с паспортом какого-нибудь слесаря машиностроительного завода "Ильич" выступает призовой снайпер Дальневосточной армии, спешно переброшенный по этому случаю в Москву? И что все такие "рабочие", в теории проводившие свои дни за станками, на самом деле уже несколько недель целыми днями выпускали на тренировках тысячи пуль из специального, подогнанного для каждого из них оружия, под руководством специальных инструкторов?

За спиной рабочих команд Парижа не стоял, по существу, никто. Лишь "Народный фронт" и компартия пытались использовать это состязание для своих пропагандных целей. Набранные наспех стрелковые команды делали все, что могли. Но что они могли противопоставить профессионалам, за спиной которых стояла вся мощь тоталитарного государства, не стесняющегося ничем для достижения своих целей: ни затратами, ни любым обманом... Разумеется, спортивный результат стрелкового состязания был предрешен. Но и само по себе состязание представляло большой интерес для каждого стрелка в отдельности, ибо каждый из них, прежде всего, старался победить самого себя — превзойти свое прошлое достижение, свой последний рекорд. Вот почему, даже не зная еще результатов стрельбы москвичей, все же состязания в Париже были полны азарта и интереса. Но только советские представители знали, что победа Москвы уже обеспечена и только старались, чтобы цифры были как можно более оглушительными.

Особенно волновалась Таня в последний день матча, когда стреляли женские команды из малокалиберных винтовок. Она оживленно бегала по большому закрытому военному тиру в Венсенн и старалась запомнить все — и стрелков, и судей, и мишени, и плакаты, и новые винтовки, и устройство тира, и методы стрельбы, и французские команды... Ей хотелось все запомнить, как можно лучше, чтобы потом рассказывать в родимой Москве...

Состязание шло сравнительно "по-домашнему", особенно при стрельбе женских команд. В нескольких метрах от линии

*) Спортивное общество сотрудников НКВД.

огня, где на толстом войлоке расположились женщины-стрелки, за канатным барьером стояли немногочисленные зрители. Во время начавшейся стрельбы Таня, бегавшая тюда и сюда, внезапно заметила, что одна из участниц надела на мушку какой-то колпачок. Она вихрем метнулась к судье и взволнованно запротестовала:

—Мсье! Одна ваша участница нарушает правила. Посмотрите сюда!

Судья, спокойный пожилой француз, подошел к лежавшей.

—Ну-да, мадемуазель. Но это ведь просто защита мушки от света. Это разрешено всеми правилами.

—Но ведь, мсье, это уже закрытый... закрытый...

Бедная Таня в своем возбуждении забыла, как по-французски слово "прицел" и беспомощно оглянулась вокруг, ища взглядом председателя советской контрольной комиссии, который хорошо владел языком.

—Э бьен, мадемуазель? —с оттенком нетерпения спросил судья.

Таня напрягла всю свою память, чтобы вспомнить нужное слово, но оно, как часто бывает, словно провалилось.

—Как это,— невольно по-русски сказала она, —прицел?.. Ах, чорт...

—Прицел по-французски "point de mire", товарищ Танюша,— раздался негромкий голос среди зрителей и девушка обернулась, как ужаленная. Из толпы ей дружески улыбалось спокойное и уверенное лицо маршала Тухачевского.

—Ах! —с протянутыми в восторге руками бросилась к нему Таня. Но маршал встретил ее радостный порыв шутливо-недовольной миной и охлаждающе протянул ей руку издали.

—Легче, легче, Танюша... Экая пылкость!.. И что это вы тут бедных парижанок обижаете? Пусть себе надвигают на мушку, что хочет — все равно наши девчата выиграют...

—Но... Но, Ми... Миша, это ведь уже закрытый прицел! А правила говорят: простой, открытый... Как же так?

Маршал повернулся к судье.

—Моя соотечественница хотела сказать, что, по ее мнению, данный случай нарушает требования открытого прицела. Но я полагаю, что ее мнение чересчур строго. Пусть милая парижанка стреляет, как ей удобнее.

—Мерси, мсье, за помощь в переводе, —любезно ответил француз, вежливо склоняясь. — Но поскольку мне протест заявлен вашей официальной представительницей, я вынужден созвать совещание моих коллег.

—Это делает честь вашей судейской добросовестности,— на своем прекрасном французском языке ответил Тухачевский. —Но смею вас уверить, что строгости в данном случае будут лишними.

—Я не могу, мсье. Протест заявлен официально.

—Ах, так? — засмеялся маршал. — Ну, так он так же и будет снят. Таня, —обратился он к девушке, не спускавшей с него сияющего взгляда, —снимите свой протест... Проявите спортивное джентльменство.

Девушка весело махнула рукой.

—Ну, конечно! Оставим это, мсье!..

Француз смотрел на обоих с удивлением. На Тухачевском были наглухо застегнутый плащ и низко надвинутая на глаза шляпа.

—Простите, мсье, — так же изысканно вежливо обратился он к незнакомцу. —Позвольте узнать, по какому праву вы считаете возможным вмешиваться в наше состязание и влиять на официальных представителей?

Тухачевский усмехнулся.

—Официального права я, может быть и не имею, но эта девушка подчинена мне, так сказать, по строевой линии. Вот почему мое мнение для нее обязательно. Я ее начальник.

—Вы? Как так?

Вместо ответа незнакомец распахнул свой плащ. Под ним была полная форма советского маршала.

—Я маршал Тухачевский.

Лицо француза мгновенно преобразилось и засияло радостью. Он дал какой-то сигнал, и резкий звук горна прорезал мертвый воздух тира. Стрельба прекратилась. Все стали удивленно оглядываться.

—Мадам и мсье!— звонко закричал судья. —Наше скромное товарищеское состязание удостоилось чести быть посещенным дорогим гостем Франции, славным маршалом России, камрадом Тухачевским. Вот он, наш гость и дорогой друг! Крикнем в его честь наше старое французское — вив!

И стрелки и зрители разразились бурными криками: Вив марешаль, вив ля Рюсси, вив л'Юсср!

Таня, прижавшаяся было к руке своего милого Миши, в смущении отшатнулась, а Тухачевский, отдав поклон (он уже снял плащ и шляпу), звучно ответил на приветствия:

—Камарад... Я от всей души благодарю вас за выраженные симпатии, которые отношу не к себе, а к той стране, какую я имею честь здесь представлять: к Советской России — мощному борцу за справедливость, за мир, старому испытанному другу прекрасной Франции. Мое искреннее пожелание — чьей бы технической победой ни закончилось данное состязание, — пусть оно еще больше скрепит оба братских народа в их общей борьбе за счастье человечества!

Тухачевский опять коротко, одной головой, поклонился, набросил плащ и, под приветственные крики и аплодисменты, вместе со своим спутником скрылся в толпе. Таня скользнула за ним.

—Ну, как Танюша, рада меня видеть? Сдержал я свое слово?

Глаза девушки были полны обожания.

"Вот чорт, — подумал спутник Тухачевского, офицер генерального штаба, не понимавший по-русски и считавший эту встречу простой и случайной встречей советского маршала с советской девушкой на чужбине. —Если они "там" все так любят своих начальников, то это крепкая нация!.. А, впрочем, "ам сляв" — кто их там разберет?.."

—Где ты остановилась? В Торгпредстве? Отель "Бонапарт?" Ладно — жди от меня письмеца с посыльным... А теперь иди, выполняй свой долг. И будь помягче с парижанками... Эх, ты, свирепый судия!.. До свиданья!

—А когда же мы увидимся? — жалобно спросила девушка.

— На-днях, Нежнолапочка. Я тебе напишу. Ты меня на Эйфелеву башню потащишь. Ладно?

Мелькнула знакомая улыбка, потом широкие поля шляпы скрыли милое, родное лицо, и фигура в темном плаще скрылась. Но в сердце девушки чужой холодный Париж стал сразу своим, близким, желанным. "Он" был здесь.

***

Париж встретил Тухачевского с большой помпой. Франция как раз справляла медовый месяц "Народного фронта", и советофильская часть общественности и прессы, а равно и компартия, широко пользовались случаем лишний раз крикнуть "ура" в честь Советов.

Конечно, в глазах среднего француза, Россия была и оставалась Россией, вне отношения к приставляемым к этому слову прилагательным — царская, советская, белая или красная. Для него Россия была старой союзницей, некиим противовесом все растущей угрозе реванша со стороны Германии. Вот почему Тухачевский был встречен не только "красной" Францией, но и Францией вообще чрезвычайно сердечно. Не только заголовки коммунистической и левой прессы пестрели приветствиями, но даже и серьезные министерские газеты отозвались на приезд маршала рядом лестных статей об СССР, Красной армии, советском хозяйстве, растущей индустриальной мощи и прочих достижениях власти. Цена, которой оплачивались эти достижения, никого за границей, разумеется, не интересовала. Разве интересует современного туриста цифра погибших на постройке пирамиды Хеопса рабов? Разве найдется француз, который проклял бы Наполеона, погубившего в своих войнах до двух миллионов французов и принесшего Франции практически только кровь, слезы и горе? Кто осмелится назвать "Великую французскую революцию" бедствием и чумой Европы? Кто подсчитает во сколько жизней обошлась Китаю "Великая китайская стена" в 2.500 километров длиной? Какой иностранец пожалеет 200.000 русских жизней, вогнан-

ных в болота для строительства "Канала имени Сталина" из Балтийского в Белое море? Кто ясно сознает, что индустриальная мощь СССР построена на труде рабов, на жесточайшей эксплуатации голодных людей, за счет гибели миллионов от недоедания, болезней, отсутствия минимальных человеческих условий жизни?

Тухачевского повезли, в первую очередь, на линию Мажино, где была устроена пробная тревога и оборонный бой. Там советский маршал с интересом наблюдал, как с точностью часовых механизмов действовала сложная подземная машина. Почти без помощи людей, из глубоких туннелей подавались снаряды, сами поворачивались громадные стальные башни, орудия, захлебываясь плевали в немецкую даль огнем и сталью и опять жадно глотали порции снарядов.

Офицеры генерального штаба, показывавшие Тухачевскому, полпреду Довгалевскому и военному атташе Венцову эту чудовищную оборонную стену из бетона и стали, не могли скрыть самодовольных, влюбленных улыбок. Им искренно казалось, что линия Мажино — шедевр военной техники и непреодолимая стена, за которой Франция, их прекрасная Франция, бесспорная принцесса и любовь всего мира, может спокойно наслаждаться радостями жизни...

Тухачевский молча глядел на этот вал, слушал объяснения офицеров и в памяти его всплывали старые картины. Вот в гражданскую войну, отступивший на восток адмирал Колчак заслонился Уралом и тоже считал себя в безопасности. А Урал — стена куда более неприступная, чем Мажино, хотя выстроена была Господом Богом без всяких военных расчетов. Но и эту стену проломил и обошел Тухачевский. И разлилась красная лавина по широким просторам Сибири, истребляя без жалости белоофицерские полки... Или Перекоп — трехтысячелетний вал, сотни раз в истории сдерживавший напор врагов. Врангель также укрепил его по последнему слову техники, эти шесть километров, закрытые с флангов морем. И... только три дня продержался Перекоп против натиска Фрунзе... Но разве можно было объяснить этим самоуверенным и самовлюбленным французским офицерам, что линия Мажино хороша, как дополнение к другим средствам обороны, а не как начало и конец всех надежд? Ведь во всей Франции чувствовалось, что слово "Мажино" стало каким-то символом покоя, безопасности, несокрушимой стены, за которой можно успешно гнать от себя призрак беспокойного соседа, сжав зубы, оттачивавшего для реванша свой старый штык.

Потом Тухачевскому показали артиллерийские полигоны Венсенна и Версаля и аэродромы Тура. На одном из последних произошел небольшой эпизод, взволновавший Тухачевского. После демонстрации школы высшего пилотажа советскому мар-

шалу на поле, перед машинами, представили группу лучших офицеров-инструкторов. Каждый из них, стоя в строю, называл, при приближении советского маршала, свою фамилию и пожимал его протянутую руку. Так было с пятым, шестым, седьмым. Потом неожиданно, стоявший в строю стройный капитан с седеющими висками, при приближении маршала, только поднял уставным движением руку к козырьку фуражки, но молчал. Когда Тухачевский, не обратив внимания на молчание, протянул руку для рукопожатия, французский капитан вытянулся еще больше, но, не опуская руки от козырька фуражки, остался неподвижным.

Тухачевский, опустивший было руку, с некоторым удивлением снова протянул ее офицеру. Тот опять только козырнул, и приветственный жест советского маршала остался в пустоте. Сопровождавшая маршала группа офицеров замерла в ужасе и недоумении. Скандал во время торжественной церемонии приема знатного гостя! Эта секундная сцена врезалась в память всех: перед громадным аэропланом, в ярком свете сияющего солнечного дня, перед группой блестящих, в орденах, французских офицеров, стоит с протянутой рукой советский маршал. А перед ним, с бледным лицом и сжатыми губами, французский капитан держит руку у козырька, демонстративно не желая подать ее почетному гостю...

Тухачевский нашелся первым. В лице капитана ему показалось что-то знакомое, родное. Он спокойно опустил руку и тихо, по-русски, спросил:

—Вы, очевидно, русский?

—Да, — так же тихо ответил капитан, не отрывая своих напряженных глаз от лица Тухачевского.

—Ага!.. Вероятно, бывший офицер?

Внезапно суровое лицо французского капитана приняло гордое, почти презрительное выражение.

—Я бывший командир роты лейб-гвардии Семеновского полка, в котором и вы имели честь когда-то служить. Но я никак не "бывший" офицер. Офицером Российской Императорской армии был, есть и останусь до самой смерти.

—Значит — мой товарищ по полку?

—БЫВШИЙ товарищ, господин поручик,— тихо и напряженно ответил французский офицер. Блестящий от внутреннего волнения взгляд капитана с седеющими висками скрестился с сумрачным взглядом советского маршала.

—Да, я понимаю вас, — как-то задумчиво и тихо уронил Тухачевский, и еще несколько секунд продолжался молчаливый поединок глаз. Стоявшие сзади высшие офицеры не знали, что и думать. Внезапно советский маршал сделал шаг назад и выпрямился. Его рука в перчатке поднялась к фуражке и он отдал честь русскому капитану.

—Приветствую честного противника,— негромко отчеканил он по-русски и молча повернулся к следующему в строю французскому офицеру.

Церемония продолжалась. Когда после ее окончания французский генерал выразил Тухачевскому свое сожаление по поводу происшедшего инцидента, маршал спокойно ответил:

—Право, это никак не ваша вина, экцелланс. Я вполне понимаю побуждения этого офицера. Ведь в свое время, в период гражданской войны, он был моим врагом. Он по-своему прав...

—Тем не менее, мсье ле марешаль...

Тухачевский остановил генерала мягким движением руки.

—Простите, генерал. Разрешите считать эту тему исчерпанной. И я беру с вас слово, что этот ваш офицер не понесет никакого наказания. Могу я вас просить об этом?

Французский генерал с видом недовольного согласия наклонил голову.

***

Французский генеральный штаб старался показать Тухачевскому военную машину с самой лучшей стороны. Но глазом старого солдата, прошедшего школу двух войн, Тухачевский легко замечал всю декоративность этой машины и напрасно дипломатически старался в разговорах с высшими военными начальниками выяснить степень их понимания реальной опасности столкновения с Германией и силу обороны страны. Только очень немногие давали себе ясный отчет в тяжелом положении Франции, которая страстно не желает и боится войны, и прячется от вида опасности, как черепаха за свой щит, за линию Мажино и веру в договоры. Придя к заключению, что положение Франции очень тяжелое, но что этого почти никто из самих французов не понимает, Тухачевский перестал ставить острые и неприятные вопросы, и только похваливал, на своем прекрасном языке и со своим барским гвардейским видом, все, что ему показывали. Этот метод сближения оказался наилучшим, — французские офицеры и политические деятели остались в восторге от советского маршала и его любезности. Страна, которая присылает таких высоко культурных блестящих представителей, не может быть страной варваров. Эта новая страна, — почему-то странно зовущаяся "СССР", — достойная преемница той Императорской России, которая в великую войну имела честь спасти великолепную Францию ценой сотен тысяч своих moujik'ов, ценность жизней коих, разумеется, никак не может быть сравнена с сынами прекраснейшей из стран всего мира...

Перед отъездом маршала из Франции группа французских офицеров, бывших сотоварищей по плену в великую войну, устроила пышный товарищеский ужин в самом фешенебельном ресторане Парижа — "A la Reine Pedauque" на rue St. Au-

gustin. Было приглашено только несколько десятков человек, в большинстве старых военнопленных. Среди них, конечно, присутствовали кое-кто и повыше, но в частном порядке.

Вечер удался на славу. Было очень оживленно и весело. Товарищи советского маршала по германским лагерям картинно вспоминали историю всех побегов тогда еще никому неизвестного поручика гвардии Семеновского полка, — человека, непокорного судьбе, — из приморского лагеря Штральзунд, где беглеца только через три недели поймали на берегу моря в поисках лодки в Швецию; из мекленбургского лагеря Бадштуэр, где истомленный от голода беглец был задержан окола моста пограничной голландской речки; из солдатского лагеря под Мюнстером, откуда поручик был вывезен в тачке с мусором и сброшен в яму и опять, — только в 30 метрах от голландской границы,— был пойман неудачливый беглец; из штрафного лагеря в форте Цорндорф крепости Кюстрин, где за полчаса до побега Тухачевского арестовали в уже готовом прорытом подземном ходе; и, наконец из знаменитого суровым режимом форта №9 баварской крепости Ингольштадт, откуда в последний раз — и на этот раз удачно — бежал будущий маршал, дерзко нарушив данное им коменданту офицерское честное слово в обмен на разрешение прогуливаться вне форта. Именно оттуда, с прогулки, в глубину горных лесов по направлению к Швейцарии, бежал упрямый русский поручик с породистым надменным лицом.

А через несколько недель пленникам страшного форта попалась газета "Züricher Zeitung", где на последней странице петитом было напечатано, что на швейцарской границе Тироля найден труп, по всей очевидности, русского военнопленного, умершего от холода и голода. При умершем никаких бумаг обнаружено не было. Долго еще вспоминали русские, французские и английские офицеры своего товарища, погибшего в борьбе за свободу, в свой пятый побег нашедшего такую обидную, серую смерть. И только через три года вспыхнуло по всей Европе имя замкнутого русского поручика. Оно вспыхнуло на новом, красном горизонте. Этот молодой поручик, во главе красных полчищ, начал страшный штурм Европы...

Все это при свете хрустальных люстр в роскошном парижском ресторане, под звон бокалов шампанского, вспоминали старые товарищи. Конечно, никто и словом не обмолвился, что именно французскому генералу Вейгану досталась честь отбросить "красного Наполеона "от стен Варшавы, считавшейся уже обреченной и бывшей последним барьером Европы... В конце вечера с приветственным тостом поднялся генерал Dubaille, сосед Тухачевского по страшному форту № 9. В ответ на этот тост встал с бокалом в руке тонный и подтянутый советский маршал с двумя блестками красного ордена на груди. Поблагодарив за радушие и приветствия, Тухачевский отметил старую дружбу,

связывающую оба народа, которые не имеют почвы для столкновения интересов и уже не раз в истории доказывали, что союз Франции и России — единственный залог прочного европейского мира.

—Еще сравнительно недавно,— сказал в заключение Тухачевский, щеголяя изысканным произношением, — здесь же, в прекрасной столице прекрасной Франции, другой военачальник русской армии, знаменитый генерал Скобелев, герой войны с Турцией, поднимал свой бокал за франко- славянскую дружбу— единственный барьер тевтонским аппетитам. Его пророческие слова, так блестяще проверенные войной 1914-18 годов, я считаю своим долгом повторить теперь, перед лицом неизбежной новой войны. Пусть же крепнет братский союз прекрасной Франции и могучей России, и да будет позволено мне, скромному представителю великой страны, поднять свой бокал и от всего русского сердца воскликнуть: "Vive la belle France!"

Красный маршал сказал это от искреннего сердца, не думая о том, что эта его речь сыграет свою роковую роль в его же судьбе...

***

Толстый красный карандаш сломался от удара по столу. Усатое лицо с насупленными бровями недовольно поднялось от телеграммы. Сталин был явно очень рассержен. На его нервный звонок в кремлевский кабинет быстро вошла секретарша.

—Почему мне этой телеграммы вó-время не дали?— резко спросил он, не оборачиваясь.

—Простите, Иосиф Виссарионович... Я думала...

—Ах, вы иногда и думать умеете? —едко оборвал Сталин в сердцах, но потом, обернувшись, увидал умело подкрашенное, красивое лицо Розы Каганович, и гневные морщинки на его лбу немного разгладились.

—Что ж ты думала?

—Что эта телеграмма не так уж и важна. И я решила вас не будить. Вы ведь вчера так много работали!..

Голос звучал томно и нежно. Роза подошла ближе и от нее пахнуло тонкими духами. Гнев Сталина стал проходить.

—Вот что значит иметь хорошеньких секретарш! Они всегда своих патронов жалеть будут. А когда эта телеграмма получена?

—В два часа ночи.

Сталин опять нахмурился. Если Тухачевский произносил свою речь вечером, то отчет должен был быть получен около полуночи. Ах, этот Довгалевский. Вот старая шляпа!.. Такое важное сообщение... Но присмотревшись к телеграмме, Сталин заметил на ней пометку — 0 ч. 02 минуты.

—Что за чорт: неужели наши телеграммы из Парижа идут сюда целых два часа? Проверь это, Роза, и взгрей, кого нужно, без всякой пощады. Безобразие!

—Но ведь... Иосиф Виссарионович... Телеграмма шла только несколько минут.

—Как так: отправлена в 0 часов две минуты. Прибыла сюда в 2 часа. Откуда же "несколько минут"?

—Но ведь время в Париже сзади нашего на два часа. Когда там полночь, у нас уже два часа утра.

Сталин удивленно поглядел на Розу. Ему хотелось ее о чем-то спросить, но он сдержался. При его некультурности, он не сразу понял, почему вышла такая разница в часах. Но показать перед Розой свое незнание он не хотел... В ранней молодости Сталин готовился быть священником и учился в духовной семинарии, но оттуда в шестнадцатилетнем возрасте был исключен за революционную пропаганду и с тех пор стал профессиональным революционером-подпольщиком. Не успевая "подковаться по марксизму", он, разумеется, не мог и мечтать о более широком образовании. Знал только свое дело — властвовать силой, хитростью, интригами, обманом, провокациями. У него не было ни широкого образования, ни ума, ни обаяния Ленина. Этот восточный, хитрый и жестокий деспот знал, что в нем нет ничего, перед чем добровольно преклонились бы люди. И он старался никогда не показывать неполноценности своей личности, тщательно скрывая провалы своего образования. Поэтому, в ответ на объяснения Розы, он только хмыкнул и изменил тему разговора:

—А ты разве в это время еще не спала?

—Нет еще,— скромно потупила глазки секретарша. —Очень много работы было...

—Эх ты, бедняга. Кончились, выходит, твои хорошие денечки? Теперь около меня, уже не понежишься, Розочка?

—Да я и не жалуюсь, товарищ Сталин. Жить рядом с вами, работать на пользу мировой революции и коммунизма, брать с вас пример — для меня высшее счастье.

Опять скромно и томно опустились глазки. Грубое лицо Сталина расплылось в улыбке. Он притянул девушку к себе.

—Вишь ты, какая миленькая большевичка нашлась тут,— усмехнулся он. —Ну, ладно, Розочка. Только в следующий раз буди меня ради таких телеграмм. Лучше лишний раз проснуться, чем лишний раз проспать. А теперь иди к себе, Арарат моего сердца.

Когда дверь за секретаршей закрылась, брови Сталина опять нахмурились. Аппарат советской информации и слежки работал без осечек. Но... какой дьявол дернул Тухачевского говорить о "тевтонской опасности"? Ах, чорт!..

Сталин взволнованно прошелся по кабинету. Речь маршала в Париже могла стать большим осложнением в его отношениях с новой Германией. Уже давно его особо доверенные люди пытались наладить в Германии переговоры относительно

заключения военно-политического договора. Торгпред в Берлине, Канделяки, являясь неофициально особоуполномоченным Сталина, сообщал, что он надеется на удачное завершение начатых "разговоров". Сталину хотелось направить динамизм нацистской Германии в сторону Запада, спровоцировать войну, но остаться в стороне и в выигрышный момент выступить на европейскую сцену с нетронутой армией, — "поставить красную точку", как умно сказал недавно Каганович. Германия, как будто, шла на сближение, на "дружественные переговоры". И вот в такой критический момент дернула нелегкая Тухачевского произнести свой тост. Правда, собрание в Париже было неофициальным, имело чисто дружеский, личный характер, но ведь для придирки всего довольно. И даже подобная мелочь может нарушить успешное течение "разговоров". Такое уж теперь нервное, напряженное время... А если этот Тухачевский, проездом через Германию, еще что-нибудь брякнет? Он ведь не знает тайных планов Кремля!..

Сталин вернулся к столу и опять позвонил. Через несколько секунд в дверях неслышно появилась Роза.

—Стенографируй, —коротко сказал Сталин. —Молния. Париж. Полпреду Довгалевскому. Копия — Берлин, Канделяки. Тухачевскому проездом Берлин не задерживаться тчк избегать политических высказываний тчк Сталин.

—Готово? Умница, Розочка. Хвалю за быстроту. Телеграмму сдай немедленно в шифровальную и дальше для отправки молнией...

***

Таня с восторгом читала и перечитывала короткие слова записки, врученной ей посыльным:

"Завтра у "Солдатской могилы". В то же время и таким же путем, как в последний раз у "Пестрого Васи".

Она поняла, что нужно прибыть к восьми часам вечера к Триумфальной арке с соблюдением тех же предосторожностей, как это было в последний раз в Москве, у храма Василия Блаженного.

Все шло так радостно и удачно. Только что была получена последняя телеграмма из Москвы — победа советских стрелков оказалась оглушительной и по всем видам состязаний. Даже москвички далеко оставили сзади себя парижанок. Тане будет о чем порассказать в Москве! Она уже представляла себе, как с цифрами в руках будет докладывать на ряде собраний, а потом попросту рассказывать друзьям об этой чудесной поездке. Конечно, о многом ей будет запрещено говорить, чтобы не смущать честных пролетариев картинками жизни парижских рабочих, которые живут куда комфортабельнее и сытее советских инженеров и партийцев... Но это все — впереди. А сейчас, сегодня — встреча с милым Мишей. И встреча запросто, не на ступеньках церкви, а много, много часов совсем вместе, не боясь ника-

ких слежек и арестов. Кто может выследить в Париже, этом человеческом муравейнике, двух людей, которые имеют советский опыт конспирации? Кто выследит человека, сменившего несколько такси и полдюжины метро?.. Ах, как чудесно! Встретиться сперва в Париже, а потом — вернувшись в Москву — и там тоже, на родной земле. С ним, с Мишей, ей так хорошо...

Девушка не разбиралась в своих чувствах к суровому маршалу с такой кровавой славой. Для нее он был просто "ЕЕ МИША", в душе которого она не поняла, а просто почувствовала своей девичьей тонкой интуицией бльшое и тяжелое одиночество и какую-то усталость от постоянной и жестокой жизненной борьбы. Сама этого не сознавая, девушка внесла в жизнь железного солдата что-то теплое, задушевное, уютное.

Часто, внутренне улыбаясь, Тухачевский думал, что у каждого человека есть своя собственная линия спектра. И чем ярче сам человек, тем богаче, красочнее, пестрее спектр его жизни. В этом спектре должны быть не только основные линии жизни — голод, борьба и любовь, но и много более нежных, сложных оттенков, полупрозрачных, неясных и... человечных. Голод Тухачевский видал и на войне, и в плену, и в побегах. Борьбы в его жизни было столько, что ее хватило бы на десяток "нормальных" жизней. Но любви — настоящей, пылкой, пламенной, страстной, нежной, жертвенной, всепоглощающей — он не знал никогда, да и не был способен на такую любовь. Он ясно понимал, что Таня — милая влюбленная девочка, искреннее чистое сердце которой в первый раз опалено пламенем любви. И эта ее чистая, нежная влюбленность была на пестром, резком и богатом спектре его жизни чем-то вроде нежно-золотистой полосочки среди кроваво-пурпурных черт, определявших весь основной тон его жизни. При мысли о Тане, о ее сияющей влюбленности и ясной, чистой вере в него, при воспоминании о ее робких нежных пальчиках, всегда словно теплая волна проходила по его телу. Таня была для него словно игрушкой, кусочком тепла и нежности в его жизни-борьбе. Он как-то даже не думал о ней, как о молодой хорошенькой женщине и чувствовал только какую-то потребность в ее милой женственности, застенчивой нежности и любви. Он сам насмешливо и скептически усмехался при анализе этого нового для него ощущения, но оно было так ново и приятно. И в самом деле, почему бы не погреться "на старости лет"? Почему бы не смягчить одинокое заледеневшее сердце светлым розовым теплом этой милой девочки?..

> **"Орлам случается и ниже кур спускаться,**
> **Но курам никогда до облак не подняться"...**

Почему иногда не перестать быть суровым маршалом и не превратиться просто в милого Мишу для этой славной девушки, для которой его слава, звание, деньги и положение не иг-

рают ровно никакой роли? Для нее он просто "МИША", в компании которого так расцветало ее юное сердце и возле которой так смягчалось его ожеточившееся сердце... Ему, жестокому солдату, готовившемуся к самому ответственному сражению своей жизни, право, вовсе не плохо было немного растормозиться и отдохнуть в веселой компании Тани, с которой не нужно ни дипломатничать, ни сдерживаться, ни настораживаться, ни носить постоянную маску. И за которой даже не нужно было ухаживать, ибо она этого не требовала и не замечала. В ней чувствовалось что-то родное и близкое... Что ни говори — только искреннее тепло сердца заражает и передается другому. Только такое тепло может согреть жизнь и хоть немного растопить ледяшку, лежащую на том месте, где должно биться нормальное человеческое сердце...

—Стареешь, товарищ поручик гвардии, явно стареешь,— шутливо говорил сам себе Тухачевский, отмечая свою радость от предстоящей встречи с Таней. Надевая широкий плащ в передней советского полпредства, он невольно усмехался самому себе.

—Если вас, товарищ маршал, кто будет спрашивать, что прикажете передать? — почтительно спросил его монументальный швейцар полпредства, распахивая двери.

—Ушел по личным делам,— сухо ответил Тухачевский. — Скоро вернусь. Прошу не беспокоиться.

Сменив несколько такси, метро и пройдя по городу два-три "конца", он подошел к великолепной Триумфальной арке. Таня уже ждала его, вся сияя счастьем. Тухачевский взял ее под руку и, внимательно оглянувшись, быстро пошел к остановке такси.

—Вперед, по Champs Elisées, — отрывисто сказал он шоферу.

Тот, пожилой сутулый человек, внимательно посмотрел на маршала и молча тронулся по чудесной аллее.

—Ну, куда мы теперь?— блестя глазами, спросила Таня, плотнее прижимаясь к своему спутнику.

—А куда хочешь, Нежнолапочка,— ласково ответил Тухачевский, внимательно поглядев в заднее окно машины. —Мне все равно. Хочешь на Эйфелеву башню полезем?

Таня покачала головой.

—Ну-у-у-,— протянула она капризно. —Там народу много... Ветер и... вообще. Мне хочется просто с тобой побыть. Вместе, совсем вместе... Только вдвоем. Мне тебе столько рассказать нужно... Хорошо бы в лес уехать, в поле... Быть совсем, совсем одни. На травке, у маленькой речки под солнышком, хотя бы и французским и зимним... Может быть, даже русскую березку отыщем — пусть она шумит над нами...

Тухачевский как-то удивленно поднял брови — а и в са-

мом деле: сколько лет не был он в поле, в лесу, попросту, по-хорошему, как сказала Таня. Какие есть в жизни простые радости, недоступные суровым маршалам... Но погода была серая, дул ветер.

—Ничего не выйдет сегодня, Танюша,— ласково ответил он. — Но мы еще устроим это; у меня есть в запасе несколько дней, не так уж занятых. Я вырву часок для такой прогулки.

Маршал с радостью представил себе милую прогулку по полям и лесам с девушкой. И мысль о "прирученном волке" опять мелькнула в его голове...

—Но пока погода скверная,— сказал он, —знаешь что, Танюша — поедем туда, где все французские короли развлекались, — в St. Cloud, — и там хорошенько поужинаем. Тебе, вероятно, надоели обеды в общежитиях? Вот мы и кутнем малость. Эх была, не была!.. Проведем вместе хороший вечерок. Один — помнишь? — ты мне уже испортила своим капризом.

Лицо девушки вспыхнуло.

—Капризом?— протянула она, отвернувшись. —Ну, как тебе не стыдно, Миша? Как ты не понимаешь?.. Для вас, мужчин, все так просто и... сразу. А мы ведь иначе устроены...

—Ладно, ладно,— ласково сказал Тухачевский. —Не сердись, моя милая принцесса Недотрожка... Это я так. Я ведь не "зверь из бездны" и не скиф... Насильно мил не будешь... Ну, не буду, не буду, — опять весело рассмеялся он, заметив обиженное движение Тани. —Поедем, брат, раньше всего поужинаем по-хорошему. Мне ведь тоже всякие официальности надоели хуже горькой редьки... А там видно будет...

—A St. Cloud,— бросил он шоферу.

Когда машина остановилась перед уютным загородным рестораном, было уже почти совсем темно. Тухачевский повернулся к шоферу, чтобы расплатиться. Но тот, вместо того, чтобы посмотреть на счетчик, приподнял форменную фуражку.

—Вы ведь Михаил Николаевич?.. Командарм Тухачевский? — на чистом русском языке тихо спросил он. —Я не ошибся?

Маршал быстро опустил руку в карман и насторожился.

—А даже если бы и так?— медленно ответил он, оглянувшись по сторонам. — Вы что, на слежке за мной?

—Да нет, господин... простите, товарищ Тухачевский!— улыбнулся пожилой шофер. — Это, ей Богу, случайно. Я ведь вас с русско-польской войны знаю. Вы мне там жизнь спасли. Доктора Костина не вспомните?

Тухачевский несколько секунд напряженно вглядывался в круглое лицо шофера, окаймленное седеющими волосами. Он, очевидно, рылся в своей памяти. Потом напряженные черты его лица немного прояснились.

—Костин?.. Да, да... Помню. Накануне нашего отступления? Вы потом интернировались?

Шофер утвердительно закивал головой.

—Вот, вот... И еще раз спасибо за ваш тогдашний совет. Он спас мне жизнь.

—А теперь за рулем? Почему не врачом, по-старому?

—Да что поделаешь? Права практики не дают. "Саль этранже"... Особенно при "Народном фронте"... Приходится, как русские парижане говорят, "дебруировать по малости"... Выкручиваемся. Нация ведь наша крепкая, что и говорить... Русаки, одно слово!

Таня радостно улыбнулась и приветливо протянула ему руку.

—Ну, здравствуйте, товарищ русак.

Старый доктор тепло пожал ей руку и нерешительно оглянулся на Тухачевского. Тот какую-то мучительную часть секунды колебался. Тягостное воспоминание пережитой недавно на аэродроме моральной пощечины молнией мелькнуло перед ним. Но старый доктор смотрел на него с такой искренней радостью, что маршал протянул ему руку. Тот горячо ее пожал.

—Миша,— тихонько шепнула Таня. —Пригласим его с нами.

Тухачевскому понравилась такая мысль. Это, кстати, давало ему возможность не отпускать шофера, если тот действительно был бы шпионом, и не дать ему возможности связаться со своим "центром".

—Да, доктор... Гора с горой не сходятся, а человеки — всегда. И по правде сказать, наша Евразия — очень уж небольшая величина: встретиться всегда придется... Пойдемте с нами; поужинаем вместе, по старой памяти. Вспомним прошлое...

—Но мне неловко... В таком костюме. При машине.

—Ну, вот какие пустяки, — безапелляционно прервала его Таня —Свои люди, земляки. Идем, дорогой товарищ...

Ей, переполненной счастьем, хотелось приласкать и пригреть каждого встречного...

Через полчаса в отдельном кабинете, раскрасневшийся от нескольких рюмок водки, старый врач рассказывал Тане:

—Ну, конечно, конечно... Маршал сам вам никогда не признается в своих добрых делах! Про него многое рассказывают, особенно о его жестокости. А про доброе — молчат...

—А ведь и в самом деле, Михаил Николаевич,— Таня пыталась принять официальный тон, но увидев улыбки собеседников, — добродушную Тухачевского и мягкую доктора, — смущенно засмеялась. —Ну, прости... Миша... Но ведь, правда, про тебя страшное рассказывают. Словно, ты чудовище какое-то... Людоед настоящий... Правда это?

Тухачевский усмехнулся еще шире.

—Ерунда, Таня... Поверишь ли, я в жизни лично ни одной капли крови зря не пролил. Вот доктор — так тот морями кровь человеческую лил...

Девушка, казалось была очень обрадована.

—Правда, правда?.. Я так и чувствовала, что ты вовсе не жестокий человек.

Она вздохнула с облегчением. Мужчины, улыбаясь, посмотрели на ее оживленное счастливое лицо. Зачем было ей объяснять, что не сам Тухачевский, а люди по его приказу проливали кровь? И проливали не морями даже, а океанами и не "зря". Зачем отравлять ее юную душу ужасами гражданской войны?

—Ну, конечно, Михаил Николаевич вовсе не жесток, — подтвердил старый доктор. —Вот вам и со мной пример... Дело было так: при одном отступлении из-под Гродно комиссар моего полка сбросил раненых с подвод и приказал нагрузить их всякой партлитературой. А я взбеленился, отстегал его нагайкой (он даже револьвера не вынул: просто удрал), опять нагрузил раненых и вывез их в тыл... Заварилось дело. Еще, слава Богу, что хаос был, отступление, не сразу все выяснилось. Но для меня дело складывалось совсем плохо — комиссар всегда прав. И вот на мое счастье довелось мне с Михаилом Николаевичем об этом деле поговорить. Он и шепнул мне — дезертировать в Восточную Пруссию и там интернироваться... Ведь все равно — даже его, командарма, покровительство не спасло бы меня от мести комиссаров. А ведь он и сам кое-чем рисковал, давая такой совет. Я так и поступил и тем спас свою голову.

—Ну, конечно же, ты, Миша, добрый! В этом я всегда была уверена.

Маршал мягко усмехнулся и погладил пальцы девушки, сжимавшие бокал с шампанским.

—А видишь ли, Таня, есть жестокость и есть безжалостность. И это никак не одно и то же.

—Как так?

—Да уж так,— уклонился от ответа Тухачевский. —Мало еще тебе лет, чтобы это понять. Давай лучше вот попросим нашего доктора порассказать нам о здешнем житье-бытье. . .

Оживленно и весело прошло еще полчаса. Настороженность Тухачевского к неожиданному гостю прошла; он снял свой пиджак (он был в штатском костюме) и, видимо, чувствовал себя очень уютно. Ужин удавался на славу. Таня была весела, как птичка, доктор мягко остроумен и деликатен, а время шло незаметно. Наконец, Тухачевский заметил, что старый его сослуживец хочет его о чем-то спросить, но никак не решается.

—В чем дело, доктор? Вы словно застенчивым стали. О чем-то хотите меня спросить?

—Вы угадали, — нерешительно ответил старый врач. — Уж если мы так, по-дружески откровенно, говорим, то разрешите мне задать вам один серьезный вопрос. Многого мы, эмиг-

ранты, в советской действительности не понимаем. Эти вот последние политические процессы совсем выбили нас из седла. Теперь скоро начнется опять громкий процесс "параллельного троцкистского центра". Неужели опять люди будут признаваться в заведомой чепухе, каяться и просить себе расстрела?

—А что ж им остается другого?— усмехнулся маршал.

—Как так?— опешил врач. —Ведь это же абсолютно непонятно, — мировые имена и вдруг — то на службе Гестапо, то троцкисты, то какие-то нелепые вредители. Евреи состоят на службе у Гитлера, русские продают свою страну оптом и в розницу. Какая-то трагическая комедия, но объяснить ее здесь никто толково не может. Говорят про какие-то медикаменты, но это ведь ерунда. Медикаментами можно притупить нервную сопротивляемость, но на этих процессах обвиняемые говорят, как нормальные, а часто даже остроумные люди .. Как все это объяснить?

Тухачевский, не спеша, налил себе рюмку водки. Под светом яркой люстры отдельного кабинета его лицо заметно помрачнело. Таня с тревогой увидела, как опять легли жесткие складки около милого рта, а крылатые темные брови хмуро сдвинулись. Ах, как неудачно вышло с этим политическим разговором! И как этот милый старик не понимает, что они приехали сюда отдохнуть, а не заниматься политикой? Но взглянув на оба напряженных лица, она поняла, что все эти вопросы для мужчин полны важности и значения.

—Ну, что ж, — невесело усмехнулся Тухачевский. — Разве в самом деле объяснить вам всю нехитрую механику этого дела?... Ну, ладно...

Он, не спеша, выпил рюмку и продолжал:

—Это пусть иностранцы все объясняют таинственной "ам сляв"... Даже у Зиновьева,— усмехнулся он зло. —Но мы, русские, должны понимать... Вам, конечно, трудно представить себе всю тонкость работы аппарата ГПУ... Оно всего может добиться. И если через месяц вы, скажем, доктор, будете похищены и потом на открытом суде, в присутствии иностранных корреспондентов, признаетесь в изнасиловании египетского сфинкса по заданиям Гестапо, — я ничуть не удивлюсь... Да, да, не усмехайтесь... Конечно, проще всего застращать, подкупить, запугать. Но если эти способы почему-либо непригодны, прибегают к длительной психологической обработке. Как, скажем, в дни "просвечивания", когда у советских богатеев выкачивали спрятанную ими валюту — людям ревнивым показывали фотографии, снятые с их жен в совершенно недвусмысленных позах с "друзьями дома". Для политических процессов избирают более тонкие пути: человеку, отдавшему свою молодость и жизнь на службу революции, всегда можно как-то доказать, что его признание — это тоже

служба той же революции. Но даже если не таким способом, то другим. Представьте себе, например, что вы неожиданно арестованы. Наступают недели одиночной камеры, а уж там дело поставлено, можно сказать, научно...

Тухачевский усмехнулся и ткнул окурком папиросы в пепельницу. Доктор и Таня слушали его с напряженным интересом.

—Да, да... Куда там испанской инквизиции! В камере НКВД человека подготовляют тоньше и... вернее. И выхода у него нет. Он должен исполнить все то, что от него требуют.

—Как так — "все"?— возмутился доктор. —Смерть все равно неизбежна, хуже ее ничего не будет. Так уж лучше...

—Хуже смерти ничего нет? — прищурился Тухачевский. — Ну, дорогой мой доктор, вы плохо учитываете то, что может сделать НКВД. Вы обязаны понять, что это учреждение, для достижения своей цели, ВСЕ может сделать. И ни перед чем не остановится... Представьте, например, себе, что перед вами из ночи в ночь будут расстреливать людей, — сперва вам незнакомых, потом знакомых, потом ваших личных друзей, потом ваших родных... Мало того, что расстреляют, но еще пытать будут, насиловать женщин, родных вам женщин, пытать детей. У НКВД нет никаких моральных и иных преград. Все позволено... Из-за вашего упорства будут с машинным равнодушием каждую ночь пытать и расстреливать невинных людей, —может быть, просто выбранных из телефонной книжки наобум... Хорошо быть упорным, когда САМ, понимаете ли — САМ, идешь на мученичество. Но когда из-за вас должны гибнуть другие, невинные? И сотнями... И вы не только губите их, не только себя не спасаете, но вам грозит страшная перспектива в конце концов быть запытанным и расстрелянным за зря. Понимаете ли — ЗРЯ? Ведь все равно найдутся другие, которые согласятся повторить то, что им приказывают. Если же вы это сами повторите, — вы спасаете сотни невинных жизней, в том числе, быть может и свою... Ведь вас действительно не трогают даже и одним пальцем. На вас только "влияют", а вы чувствуете себя убийцей, отвратительным беспощадным убийцей. Из-за вашего упрямства гибнут сотни людей, но вы ничего (понимаете ли вы это страшное НИЧЕГО?) этим не добиваетесь! В конце концов и вас так же запытают и расстреляют, и будут искать другого, более покладистого. А если тот другой тоже станет упрямиться — еще сотни невинных людей будут запытаны и расстреляны "для убеждения"... У вас НЕТ, — понимаете ли, Н Е Т? — выхода -- ни физически, ни, главное, морально. Если вы верующий — КАК предстанете вы пред лицом Бога с длинной вереницей жертв, погибших только из-за вашего упрямства? Даже тут нет утешения в вашей жертве.

Тухачевский минуту помолчал и потом задумчиво добавил:

—Не потому ли, может быть, митрополит Сергий официально заявил, что в СССР нет никаких религиозных преследований?.. Легко судить издали. А те, кто знают... От вас требуют заведомой предательской лжи. И если вы ее произнесете, то не только избавите невинных людей от страданий и смерти, но может быть, спасете и свою жизнь. Вам это обещают всегда! Не так легко быть твердокаменным в таком положении. Тут полная безвыходность и безнадежность. Из ста арестованных всегда 20-30 сразу согласятся сделать все, что от них потребуют, ибо они это все знают. И на суде будут сознательно и осмысленно утверждать совершенный абсурд.

—Но ведь... но ведь! — воскликнул ошеломленный доктор. — Ведь на самом суде, перед иностранцами, можно было бы вскрыть эту дьявольскую махинацию!

И опять Тухачевский мрачно и насмешливо усмехнулся.

—Вы думаете? Увы — и это невозможно. У стола прокурора есть, скажем, ряд кнопок, соответствующих местам сидящих обвиняемых. Представьте себе, что какой-нибудь "ИКС" захочет "взорваться", сделать признания, высказать, — как вы говорите, — "всю правду про "дьявольскую махинацию". Как только он сойдет с рельс намеченных и разученных показаний и начнет говорить о "ненужном", прокурор нажмет соответствующую кнопку и снизу, незаметно для обвиняемого в лицо ему ударит невидимая струя специальнаго газа. Он вдохнет ее и мысли его сразу начнут путаться. Он собьется, станет вскрикивать и бессильно упадет на стул. А прокурор холодно скажет: "Обвиняемый, очевидно, переутомился. Нервный припадок. Товарищ дежурный врач, будьте добры оказать нужную медицинскую помощь обвиняемому..." Вот и все. Сорвавшегося с рельс выведут. Остальное — понятно. В присутствии остальных обвиняемых, над ним ночью произведут кое-что наглядное в пыточных камерах НКВД и, можете быть уверенным, что процесс в дальнейшем пойдет, как по маслу... Просто?.. Теперь вы понимаете, доктор, — закончил Тухачевский, криво усмехаясь, — что если бы вам предложили сознаться в растлении египетского сфинкса, вы это подтвердили бы перед любыми иностранными журналистами с полной серьезностью...

Таня, не отрывая пристального взгляда от Тухачевского, замерла. Ее тонкие брови сломались мучительными изгибами. Для нее, советской девушки, все такие рассказы не были новостями, но то, как просто и спокойно рассказывал об этих ужасах ее Миша, пугало и тревожило ее. Ведь он, ОН тоже мог быть захваченным этими страшными безжалостными зубцами!..

Старый шофер был потрясен реализмом скупого словами, но полного трагическим смыслом рассказа маршала. Он, не глядя, выпил рюмку давно налитой и забытой водки, и сутулые плечи его содрогнулись.

—Боже мой! Несчастная страна! Как можно там жить? Страна, где нет ни закона ни жалости, ни милосердия...

—Да-да. Один, — по Марксу-Ленину — "голый чистоган", —невесело усмехнулся Тухачевский. — Материализм, доведенный до крайнего предела, до безумия. Поэтому...

Воспоминание о недавно происшедшем мелькнуло в его голове и он опять криво усмехнулся.

—Поэтому-то на нас, стоящих на советских верхах, здесь смотрят, как на злодеев. Вот несколько дней тому назад...

И Тухачевский рассказал сценку на аэродроме, когда старый русский офицер не пожал ему руки. Таня вспыхнула.

—Как же он мог это сделать? Он же должен понимать, что ты вовсе не чекист, что ты строишь оборону, армию страны... Что ты для России, для Родины работаешь!

Доктор посмотрел на взволнованную девушку взглядом, полным симпатии и повернулся к маршалу.

—Это нужно понять, Михаил Николаевич, — медленно сказал он. — И поняв... простить. Он, по-своему, прав и честен.

—Как так — "прав"? — взвилась Таня. — Как можно так...

Тухачевский ласково положил ей на пальцы свою руку.

—Милая моя девочка, — тепло сказал он. — Ну, конечно же, он, тот офицер, по-своему прав. Именно поэтому я отдал ему честь и предложил французскому генералу оставить все без последствий...

Глаза доктора блеснули и губы дрогнули.

—Да? — переспросил он. — Вы сделали это?.. Вот спасибо, вот утешили, Михаил Николаевич!.. Я всегда думал, что в вас есть что-то рыцарское, большое и могучее. Вы — не мстительный и не кровавый человек. Но скажите... Я обращаюсь к вам, не как к маршалу, не как к большевику, а просто, как к русскому человеку. Неужели нет надежды, что все это переменится? Неужели так вот суждено и дальше русскому народу страдать, стонать, истекать кровью, быть униженным? Наш русский народ — велик и в величии и в падении. Ну, пусть к старому времени нет возврата, но неужели не найдется **ТАМ** людей которые изменили бы этот страшный бесчеловечный режим? Перевели бы жизнь страны на какие-то нормальные рельсы, чтобы можно было дышать и не краснет за то, что в твоей стране происходит?.. Ведь так больно, так больно...

Голос старика прервался. Щека его задергалась и глаза заблестели слезами. Потом он взял себя в руки и спохватился.

—Ради Бога, простите, Михаил Николаевич. Не сердитесь на меня. Прорвалось... Да и водочка проняла... Сидишь-сидишь за рулем, а мысли всегда ТАМ, в России. Вам не понять, как мы любим эту нашу потерянную Россию. Все мы тут, так называемые эмигранты, начиная со старых офицеров и кончая зеленой новой молодежью, которая не дышала русским воз-

духом... Да мы все, все готовы всю свою кровь, все силы отдать, чтобы сделать нашу Родину, Новую Родину, счастливой страной... Эх... Извините. Я... я пойду...

В голосе старика прозвучали такое волнение, такая глубокая, трепетная любовь к России, что сердце Тани мгновенно отозвалось на это чувство. Она вскочила и крепко обняла старого доктора.

—Голубчик вы мой! — взволнованно воскликнула она. — Значит, русский всегда останется русским, даже на чужбине, даже в разных лагерях?.. Не уходите еще. Побудьте капельку с нами. Мы ведь тоже русские. Такие же русские, как и вы здесь. И мы тоже хотим добра и счастья России. Может быть, скоро вы тоже вернетесь к нам, на родную землю...

—Дай вам Бог, милая девочка, — растроганно сказал доктор. Он хотел добродушно усмехнуться над самим собой, но против воли глаза его опять подозрительно заморгали. — Вернуться? Спасибо за ласковые слова... А только... только мне и в самом деле пора. Дело подневольное — машину нужно в гараж сдать..

Молчаливый Тухачевский вышел в коридор проводить старого шофера. Взволнованная разговором Таня услышала оттуда негромкие слова:

—Нет, нет. Ни за что! И не уговаривайте, дорогой. Ни франка не возьму... Пусть этот вечер так и останется у меня в душе, как светлая надежда на лучшее... Дай вам Бог — именно вам — сил и здоровья!.. Еще, может быть, доведется встретиться в Новой России, как говорила эта милая девочка... Дай вам Бог... Из последних сил...

Потом голос доктора снизился. Таня разобрала только несколько неясных слов: "белые офицеры... Скоблин... Миллер... На-днях... Хорошо. Будьте спокойны!.."

Тухачевский вернулся в кабинет взволнованным и молчаливым. Он как-то механически налил себе рюмку водки, выпил ее, уселся в кресло и невидящим взором уставился на затемненную абажуром лампу над столом. Таня со страхом посмотрела на закаменевшие черты его лица, тихонько опустилась на ковер и положила свою русую голову ему на колени. Не отрывая глаз от огонька лампы маршал уронил руку на голову девушки и продолжал сидеть молча. Потом он поморщился, когда притихшее было радио начало опять передавать какую-то музыку.

—Закрой, Таня,—тихо сказал Тухачевский девушке. Та мягко поднялась и повернула кнопку. Глаза ее с беспокойством заметили морщины тяжелого раздумья на лбу Миши.

—А может быть... музыка успокоила бы тебя? — несмело спросила она.

—Нет, Таня, — тихо ответил он, не отрывая глаз от лам-

пы. — Я, как Ленин, — не люблю музыки: она смягчает душу. А мне нельзя быть мягким и... мечтать...

Девушке очень хотелось сказать своему милому: "Оставь свои заботы хотя бы здесь, с мной. Забудь про остальной мир борьбы и напряжения, когда ты возле меня"... Но она не посмела сказать этого. В ее голове тоже теснились бурные мысли, но она молчала. И это молчание не тяготило их. Этим друзьям, доверявшим друг другу, и помолчать было о чем. Тане казалось, что она понимает напряжение мысли любимого... После нескольких минут странного молчания, она осторожно сняла руку друга со своей головы и прижала ее к горящей щеке.

—Я знаю, Миша, о чем ты сейчас думаешь,— тихо сказала она.—Хотя я не политик, но и не дура. Многое сердцем понимаю. И по-моему, тебе не уйти от борьбы за Россию... Тебе все равно придется стать во главе этой борьбы!..

Тухачевский не сразу понял неожиданные слова девушки, но поняв, резко вздрогнул и пришел в себя.

"Ну, чорт побери, — подумал он. — Если уж милые простые девочки "ясно видят мой долг", значит, действительно какой-то грозовой разряд накопился в воздухе"...

Но маршал был слишком сдержанным человеком, чтобы высказывать свои мысли перед милой девушкой в кабинете парижского ресторана.

—О чем это ты, моя славная Нежнолапочка?—ласково спросил он, окончательно овладев собой. —О чем ты тут бредишь? Про какую такую "борьбу за Россию"?

Он поднял девушку с пола и посадил ее к себе на колени. Таня уперлась руками в его плечи и, прямо глядя в его глаза, укоризненно сказала:

—Не нужно такого тона, Миша. Со мной, по крайней мере... А разве ты сам не видишь, что на тебя все надеются? Вот и этот старик-доктор... Через него к тебе здешние русские обращаются. Все мы хотим перемен в России. Чтобы она была человеческой страной, без пыток, расстрелов, концлагерей. Я вот здесь, в Париже, почти две недели наблюдаю здешнюю жизнь. Почему нам нельзя так же мирно и спокойно жить? ... Тут казнят раз в год какого-нибудь у б и й ц у. А у нас?.. Почему это? Что мы, какие-то варвары, проклятые Богом люди? Неужели у нас нельзя "что-то" переменить? Разве нельзя нам жизнь перестроить?.. А кому это сделать, как не тебе, для России...

Глаза девушки сияли любовью, гордостью и верой в своего друга.

—Ты, Миша, все можешь! Смотри, как тебя все любят и знают. Неужели ты не сделаешь того, чего все — и тут и там — от тебя ждут?... Ты обязан, понимаешь ли, ОБЯЗАН перед Россией что-то сделать... Может быть и я тебе смогу капель-

ку помочь, самую капельку. Я готова на все, даже на смерть для России... вместе с тобой... Мой Миша, мой маршал!..

Голос девушки дрожал и прерывался, как недавно у старого доктора. Тухачевский, не улыбаясь, пристально смотрел на ее взволнованное лицо, и мысли в его голове, растормошенные несколькими рюмками водки, летели шумным потоком. То, что он думал сделать ДЛЯ СЕБЯ ЛИЧНО, теперь становилось какой-то исторической миссией, неизбежностью, путем, с которого уже свернуть нельзя. Какая-то таинственная сила выдвигала его вперед, может быть даже вопреки его желанию. Россия хотела поворота к нормальной жизни, и какие-то силы выдвигали его к рулю страны для этого поворота.

Но было так нелепо думать о подобных вопросах с невполне трезвой головой, в ресторане, держа на коленях хорошенькую влюбленную девушку.

Тухачевский тряхнул головой и заставил себя весело и снисходительно улыбнуться.

—Ну-ну, Танюшенька. Ты, я вижу, не вполне трезва. Эк, куда тебя шампанский дух занес! Меня в Наполеоны тащить стала? Глупенькая...

—Я вовсе не глупенькая,— со страстной серьезностью возразила девушка. — Не притворяйся, что ты не понимаешь, Миша. Совесть не обманешь. Россия ждет от тебя подвига, освобождения.

—Какие пустяки! Выброси эти мысли из своей взбалмошной головки... На вот тебе еще бокал. Будем жить сегодняшней минуткой. Она, эта минутка, ведь милая. Не правда ли, Таник?

Он нежно прижал девушку к себе. В эту минуту она была для него самым близким в мире человеком, единственным существом, к которому из его сурового сердца тянулась нежнорозовая ниточка.

Таня секунду сопротивлялась властным рукам, но потом, сдаваясь и как-то облегченно вздохнув, прильнула к груди своего друга.

—Ах, я и сама не знаю,— вздохнула она. —Я и хочу и боюсь всего этого.

—А ты просто не думай ни о чем, голубчик, — вот и весь простой выход. Выпей еще. Чокнемся за... за...

—За Россию, Миша, и больше ни за что!

Рука Тухачевского еще крепче прижала к себе девушку. Как этот миг не был похож на его прежние приключения с красивейшими женщинами... Как хорошо и легко у него на сердце с этой странной девушкой, такой родной и в то же время такой далекой...

—Пей, маленькая! Пей, пока пьется!.. Скоро (он посмотрел на часы - браслет), дорогушенька, домой надо ехать...

—Домой? Ах, эти противные часы! — Таня с веселой капризностью сняла часы маршала и сунула их в свой карман. — Не хочу я... Разве ты не можешь еще остаться, Миша?.. Ну, пожалуйста! Ну, мой дорогой, славный, любимый, хороший, золотой, серебряный, бриллиантовый...

Тухачевский даже растерялся перед бурным натиском девичьей нежности, ибо после каждого ласкового слова Таня горячо его целовала.

—Эк, разбушевалась,— притворно отворачиваясь, смеялся он, а на душе у него было светло и радостно, как никогда раньше. —Полпредство-то наше всю полицию на ноги поставит, если я скоро не вернусь. Ведь я один ушел, — а этого не полагается.

—А ты протелефонируй, что вернешься не скоро.

—Не скоро?— многозначительно посмотрел на девушку маршал. —Ну, а когда... приблизительно?..

—Когда? Когда? — багровый румянец пополз по ее щекам. —А когда хочешь...

—В самом деле? А если я захочу только утром вернуться?

Вместо ответа, Таня прижала свое пылающее лицо к его груди.

—А насчет меня,— невнятно сказала она, —дай "pneu"*), что я тоже вернусь... ут... утром. Мне все равно.

—"Все"?— переспросил Тухачевский, отрывая лицо девушки от своей груди и с улыбкой глядя ей в глаза.

—Конечно, все!— твердо ответила Таня. —Я не могу отпустить тебя на борьбу, на риск, на опасность, "так" не... не...

Она не закончила. Хотя ее щеки пылали, но глаза смотрели ясно и открыто. В них были и любовь, и вера, и светлый порыв. И опять Тухачевский вспомнил сотни глаз других женщин, прошедших мимо него, прошедших совсем иначе. В глазах "тех" женщин он читал совсем иное... Он был до глубины души тронут этим девичьим порывом. Такой дар, идущий от чистого и любящего женского сердца, нельзя было отвергнуть. В этой жертве было что-то, глубоко взволновавшее старого солдата и он еще крепче прижал к себе задрожавшее тело девушки.

—Я... я хочу быть твоей, Миша... Совсем твоей,— шептала она словно в забытье. —А там... Там — что Бог даст.— Девушка опять спрятала свое лицо на груди сурового маршала, в каменном заледеневшем сердце которого эта безоговорочная, безоглядная, бестрепетная девичья любовь вызвала к жизни какой-то благоухающий цветок. И в глубоком волнении, с нежной благодарностью он склонился к трепещущим девичьим губам...

***

За день до своего отъезда в Москву Таня была внезапно вызвана к крупному парижскому нотариусу. Там, тщатель-

*) "pneu" — почта-экспресс в Париже.

но проверив ее документы, ей выдали запечатанный пакет. Удивленная и растерянная, она попросила у седого нотариуса разрешения тут же вскрыть этот пакет.

—Да, пожалуйста. Я даже прошу вас сделать это здесь же...

В пакете было письмо, написанное знакомым почерком Миши.

"Милая Танюша, — писал он, — меня срочно вызвали в Москву и я, к сожалению, не успел с тобою попрощаться. Но ты не должна сама ехать в Москву! Оставайся в Париже до моего сюда возвращения или новых инструкций. Это тебе — мой приказ номер второй. Обязательно выполни его, дорогушенька, ты ведь знаешь — зря я ничего не делаю. Если ты согласна, нотариус передаст тебе второй пакет. В будущем через него же будешь получать от меня новости и указания. А теперь, НЕ ВОЗВРАЩАЯСЬ в полпредство, на несколько дней уезжай в провинцию, чтобы тебя не нашли в Париже до отъезда твоих товарищей по комиссии. Обо мне не беспокойся, дружочек. Бог даст, все будет в порядке. Если захочешь мне что-либо передать, посоветуйся с нотариусом. Не горюй, моя славная Нежнолапочка, и вспоминай своего для тебя не маршала, а просто

Мишу... "

Ошеломленная письмом, Таня подняла опечаленные глаза на старика. Тот мягко ей улыбнулся.

—Ну, как милая мадемуазель? Вы согласны с переданным распоряжением?

Таня молча кивнула головой. Не подчиниться Мише у нее не было и мысли. Он лучше знает, как поступить. Ему всегда нужно верить. Но, Боже мой, как тяжело! А она-то думала, через несколько дней, опять так чудесно и уютно посидеть с ним на ступеньках храма Василия Блаженного. Потом поехать куда-нибудь за город и опять целовать его красивые губы и прижиматься к сильной мужской груди...

Нотариус передал ей второй запечатанный пакет. Она разрезала его, увидела там пестрые кредитные билеты и, как во сне, вышла из конторы. События уже подхватили ее на свои быстрые крылья. Мирная счастливая жизнь кончилась... Что-то будет впереди?..

***

На берлинском вокзале Тухачевского встретили сдержанно, с официальной торжественностью. Поскольку он был здесь проездом, почетного караула не было, но представители штаба и правительства вышли его встретить вместе с членами советской колонии. Среди последних, первым в вагон к маршалу влетел низенький коренастый, на кривых ножках, торгпред Канделяки. Едва поздоровавшись, он поспешно спросил:

—Вы телеграмму товарища Сталина получили?

—Получил, но какое вы имеете к ней отношение?

Заросшее черными курчавыми волосами лицо грека выразило досаду.

—Не в том дело. . . Но вы знаете, товарищ маршал, что вам рекомендовано в Германии не выступать?

Тухачевскому сделалась противной эта вечная подчиненность грязным махинациям Кремля. Ослушаться было, разумеется, невозможно, но состоять под контролем этого волосатого грека было так унизительно.

—Что мне рекомендовано, — холодно оборвал он торгпреда,—я и сам хорошо знаю. И как мне поступать—также. Вы говорите со мной от имени товарища Сталина?

—Нет, но я...

—Отчет в своих действиях я дам лично товарищу Сталину, — сухо отчеканил Тухачевский, направляясь к выходу из вагона. —И прошу, товарищ, избавить меня от ваших личных указаний. . .

Выйдя к группе встречавших его немецких чиновников и офицеров, и поздоровавшись с ними, маршал спросил:

—Кто из вас, господа, является представителем министерства иностранных дел?

Вылощенный чиновник с моноклем в глазу изящно склонился.

—К вашим услугам, герр маршал.

—Обстоятельства не позволяют мне, к величайшему моему сожалению, задержаться дольше в Берлине, но я хотел бы обратиться к германскому правительству с личной просьбой.

—Все в Германии к вашим услугам, герр маршал, — так же любезно повторил чиновник.

—Мне очень хотелось бы посетить крепость Ингольштадт, где я много месяцев пробыл в плену во время Великой войны. Не могу ли я просить германское правительство разрешить мне посетить это место и предоставить для моей личной поездки туда машину и спутника?

—Разумеется, герр маршал. Через час машина будет вас ждать у советского посольства.

***

Полпред Крестинский и торгпред Канделяки встретили желание Тухачевского со скрытым недовольством. То, что маршал не попросил машины полпредства и не пригласил с собой никого из советских чиновников, удивило и обеспокоило их. Сам маршал был молчалив и задумчив. Узнав, когда отходит поезд в Москву, он коротко сообщил советским представителям перед отъездом:

—Мне только хочется поглядеть на места, связанные с трагическими личными воспоминаниями. К вечеру я вернусь обратно и затем прямо отправлюсь в Москву...

Великолепная германская машина доставила Тухачевского прямо на аэродром. Там его ждал специальный быстроход-

ный аэроплан, через два часа плавно спустившийся в Нюренберге. После легкого завтрака, такая же прекрасная машина помчала его по знаменитому "аутобан'у" в Ингольштадт. Обратившись к спутнику на своем неважном немецком языке, Тухачевский с удивлением выслушал ответ на прекрасном русском. На высказанное им удивление, его спутник, чисто выбритый средних лет господин в штатском, чуть усмехнулся.

—Мое назначение в ваше распоряжение, герр генерал-фельдмаршал, — это один из небольших знаков внимания германского правительства к дружественной соседней державе. Нам очень хотелось бы, чтобы даже из краткого пребывания в нашей стране вы вынесли от нее и ее правительства самые лучшие воспоминания.

—Смею вас уверить, господин...

—Вернер, к вашим услугам,— склонился спутник.

—Господин Вернер, что, разумеется, всякий представитель германского правительства неизменно встретит в Москве такое же предупредительное отношение к своим желаниям.

Спутник склонился еще раз.

—Это нам особенно приятно, господин маршал, тем более, что мы с большим вниманием следим за экономическим, политическим и военным развитием вашей богатейшей страны и уверены, что длительное содружество обеих мощных государств будет только необычайно содействовать их расцвету и европейскому миру.

Завязался разговор, любезный, осторожный, ни к чему не обязывающий. Вернер оказался человеком, чрезвычайно точно осведомленным в русских делах, хотя и не скрыл, что некоторые стороны советской жизни иностранцам не вполне понятны. Но это замечание было высказано в такой корректной форме, даже с милой шуткой о "таинственной славянской душе", что Тухачевский не смог счесть эту тему политически значительной. В дальнейшем разговоре немец сумел тонко польстить маршалу и дать ему понять, что германское правительство рассматривает его, как главную пружину развития СССР за последние годы, особенно в военном отношении. В дальнейших разговорах немец сумел тонко намекнуть, что, по существу, более тесному сближению обеих стран, имеющих так много общего даже во внешней структуре, мешает очень немногое — не вполне оправданное сближение СССР с Францией, наличие Коминтерна и бьющее в глаза влияние евреев на жизнь страны. Он намекнул также на то, что антигерманское выступление Тухачевского в Париже уже известно в Германии, но не считается серьезным политическим шагом.

Советский маршал был восхищен тем, с каким тактом, ловкостью и тонкостью ему дали понять пожелания Германии в отношении политических изменений в жизни СССР. Он пе-

ревел разговор на другое. Заметив, что Вернер с особенным ударением произносит его титул на немецкий лад, Тухачевский попытался отшутиться, сказав, что он "пока" только маршал.

—Извините,— вежливо возразил немец, —в России никогда не было такого титула. Всегда "фельдмаршал". А поскольку вы являетесь еще и прославленным полководцем, — разрешите мне называть вас полным титулом. Мы позволяем себе надеяться, что этот титул у вас далеко не последний...

—Как так?— удивился Тухачевский. —В военном мире выше такого титула ничего нет.

—Да, в военном,— тонко улыбнулся Вернер. —Но ведь есть и другие области государственной жизни, где вам, герр генерал-фельдмаршал, еще, может быть, придется выдвинуться. И мы, германцы, были бы рады помочь вам в этом выдвижении и тем приобрести в вас искреннего друга.

Намек был очень ясен. Немец испытующе глядел на советского маршала и ждал его реплики. Но Тухачевский вспомнил приказ Сталина и уклонился от ответа. Немец заметил это нежелание прямо ответить и понимающе улыбнулся.

—Разумеется, герр генерал-фельдмаршал, я сказал это, как мое личное мнение и пожелание. Вы, как не только выдающийся воин, но и как опытный политик (Вернер предложил знатному гостю первоклассную папиросу из великолепного портсигара и конфиденциально снизил голос, будто бы для того, чтобы не быть подслушанным шофером), понимаете, конечно, что Германия заинтересована иметь на востоке мирного соседа, с которым можно было бы иметь самые оживленные коммерческие связи. Именно поэтому мы с большой радостью приветствовали бы... перемены в России... Человек, который направил бы Россию вновь на путь мирного и спокойного развития, встретил бы с нашей стороны самую горячую поддержку.

Тухачевский внимательно поглядел на немца и чуть наклонил голову, как бы благодаря за откровенное мнение. Но он опять ничего не ответил. Напрасно вылощенный немец пытался вернуться к затронутым темам; советский маршал уклонялся от них и опять переводил разговор на другие вопросы. Вернер так и не дождался ответа, но заметил, что его слова не пропущены знатным гостем мимо ушей...

Скоро показались угрюмые силуэты старинной крепости Ингольштадт на берегу верхнего Дуная. Предупрежденная администрация (теперь в крепости помещались политические заключенные) встретила Тухачевского с министерскими почестями. Бывший поручик гвардии посетил форт № 9, где он провел больше года вместе с бельгийскими, французскими и английскими офицерами, и потом долго стоял наверху крепостного вала, вглядываясь в дальние темневшие леса.

Заключенных не было видно нигде. Спутник маршала и представители администрации тактично оставили его одного, и Тухачевский без помех отдался своим воспоминаниям и мыслям. Вспомнил он, как в 1914 году, со своей ротой, с боем прошел через пылавший мост, но за это получил "только" орден Владимира с мечами. Орденом Св. Георгия наградили его начальника — капитана Веселаго, не участвовавшего в этом бою. Эта моральная пощечина озлобила Тухачевского, уже тогда говорившего друзьям, что к тридцати годам он будет либо генералом, либо лежать в могиле... Генералом стал он в 23 года... Потом Тухачевский вспомнил, как попал в плен в Восточной Пруссии, застигнутый врасплох немецкой ночной атакой в мятель, и как долго скитался по лагерям, пытаясь бежать. И только вот здесь, из этого лагеря, судьба помогла ему, наконец, осуществить заветную мечту.

Вот там, у той небольшой рощицы, он ТОГДА, вместе с полковником Черновецким, бросился в кусты. Запели пули растерявшегося ландштурмиста: кто мог ждать, что офицер, давший слово коменданту не бежать, плюнет на свою офицерскую честь?.. Там, в гуще леса, Тухачевский сбросил старую, рваную офицерскую шинель и военный мундир, под которым был костюм, данный ему товарищем по камере — французским лейтенантом Фервак, и бежал, чувствуя, что его сердце разрывается от напряжения. Пятый побег! Удастся ли вырваться в вольный мир, с запасом неукротимой дикой энергии и смелости?.. Пятый раз! Вечером он опять вышел к берегу Дуная. Знал, что идя против течения реки, подойдет почти вплотную к швейцарской границе. А там еще 20-30 километров на юг, по почти неприступным горам...

Три недели, коротких, как миг и длинных, как вечность, прошли обратной кинолентой в памяти Тухачевского. Сотни опасностей и такие же сотни удач... Судьба!.. Воля и счастье вынесли его за границу вражеской страны в нейтральную Швейцарию, как раз тогда, когда Россия корчилась в первых судорогах красной лихорадки... Оттуда он перебрался в Петроград, бывший уже советским, и там явился к военному комиссару Смольного, штатскому щупленькому революционеру Антонову-Овсеенко; вытянувшись по-гвардейски, огорошил его рапортом:

"Гвардии поручик Тухачевский. Бежал из немецкого плена, чтобы стать в ряды российской революции"...

Через год он был уже командармом...

И вот опять, почти через двадцать лет, он стоит на тех же крепостных валах. Тогда здесь стоял никому неизвестный поручик гвардии Семеновского полка, жалкий бесправный пленный. А теперь германское правительство дает ему самолет и машину только для того, чтобы он, маршал Советского Союза, мог удовлетворить свой мимолетный каприз — посмотреть на то место,

откуда стала разворачиваться его слава красного полководца. Да, для всего этого можно было нарушить честное офицерское слово... Что сделано за двадцать лет? Но ведь он еще так молод! Разве мужчина в 43 года не имеет перед собой всей полноты государственной и политической карьеры? И разве не лежат уже за ним двадцать лет военной славы, успехов и побед? Разве не был Бонапарт, раньше простой артиллерийский поручик, уже в 35 лет императором?.. Разве не родился он, Тухачевский, в такое бурное время, когда только отвага и счастье выдвигают людей на головокружительные высоты? Разве звание советского маршала, разве жизнь под колючим взором Ежова и сумрачным деспотизмом Сталина, — все то, чего он может желать от жизни?..

Скользкой змейкой мелькнула мыслишка, что, собственно, ЧЕГО ему больше желать от жизни? Зачем рисковать дальше?.. Тут вот как раз холодный голод его сердца неожиданно смягчен милой Таней, с которой какая-то доля человечности и тепла вошла в его суровую жизнь. Зачем ему обрывать весенние цветы сердца?

"Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца голубой.
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!.."

Но нет! "Самый сильный в мире человек — это одинокий", — сказал Ницше. И он был прав. Нужно идти и бороться дальше, оставить свой след на песке времен. Он не создан для рабства, — а ведь он теперь раб Сталина, его каприза, его прихоти. Захочет этот мрачный грузин, — Тухачевский исчезнет, как дым, да еще запятнанный, как это сделали со старой ленинской гвардией... Нет, не такое положение является венцом его достижений...

Глядя на дальние холмы, покрытые темным лесом, Тухачевский подумал, что не только для звания советского маршала спасла его судьба при пятом побеге в 1917 году. Его ждет будущее еще более славное и еще более широкое. И путь к нему уже ясен. Ясен и из неумолимой логики исторических законов, и из инстинктивных желаний русского народа, и из настроений нынешней молодежи, и из намеков иностранцев, и из слов Путны, и из дрожащего слезами голоса старого доктора, и даже из чистой, ясной веры в него русской девушки, оставшейся там, в Париже... Да, конечно, путь этот опасен и кровав. Но когда Тухачевский отступал перед опасностями и кровью, если впереди горела такая яркая звезда? Раньше эта звезда была только его личной звездой, вопросом его чести, его славы, его карьеры. А теперь она слилась со звездой России...

Бывший военнопленный еще и еще раз полной грудью вдохнул свежий воздух сосновых лесов и усмехнулся, полный доверия к своим силам, своей энергии, своей звезде. Решение было принято.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 11

Россия на грани переворота

—Тухачевский выехал из Берлина в Москву,— сообщил Ежов Сталину на очередном докладе.

—Т-а-а-к,— протянул Сталин неопределенно. —Погулял, значит, наш воин по Европам? Ну и каково твое мнение, Николай?

—О чем?

—А об его поведении "там"?

Ежов не без злорадства усмехнулся.

—Да что ж, Иосиф... Как мы ждали, так, пожалуй, оно и вышло. Так и вышло. Ну, конечно, при ловкости нашего маршала, до сих пор у меня еще нет точных следов его темных делишек, но не это важно.

—А что?

В ответ Ежов развернул свою папку и вынул оттуда кипу иностранных и русских газет.

—На мой взгляд, не то важно, что сам Тухачевский делает или думает, а то, что ПРО НЕГО думают, как о нем отзываются и какую роль навязывают ему наши враги. В этом отношении у меня уже есть немало ценных материалов. Вот, прежде всего, иностранная пресса. Она, в общем, встретила нашего маршала очень хорошо, как представителя "новой струи" советской жизни. Оно и верно: никому, даже нашему Максиму*), не сыграть такой барской роли, как Тухачу. Он, как когда-то Чичерин, можно сказать, совсем обворожил иностранную публику. Что и говорить — представительность, красивая морда, деликатное обхождение, языки, манеры. Верно, дамам ручки целует, — картинка, загляденье... Ну, ясно — не нам, пролетариям, чета: гвардеец, голубая кровь, барин... "Представитель Новой России", эволюционировавшей в сторону истинной демократии. Ха-ха-ха... "Российский Фуллер"**). "Новое поколение революционной России". "Создатель мощной русской армии". "Человек воли и размаха". "Россия вступает в ряды нормальных демократических государств". "От революционного хаоса — к твердому государственному режиму". "Молодой вождь самой молодой армии". "Новые силы, вышедшие на смену старым революционным фанатикам". Ну и так далее. Все это заголовки иностранных газет. А белогвардейские — так они и еще яснее

*) Литвинову.

**) Известный английский генерал, сторонник механизации армии, бывший начальник английского генштаба.

высказались. "Последние новости" (это крупнейшая эмигрантская газета в Париже) так прямо и назвали Тухача "надеждой Новой России", "залогом эволюции и нормализации русской жизни". А то вот еще "Знамя России" в Праге так прямо и говорит о заговорах в армии—любезно сигнализирует нам, хи-хи-хи. Ну, спасибо, спасибо... Мы и сами с усами. Даже если и нет заговоров — если нужно, мы их сами создадим! Хи-хи-хи... Дальше младоросские газеты (есть и такая любопытная там партия —"Царь и Советы" — хи-хи-хи). Так они еще круче завернули: "Вся власть армии". "Коммунизм отступает под напором национальных сил". "На смену большевизму идет Новая Россия". "Тухачевский — гордость и надежда новой российской армии". "Все наши симпатии на стороне новой армии и ее молодых вождей". "Сталинская власть — пленница Красной армии". Ну и так далее. Понятно?

Сталин криво усмехнулся.

—Чего уж яснее? Тащат нашего Михаила в советские Наполеоны. Только... "Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела"!

Ежов подобострастно захихикал.

—А то вот еще кое-что любопытное. Есть среди белой эмиграции писатель — белый офицер, корниловец. Написал немало книг о советских вождях. И знаешь, Иосиф, — игриво усмехнулся докладчик, — право же, совсем не плохих для нас книг. Совсем не плохих! У-ва-же-ние к нам поднял немалое! Выходит, что все мы люди не то, чтобы сволочи, но этакие бяки, а впрочем, в рот нам пальца не клади,—мы никакие не Керенские!..

Оба собеседника засмеялись.

—Ну, что ж... Если мы графов Толстого и Игнатьева, да Куприна для нашей славы приспособили, может быть, нам и этого писателя "освоить"? Как его там?

—Роман Гуль, он же Крылов. Выпустил недавно одну книжку и о нашем маршале. Заметь — за год до его первой поездки за границу! Ну и вот что он там про него пишет: "Сорвется или не сорвется блестящая карьера Тухачевского — Бог весть. Тухачевский бьет в историю дальнобойным прицелом"... "Красный Бонапарт"... "В чемпионате советских полководцев у Тухачевского нет соперника по влиянию и славе". И дальше: "Тухачевский — это запад Советов"... "Что же выберет в дальнейшем судьба для сумасшедшего по смелости и блестящего по талантливости красного маршала? Что-нибудь да выберет"... Ну и так дальше. Разве не ясно, как на ладошке?

Ежов умолк и выжидательно посмотрел на Сталина.

—Н-н-да,— потер тот черный, в синеву, крутой подбородок. — Это и любому юному пионеру ясно... А из-за границы о его личной там деятельности сведений еще не поступало?

—Жду вот-вот... Конечно, Михаилу нашему скорее в Мос-

кву приехать, чем нам о нем секретные сводки получить. А я, признаться, очень боялся... Очень боялся...

Ежов как бы в нерешительности остановился и провел языком по губам. Сталин вопросительно взглянул на него.

—Как бы... славный наш маршал не остался там совсем... Невозвращенцем. Вот была бы история с географией!

—Но семья-то его здесь?

—Да что семья,— презрительно протянул Ежов. —Не больно-то он охоч до своей семьи. Сколько жен, законных и незаконных, сменилось у него за это время?.. Плевать ему на все, что по дороге к его карьере встренется. Такой ведь железный человек!

Сталин нахмурился и с минуту молчал.

—Ладно. Когда Тухачевский приедет в Негорелое, позвонишь мне. А теперь давай дальше. Как у тебя со шкафом Ягоды?

Глаза Ежова блеснули торжеством.

—Нашли, товарищ Сталин. Нашли... На его личной секретной квартире у одной девочки. Только потом попотеть пришлось очень даже немало. Ясное дело, что мы Ягоду открывать шкаф не просили, — знаем сами, что тогда с документами будет. Я все лучшие наши инженерные силы мобилизовал. Так и сказал: ежели при открытии шкафа бумаги будут сожжены или газом потравлены, или там адская машина, — все, кто живые останутся, в подвал пойдут... Ну, мое слово они все уже знают. Постарались... Что уж там они делали, инженеры-то мои, чорт их знает, а только достали бумаги в целости. В полной целости!..

—Ты их уже просматривал?

Сталин в упор посмотрел на начальника политической полиции. Тот вильнул глазами в сторону.

—Так, товарищ Сталин,— нехотя ответил он. —Пока что —только мимоходом, чтобы только-только знать, что там такое...

—"Ми-мо-хо-дом"?— переспросил значительно Сталин и его маленькие черные глаза сверкнули зловещим огнем. — Доставь немедленно эти все бумаги ко мне, Николай, и смотри, чтобы ничего не пропало по дороге... "Мимоходом"! Я не люблю этого. Смотри.

—Я понимаю, товарищ Сталин,— ответил тихо, не поднимая глаз, Ежов.

—Ну, тем лучше. А насчет самого Генриха — все готово?

Страшные люди понимали друг друга с полуслова, по полутону.

Ежов оживился.

—Я думаю, уже можно.

Сталин удовлетворенно кивнул головой.

—Ладно. Арестуй его через пару недель совсем незаметно, где-нибудь вдали от Москвы.

—Чтобы, "как корова языком слизнула"?— хихикнул Ежов. —Слушаю, товарищ Сталин.

—Потом я дам тебе дальнейшие указания. А как... с Аллилуевой?

Ежов сделал серьезное лицо. Жена Сталина уже была отравлена медленным, незаметно действующим ядом и нужно было только ждать неизбежного результата. Но об этом между двумя кровавыми людьми не было произнесено даже намека.

—Я советовался с профессором Плетневым. По его мнению, здоровье товарища Аллилуевой совсем скверно. Какая-то такая болезнь... Как ее?.. Плетнев сказал мне ее мудреное название, но я, признаться, запамятовал... Но словом — плохо дело. Плохо дело!..

Начальник тайной полиции многозначительно поглядел на диктатора. Тот молча угрюмо кивнул головой.

***

Большая терраса была залита солнцем, ярким горным солнцем Альп. За перилами, на много сотен метров вниз уходила пропасть, а вдали сияющие снегами поднимались отроги баварских Альп. Горный замок Гитлера — Берхтесгаден — был похож на орлиное гнездо, на гнездо хищника, недоступное охотникам, откуда германский орел готовил удар своим хищным железным клювом по мирной Европе.

На террасе сидели в шезлонгах ближайшие соратники Гитлера: массивный, задыхающийся от своей толщины Геринг; худой, почти горбатый Геббельс; уверенный в себе, с постоянной — умной и спокойной — улыбкой на красивых губах, генерал-фельдмаршал фон-Браухич и всегда ехидно улыбающийся тонкими губами, с глазами, спрятанными за стеклами очков, Гиммлер. Все они внимательно слушали доклад начальника русского отдела Гестапо — Вернера.

Когда сухой и точный доклад был закончен, долгое время на террасе царило молчание. Легкий и свежий зимний ветерок шевелил бумагами и разбивал кольца сигарного дыма, которые задумчиво пускал кверху Геринг.

Гитлер первый нарушил молчание.

—Значит, герр Вернер, маршал Тухачевский не ответил вам ни да, ни нет на ваш намек? Понял ли он вас?

—Абер зихер, майн фюрер,— согнулся Вернер. —Это же несомненно умнейший человек. Он НЕ МОГ не понять, что мы ему предлагаем личный союз и помощь в государственном перевороте.

—Что же, он надеется САМ что-либо сделать? Гм, гм... А у тебя, Генрих,— повернулся Гитлер к Гиммлеру, —какие сведения об активности Тук... Тукхатчеффски... чорт бы побрал эти славянские имена! Язык сломать можно.

Гиммлер облизал тонкие губы.

—По нашим сведениям, Россия теперь подходит к какому-то кризису. Вопреки большевизму, страна начинает жить лучше и хочет перемен... Молодые силы смотрят на Тухачевского, как на возможного преемника Сталина и на носителя национальной идеи. Надо полагать, что события не заставят себя ждать...

—События, гм... события,— проворчал Гитлер. —Но выгодны ли для Германии такие события?

—Если Тухачевский выиграет, — Россия станет несомненно сильнее, — негромко заметил Геринг и, не отрывая заплывших жиром глаз от колец дыма, потянулся за бокалом коньяку. — Ореол советского маршала весьма велик, и он никак не коммунист по своей натуре. Ведь он же — "фон-Тухачевский".

Геринг засмеялся, словно коротко заржал.

—Герман прав,— поддакнул Геббельс, поглядывая своими умными глазами на нахмуренное лицо фюрера. —И нам важно решить, что нам, Германии, выгоднее: слабый своими внутренними неурядицами СССР или восстановленная национальная и сильная Россия.

Гитлер мрачно кивнул головой.

—Ты правильно сформулировал вопрос, Иосиф. Именно это меня и тревожит. Сильная Россия, какого бы она цвета и режима ни была, невыгодна и даже опасна для Германии. Как ни говори, необходимый нам "лебенсраум" мы можем получить только на востоке. Мирным путем мы его, все равно, не получим. Если бы Тухатшеффски пошел с нами на соглашение, установил бы какой-то "Modus vivendi" и с нашей помощью произвел переворот, — мы могли бы кое-чего добиться мирным путем. Но если он сделает это САМ...

—Конечно, майн фюрер,— тонко усмехнулся Гиммлер. — Слабая Россия со Сталиным для нас лучше, чем сильная Россия с Тухачевским. Но пока советский маршал еще не начал своего переворота, — он как-то зависит от нас!

Головы всех повернулись к всемогущему начальнику тайной полиции. Гитлер кивком головы потребовал объяснений.

—Да-да, от нас, — подтвердил Гиммлер. — Мы знаем, что между Сталиным и Тухачевским завязывается глухое соперничество. До сих пор Сталин постоянно старался избавиться от возможных соперников. По имеющимся у нас сведениям, он очень косо смотрит на растущую популярность маршала. И если ему дать кое-какие материалы компрометирующего свойства...

—И гарантировать, что во время "чистки" мы его не тронем,— добавил своим ясным и твердым голосом Браухич, — то...

—То будет одним уничтоженным "троцкистом" больше!—

бурно рассмеялся Геринг. —Правильно, дорогой Генрих. А у тебя, видно, есть что-либо против Тухачевского?

—Ну, как же не быть?— самодовольно и ядовито улыбнулся Гиммлер. —Вот тут у меня,— он положил руку на какую-то папку, —есть много любопытных деталей про похождения Тухачевского в Европе

—Откуда они у тебя?

—Когда есть деньги, информация всегда найдется. Если даже она и не вполне правдивая, — Сталину будет хорошим подарком в его борьбе за власть.

—Дело не в информации, хотя и это неплохо,— серьезно сказал Геббельс, щурясь от яркого солнца. —Главное, как правильно сказал фон-Браухич, гарантировать Сталину, что мы не нанесем ему удара, пока он будет расправляться с непокорной армией.

—А, может быть, в разгар этой расправы мы можем и ударить? — остро спросил Гитлер. — В наше время всякие обещания...

—Этого не нужно, майн фюрер. Сталин обескровит свою армию лучше, чем это могли бы сделать мы. А после его кровавых чисток мы будем спокойно готовить свой удар по обессиленной России*). Нам спешить некуда, — время служит нам, а не нашим врагам.

—Значит, по-вашему, с Тухачевским мы не договоримся? — задумчиво спросил Гитлер.

—Ничего не выйдет, майн фюрер,— решительно заявил Браухич. — Я интересовался его историей. Это — гордый человек и вполне русский. Чувствуя за собой поддержку русской молодежи, он не пойдет на компромиссы, дорожа своим именем национального вождя. Его нужно убрать. Тухачевский опаснее для Германии, чем даже Сталин!

Гитлер встал с кресла и подошел к перилам веранды. Задумчиво смотрел он на великолепную панораму гор, но видно было, что ему не до дивного вида. Ему нужно было решить историческую задачу. Как быть? Позволить ли Тухачевскому произвести переворот или помочь Сталину кровавыми путями это предотвратить? Что выгоднее Германии?

Длительное молчание было прервано легкими шагами.

---

*) Гитлер оказался прав в своем предвидении. В начале войны в 1941 году дезориентированная идейно и национально Красная армия, лишенная своих лучших полководцев и офицеров, отступала и сдавалась миллионами. Страна не хотела защищать Сталина. Но Гитлер не понял этого. Презрительное отношение к русскому народу, безумная политика Розенберга, преступная тактика тыловых властей, неумение использовать антибольшевизм военнопленных (армия Власова), жестокости в отношении к мирному населению, вызвавшие партизанщину, сгубили самого Гитлера, но парадоксально спасли Сталина. Униженный, оскорбленный и разъяренный русский медведь ответил ударом на удар. Этот удар русской лапы оказался сильнее. Берлин пал...

Очаровательная белокурая девушка принесла на подносе кофе. По тому, как поспешно встали со своих кресел гости, видно было, что это никак не прислуга. Действительно, это была Ева Браун, подруга Гитлера. Тот, в свою очередь, обернулся на шум и нахмуренное лицо его просветлело.

—Спасибо, mein Herzchen, что догадалась. Нам для освежения мыслей кофе очень будет полезен. Особенно из твоих прелестных ручек, —неуклюже добавил он, пытаясь быть галантным. Он подошел к девушке и нежно поцеловал ее в розовую щеку. Глаза Геббельса и Геринга замаслились, но как только Гитлер обернулся, они приняли равнодушно-любезный вид. Ядовитая усмешка проползла по тонким губам Гиммлера.

—Спасибо, Evchen... Только ты, пожалуйста, оставь нас с нашими серьезными разговорами, — сказал Гитлер.

Девушка сделала милую гримаску и, чуть насмешливо присев в книксене, выпорхнула в дверь. Гитлер медленно выпил чашку кофе и с лица его сползла ласковая улыбка. Оно стало твердым и жестоким.

—Ну, вот что, господа,— медленно начал он. —Я решил... Прежде всего, чем больше эти русские дикари перережут друг друга, — тем это будет лучше для Германии и ее мировой задачи. Второе — если Тухачевский гордый человек, нам таких ни друзей, ни соседей не нужно. Третье — ты, Генрих, вызови советского торгпреда Канделяки и передай ему досье Тухачевского: вот-де мы, как добрые соседи, предупреждаем его о готовящейся измене. Или даже — ха-ха! — еще лучше. Тут старая лиса Бенеш игарет со всеми не только на два, а на двадцать два фронта. Может быть, лучше даже так сделать, чтобы основной материал дошел до Сталина через этого Бенеша. Если случится, что Тухачевский выиграет — мы будем в стороне... Ты, Иосиф, — повернулся он к Геббельсу, — заверь этого толстого хитрого грека, что Германия очень не прочь заключить с СССР дружественные торговые договоры и намекни, что за торговыми могут последовать и другие. Со своей стороны, ты, дорогой мой фон-Браухич, намекни Канделяки, что Германия так перегружена своим строительством, мирным, гм, гм... строительством, что и не думает вмешиваться во внутренние осложнения нашего соседа, даже если они переросли бы в какую-нибудь форму резких "чисток" или даже гражданской войны. Во всяком случае — ПОКА...

Последнее слово было сказано с таким выражением, что все присутствующие понимающе усмехнулись. Кривая улыбка показалась даже на суровом лице Гитлера.

—Ну, я вижу, друзья, что вы меня правильно поняли. С этим народом унтерменшей, навозом для германского гения, мы еще проживем временно в мире, пока не будем сами готовы. Пусть они там режут друг друга. Чем Россия будет слабее — тем лучше для нас. Людендорф во время великой войны разре-

шил Ленину с товарищами проехать через Германию в Россию. В итоге Россия сошла с мировой сцены. Теперь мы позволим Сталину сделать кровавую операцию над этой грязной страной, и я уверен, что на этом выиграем. Мы и только мы, немцы, можем и будем владеть этой богатой страной, захлебывающейся в хаосе и крови... Пусть Сталин делает своими руками НАШЕ германское дело... Будущее за нами!..

***

После своего возвращения из заграничной поездки Тухачевский, с чувством большой радости и покоя, погрузился в знакомую работу. Сталин встретил его очень милостиво и не скупился на комплименты. Политбюро заслушало и одобрило доклад маршала о поездке за советский рубеж и лишь Ворошилов угрюмо косился на успех, растущую популярность и кипучую деятельность своего помощника и заместителя. Но это было так естественно и не ново.

Ворошилов, человек с образованием слесаря, выдвинулся в эпоху гражданской войны только своей энергией, счастьем, да преданностью Сталину. В эпоху партизанщины он был на своем месте, как энтузиаст-большевик, жестокий, твердый и бесшабашный. На фоне красных военных вождей Ворошилов был и оставался унтер-офицером, партизаном, бунтарем; Тухачевский — офицером, организатором и полководцем. Когда-то Ворошилов сыграл свою роль, но теперь, в связи с коренной реорганизацией Красной армии в сторону тактики и машин, он был только "вывеской", звонкой вывеской над зданием Реввоенсовета. С видимым неудовольствием он присутствовал, по долгу службы, на разрешении сотен технических и тактических вопросов и большей частью угрюмо молчал, в то время, когда молодые, более интеллигентные военспецы с азартом и энергией спорили на почти непонятные ему темы.

Тухачевский, ушедший с головой в военное творчество, обращал мало внимания на недовольный вид своего начальника. Работы спешной и увлекательной было так много, что не хватало времени оглянуться вокруг себя. Его старая задача, — техническое и моральное усиление Красной армии, — получила теперь в его глазах еще и дополнительный смысл — работы по "руссификации" и "освоению" армии. То, что раньше было для него вопросом личной карьеры, теперь уже освещалось интересами России. Именно: не СССР, не Коминтерна, а России. И Тухачевский в своей напряженной работе не упускал времени присматриваться и приближать к себе новые молодые силы, выросшие в рядах армии. Особенно сблизился он с Корком, начальником Московской военной академии, бывшим командармом, сухим, твердым, обрусевшим эстонцем, белобрысым, с тонкой линией твердого рта и холодностью льда; с Якиром, командующим войсками Киевского военного округа, веселым

молдаванином, с открытым, всегда смеющимся лицом и молниеносно быстрыми изворотами ума-самородка; с Фельдманом, бывшим одно время начальником военного отдела Наркомтяжпрома, ныне начальником отдела штаба по командному составу армии, угрюмым, приземистым, напористым человеком, изучившим танковое дело лучше любого инженера и бывшим везде на месте; с Примаковым, помощником командующего войсками Украины, могучим, крепко сбитым храбрецом с лукаво смеющимися глазами и неимоверным сквернословием вместо запятых; с Эйдеманом — председателем Осоавиахима, высоким и грузным суровым латышом, поднявшим на громадную высоту вневойсковую военную подготовку "советского народа"...

Ни с кем из них, кроме Уборевича, — старого друга, — Тухачевский не говорил по душам, но в своих частых деловых встречах постоянно касался самых различных вопросов и ронял в душу каждого новые мысли о будущем России. И постепенно в каждом из его помощников незаметно вырастала мысль, что "советский период" жизни России уже заканчивается. Революция сделала какое-то свое дело — в зависимости от точек зрения: благодетельное или страшное, и теперь впереди маячит новая эпоха жизни страны — эпоха национального подъема, технического расцвета и поворота усилий власти в сторону жизненных интересов народа и... наплевательского отношения к нуждам индусских, испанских или готтентотских большевиков. Только вот отбить грозящую стране военную опасность, и тогда можно и нужно начать жить совсем по-новому...

В этот же период Тухачевский переделал и провел через Реввоенсовет новый боевой устав пехоты, на который Ворошилов, ворча, жаловался Сталину:

—Да ведь это же, дорогой мой Иосиф, просто старая гвардейщина. Ты вот сам послушай: вот тебе, к примеру § 93:

"Политико-воспитательная работа в Красной армии должна воспитывать в каждом бойце, командире и начальнике воинскую доблесть, дисциплину, смелость, самоотверженность, высший боевой порыв, инициативу и решительность, непоколебимую стойкость в бою и готовность переносить любые лишения"...

Ворошилов прямо шипел:

—Царский устав... Ничего про большевизм, партию, политику, про наш Коминтерн, про интернациональные задачи Красной армии, про тебя — нашего вождя!

Ворошилов по-своему был прав. В противоположность старым красным уставам, новый звал солдат к патриотизму — русскому, простому и понятному; патриотизму обороны, защиты границ своей родной страны; к равнодушию к какой-то классовой борьбе в других странах. Действительно бойцу, воспитанному на таком уставе, казалась уже чуждой и непонятной пыш-

ная романтика революционных песенок старых времен. Новый устав уже не звал к пролитию русской крови для создания "Гренадских волостей" в чужих странах...

Когда Ворошилов излил свою душу перед Сталиным, тот только усмехнулся в черные усы.

—Не мешай ему, Клим... Пусть... Пока...

Много смысла было вложено им в последнее слово!..

А процессы "обрусения" армии шли своим естественным путем. Давно прошедшая гражданская война стала постепенно толковаться не как революционная и классовая, а как война за государственную независимость от "иностранных наемников". Да и самая неизбежность войны с Европой стала рисоваться не как революционная идеологическая война против капитала, за создание Интернационала, а как простая оборонительная, против нового таинственного врага—"фашизма". Не "освобождение закабаленного иностранного братского пролетариата" стало целью грядущей борьбы, а понятная всякому простому солдатскому сердцу защита своей Родины от "фашистского хищника". Что такое "фашизм" — оставалось не очень ясным и постепенно в глазах солдата это звонкое слово становилось не политическим символом, а просто названием некоего зубастого врага России. Постепенно, вместо воспитания солдата-революционера, большевика, коммуниста, выдвинулись новые основы воспитания в духе "советской родины," "советского патриотизма". И уже чудилось — не прилагательное, а существительное определяет сущность термина. И в лихорадке построения новой армии казалось, что это будет уже "Российская красная армия".

Вновь зазвучали старые русские военные песни, только чуть сдобренные советскими словами. Старая русская военная музыка гремела повсюду. Вместо официального "СССР" все чаще и упорнее склонялись слова "Советская Росссия", а в разговорах часто стало проскальзывать простое, знакомое и родное слово "Россия". А ведь еще так недавно за это слово можно было попасть в концлагерь!.. При издании новых учебников русской истории с грохотом провалилась школа "академика" Покровского, по которой история страны рисовалась не как постепенный естественный рост ее от Великого княжества Московского к Русскому Царству и потом к Российской Империи, а просто, как постоянная борьба классов и революционных вспышек. "Вульгаризация истории и социологии" — такое резкое обвинение было брошено теперь когда-то авторитетнейшему историку, красе и гордости марксистского подхода к историческим процессам. Потом его имя ввергли навсегда в пучину забвения. Он "не потрафил" моменту...

А Тухачевский, внимательно следя за ходом процессов в народных массах, смело и напористо давал толчки к пересмот-

ру старых установок армии. Как-то в разговоре с Гамарником он, еще так недавно решительно боровшийся с институтом военных комиссаров, под лозунгом — "вся полнота власти командиру", теперь уже не боясь политизации армии, лукаво сказал:

—Ну, что ж, дорогой Ян Борисович. Если бы даже теперь в Ревсовете и поднялись голоса за возрождение комиссаров — я возражать уже не буду. Комиссары только разгрузят наших командиров от политического балласта...

Мягкий, умный, подпавший под влияние Тухачевского Гамарник пробормотал что-то о необходимости коммунизации армии. Тогда Тухачевский, блестя оживившимися глазами, красивый, уверенный в себе, бросил великолепную фразу:

—Коммунизм в Красной армии — это, собственно, только особая форма русского патриотизма!..

Он был так уверен в себе, этот молодой прославленный маршал. История была за него. Ее процессы были неотвратимы и неизбежны. Как десяток лет тому назад, на фоне неизбежного национального возрождения придавленной и униженной Германии, стало выдвигаться само собой имя Гитлера, так и теперь, в России, на фоне еще только инстинктивно ощущаемого поворота от интернационализма к русскости, незаметно и постепенно вырастала фигура маршала Тухачевского. Он не искал популярности, но она сама шла к нему. Он только вошел, как хороший опытный пловец, в большую волну и эта волна уже не только сама несла его, но и выпирала на свой гребень.

Страна искала своего героя. Не в личности Тухачевского была тут суть. Не будь его, был бы другой. Но по стечению счастливых обстоятельств, именно Тухачевского, военного вождя, чисто русского человека, не чекиста, народная волна выпирала наверх с чудовищной силой и, казалось, ничто не может затормозить ее. И только раз, странным диссонансом, прозвучал в январе 1937 г. голос "с того света". В отвратительном процессе "семнадцати", "параллельного троцкистского центра", с каким-то жутким оттенком пронеслись показания журналиста Карла Радека о Тухачевском. На предварительном следствии Радек показал, что к нему, от имени Тухачевского, с троцкистскими предложениями обратился Путна. На процессе прокурор Вышинский затронул эту тему, но Радек пошел напопятный: Тухачевский-де к этому делу совсем не причастен; Путна действовал от своего имени. Создалось впечатление какой-то странной путаницы на фоне прекрасно поставленного спектакля. Этот трагический намек был понят только самыми искушенными в тонкостях советской политики верхами. Они почувствовали, что из зала, где происходило трагическое представление, издалека неясно прозвучал слабый колокольчик предупреждения: "имеяй уши, да слышит". Радек "выгораживал" Тухачев-

ского из подозрительного положения. Еврей-журналист защищал маршала-дворянина. Зачем и кому нужно было во всей этой, тщательно подготовленной инсценировке упоминать имя прославленного и преданного Кремлю красного маршала? Но этот предостерегающий колокольчик только звякнул и замолк, словно Сталину потребовалось лишь сигнализировать всем, власть имеющим: надо выбирать, как когда-то, во времена Троцкого: либо за, либо против. Теперь опять предстоял выбор: либо за Сталина, либо за Тухачевского. Для многих это было вопросом жизни и смерти. Но ГДЕ, на какой стороне жизнь и на какой — смерть? Тысячи людей стали мучительно искать ответа на этот вопрос.

А внимание всей страны, между тем, после отвратительного процесса, с облегчением обратилось к широко рекламируемому полету на север, к "штурму Северного полюса". Этот полет был нужен всем: Сталину, чтобы загладить в глазах иностранного мира впечатление от последнего политического процесса, кончившегося казнью 15 человек, бывших вождей и министров; стране, чтобы дать пищу эмоционально-положительному интересу к прогрессу советских летчиков и советской техники.

Лично Тухачевский понял намек процесса. Но его положение казалось ему настолько прочным и твердым, что он не обратил внимания на звук отдаленной грозы. Он привык к опасностям и риску. Не вмешиваясь во внутреннюю политику страны, избегая столкновений со Сталиным и Ежовым в вопросах "ликвидации последышей троцкизма", маршал вел свое дело и ждал своего часа. Он верил, что этот час придет тогда, когда грянет неизбежная война и судьба даст ему в руки настоящее оружие и настоящую возможность — вооруженную молодежь, любящую и верящую ему, Михаилу Тухачевскому, носителю новой идеи Новой России... А пока, пока кругом было столько работы, столько творчества. Даже в подготовку полета на Северный полюс маршал вложил много своей энергии и помощи. Не раз он с Туполевым и Водопьяновым обсуждал детали полета и радовался успеху русского самолетостроения. Он прекрасно знал, что такие великолепные машины, с молодыми прекрасными летчиками, скоро могут стать под его военную команду и полетят туда, куда властно укажет им его рука, рука русского маршала Тухачевского. Может быть и на красный Кремль!

***

Бедная Таня в Париже, между тем, переживала тяжелые дни. Несмотря на всю самостоятельность, рано вырабатывающуюся у советской молодежи в суровых условиях жизни, она чувствовала себя в громадном городе одинокой, покинутой и печальной.

Девушка точно выполнила все распоряжения Тухачевско-

го. На несколько дней она уехала в провинцию, послав в советское полпредство записку, чтобы ее не искали и не беспокоились. Деньги, оставленные ей во втором пакете, казались ей огромным богатством, но что с ними делать, — она не знала. Вернувшись в Париж и с тоской бродя по великолепному, но для нее такому чужому и холодному городу, она как-то случайно пришла к Триумфальной арке и вспомнила, что где-то недалеко шофером такси должен работать их случайный знакомый, доктор Костин. Шоферы парижских такси прикреплены к своим стоянкам. Вот почему через несколько дней Тане удалось разыскать старика-доктора. Тот встретил ее как родную, принял в ее судьбе горячее участие, устроил ей комнату рядом со своей, и они много часов проводили вместе, вспоминая Родину и делясь мыслями о ее судьбе.

Только теперь Таня почувствовала, что такое по-настоящему тоска по Родине. То чувство, которое у старика-эмигранта уже превратилось в тупую боль, привычно ноющую в глубине души, вспыхнуло в душе девушки неожиданно с острой силой, подобно буре. Тоска по Родине, самая благородная и неизлечимая болезнь в мире, охватила все ее существо. "О, Русская Земле. Уже за шеломенем еси!", — вспомнила она только теперь ставшие ей понятными слова из "Слова о полку Игореве"... К этой общечеловеческой боли добавились еще и сердечные страдания из-за разлуки со своим Мишей. Девушка с волнением прочитывала в Национальной библиотеке страницы "Красной звезды", где почти в каждом номере было что-нибудь о деятельности маршала Тухачевского. Она знала, что "там" с ним пока все благополучно. Но ей было непонятно, почему именно она должна оставаться в Париже, превратившись в преступницу-"невозвращенку". Угнетало ее еще и то, что на эту тему она не смела говорить даже с таким другом, как доктор Костин.

Знакомясь с жизнью французов, она все больше, путем сравнения, начинала понимать всю ненормальность советской действительности, но ее, все-таки, тянуло на русскую землю чувство этой неистребимой "русскости" и молодая, горячая, яркая любовь. Тане, уже оценившей все прелести спокойной, комфортабельной жизни Европы перед напряжением и хаосом СССР, все-таки, хотелось туда, где все, где родные, где русские. Пусть там и хуже, но там "свое".

Чеканные строки Есенина всплывали в ее памяти:

"Кто увидел хоть однажды
Эту ширь и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать".

И она так понимала полные горькой любви слова этого любимого, теперь преследуемого — даже после смерти — поэта:

“Когда б шепнула Рать Святая:
“Оставь ты мир. Живи в раю”,—
Сказал бы я: “Не надо рая —
Верните Родину мою”.

Ей не были нужны комфорт и сытость Парижа. Ей хотелось туда, где Россия, где русские, где ”он“...

Вот почему птицей полетела она к старому нотариусу, получив от него вызов. Тот, улыбаясь ее порывистости и завидуя блеску молодых глаз и румянцу нежных щек, показал ей телеграмму. Она была из Лондона и без подписи. На ней латинскими буквами стояло:

Niejno zelu'u, postupai medfak, outchis. Ne ounywai. Skoro ouvidimssia v nastoiaschtchei Rossii!

Опять, как и раньше, с печальным недоумением поднялись на старика молодые огорченные глаза. Тот пожал плечами.

—Ничего не могу вам больше сообщить, милая мадемуазель. Я и сам не знаю ничего. Я только передаточная инстанция и доверенное лицо. Если вы хотите что-либо ответить, составьте этот ответ в форме объявления в газете. Если нужны будут деньги, — кредит вам не ограничен...

Медленно, с опущенной головою, шла Таня обратно к себе домой. Надежды на скорый приезд Миши или на разрешение отправиться в Москву рухнули. Змейкой мелькнула отчаянная мысль бросить все, явиться в полпредство, выдумать что-либо в объяснение своей задержки и выехать туда, в родимую Москву. Но потом, пораздумав, она поняла, что такой ”сюрприз“ может быть весьма опасным Мише. У него, конечно, были свои серьезные соображения, когда он так мягко и ласково приказывал. Ему виднее. Ведь он там ведет бой за Россию... Но, Боже мой, как это все тяжело!.. И опять в памяти всплыли звучные слова Ярославны, жены князя Игоря, плачущей на стенах Путивля в тоске по любимому:

“Полечу я, как кукушка, по Дунаю.
Омочу я рукав в Каяле-реке.
Утру раны князя на крепком его теле”...

Как этот плач любящей женщины ей теперь понятен! Как разрывается сердце при мысли о далеком, о любимом!..

Веселые, сытые французы с удивлением оглядывались на молоденькую, хорошенькую девушку, которая в такой весенний сияющий день вдруг бессильно опустилась на скамейку веселого бульвара, вынула из кармана мужские часы, прижала их к побледневшим губам, потом, уткнув лицо в руки, неутешно и горько зарыдала...

***

Еще не вполне рассвело, когда к громадному Ходынскому аэродрому стали одна за другой подкатывать автомашины. Последний мартовский день рождался хмурым и тусклым. Впереди, в тумане на ровном поле, перед громадными ангарами

можно было различить четыре гигантских машины необычайного цвета — ярко-оранжевые, с синей каймой. Это был отряд "ледового адмирала"—профессора Шмидта, отправлявшийся в экспедицию на Северный полюс. Под машинами, у громадных колес шевелились люди, заканчивая последние приготовления.

Как ни рано приехал Тухачевский, "авиопапаша" Туполев был уже там. Его лицо сияло: именно его машинам суждено было сделать гигантский прыжок по воздуху к той таинственной точке, куда до сих пор только раз в истории мира ступила человеческая нога. После героического подвига американца Роберта Пири в 1909 году, над полюсом только пролетали воздушные гости — дважды дирижабль "Норге" с Амундсеном и Нобиле и дважды самолеты — американца Берда и русского Чкалова. Но все это были гости — даже не минутные, а секундные визитеры. Теперь же предстояло высадить на лед десант из четырех человек для длительного пребывания и научных наблюдений. Новые, специально сконструированные для этого машины — А Н Т-6 (**А** лександр **Н** иколаевич **Т** уполев) должны были донести по воздуху четырех смельчаков и их спутников до холодной льдины, плывущей в изумрудной полярной воде над таинственной точкой...

—Что, приехали на моих детишек посмотреть, Михаил Николаевич? — радушно приветствовал Тухачевского инженер. —Смотрите — ведь Бог весть, вернутся ли они все из этого гиблого места... Впрочем, не машин будет жаль, а ребят. Гвоздей, прямо не ребят, а гвоздей подобрали. Молодцы один к одному. Богатыри русские на Змея-Горыныча идут. То-есть, — смеясь, поправился он, — теперь по-современному — не идут, не едут, а летят...

—А что это вы их так по-клоунски раскрасили?

—Это "демаскировка". Чтобы на ледяных полях они издалека видны были... Ведь страшно даже подумать о неудаче. Какие люди!..

Действительно, под самолетами с последними сборами весело возились знаменитые или, по-советски, "знатные" летчики страны — прославленные водители стальных птиц — Водопьянов, Молоков, Алексеев, Мазурук, Бабушкин, Головин. Каждый по-своему был характерен, но у каждого было что-то общее, что-то сильное и спокойное. Это были все люди, не раз глядевшие в лицо смерти, закаленные в борьбе с предателем-воздухом и проверившие свои силы и свое счастье в тысячах случаев смертельного риска. В группе летчиков, бритых и молодых, развевалась длинная борода распоряжавшегося профессора Шмидта. Тут же катался, как шарик, укутанный в свои меха Папанин, будущий начальник будущей станции "Северный полюс", старый партизан и чекист. Около него с хлопотливо-хозяйственным видом проверяли вещи его спутники по зимовке: худой,

высокий и нескладный радист Кренкель, широкий, коренастый гидробиолог Ширшов и серьезный, вдумчивый метеоролог-астроном Федоров.

Под раскрашенными крыльями было весело и оживленно. По старому русскому обычаю, перед смертельной опасностью обязательно полагалось шутить, зубоскалить, дурачиться. И действительно, шутки и громкий смех волнами перекатывались от группы к группе. Здоровые нервы и бьющий через край темперамент царствовали около гигантских птиц, на крыльях которых белым было выведено: "СССР Н 170", "СССР Н 171" и тому подобное.

Официальная часть была еще далеко и поэтому маршал Тухачевский попросту вошел в эту гогочущую, веселую группу, как свой. И он действительно был там встречен, как свой, как родной, как командир, хотя и не их непосредственный. Все участники перелета знали, как много внимания и помощи получила экспедиция от Тухачевского, и немудрено, что руки отовсюду потянулись к маршалу с искренними и бесцеремонными дружескими приветствиями.

Между тем, к отлету прибывало все больше и больше новых автомобилей и провожающих.

—Что? — с притворным испугом спросил Тухачевский у Шмидта, поймав его за рукав в метаниях около самолетов. — Неужели митинг?

—Нет,— засмеялся тот. —Без всякого коммолебна, то-есть, без всякой помпы отлетим.— И заметив непритворное удивление на лице маршала (как же это так: подобное событие и без парадности?), понижая голос, объяснил:

—А это, видите ли... Еще недавно Леваневского с особой помпой провожали, ну, а он...

Тухачевский понял. Действительно, после блестящего перелета Чкалова через полюс в Сан Франциско, "по проложенной воздушной трассе" (как гордо было сказано в газетах) был отправлен "очередным регулярным трансарктическим рейсом" другой летчик — Леваневский. Отправился после речей и грома оркестров, и погиб. После этого решено было лучше уж встречать, если доведется, с помпой, а отправлять поскромнее... А ведь экспедиция на Северный полюс была куда более опасной, чем Чкалова и Леваневского: пролететь около 4.500 километров, из них 3.000 над ледяными пустынями; в Архангельске, на холмогорском аэродроме, сменить колеса на лыжи; пролететь затем всем отрядом, — 4 гиганта и один разведочный самолет, — сперва на край материка — Нарьян-Мар, потом на Новую Землю — Маточкин Шар и, наконец, на остров Рудольфа, самую северную точку земли в 900 километрах от полюса. И уже оттуда, собравшись с силами, вылететь к полюсу, высадиться там и оставить на плавающей льдине четырех

смельчаков первыми жителями того таинственного пункта, где, как это известно даже маленьким школьникам, из-под льда высовывается торчком земная ось, бешено крутящаяся вместе с земным шаром...

Под крыльями самолетов становилось все оживленнее. Всюду были слышны разговоры о перелете.

—Ну, "дай Бог нашему теляти вовка зъïсть",— шутя говорили в толпе солдат и рабочих.

—Наши не подгадят. Покорят полюс враз!..

—А знаешь, что американский президент ответил Пири, когда тот поднес ему этот северный полюс?

—Нет. А что?

—"Я,— говорит, — очень вам благодарен за щедрый подарок, но, право, не знаю, что мне с ним делать"! Ха-ха-ха...

—А мы полюс освоим, что надо. Воздушные завоеватели!

—Ну, брат, не мы первые. Уже в 1897 году француз Андрэ, на плохоньком воздушном шаре, пытался до полюса долететь.

—И правильно! "Безумству смелых поем мы славу!.." Только он чудак был — без никоторого расчета. Разве ж так можно?

—Конечно зря. Он говорил: "Мы будем летать, как орлы, и ничто не сломит наших крыльев".

—Брось трепаться — "крыльев". Он же на воздушном шаре был?

—Так то иносказательно. Ведь шар-то звался "Орел".

—Наш русак Седов тоже пытался пробиться к полюсу, но по дороге погиб.

—Ну, еще бы. Пири, так тот 20 лет тренировался и пошел со специальными собаками. А Седов — пехом, сам двое. Безумие!

—А собственно говоря (пониженным тоном), на кой нам ляд лезть на полюс? Чего мы там не видали?

—Да ты, видать, вовсе отсталый человек. Я, брат (покровительственно-объясняющим тоном), этот вопрос специально изучал. Там на полюсе, первое: погода делается. Всякие холода, ветры, перемены, циклоны и прочие черти в ступе именно там рождаются и потом к нам лезут. Значит, их изучить нужно на корню, на месте. Второе: как и куда лед двигается? Это для кораблевождения нужно. Читал, может, как до войны "Титаник" на льдину напоролся среди открытого океана? Тогда еще не знали толком движения ледяных гор. Потом третье: жизнь моря нужно изучить. Там, дарма, что север — уйма рыбы. Селедку жрать, небось, хочешь? Где-то там есть для них питание — "планктон", есть какие-то течения, теплые и холодные, куда косяки рыбы направляются. Все это нужно знать — желудочный вопрос. Потом четвертое: магнетизм именно с полюса шалит и все компасы мира путает. Значит, опять же изучить нужно. Пятое...

—Довольно. Пощади. Пусть летят, чорт с ними!

—Нет, погоди — пятое: по радио нужно многое проверить,

станцию установить и все прочее. Скоро ведь над полюсом запросто воздушные извозчики летать будут. "Эй, самолет, свободен"? "Свободен, гражданин". "А ну-ка — в Калифорнию. Сколько возьмешь?" "Да две тышши, товаришок". "Что так дорого?" "А как же, барин? Бензин нонеча почем? Не укупишь..."

—Ха-ха-ха, — густо рассмеялись вокруг.

—И кроме того, Великий северный путь надо освоить — по морю из Архангельска прямо во Владивосток!

—Ну, что ж, это тоже не вредно. Но самое главное вы, ребята, забыли — самый важный пункт: почему нас, русаков, туда тянет...

—А ну?

—Иностранцам нос утереть!..

Опять веселый заразительный хохот взорвался у самолетов. Очевидно было, что именно этот довод неотразимо подействовал на русские сердца... Тухачевский переходил от группы к группе, прислушивался, перебрасывался замечаниями и с удовольствием чувствовал себя тут свободным от обязанностей гостем. Экспедиция была организована Главсевморпутем, и он был здесь только чем-то вроде одного из почетных и важных патронов. Среди отлетающих был только один профессиональный военный—флагштурман Спирин, блестящий аэронавигатор Красной армии. Встретив его у самолета и дружески поздоровавшись с ним, Тухачевский спросил:

—Ну, как? Довольны новой задачей, товарищ Спирин?

—Еще бы, товарищ маршал,— спокойно усмехнулся флагштурман. —Помилуйте, ведь чем бы экспедиция ни кончилась, — все равно она исторична. И имя наше будет прославлено в веках... Это как Максим Горький говаривал:

"А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут.
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют"...

А тут — настоящий подвиг. Прямой расчет на бессмертие!.. Нам только собаки — конкуренты...

—Как так? — смеясь, спросил Тухачевский..

—А очень просто, товарищ маршал,— весело объяснил Спирин, чувствуя себя совсем непринужденно, —ведь до сих пор на полюс пытались добраться: на собаках (как Пири), на ледоколах (помните макаровское "на ледоколах напролом к полюсу"?), на подводных лодках (американец Вилькинс), пешком по льду (Седов), на дирижаблях и самолетах. Но до сих пор только собаки по-настоящему довезли человека до полюса. Поэтому-то я и говорю — "соперники". И теперь вот — наши великолепные машины...

В голосе и взгляде Спирина, обращенном к выстроившимся гигантам, чувствовались гордость и обожание.

—Товарищами довольны?

—Ну, еще бы, товарищ маршал! Чудесные ребята. Недавно, говорят, английские газеты писали, что русские — прирожденные летчики. Это, пожалуй, верно на все 100. Есть и отчаянность и толковость...

—Так что долетите?— засмеялся Тухачевский.

—Какой разговор, товарищ маршал! Кровь из носу, а долетим. С такой помощью, с такой подготовкой, с такими людьми, да не долететь? Иностранные исследователи на миллионерах-меценатах ездят, а нам государство все дает...

Тухачевского тронули за рукав. Он обернулся и увидел своего адъютанта, Смутного.

—Простите, товарищ Спирин, — кивнул он головой флагштурману и отошел в сторону со Смутным.

—Да?— вопросительно бросил он.

—Вы приказали, товарищ маршал, газету парижскую вам доставлять. Вот она.

Тухачевский весело усмехнулся и развернул страницы газеты. Еще будучи в Париже, он договорился с нотариусом, что тот будет помещать в отделе объявлений "Petit Parisien" каждое 18-е число новости о Тане. И действительно, пробежав строчки объявлений, он прочел:

"Michel! Je t'aime, languis sans toi, t'attends avec impatience. Je vais etre mère. Quand nous reverrons nous??? Tania".

(Миша! Я люблю тебя, тоскую и жду с нетерпением. У меня скоро будет ребенок. Когда мы увидимся??? Таня.)

Его брови удивленно поднялись, но потом ласковая улыбка изменила холодные, строгие черты его лица. Этот издалека прилетевший нежный привет влюбленной женщины, растящей в себе ЕГО ребенка, повеял на него теплом и уютом. Ему почему-то вспомнились прелестные строчки какого-то старого романса:

"Скажи мне что-нибудь глазами, дорогая!.."

Теперь вот его дорогая передала ему нежное слово строчкой газетного объявления...

Заметив на себе напряженный взгляд Смутного, он стер с лица непривычную мягкость.

—Еще что?

Скулы адъютанта сжались в легкой судороге.

—В Лондоне арестован Путна!

Тухачевский чуть нахмурил свои густые брови. Эта новость была значительной. Значит, процесс "семнадцати" начал давать резонанс. Клевета Радека дала свои плоды. Путна, честный прямой Путна, так болевший душой за Россию, теперь, вероятно, отправляется "дипломатическим багажом" в Москву... Тухачевский вспомнил свои разговоры с ним в Лондоне и брови его нахмурились еще круче. Смутный заметил перемену в лице своего начальника и еще тише добавил, перейдя на конфиденциальный тон.

—Мне кажется, Михаил Николаевич, что за нами всеми идет слежка. И насчет Павлова — что-то не чисто!

Тухачевский внимательно посмотрел на своего адъютанта. Действительно, недавно его личная машина была перевернута каким-то неизвестным грузовиком; при этом его старый шофер Павлов, тот самый, который возил маршала вечерами, в костюме рабочего, в среду молодежи, был тяжело ранен. Была ли это случайность или одно из звеньев цепи, начавшей уже окружать маршала?

Тухачевский опять спокойно взглянул на своего адъютанта.

—Ну, что ж, Иван Алексеевич. На то мы и в СССР... Это неизбежно... Ты не заметил, на аэродром уже прибыли Уборевич и Якир?

—Якира я видал... Корка тоже... Относительно Уборевича могу спросить.

—Хорошо. Передай им от моего имени, в порядке ЛИЧНОМ (Тухачевский подчеркнул это слово), чтобы они не уезжали, не подождав меня.

Глаза маршала и его адъютанта встретились и многое сказали друг другу. Секунду длилось молчание. Потом Смутный поднял руку к козырьку.

—Есть, товарищ маршал!

Он хотел что-то добавить, но в это время к ним подошел коротконогий лысый Харченко, председатель Всесоюзного комитета физкультуры.

—Слушай, Михаил Николаевич. Что же это ты меня так подвел?

—Можете идти, товарищ Смутный, —отпустил адъютанта маршал и с удивлением повернулся к Харченко.

—Я? Когда и как? — спросил он.

—Да как же,— сердито продолжал Харченко. —Ведь та девочка, которая поехала в Париж, — ведь она не вернулась!

—Разве?— голос Тухачевского был спокоен и сух. Иные мысли бурлили в его голове.

—Ну-да... Невозвращенкой заделалась. А мне неприятности. Ведь это я ее в списки вставил.

—Ерунда,— уверенно заметил Тухачевский. —Вероятно, просто девочка влюбилась и потеряла на время голову. Париж ведь так обольстителен. Вернется... Тут никакой политики быть не может!

—Тебе хорошо шутить,— раздраженно прервал его Харченко, —а мне-то каково? Ведь я ее всунул в поездку по твоей рекомендации. Что ж ты теперь скажешь?

—Я? А ничего!— беззаботно отозвался Тухачевский, направляясь в сторону от самолетов, моторы которых начали гу-

деть. —Пусть девочка немного понюхает другого воздуха. Стоит ли об этом говорить?

Харченко исподлобья взглянул на маршала.

—Ну, ты как себе хочешь, Михаил Николаевич, но в НКВД я буду вынужден сказать, что в Париж я направил эту девочку по твоей личной рекомендации.

Тухачевский молча пожал плечами и, заметив высокую фигуру Якира, направился к нему, не обращая внимания на рассерженного председателя физкультурного комитета. В это время громче заревели моторы флагманского самолета. Отодвинутая в сторону публика ответила криками и маханьем платков. В застекленной кабине самолета было видно, как в ответ на взмах флага в руке Туполева поднялась, в виде прощального приветствия, толстая рукавица медведеобразного Водопьянова. Огромная, до отказа нагруженная машина плавно тронулась и побежала по бетонной дорожке. Пробежав с гулом около 200 метров, она легко оторвалась от земли. Через 10 минут поднялась вторая... Когда последняя из них стала таять в сером, туманном утреннем воздухе, сердца многих невольно сжались, — современные рыцари отправились на опасный подвиг: разбудить в хрустальном ледяном дворце спящую принцессу — Тайну Северного полюса... Доведется ли им вернуться живыми? . .

***

Прекрасная, защитного цвета, военная машина Реввоенсовета ждала у ворот аэродрома. Весело смеясь, Тухачевский, Уборевич, Якир, Корк и Смутный подошли к ней. Небольшого роста, смуглый новый шофер предупредительно распахнул дверцу.

—Слушай-ка, Михаил,— с веселым протестом заявил Якир. —Да куда мы все тут уместимся? Машина пятиместная, а нас всего шестеро, вместе с шофером.

—И в самом деле... Товарищ шофер, мы поедем немного прокатиться за город, а вы на машине командарма Уборевича отправляйтесь в Ревсовет. Я приведу машину туда сам.

—Разрешите доложить, товарищ маршал,— почтительно, но твердо ответил новый шофер, — что по уставу я не имею права оставлять вверенную мне машину.

—Это хорошо, что вы так твердо знаете устав,— ответил маршал. —Но поскольку машина в моем распоряжении, как и вы тоже, — отправляйтесь в Ревсовет и там ждите меня.

—Товарищ маршал...

—Идите, я приказываю вам!

Слова прозвучали строго и повелительно. Новый шофер взял под козырек, провел внимательным взором по спутникам маршала и отошел.

—Ну, вот и вся недолга. Ты, Смутный, умеешь управлять?

—Да не управлять, а просто "бубличком ворочать",— оска-

лил весело зубы Якир. — И как это у тебя, Михаил, все по-казенному выходит? Наш русский язык теперь совсем иной, чем при Тургеневе — более яркий и меткий...

Тухачевский засмеялся.

—Ну, ладно. Довольно тебе зубоскалить, Иона. Садись, — разговор важный будет.

—С водкой?..

Через несколько минут группа командармов неслась по прекрасному шоссе в сторону от Москвы. Тухачевский молчал, нахмурив брови, и скоро все поняли, что эта поездка предпринята им неспроста. Когда автомобиль, по молчаливому движению руки маршала, свернул в сторону от большой дороги, на проселок и въехал в небольшую лощинку, Тухачевский приказал остановиться. Смутный затормозил и повернулся к заднему сиденью.

—Ну, вот что, товарищи,— медленно и значительно сказал Тухачевский, обводя серьезным взором лица старых друзей. — Положение осложняется. Вот какие новости...

Он рассказал кое-какие детали своей поездки за границу, коснулся положения армии в стране и сообщил про начавшиеся аресты высшего комсостава и о неизбежности столкновения армии с НКВД.

—До сих пор, товарищи,— тихо закончил он, —нам удавалось сберечь нашу армию от разрушительных рук Ягоды и Ежова. Я очень боюсь, что приближается момент, когда столкновение станет неизбежным. Мы здесь — старые, проверенные друзья. Скрывать нечего: после разгрома партии и НКВД неизбежно должна придти очередь армии. Путна — первый звонок об опасности!.. И нам, друзья, нужно уже теперь решить, что делать, — только лишь ждать, или...

Тухачевский замолк. Его решительные слова не удивили сидевших в автомобиле. Все это были люди с ясными головами, смелыми сердцами и кипучей энергией. Они вместе с Тухачевским много лет отвоевывали от вмешательства партии и ГПУ самобытное существование армии и теперь чувствовали, как после разгрома верхов партии, Коминтерна и НКВД все ближе приближается момент, когда чекистская хватка попытается сжать и независимость армии, отвоеванную с таким трудом. В стране диктатуры одного человека все должно было склониться перед ним. Армия должна была быть только послушным оружием в руках Сталина и Ежова. А между тем, армия вела себя, как гордый, независимый и мощный защитник страны, требуя себе свободы развития и пресекая попытки вмешательства в ее внутреннюю жизнь. Конечно, так дальше, с точки зрения Сталина и Ежова, продолжаться не могло. Молодые командармы знали, что поднятый маршалом вопрос никак не является абстрактным, а касается и их голов. Если за последние годы по-

летели головы старых революционеров с мировыми именами, то что уж говорить про них, гордое молодое поколение новой России?..

Вопрос, поставленный Тухачевским, был тяжелый и больной. Таким людям, как молодые командармы, полным инициативы и решительности, трудно было пассивно ждать опасности и удара. Да и их военная сметка подсказывала, что выгоднее ударить самим, не ожидая, пока липкая от крови рука Ежова сожмет их горло. В поддержке своих командиров и солдат они были уверены. Свою силу все они сознавали... Но можно и нужно ли ее уже применить? Пробил ли этот час?..

Все эти молодые командармы были, в той или иной мере, созидателями советской власти и Красной армии. Именно эта власть вывела их на высоту командования войсками. Именно ей они отдали свои силы и знания, чтобы подготовить армию, как можно лучше, к неизбежным боям с внешним врагом... Да, конечно, готовящийся удар Сталина-Ежова несомненно ослабит силу армии. Но не ослабят ли ее еще больше неизбежные волнения, связанные со встречным контрударом? Вопрос был сложен и тягостен. Эти люди — гордые, независимые, уверенные в себе и своих силах — не могли сразу найти нужного выхода. И ждать и ударить было равно опасно и для них, и для самой армии...

Сидевшие в машине долго молчали. Теплый весенний ветерок мягко влетал в раскрытые окна. Утренний, веселый птичий гомон наполнял зазеленевшую рощицу. Но никто не замечал этого. Мысли каждого были напряжены до крайности. Что делать?

Якир первый прервал молчание.

—Ну, что ж, товарищи, была не была! На мой взгляд, нужно немедленно начать подготовку к отпору. И отпору серьезному. Нужно хорошенько посовещаться с толковым и верным комсоставом, принять кое-какие мобилизационные меры, чтобы молча сказать Ежову: "лапы прочь от армии"!..

—Ежову? — тихо заметил Корк. — Но ведь за ним стоят Сталин и политбюро... Им-то ведь так не скажешь!.. Это уже похоже на прямой бунт, на подготовку восстания. Второй Кронштадт!

—И кроме того, не нужно забывать, — так же тихо добавил Уборевич, — что если наше сопротивление выльется в форму волнений или, не дай Бог, даже восстания, — враги наши не дремлют... Не знаю, как кто, но Польша, перед которой стоит моя армия, с радостью вцепится в нашу страну, чтобы оторвать от нее еще клок. Ведь доказать, что Смоленск и Киев —старинные польские города, при известной ловкости, не так уж и трудно.

—Да, все это верно,—согласился порывистый Якир.—То же

можно сказать и о Германии: там тоже насчет Украины не прочь... Хотя бы и без "исторических прав"

Якир, посланный в 1926 году в Берлин, окончил там германскую военную академию и говорил поэтому, как авторитет. Да и без его слов всем командармам было ясно, что если развернется сопротивление армии, неизбежно вспыхнут восстания по всей стране, — слишком уже велико напряжение внутренних сил народа. Не зря ведь многие миллионы "строптивых" находятся за проволокой концлагерей. Сопротивление армии Ежову и Сталину обозначало внутренний переворот и тем самым неизбежное временное ослабление оборонительной силы армии. А сбоку стояли два страшных, старых врага — Польша и Германия. Как быть?

Все, в конце концов, повернули головы к Тухачевскому. А в душе у того шла тяжелая борьба. Еще недавно, может быть, год тому назад он не поколебался бы дать сигнал к восстанию и внутреннему перевороту, но теперь, согретый новыми токами любви к России, медлил перед принятием решения. Его красивое лицо было сумрачным и сосредоточенным. Темные крылатые брови сдвинулись и спрятали острые глаза.

Несколько минут все молчали.

—Я думаю, — тихо, но твердо сказал, наконец, Корк, — что кремлевский или, так сказать, дворцовый переворот был бы не только самым простым выходом, но и самым легким и безболезненным. С составом моей академии, поддержанный Михаилом Николаевичем, я охотно рискнул бы на удар.

Эти слова Корка были уже прямой "контрреволюцией", призывом к восстанию, к перевороту. Вместо весеннего ветерка и пения птиц, словно звуки канонады и острый запах порохового дыма и крови ворвались сквозь окна автомобиля внутрь. Чуть заметная дрожь прошла по телам сильных людей .. Несколько секунд длилось молчание. Уборевич прервал его своим тихим, всегда спокойным голосом.

—Это не так просто... В советских условиях только дворцовый переворот невозможен. Он не может не затронуть всей страны, всей армии, всей партии. Это будет надолго и кроваво. Слишком много внутренних противоречий в стране и слишком много рассыпано везде пороха... Например, концлагери. Ведь миллионы людей вырвутся оттуда с бешеной ненавистью. А колхозы? А сопротивление чекистов? Нет, ВСЯ страна станет на дыбы!

—Э, — беззаботно махнул рукой Якир. — Вечно ты осложняешь, Иероним. А по-моему, как говорил какой-то герой Сенкевича — "сперва руби, а потом увидишь, кого там зарубил"... Без риска ничего не делается.

—Да, личного риска, мы никогда не боялись — тихо, как будто говоря с самим собой, возразил Тухачевский. — Но рисковать судьбой всей страны?..

Опять молчание на несколько секунд воцарилось в четырехколесном генеральном штабе, решавшем судьбу России... Смутный повернул от руля свое лицо, сжатое мучительной гримасой раздумья:

—Уборевич прав, — тихо произнес он. — Еще Клаузевиц сказал: "Россию можно победить, только разъединив правительство и страну." Теперь пока, — хотя бы формально, — мы едины: партия, правительство, армия... Но если все это хотя бы временно расползется, — какая легкая добыча для соседей! Иначе говоря, впереди гражданская война, нападение на Россию и долгие годы крови и страданий...

—Да, это уж что и говорить, — угрюмо проворчал мрачный Корк.

—Н-н-да, — вырвалось у Якира и он молча стал набивать табаком маленькую карманную трубку.

Все опять, как по уговору, взглянули на Тухачевского. А в душе у него разгорался какой-то светлый огонек жертвенности. Разве можно было из-за своей личной карьеры, из-за личной безопасности бросить страну в пропасть новой гражданской войны? Разве можно быть уверенным, что даже дворцовый переворот пройдет безболезненно? А если Россия закачается от удара? А если в этот именно момент ее толкнут злые, остро отточенные вражеские штыки? Не будет ли смертельно ранена страна, еще не вполне окрепшая и только что ставшая на ноги?.. Опять — который раз в истории! — судьба России реально зависела от его решения. "Не нам, не нам, а Имени Твоему", — вспомнились ему слова на медали, выбитой в честь героической защиты Севастополя... Люди проходят и уходят, а Родина остается...

Сияющее любовью к Родине лицо далекой Тани вдруг встало перед ним. Она, эта милая девушка, так верила в то, что он будет бороться ЗА РОССИЮ... Внезапно вспомнились ему суровые слова Суворова: "Победи сперва сам себя и тогда станешь непобедимым"

Маршал поднял голову. Его глаза лихорадочно блестели.

—Нет, товарищи, — тихо и решительно сказал, наконец, он. — Мы не можем, не имеем права уже теперь пойти революционным путем. Этот страшный риск не для нас; мы, слава Богу, привыкли к риску своей жизнью, а риск для страны... Ее защита лежит на нас. Мы — стена против ее врагов. Если мы подорвем эту стену, если теперь сделаем в ней брешь — физическую и моральную — чем помянет нас потом Россия, если в эту брешь ворвутся беспощадные враги, которые всегда ненавидели Россию и боялись ее?.. Другое дело, когда мы войдем в неизбежную войну. Тогда мы можем сделать переворот **ДЛЯ БЛАГА** защиты Родины... Когда ральная власть будет в наших военных руках, — тогда, друзья, мы посмотрим! Пока нас

еще не вынудили к ответному удару. Будем бороться ПОКА легальными путями. До войны осталось не больше двух-трех лет. Надо выдержать, перетерпеть, нужно сжать зубы, начать "заговор молчания", притворяться покорными и все силы направить на подготовку армии к борьбе и с внешним, и с внутренним врагом. Вы понимаете, что это означает?.. А там, потом — мы еще увидим, товарищи! "Побеждает самый настойчивый", —сказал Наполеон. Будет трудно, но мы посмотрим еще...Теперь мы входим в заговор ЗА РОССИЮ!..

Слова эти были произнесены тоном такого убеждения и силы, что все командармы почувствовали, что они не только мнение старшего, но и приказ начальника. Спорить было не о чем. Все знали, что маршал Тухачевский, при неправильности своего решения, рискует сам больше и раньше всех. Да и кроме того, у всех этих бесстрашных людей, за долгие годы мирной работы в армии, выросли чувство ответственности и государственный инстинкт. Это уже не были лихие партизаны времен гражданской войны, а старшие военные командиры, видящие дальше, шире и глубже. И все они почувствовали в словах Тухачевского искренность и правду. Для страны, для армии нужно было терпеть и ждать. Хотя бы даже это и грозило им лично гибелью...

Тухачевский коротко кивнул Смутному и машина помчалась вперед. Жизнерадостный Якир не выдержал серьезного тона.

—Э-э-э, — протянул он и его белые зубы блеснули в улыбке. — Чем чорт не шутит, когда Ежов спит... То ли еще, братва, бывало? Все образуется. Перемелется — мука будет!

—А если из нас эта мука будет? — сдержанно усмехнулся Корк.

—Ну, так что? — задорно отозвался Якир. — Лишь бы для России. Ей, матушке, и мука из наших костей пригодится!

Тухачевский посмотрел внезапно потеплевшими глазами на молодого командарма и редкая ласковая улыбка смягчила его суровые губы...

***

Физиономия Ежова выражала сладострастие и злорадство. Он приготовил "широкий доклад" Сталину. Для этого маленького, кривоногого ягуарика с подленькой душонкой скорпиона не было большей радости, как загрязнить, утопить кого-либо, подвести к стенке... Теперь он прямо сиял: его доклад был убийственным для Тухачевского, того самого гвардейского офицера и дворянина, который так часто презрительно смотрел сквозь Ежова, как будто тот был пустым местом. Еще не открывая своей папки, Ежов сладенько хихикал. Заметив это, Сталин угрюмо скривил губы.

—Что, Николай, опять подцепил кого-нибудь?

—Подцепил, подцепил, товарищ Иосиф. И не маленькую рыбешечку. Прямо, можно сказать — щуку, щуку... Получил свеженькую информацию насчет нашего славного маршала.

—Тухачевского? — голос Сталина сделался сух и строг.

—Его самого, товарищ Сталин, его самого, дорогого нашего... Ты был прав. Как будто попалась наша птичка в сеточку. Ха-ха-ха... Прославленный маршал, член ВКП(б), главнокомандующий, победитель Колчака и Деникина, член ЦК, замнаркома и прочая и прочая, как когда-то писали в царском титуле.

—Да брось ты кривляться, Николай, — бросил, нахмурившись, Сталин, ковыряясь в старой трубке. — Докладывай поделовому.

—Можно и так, товарищ Сталин, можно и так, — и раскрыв свою папку, Ежов продолжал:

—Прежде всего подтверждено, что с Путной Тухачевский наш в Лондоне встречался наедине и разговаривал с ним не раз и не два. Коллонтай доносит о Путне, что парень уже тогда крен стал давать и не по генеральной линии направление брал. Известна не только его связь с Троцким, но и просто-напросто с буржуазными кругами. Все это мы, конечно, скоро точно выясним — Путна уже привезен к нам безбилетным пассажиром. Ха-ха-ха... Дипломатическим багажом... Теперь — два: в Германии наш маршал ездил один куда-то на старый форт, где он в мировую войну сидел пленным. А с ним был немец, высокий чин Гестапо.

—Ну, так что? — хмуро спросил Сталин, не отрывая глаз от трубки.

—Да разве ж может быть, чтобы они по дороге не разговаривали? Оказалось, что этот гестапист прекрасно говорит порусски, начальник русского отдела.

—Так... Дальше?

—Во всей своей поездке Тухачевский вел себя вообще, как принц. С белыми офицерами якшался. Везде сам вел самые самостоятельные разговорчики, и что характерно...

Он остановился перед театральным эффектом. Сталин мрачно взглянул на него.

—Ни разу, товарищ Иосиф, ни в одной из своих речей или выступлений он не упомянул твоего имени.

Наступило напряженное молчание.

—Еще что?

—Есть и еще, есть и еще, — злорадно сияя, ответил Ежов. —По рекомендации маршала в Париж была послана в составе стрелковой комиссии одна девушка, студентка. Та самая, с которой Тухачевского в рабочем платье арестовали после покушения на тебя... Помнишь, тогда оказалось, что Тухачевский даже лично знает одного террориста?.. Ну, так вот...

В голосе Ежова опять зазвучало торжество.

—Эта девушка не вернулась из Парижа. Заделалась невозвращенкой... И уже известно, что наш маршал с нею в Париже не только вечера, но и не одну ночку вместе проводил...

Опять в кабинете наступило молчание. Сталин еще грузнее опустился в кресло и, не поднимая глаз, покусывал пустую трубку.

—Тут что-то не то, — прервал молчание Ежов. — Не без того, чтобы эта девчонка не без его ведома и, видно, для какой-то там работы осталась. Я дал задание найти ее и поставить под наше стеклышко... Кстати, Иосиф, помнишь, я докладывал тебе, что одна моя сотрудница, — Ванда, — у Тухачевского ночевала, но попалась. Все же она кое-что запомнила из записей маршала. Вот список имен, которые расшифрованы. Все молодые заговорщики, которых я уже взял на карандаш. Всякий шаг их отмечается... И потом еще один фактик, товарищ Сталин. Самый свеженький... Знаешь, по твоему распоряжению, старого шофера Тухача, который его вечерами по темным делишкам возил, мы ликвиднули. Поставили нового, моего... Ну, так вот, позавчера, после отлета самолетов на полюс, маршал с командармами Якиром, Уборевичем, Корком и адьютантом Смутным ездил прогуляться. И моего шофера, под предлогом, что нет места в машине, Тухачевский выкинул... Как себе ни говори, и над этим тоже стоит подумать... Весенняя прогулочка, нечего сказать... Плохо пахнет! А?

В дверь постучали. Сталин знал, что во время доклада ему Ежова его могут тревожить только по исключительно важному делу.

—Да,— бросил он, не оборачиваясь.

Вошла Роза Каганович.

—Товарищ Сталин,— официальным тоном доложила она. —Вы приказали немедленно сообщить вам о приезде товарища Канделяки.

—Да. Ну и что?

—Товарищ Канделяки только что прилетел из Берлина на Ходынский аэродром.

—Ага!— фигура диктатора внезапно распрямилась и острые глаза оживились. —Вышлите ему мою самую быструю машину и немедленно доставьте его сюда. Немедленно!

Через полчаса круглый толстый грек сидел в кабинете Сталина.

—Ну?— односложно прозвучал вопрос.

Ежов и Канделяки удивленно переглянулись. В этом коротеньком "ну" прозвучало плохо скрытое волнение. Стальной человек потерял почему-то свое невозмутимое равновесие. Но Канделяки знал, о чем именно спросил его Сталин этим коротеньким "ну". Он торжествующе поглядел на своего начальника и так же коротко ответил торжествующим тоном:

—Можно!..

Нахмуренные брови диктатора поднялись вверх с каким-то радостным облегчением. Он коротко засмеялся, словно заржал, выбил о каблук трубку и с облегченным видом стал набивать ее привычными движениями. Его пальцы чуть-чуть дрожали, и Канделяки с Ежовым не могли оторвать своих глаз от движений этих подрагивающих конечностей.

Ежов не понял ничего из этой странной сцены и разговора. Но коротенькое "можно" прибывшего из Берлина доверенного лица давало Сталину новые перспективы. Уже давно он выжидал удобного момента, чтобы разгромить самостоятельность Красной армии, привести ее, как он выражался, "к одному знаменателю". Но боязнь перед возможной агрессией Германии останавливала его. А что, если почуяв ослабление Красной армии (сталинское "приведение к одному знаменателю" всегда сопровождалось обильными кровотечениями из затылков "вождей"), германские железные легионы ударили бы по СССР?.. И Канделяки привез ему успокоительные сведения: Германия еще не была готова к серьезной войне. А Польши, одной Польши Сталин не боялся, тем более, что она вряд ли согласилась бы пропустить через свою территорию германские войска, не имевшие с СССР общей границы. Германия еще не была готова переступить через труп Польши и ударить по ослабленному СССР. Но ведь... два хищника всегда могут договориться о разделе легкой добычи... Сталин думал не только о расстреле своего соперника, но и о чистке всей страны от тех, кого обуяли "безумные мечтания" о смене режима. Коротенькое "можно" Канделяки теперь развязывало ему руки для кровавой расправы и с непокорной военщиной, ставившей себя в положение "государства в государстве", и со всеми инакомыслящими, желавшими стать не советскими, а просто русскими...

— Та-а-а-к,— медленно сказал, наконец, Сталин, распрямляясь и уже спокойно и глубоко вдыхая дым крепкого своего табака. — Наконец-то... Извини, Николай, но выйди, пожалуйста, в секретарскую. Я вызову тебя через несколько минут.

Когда недовольный Ежов, кинув неприязненный взгляд на грека, вышел, Сталин коротко бросил:

—Ну?

—Все прекрасно, товарищ Сталин,— с гордым самодовольством доложил Канделяки. —Я получил больше, чем ожидал. Германия гарантирует дружбу, торговый и потом даже политический военный договор и полное невмешательство в наши внутренние дела. Кроме того, Гиммлер сообщил мне много интересного насчет нашего маршала. Но самое важное я получил от... кого бы ты думал? От Бенеша! Оказывается, он имеет свой прекрасный аппарат информации, который дал ему мате-

риалы куда более важные, чем наш советский аппарат. Вот это важное досье о поведении Тухачевского за границей, его встречах и прочем. Для Николая есть тут вещи сенсационные и... радостные.

К удивлению Канделяки, Сталин небрежно взял толстую папку и даже не развернул ее. Его решение было уже давно принято и не данные Гиммлера могли его ускорить или изменить. Дело было не в действиях Тухачевского, а в той волне русского национализма, которую он возглавлял.

Задав еще несколько коротких вопросов, Сталин отпустил своего доверенного и вызвал Ежова. Когда за греком закрылась дверь, грузин быстро и решительно сказал Ежову, с напряженным лицом стоявшему у стола:

—Ну, Николай... Теперь тебе пришло время действовать. Слушай внимательно...

Полились твердые, спокойные, точные, давно продуманные указания. Ежов напряженно слушал и кивал головой. Он прекрасно понимал Сталина и заранее радовался гибели маршала и его сторонников — молодой гордой смены, осмелившейся думать о своем преимущественном перед его НКВД положении...

—Все будет в точности, сделано. Я мобилизую все свои силы. Сперва, значит, только пробную стрелу — Смутного?

—Да... Действуй. А я поговорю с Климом и дам ему свои указания.

—Ну, кто-кто, а Климушка-то наш будет зверски рад! — ввернул ядовито Ежов. —Гвардеец-то наш ему много крови испортил...

—Пусть теперь и Клим ему испортит,— нехотя усмехнулся Сталин.

—Это уж нет, — умоляюще воскликнул Ежов. — Уж, пожалуйста, дорогой начальник... За все за мои за заслуги передай мне эту честь.

—Какую?

—Да нашего великолепного маршала в расход пустить. Он долго меня третировал, гад дворянский! А теперь и я хочу чуточку по-за-ба-вить-ся... Самую только чуточку, хи-хи-хи...

—Ладно, Николай. Мне все равно,— равнодушно ответил Сталин. —Оно, пожалуй, и вернее будет, если ты сам все сделаешь. Возьми только с собой Петерса... А то и в самом деле, солдатам это поручить нельзя, — как ни говори, у Михаила друзей везде много. Как бы чего не вышло... А ты, уж я знаю, все чисто сделаешь.

Глаза Ежова плотоядно сверкнули.

—Есть, товарищ Сталин. Послужу революции... А как с той девочкой?

—С какой девочкой?— удивленно спросил Сталин, погруженный в более важные мысли.

—Да с той, маршальской, что в Париже осталась.

—Но ведь ты когда-то сам говорил, что за нею ничего политического нет. Пока чорт с ней. Да и потом у нас в Париже скоро гон по другому красному зверю будет. Или, ха-ха, по белому зверю в генеральских погонах... Так что не будем места охоты зря заранее тревожить. Кто на волка тенета расставляет — о кроликах не думает...

***

Дав последние инструкции Ежову, Сталин запретил себя тревожить и ушел в маленькую комнатку, где он ночевал, когда важные дела мешали ему вернуться в Горки. Там, усевшись в мягкое кресло, поставив рядом бутылку кавказского вина и ящик с табаком, он закурил и задумался.

Несмотря на свою стальную выдержку, он был нервен и встревожен. Он прекрасно знал своего противника, маршала Тухачевского, решительность и быстроту его действий. Вопрос был только в том, успеет ли Ежов изолировать маршала от возможности активных действий, как это недавно было с Ягодой. Но тогда Сталин оперся на армию и на Тухачевского. Теперь ему не на кого было опереться, ибо аппарат НКВД не был достаточно силен, чтобы помешать армии устроить переворот. Решит ли Тухачевский действовать немедленно или будет ждать лучшего времени и наступления войны?.

У Сталина был громадный козырь, которого не имел маршал. Он знал, что Германия не нападет пока на СССР. Она еще не готова и воевать ей теперь невыгодно. Но если Гиммлер предал Тухачевского, то почему бы он не мог предупредить и маршала, что тот тоже может не бояться удара Германии в период переворота? Момент был критический и роковой. ПОКА Сталин был слабее Тухачевского. Но... использует ли этот момент гордый маршал или решит ждать? Ведь Тухачевский — не Ягода, у которого не было ореола и миллионов преданных солдат. Тухачевский не только личность, он вождь, возглавитель какой-то волны, какого-то движения народных масс. С массами Сталин привык жестоко расправляться, но вот сумеет ли он изолировать это гордое, молодое, ведущее массы поколение, которое не желает склонить своей шеи перед Сталиным, которое хочет бросить в помойную яму истории все жертвы, понесенные во имя мирового коммунизма, мировой революции? Оставалось только ждать со сжатыми зубами и стесненным сердцем. Бой сейчас — это поражение и гибель. Но если оттянуть бой хоть немного? Ну, тогда мы еще увидим, кто кого!..

Замечательная фраза Бориса Годунова почему-то всплыла в его памяти: "О тяжела ты, шапка Мономаха"!.. Да, тяжело бремя власти и ответственности! Быть окруженным только

врагами, соперниками, не верить никому, не любить никого и бояться всех! Он знал, что теперь, именно теперь тысячи и тысячи коммунистов решают страшный вопрос: ЗА КЕМ пойти? Те, кто пойдут за ним — сделают это не из любви и уважения к нему, не из-за идеи. Сделают это либо из-за выгоды, либо из страха. Идея, стоявшая за ним — мировая революция — уже потеряла свою привлекательность. А Тухачевский несет с собой вечную идею России и служения ей. И эта Россия — особенно молодая Россия — душой с ним, а не со Сталиным. И пока он, Сталин, не выкорчует с кровью эту идею — ему не будет покоя...

Ах, как все проще и яснее было в старые времена, когда он, еще молодым революционером, слепо подчинялся приказам Ленина и делал "свое дело"... Яркие воспоминания встали перед ним. Горячие бурные дни первой русской революции. Он, 26-летний юнец, полный революционного энтузиазма, решил провести смелую экспроприацию в Тифлисе, столице Грузии. С бьющимся от волнения сердцем ждал у окна маленькой гостиницы на краю площади. Ярко сияло солнце, весело гудела маленькая площадь. Засада была наготове... Из соседней улицы показалась, наконец, карета казначейства, сопровождаемая четырьмя конвойными казаками и стражником. Не спеша, мирной трусцой, среди посторонившейся публики, карета поравнялась с гостиницей. И тогда грянул взрыв двух бомб. Заклубился черный дым. Исковерканные лошади бились на мостовой. Один казак и стражник лежали уже мертвыми. По остальным открылась из окон гостиницы и с крыши бешеная пальба из револьверов... Сталин с забившимся сердцем вспомнил, с каким ожесточением выпускал он обойму за обоймой сперва в казаков, а потом в толпу шарахнувшихся в стороны зрителей, чтобы создать побольше паники. Потом из переулка на лихаче стремительно вылетел террорист, переодетый офицером. Легко спрыгнув у кареты, он вытащил оттуда несколько мешков с деньгами, опять вскочил в пролетку и скрылся в гуще извилистых переулков азиатского города. А на площади еще корчились конвоиры и около тридцати женщин и детей, убитых террористами. Сталин вспомнил один из самых своих удачных выстрелов, когда он "срезал" бегущую шагах в сорока девочку лет десяти...

Как просто все было тогда! Как легко было на душе, как ясны цели борьбы, как легок сон после таких убийств! Он казался героем в своих собственных глазах и в глазах остальных революционеров. А теперь? КТО теперь смотрит на него, как на настоящего вождя, ведущего к светлой цели? КТО оправдывает проливаемую им кровь?..

Сталин глубоко вздохнул, допил стакан вина и взял телефонную трубку.

—Ты, Петерс? Распорядись, чтобы через час в мавзолее никого не было. Я сам приду туда.

***

Умерший в 1924 году от запущенного сифилиса, "вождь мирового пролетариата" Ленин был набальзамирован и тело его выставлено под хрустальным колпаком в специально построенном мавзолее на Красной площади. На фронтоне этого мавзолея были помещены слова: "Ленин умер, но дело его живет". Мало кто добровольно посещал этот неуклюжий мрачный мавзолей, казавшийся на фоне кремлевской стены и стройных башен чем-то случайным, нелепым и безобразным. Только в полуобязательном порядке молча проходили тут москвичи и гости, приехавшие в столицу, чтобы бросить взгляд на желтое лицо человека, по вине которого страна была залита русской кровью...

Уже темнело, когда Сталин в своей солдатской шинели, сопровождаемый неизменным Петерсом, вышел из Спасских ворот и быстрыми шагами направился к мавзолею. Площадь была пуста; военную охрану усилили; автомобили вынуждены были объезжать Красную площадь; трамваи проезжали без остановки. Войдя в мавзолей, Сталин отпустил Петерса, сел в поданное ему кресло, привычным движением закурил трубку и своими мрачными глазами посмотрел в лицо "учителя". Ленин лежал на спине, со скрещенными на груди желтыми руками. Его выпуклый лысый лоб отражал свет ламп. Крылатые монгольские брови нависали над глубоко проваленными глазницами. Бледные губы сохранили следы своей всегдашней, ядовитой и циничной усмешки. Реденькая рыжеватая бородка не скрывала плохо повязанного галстука.

Несколько минут Сталин сидел молча, попыхивая трубкой. Потом встал, выбил трубку о каблук высокого солдатского сапога и с усмешкой вполголоса сказал:

—Да, брат Ильич!.. Тебе было легче. Все просто было в твое время. Ты знал, где враги, где друзья! А вот мне...

Он решительно нахлобучил военную фуражку и вышел..

Это было его старинной привычкой — перед важными событиями посетить старого мертвого вождя. Хотя злые языки говорили, что смерть Ленина была ускорена ядами, подсыпанными ему Сталиным, но даже, если это и было правдой, к Ленину Сталин чувствовал если не любовь, то уважение, как к убийце, обладавшему в самой высокой степени такими же качествами, как и сам Сталин.

Самое любопытное было то, что Сталин не знал, что под хрусталем мавзолея лежит труп не Ленина, а кого-то другого... Это было известно всей Москве, но Сталин, отрезанный от всего мира, не знал этого. Когда зимой 1929 года от сильных

морозов лопнули шедшие под мавзолеем канализационные трубы, весной он внезапно был заполнен "благоухающими массами", проникшими и под стеклянную крышку. Чтобы не навлечь на свою голову громов и молний диктатора, Ягода, при помощи инженеров и врачей, немедленно заменил труп Ленина другим... В это время в Ленинграде нашли рабочего Князева, который так походил на Ленина, что неоднократно уже играл его роль в фильмах, даже без грима. Этот Князев был немедленно "откомандирован" в другой город и... пропал. Но через два-три дня, вместо залитого человеческими экскрементами трупа Ленина, лежал другой, вновь набальзамированный профессором Абрикосовым... "Поклонение новым мощам" возобновилось опять, и только масса неприличных злых анекдотов поползла по матушке Руси...

Сталин был одним из немногих, от кого скрыли подмену...

Вернувшись к себе, диктатор опять заперся в своей комнатке и снова стал перебирать шансы "за" и "против"... На душе у него было неспокойно. Он знал, что стоит только показать Тухачевскому, что он готовит свой контрудар, как тот бросится в атаку. Поэтому Сталину нельзя было ни усилить охрану Кремля, ни вызвать в Москву новые дивизии НКВД. Малейшее подозрение, — и Тухачевский подаст сигнал к взрыву...

Знакомой мучительной болью сжалось усталое сердце. Опять тянущая боль поползла в левое плечо. Казалось, что, вот-вот усталое больное сердце перестанет биться. Но Сталин сжал зубы и заставил себя ровно и спокойно дышать. "Я не имею права теперь умирать, — свирепо сказал он сам себе. — Сперва нужно справиться с врагами"!..

Через несколько минут стало легче. Диктатор обтер платком потный лоб, дрожащими руками поднес к черным усам стакан вина и решительно встал. Еще несколько минут спустя он был в небольшой комнатке со стальными стенами. Запершись в ней, достал какие-то ключи и раскрыл дверцу большого стального шкафа. Там на полке, ясно освещенная лампой, стояла большая стеклянная банка, наполненная прозрачной жидкостью. В банке лежала человеческая голова...

В 1918 году отрекшийся Император, отказавшись бежать и покинуть свою страну, помещался под охраной в маленьком домике в Екатеринбурге, городке на стыке Урала и Сибири. Именно там 17 июля, ночью, его с семьей — царицей, больным маленьким сыном, четырьмя дочерьми, врачом и сопровождавшими его в беде друзьями, — заставили спуститься в подвал, зверски без суда расстреляли и добили штыками. Потом трупы были вывезены в глухой лес, разрублены на куски, облиты бензином и сожжены. Останки казненных сбросили в запущенную шахту и завалили землей.

Но отрубленная голова последнего Императора-Мученика

была отправлена в Москву, как доказательство произведенной "казни" и, может быть, для предотвращения попыток самозванства, что не раз случалось в истории России. Ленин, человек, подвергшийся влиянию европейской культуры, с отвращением отказался от осмотра мертвой головы. Но Сталин, не знавший человеческих чувств, в дни тревог, когда его судьба ставилась на карту, любил приходить в стальную комнатку и с нехорошей торжествующей усмешкой смотреть в мертвые открытые глаза. "Державный хозяин Земли Русской", последний Император России, тот, кто когда-то послал Сталина на каторгу, был теперь вот тут, перед глазами революционера, неподвижным, беспомощным и униженным. Много уже врагов Сталина лежало мертвыми в земле, и злобное жестокое сердце диктатора както освежалось, омолаживалось, ободрялось при взгляде на голову мертвого повелителя.

—Так будет со всеми, кто против меня, — шептал он. —Где теперь твоя слава и власть? Что думал ты двадцать лет тому назад?..

Он насмешливо пустил струю табачного дыма в лицо мертвого Императора и зловеще улыбнулся. Ему захотелось, чтобы и красивая, породистая голова маршала Тухачевского уже была тут же. Пусть даже с куском лба, вырванным пулей. Ведь "труп врага всегда хорошо пахнет" и... выглядит...

—Правда, Николашка?— беззвучно спросил он и вдруг вздрогнул: ему показалось, что тусклые глаза на печальном, благородном лице со спутанной, залитой чем-то темным бородой, вдруг оживились какой-то мыслью, каким-то немым упреком.

Стальной человек дрогнувшей рукой захлопнул шкаф и неверными шагами, оглядываясь, поспешно вышел из таинственной комнатки.

ГЛАВА 12

Горе побежденным!..

Вряд ли кто-нибудь в СССР думал, что день отлета северной экспедиции был последним днем, когда Тухачевский чувствовал себя во всем ореоле славы и власти. Казалось, что известие об аресте Путны стало каким-то переломным пунктом в судьбе маршала. Трудное историческое решение, принятое командармами в автомобиле на проселке — ждать, сжав зубы, выгодного момента для контрудара, для того, чтобы не ослабить Россию перед лицом грозных врагов, — сразу связало руки активности молодых сил армии. А давление НКВД, тонкие сети, которыми начал опутывать Тухачевского и его друзей Ежов, стали замечаться все больше.

Первым исчез Смутный. Исчез так просто и незаметно, как могут исчезать люди только в СССР. Ни Тухачевский, ни никто другой не могли добиться, куда девался личный адъютант замнаркома обороны. На настойчивые запросы Ежову о судьбе Смутного, тот делал озабоченное и огорченное лицо и уверял маршала, что даже маленьких следов найти пока не удается. Вся милиция и НКВД поставлены на ноги, но — увы! — тщетно.

—Знаешь что, Михаил,— таинственно снижая голос, говорил Ежов и в глубине его черных глазок мелькали насмешливые огоньки. —Я боюсь,— уж не фашистская ли разведка затащила Смутного в какую-нибудь ловушку? Не давал ли ты ему каких-либо секретных заданий по линии военной? Интересных для фашистов бумаг или материалов у него не было? Или твоих лично?

Несмотря на все уверения Ежова, Тухачевский прекрасно понимал, что тут без НКВД никак не обошлось. Смутный был доверенным лицом маршала и вся эта цепь первых трагических звеньев событий — старый проверенный шофер Павлов, военный атташе в Лондоне Путна и адъютант маршала Смутный, — все это были плохие признаки надвигающейся вражеской атаки. Люди исчезали и о них все молчали, словно их никогда и не существовало. В процессе своей дальнейшей работы Тухачевский стал замечать, как его постепенно изолируют от реальной связи с армией. Мало-помалу, ближайшие сотрудники маршала искусственным путем отдалялись от него все больше. Незаметно, один за другим, они получали от Ворошилова какие-то срочные служебные командировки, уезжали или переводились на другие посты. Все труднее становилось вызвать к себе в Москву Уборевича, Якира или Примакова. Воро-

шилов на заседании Реввоенсовета поднял, опираясь на решение политбюро, вопрос о создании в военных округах "реввоенсоветов для помощи командующим". Это, конечно, бесспорно обозначало резкое ограничение власти командующих округами (в военное время — командующих армиями), большинство которых было сторонниками Тухачевского на пути к усилению мощи армии, отмежеванию ее жизни от внутриполитического положения страны и росту ее самостоятельности.

Вслед за усилением политического контроля, Ворошилов стал вести постепенно и настойчиво перемещение войсковых частей, так что в Москве скоро собрали полки каких-то очень отдаленных военных округов СССР, для которых имя и личность Тухачевского не были так близки. Власть и возможность действия медленно уплывали из рук маршала. Как умный и видавший всякие виды советский "старожил", Тухачевский прекрасно понимал, что вся эта сеть паутины плетется вокруг него, но, связанный решением пока не прибегать к революционным действиям, он молчал и не отвечал никакими контрударами, в то же время понимая, как опытный стратег, что почву постепенно выбивают из-под его ног. Как боксеру для хорошего удара нужен крепкий пол и хороший упор, так и для политического удара надо было на кого-то и на что-то опираться. Нужно было иметь или товарищей, или организацию. Между тем, нити связи между ним и его старыми соратниками тщательно обрезывались, а об организации теперь нельзя было и думать. Пытаясь бороться за своих сотрудников, он неизменно проигрывал — право перемещений высшего командного состава принадлежало, прежде всего, Ворошилову: армия есть армия. Нарком обороны мог согласовывать свои действия со своими помощниками и заместителями, но мог все сделать и помимо их... А Ворошилов получал соответственные указания от самого Сталина.

Нововведенные военные советы в округах сразу же резко стали в оппозицию к командующим — тем молодым выдающимся командармам, которых с такой любовью и вниманием подбирал и воспитывал Тухачевский. Уже одно то, что приказ командующего округом не был действительным без скрепления его подписями двух членов военсовета, по существу ограничивало возможности распоряжения военной силой для сопротивления аппарату НКВД. Принцип коллективного командования, который так давно и решительно был истреблен в Красной армии Тухачевским, ввели опять. На заседании Реввоенсовета даже Гамарник, — умный, но слабохарактерный, — которого увлекли идеи Тухачевского о техническом и духовном усилении армии, пытался, к удивлению Ворошилова, возражать, но перед авторитетом политбюро вынужден был замолчать. Тухачевский был достаточно умен, чтобы промолчать. Он

с болью и горечью замечал: как в свое время был заранее изолирован и обезоружен Ягода, так точно и он постепенно лишается возможности владеть подобранным им военным аппаратом и постепенно около него образовывается искусственная пустота.

Ворошилов все настойчивее вмешивался в вопросы его компетенции и неуклюже, но решительно подбирал вожжи управления армией в свои руки. Все больше чужих лиц и имен встречал Тухачевский среди "обновленного командования". В среде командиров частей, расквартированных в Москве или округе, уже не было людей, на которых можно положиться. А между тем, Дивизия особого назначения имени Дзержинского, — преторианцы Кремля и НКВД, — все усиливала свои ряды. Эта чекистская дивизия окружалась вниманием, комфортом и неприкрытой лестью. Тухачевский ясно видел все это, но пока был бессилен противодействовать усилению внутренней армии войск НКВД в противовес Красной армии, стоявшей на охране рубежей страны. Он был прирожденным организатором и трезвым реалистом. Очевидно было, что необходимо ждать поворота обстоятельств в благоприятную сторону; пока же, сжав зубы, терпеливо и спокойно следить за развертыванием событий. Все равно война была не за горами, а с нею неизбежно должны были измениться и обстоятельства. Вот тогда!..

Порой, все чаще ему казалось, что он допустил роковую ошибку, отложив бой со Сталиным до более выгодного для страны момента. Для **НЕГО ЛИЧНО** было выгоднее дать бой тогда же, сразу согласившись на предложение Корка о дворцовом перевороте. ОН лично тогда мог легко выиграть, но выиграла ли бы от этого страна? Впервые в своей карьере маршал поставил интересы страны выше своих и в глубине души не мог решить, правильно ли сделал... Но что сделано, то сделано. Нужно было не терзать себя напрасными упреками, а искать выхода из создавшегося положения.

Яркой искоркой блеснула надежда на возможности новых комбинаций, когда из Лондона было получено приглашение прислать представителя СССР на торжество коронации нового короля. Казалось бы, кого и послать, как не Тухачевского? Человека, европейски образованного, европейски известного. Но на заседании политбюро, когда Ежов, не без задней мысли, предложил кандидатуру маршала, Сталин насмешливо усмехнулся.

—Ну, ну... Нельзя же все одного да одного!.. Европа может подумать, что у нас людей нет... Поездил сам — дай поездить и другому!..

И в Лондон решено было послать адмирала Орлова на линкоре "Марат".

***

Вся страна переживала какое-то лихорадочное напряжение. Но это не было лихорадкой перед новой эпохой войны,

"стартовой лихорадкой", как говорят спортсмены. Это было какое-то тягостное затишье перед неведомой грозой.

В кругах, близких к Кремлю, уже ясно чувствовали, что какие-то ветры дуют не в пользу маршала Тухачевского. А для опытных советских вельмож даже легкого дуновения такого ветерка было достаточно. Уже не одна сотня голов слетела за последние годы и "советский нюх" изощрился в этом отношении до чрезвычайности. Тухачевский попрежнему бывал в среде кремлевских воротил, вел обыденную работу, но во взглядах многих, посвященных в закулисные тайны Кремля, он был **УЖЕ** "бывшим человеком". Особенно ярко это отчуждение, эта пустота около маршала проявились в день празднования 1 мая 1937 года.

Как иногда, когда идут трое рядом, стоит одному передвинуться на несколько сантиметров в сторону и уже кажется, что идут не трое, а ПАРА и ОДИН, так и на первомайском параде почти неопределимо для глаз, но ощутимо для людей "с нюхом" стало ясно, что Тухачевский находится в каком-то странном положении. Он и сам ощущал это. На Красной площади маршал появился не подтянутым, властным и оживленным, как всегда раньше, а как-то несколько понуро, задумчиво, с руками, глубоко засунутыми в карманы шинели, и странно равнодушным к великолепной картине парада; на трибуне он стоял особняком, на отлете и, не дождавшись его конца, уехал домой.

Мысли Тухачевского были тягостны и напряжены. Иногда он спрашивал себя, правильно ли сделал, вернувшись из-за границы, а не оставшись там для личной жизни. И не было ли его решение в автомобиле роковым для него лично? Но он чувствовал, что не ему, прославленному маршалу, уходить с поля боя или венцом своей жизни и карьеры избрать переворот, грозящий гибелью его родине. Еще не все было потеряно. Правда, было туго, но... Разве не переживал он положений куда более критических? И разве не выходил из них победителем?.. Мысли о милой Тане нередко всплывали в его памяти. Впервые мирная спокойная жизнь с нею представилась ему, как доля личного счастья среди тревог и борьбы. Но он гнал от себя эти мысли. "Я не английский король, чтобы отказываться из-за юбки от долга, от трона, от власти",— говорил он сам себе и опять выше поднимал свою красивую голову. Русское, великолепное русское слово "НИЧЕГО!" срывалось в такие моменты с его губ.

Маршал вспоминал, как в 1919 году, пройдя со своими армиями через теснины Урала и ударив в тыл белой армии Колчака, он зарвался там и попал в страшные клещи генерала Пепеляева. Оба штаба — и белый и красный — считали его положение совершенно безнадежным, когда совершенно неожиданно в тыл белым ударила "пятая колонна" — армия вос-

ставших рабочих Челябинска. И последний бой за власть над Россией был тогда выигран красными... Разве не знает история десятков и сотен примеров, когда положение менялось в последнюю секунду и победа доставалась более твердому, настойчивому и умеющему ждать?.. Сейчас у него не было другого выхода, как только ждать, сжав зубы, не делая вида загнанного зверя. И встречая угрюмый взгляд Ворошилова или откровенно злорадный Ежова, Тухачевский только уверенно усмехался и выше поднимал свою красивую голову. Игру он хотел доиграть красиво до конца, каков бы ни был этот конец.

“Жизни только тот достоин,
Кто на смерть всегда готов”...

А смерти маршал Тухачевский не боялся никогда...

***

”Накаливание политической атмосферы“ все усиливалось. Вслед за введением вновь института политических комиссаров в армии, начались и события практического порядка. 11 мая неожиданно был опубликован приказ Ворошилова о крупных перемещениях высшего комсостава армии. Тухачевский переводился с поста первого заместителя наркома обороны на пост командующего войсками Приволжского военного округа. На его место был назначен послушный, неяркий маршал Егоров. Меняли свои места и Якир, Уборевич, Примаков, Эйдеман, Фельдман и другие. Все они переводились на новые места, где у них не было корней и где они практически были беспомощны и безопасны для Кремля среди новой обстановки.

Немецкая газета ”Ангрифф“ опоясалась кричащим заголовком: ”НАПОЛЕОН СОВЕТСКОЙ РОССИИ ОТПРАВЛЕН В ССЫЛКУ“. Такими же, примерно, заголовками встретила иностранная пресса новые известия из Москвы. Все начинали понимать, что политическое напряжение в СССР начинает разряжаться крупнейшими событиями и что это странное перемещение командармов только пролог к дальнейшим, очень крупным переменам. Действительно, события не заставили себя долго ждать. Двое знаменитейших ученых СССР, Ипатьев и Чичибабин, посланные в Европу на научные конференции, отказались вернуться в СССР. Потом арестовали бывшего венгерского диктатора Бела-Куна и Ягоду — чекистов, проливших реки человеческой крови на службе мировой революции. Затем, как -то очень скоропостижно и неясно, умерла Аллилуева, жена Сталина, прах которой был торжественно замурован в кремлевской стене. Резко уменьшился диапазон военной помощи красной Испании. Во всем мире уже были уверены, что в СССР назревают не только крупные, но и как обычно, кровавые события. Это еще более ясно ощущалось в Советском Союзе, где все замерло, как перед ураганом.

Сталин сам почуял это и, как опытный политик, понял, что

перед решительными действиями необходимо как-то разрядить напряженную атмосферу, отвлечь внимание страны и всего мира от политического положения. На фоне этого настороженного статического напряжения лучшим отвлекающим аккордом был бы успех советской экспедиции на Северный полюс. Для нищей, задавленной террором страны этот полет был ненужной роскошью, но при диктатуре, ради политической необходимости, власть имущие разрешают себе все — любую трату денег, материалов, времени, сил и людей. В тихом, низком, напряженном тоне данной минуты советской жизни необходимы были какие-то внезапно резкие, громовые, мажорные ноты, блеск побед, яркость достижений, опьянение успехом, возможность для крика, шума, движения... в безопасную для Сталина и его окружения сторону. Как тонкий психолог, Сталин понимал, что под шумок такой звуковой и зрительной декорации можно лучше и безопаснее нанести свой очередной удар тем, кто не хотел гнуться под его властной рукой...

"СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС ЗАВОЕВАН БОЛЬШЕВИКАМИ!"
"ПОЛЮС ЗНАЛ, КОМУ ПОКОРИТЬСЯ!"

Такими гордо-хвастливыми заголовками пестрели советские газеты двадцатых чисел мая. Опасаясь неудачи, которая была бы несомненно насмешливо встречена враждебным Западом и озлобленно настороженной страной, советская печать избегала трубить о подготовительных перелетах экспедиции. Только небольшие заметки, скорее технического характера, давали представление о действиях, работе и героизме группы в 42 смельчака на первоклассных пяти самолетах.

Уже 18 апреля все самолеты благополучно приземлились на крайнем северном пункте земли — острове Рудольфа. Но капризная полярная погода не давала возможности для продолжения перелета и последнего этапа на самый полюс. Свирепые северные бури, мятели, туманы ледяными цепями держали скованной волю и энергию людей на далеком кусочке земли, тысячелетиями скрытой под вечным мощным покровом льда. Лишь 5 мая небо просветлело настолько, что легкий самолет Головина рванулся ввысь и за 5 часов (в 16 ч. 32 м.) достиг полюса. Пятый раз в истории мира над таинственной мертвой точкой земли вихрем пронесся слабый и ничтожный среди "великого безмолвия" человек. Но Головину не удалось увидеть ледяного щита, покрывавшего глубокий океан над полюсом — низкая полоса белого тумана стелилась над мертвым пространством. 11 мая другой летчик, Крузе, вылетел на новую разведку, но попал в такую внезапную бурю, что его самолет был в течение нескольких минут покрыт толстым слоем льда. Громадная дополнительная тяжесть придавила самолет ко льду, и Крузе, пробив туман, удачно сел на первую попавшуюся льдину невдалеке от полюса. Ему через несколько дней сбросили на парашюте го-

рючее, снаряжение и кирки; успешно выведя самолет со льдины на случайно образовавшуюся сбоку полынью (легкие самолеты могли садиться и на снег и на воду), Крузе и его товарищ завели мотор и счастливо вернулись на остров Рудольфа.

Погода, все-таки, никак не устанавливалась. Приходилось ждать, ибо рисковать громадными машинами было слишком опасно. А из Москвы, в адрес профессора Шмидта, неслись шифрованные телеграммы с категорическим приказом Сталина вылетать. В самом профессоре боролись два чувства — привычка старого большевика к полному подчинению и осторожность научного работника, которому доверены люди и большое задание. В конце концов, он пошел на компромисс и, дождавшись мало-мальски сносной погоды, дал приказ о вылете. 21 мая 1937 г. в 4 ч. 52 м., гигантский флагманский самолет "СССР Н 170" под управлением Водопьянова, имея на борту начальника экспедиции и будущих четырех жителей полюса, решительно стартовал на север. С борта самолета регулярно посылались телеграммы на о. Рудольфа. Все шло благополучно. Около 11 часов была получена радиограмма:

"Борт самолета СССР Н 170. 11 ч. 10 м. 45 с. Прошли над полюсом. Для страховки летим чуть дальше. Низкая облачность. Высота 1750 м. Идем на посадку. Привет. До свиданья. Шмидт".

Оставшиеся на о. Рудольфа участники перелета тесной группой окружили свою рацию*), лихорадочно ожидая дальнейших новостей. Все понимали, что самолет вылетел, подчиняясь приказу, вовсе не в благоприятную погоду, и всякие случайности и несчастья были возможны. Вот почему напряженно ждали закаленные полярники около радиоаппарата. Но он молчал и в этом молчании уже чувствовалась назревающая трагедия. Шли мучительные минуты, складывавшиеся в часы, а в небольшом бревенчатом домике у аппарата сидели люди в мехах, ожидая знакомых позывных — "ДЕ — ВР") ("Я — самолет Водопьянова"). Но эфир молчал. Пронзительный ветер тоскливо выл в креплениях небольшой приемной мачты и "белое безмолвие", казалось, торжествовало. Лица бледнели и мрачнели. Все понимали, что "что-то" там УЖЕ случилось. Что там, за 900 километров ледяного мертвого поля, может быть, кто-то теперь уже борется из последних отчаянных сил за свою жизнь. И сознание невозможности помочь угнетало всех. В надвинувшихся волнах тумана возможность вылететь на помощь потерпевшим крушение (а чем иначе можно было объяснить молчание радио?) сводилась к нулю...

А там, над полюсом, когда по самолету пронеслось ликующее "Есть! Мы на полюсе!" флагштурмана Спирина, Водопьянов, широко ухмыльнувшись и радостным "раскатом" пройдясь по "родимой матушке", выключил моторы. Со свистом прорезая

*) Радиостанция (Сов. сокращение).

ледяной воздух, громадная 24-тонная металлическая птица стала кругами спускаться, как орел над беспомощной добычей. Внизу лежали белые густые облака. На несколько минут машина была окутана полупрозрачной ватой, но потом резко вырвалась из белых объятий и глазам полярников представилась простая, величественная и чарующая картина ледяного моря, кое-где прорезанного узкими темными полосками открытой воды. На полюсе, по глубокому океану ходили громадные ледяные поля да торчали бледно-зеленые пики угрюмых айсбергов. Все было пустынно, сурово и мертво...

Водопьянов сделал еще два круга над полюсом и, выбрав более ровную большую льдину, повел машину на посадку. . . Искусство посадки — самое трудное в летном деле. Одно — мягко снизить самолет на ровном аэродроме, полном известных опознавательных знаков, другое — благополучно приземлить тяжелую перегруженную машину с 13 пассажирами, при скорости более 100 километров, на неизвестную, слепящую и предательскую поверхность незнакомой льдины, по которой призрачными волнами ходят полосы тумана. И это — в 4.500 километрах от Москвы и почти в 1.000 от ближайших людей и ближайшей помощи.

Все затаили дыхание. Глаза Водопьянова превратились в сверкающие стальные щелки. На крепких щеках заиграли желваки от сжатых челюстей. Наступали исторические роковые миги...

Свистя и мягко рыча, громадная птица скользила над льдиной все ниже и ниже. Наконец, что-то резко взвизгнуло под лыжами самолета. Еще и еще... И вдруг... Внезапно оглушающим ревом опять загудели все четыре мотора и уже царапавшая ледяную поверхность машина вдруг рванулась вверх. Перед глазами замерших в напряжении людей внезапно поднялась острая ледяная стенка, раньше закрытая предательским туманом, вертикальная и угрожающая, о которую легко и просто разбился бы в щепки скользивший к ней самолет. В какую-то последнюю тысячную долю секунды острые глаза летчика различили эту предательскую западню сдающегося полюса, и он заставил "СССР Н 170" отчаянным прыжком, только чуть ударившись, перелететь это последнее препятствие. Потом опять чиркнули по льду лыжи и хвостовой поплавок, кучи снежной пыли поднялись сзади, качнуло крепче и резче, звон раздавливаемого льда слился в оглушающий гул. Но моторы уже молчали; машина, дрожа и подпрыгивая, все замедляла ход. Еще минута,—и флагман стал. Русские люди были на Северном полюсе!

Профессор Шмидт снял меховую шапку, отер лысеющий лоб и молча взволнованно пожал руку Водопьянову. Все они, старые полярники, понимали друг друга без слов. Никогда они не были так близко и так бесславно от смерти...

Искусство летчика спасло товарищей и успех экспедиции в последний момент. Но, может быть, эта тысячная доля секунды погубила маршала Тухачевского. Как знать, решился ли бы Сталин на удар по армии, если бы тягостное напряжение всей страны и всего мира было еще более усилено трагическим исходом полярного перелета?..

***

Ликующей толпой высыпали незванные полюсом гости на широкую льдину. Соленые слова, шутки и здоровый бодрый смех смело ударили по "белому безмолвию". Основная задача была выполнена: полюс завоеван!

Сейчас же было приступлено к выгрузке грузов, а Кренкель, взяв у Шмидта написанную им на листке блокнота телеграмму, с сияющим лицом полез в кабину самолета передать ее на остров Рудольфа, а оттуда в далекую родную Москву. Однако, через несколько минут, он с бледным и перекошенным лицом выглянул из самолета. Оказалось, что при резком толчке машины о ледяную стенку умформер получил внутреннее повреждение; при первой же волне, посланной Кренкелем в эфир, произошло короткое замыкание, и только что так счастливо основанная станция "Северный полюс" осталась немой.

Но горевать и ругаться не было времени. Все бросились на разгрузку материалов полярной рации, а Кренкель лихорадочно захлопотал, устанавливая новую мачту на льдине. Вокруг него грохотали смех и соленые шутки здоровых, бодрых спутников, выгружавших самолет и намечавших место аэродрома для принятия других самолетов. А он все прилаживал свои приборы и аккумуляторы, устанавливая антенну, стараясь поскорее бросить в мир чудесную волну: "мы живы". Он-то, старый участник полярных путешествий, лучше многих понимал, КАК объясняют ТАМ, на материке, внезапное молчание ЕГО рации...

***

Десять лет тому назад, когда итальянский дирижабль "Норге", попавший в ледяную бурю, был разбит об айсберги по дороге от полюса домой, многие дни о нем ничего не было известно. Миллионы людей ловили в эфире новости о дирижабле, но их не было. А потом... какой-то русский парнишка в деревне под Вяткой, устроивший себе самоделку-радиоаппарат, случайно поймал позывные "Норге" и догадался передать их телеграммой в Ленинград. И только тогда мир узнал о случившемся; связь с оставшимися в живых из экспедиции Нобиле была налажена; самолеты-спасители загудели в воздухе; мощный ледокол "Красин" начал стальной грудью пробивать путь сквозь льды для спасения людей, оставшихся в живых после гневной мести полюса.

Так и теперь где-то произошла несомненная трагедия, но мир еще не знал о ней. Догадывались о ней только люди в ме-

хах, склонившиеся у радиоаппарата на острове Рудольфа, да хватался за больное сердце обеспокоенный диктатор в Кремле.

Много часов царило молчание. Условленные позывные "УПОЛ" ("я — станция "Северный полюс") не доносились невидимыми волнами по эфиру... Люди с наушниками сидели у тускло освещенной доски аппарата и ждали на определенной волне знакомого писка — точек и тире, из которых можно было составить "УПОЛ". Но эфир молчал... Только в 12 часов ночи, когда в маленькой бревенчатой хижине все, измученные ожиданием, уже спали, дежурный, склонившись над молчащим аппаратом и не осмеливаясь слушать ничего, кроме определенной волны, услышал, наконец, позывные: "УПОЛ", "УПОЛ", "УПОЛ"... Он не мог оторваться от аппарата, чтобы крикнуть и позвать других. Ни одна точка или тире не должны были быть упущены. Его рука протянулась к висевшему на боку револьверу и резкий звук выстрела сорвал всех с коек. Сияющее лицо дежурного радиста не требовало объяснений такому необычному способу побудки...

"Москва. Главсевморпуть. Остров Рудольфа.

В 11 часов 10 минут самолет "СССР Н 170" под управлением Водопьянова, Бабушкина, Спирина, старшего механика Бассеина пролетел над Северным полюсом. Затем Водопьянов снизился с 1750 метров до 200, пробив сплошную облачность. Стали искать льдину для посадки и устройства научной станции.

В 11 ч. 35 м. Водопьянов блестяще совершил посадку. К сожалению, при отправке телеграммы о достижении полюса внезапно произошло короткое замыкание, выбыл умформер рации, прекратилась радиосвязь, возобновившаяся только сейчас, после установки новой рации на новой полярной станции. Льдина, на которой мы остановились, расположена, примерно, в 20 километрах за полюсом по ту сторону и несколько на запад от меридиана Рудольфа. Положение уточним. Льдина вполне годится для научной станции, оставшейся в дрейфе в центре полярного бассейна. Здесь можно сделать прекрасный аэродром для приемки остальных самолетов с грузом станции.

Чувствуем, что перерывом связи невольно причинили вам много беспокойства. Очень сожалею. Сердечный привет. Прошу доложить партии и правительству о выполнении первой части задания.

Начальник экспедиции Шмидт".

Лихорадочно звонили ночью телефоны кремлевской связи в Москве. И через час с высоких мачт мощной станции Коминтерна в эфир полетели слова ответной телеграммы:

"Партия и правительство горячо приветствуют славных участников полярной экспедиции на Северный полюс и поздравляют их с выполнением намеченной задачи — завоевания Северного полюса. Эта победа советской авиации и науки подводит итог блестящему периоду по освоению Арктики и северных путей, столь необходимых для Советского Союза. Первый этап пройден, преодолены величайшие трудности. Мы уверены, что героические зимовщики, остающиеся на Северном полюсе, с честью выполнят порученную им задачу по изучению Северного полюса. Большевистский привет славным завоевателям Северного полюса!

И. Сталин, В. Молотов, К. Ворошилов, Л. Каганович, М. Калинин, В. Чубарь, А. Микоян, А. Андреев, С. Коссиор, А. Жданов, Н. Ежов, М. Рухимович, В. Межлаук".

Подписи прославленного маршала Тухачевского, вложившего так много своей кипучей энергии в подготовку экспедиции, не было под телеграммой. Информация Канделяки из Берлина и посадка Водопьянова на полюсе окончательно развязывали руки Сталину. Вызванный ночью Ежов получил последние инструкции. . .

Над ликующим и гордым победой русского гения народом нависал кошмар новых жертвоприношений на алтарь коммунизма. Перед глазами Европы, на миг забывшей, что СССР — не Россия, должна была пройти страшная картина новой большевистской чистки — самой кровавой, которую только знала мировая история. У русского народа хотели вырвать русское сердце, которое осмелилось чувствовать, надеяться и верить в русское, а не советское будущее своей родной страны...

**
*

Перемены в армии были объявлены так неожиданно, что всех захватили врасплох. Неожиданные удары исподтишка были давно известной любимой специальностью Сталина.

Дыбенко, когда-то кочегар Балтийского флота, сделавший при Советах головокружительную карьеру — одно время до наркома включительно — когда-то "краткосрочный" муж Коллонтай, а теперь командующий войсками Приволжского военного округа, только что вернулся из Москвы в Куйбышев. В Москве он был приятно и неожиданно удивлен очень ласковым приемом у Ворошилова и количеством комплиментов, "отпущенных" ему на этот раз наркомом обороны. И боевая подготовка округа стоит, мол, на должной высоте, и дух вверенных ему войск стоек, крепок и находится в струе генеральной линии партии. Был даже густой намек на быстрое повышение. То же самое в один голос повторили ему при проводах в его салон-вагоне Буденный и адъютант Ворошилова — комдив Снегов. Словом, все обстояло прекрасно. Немудрено, что сильно располневший от привольной жизни 50-летний сангвиник Дыбенко, и в пути и по возвращении ночью в Куйбышев (Самару), позволил себе выпить лишнее и вне обычного расписания провести ночь с молодой красивой женой (которой по счету, он и сам уже не мог сказать).

Вот почему утром, проспав, не слушая утренней радиоинформации, он торопился на службу, полный жажды кипучей деятельности после лестных похвал Москвы. А его штаб был уже в лихорадке. Утром, после приезда Дыбенко, прозвучал, как гром среди ясного неба, непонятный приказ Ворошилова о переменах и назначениях среди высшего комсостава армии. В этом приказе было сказано, что маршал Тухачевский переводится на пост командующего войсками Приволжского округа. Но в приказе ни слова не было сказано о самом Дыбенко. Не-

мудрено, что сотрудники штаба были взволнованы и заинтригованы.

После первых же минут очередных докладов стало понятно, что сам Дыбенко, как это ни странно, ничего еще не знает об оглушительной новости. Не сразу решился начальник штаба сообщить своему командующему об утреннем радио Москвы. Он не без колебания посовещался с ближайшими сотрудниками и, наконец, решился. Оправив мундир, вошел в кабинет Дыбенко.

—Ну, что еще? — ленивым барским тоном спросил располневший грузный кочегар. —Начдив Прокопченко прибыл с докладом?

—Прибыл, Павел Ефимович... Разрешите мне пока вам, так сказать, внеслужебный вопрос задать... На правах старого сослуживца...

—Да-а-а-а?..

—Куда ВЫ, Павел Ефимович, назначаетесь после сдачи округа?

Дыбенко поднял свою лобастую голову.

—Как это — "куда"? Да что вы, батенька, меня разыгрывать вздумали?

—Ну, как можно, товарищ командарм?.. Я только хотел у вас лично узнать, куда вы назначены после сдачи округа маршалу Тухачевскому?

Дыбенко удивленно смотрел на своего начштаба.

—Какой передачи округа?

—Ну-да... Ведь сегодня утром опубликован приказ наркома обороны о назначении маршала Тухачевского на ваше место.

Дыбенко, который еще вчера утром долго беседовал с Ворошиловым, снисходительно усмехнулся.

—Ну, довольно, довольно, товарищ... Разыгрываете!.. А я этого не терплю на службе...

—Но ведь в самом деле, товарищ командарм! Какой тут может быть розыгрыш? Разве бы я осмелился?

Дыбенко уже с раздражением дернул плечом, но в это время затрещал телефон. Узнав голос, он сладко улыбнулся.

—Ах, это ты, цыпочка?.. Ну, как доспала?

Через минуту не только сладенькая улыбочка сползла с его лица, но оно побледнело. Молодая жена спрашивала его с понятным беспокойством, что с ним будет дальше... "Розыгрыш" начштаба оказался жгучей правдой.

Дыбенко сейчас же в лихорадке потребовал прямого провода с Реввоенсоветом. Долго пришлось ему ждать соединения и много пережил он за это время, переходя от отчаянья к надежде. Только советский гражданин может понять, что значит для какого-нибудь главка или командарма неожиданное сме-

щение с его поста в такой форме. Это — первый звонок с того света...

—Кто у телефона?— дрожащим напряженным голосом пробормотал он, наконец, получив соединение. —Комдив Снегов? Говорит Дыбенко. Здравствуй, Миша... Что это за новость объявлялась сегодня по радио? Да?.. А что со мной?.. Как? Куда? (в напряженном голосе внезапно зазвучали радость, облегчение и благодарность). Ага!.. А приказ скоро? Завтра? Великолепно! (в голосе Дыбенко опять появились старые барственные нотки). Так ты, Миша, будь другом, поторопи, пожалуйста, чтобы можно было заранее приготовиться... Ну, будь здоров, браток. Привет жене...

Со вздохом облегчения он положил трубку, вытер пот, обильно выступивший на лбу, и жадно выпил стакан воды.

—Маршал приедет через несколько дней,— официальным тоном сказал он стоявшему сбоку начальнику штаба. —Озаботьтесь, чтобы все было готово.

—Есть, товарищ командарм. А куда вы, Павел Ефимович, назначены?

—Командующим войск СибВО, — благосклонно ответил Дыбенко...

Сейчас же машины округа стали объезжать книжные магазины города и скупать портреты маршала Тухачевского, которыми были затем украшены соответствующие кабинеты всех высших советских учреждений. Готовилась квартира маршалу, приготовлялись акты о сдаче и приеме округа, паковались вещи Дыбенко. Обсуждалась программа выступлений, митингов и концертов в честь нового командарма. И никто еще не знал, что секретарь крайкома партии, член ЦК Тубриков, уже получил из личной канцелярии Сталина особо секретный пакет со специальными инструкциями...

Через несколько дней после приезда Тухачевского состоялось общегородское партийное собрание. После его открытия было внесено предложение о выборе маршала Тухачевского в состав президиума собрания. Вместо голосования этого предложения, зал ответил дружной продолжительной овацией, не смолкавшей до занятия Тухачевским места за столом президиума. Маршал неоднократно хотел встать и что-то сказать, желая прекратить ставившую его в неловкое положение овацию, но гром аплодисментов не давал ему говорить. Даже здесь, на берегу Волги, широкая популярность прославленного маршала была очевидной, ибо в волнах приветствий вставшего зала было нечто бóльшее, чем только казенная обязанность. Когда, наконец, замолкли аплодисменты и Тухачевский поднялся, его лицо не было ни оживленным, ни радостным. Глаза блестели каким-то лихорадочным огнем, а черты красивого лица передавали большое душевное напряжение. Но даже это не помешало

всему залу почувствовать в поднявшемся у стола маршале настоящего, Божьей милостью, вождя и командира.

—Товарищи! Возможно, что вы несколько опрометчиво и поспешно избрали меня в президиум и устроили ненужную овацию,— сказал он негромким, но ясным и твердым голосом. —К сожалению, теперь моя партийная репутация, мое партийное лицо не являются безупречными.

Все замерли. В голосе маршала было много скрытой горечи и боли, столь странной для его облика бесстрашного бодрого солдата. Было что-то даже торжественное в его негромких точных словах, скупых, медленных жестах, что заставило всех притихнуть в предчувствии чего-то необычайного.

—Считаю необходимым довести до вашего сведения, товарищи, что я только что получил от ЦК партии, членом которого являюсь, серьезное и вполне заслуженное партийное взыскание. Дело в том, что мой бывший адъютант, за которого я в свое время ручался, оказался неприятельским шпионом и изобличен агентами НКВД в передаче за границу очень важных документов. За это я сурово наказан Реввоенсоветом и смещен с поста замнаркома обороны...

Едва заметно прозвучала в голосе Тухачевского нотка обреченности. Но этого зал не понял. Искренние слова маршала еще более усилили симпатии зала к нему (в конце концов, разве за всеми углядишь? Везде шпионы и враги!) и в конце заседания Тухачевский был неожиданно, как для себя, так и для партийных верхов, избран дополнительно делегатом на предстоящую окружную партконференцию.

**
*

Несмотря на тяжелую трагедию в душе, Тухачевский принялся за свои обязанности с обычной энергией и знанием дела. После приема дел от Дыбенко, он познакомился со всеми высшими командирами своего нового округа и, как бывало всегда и раньше, сразу же приобрел себе много крепких и верных друзей. После "командования" Дыбенко, старого кочегара с революционными заслугами, полуграмотного вообще и, тем более, в военном деле человека, четкость, ясность и ценность указаний и распоряжений Тухачевского сразу привлекли к нему сердца всех начальников. По контрасту с грубостью, резкостью и безграмотностью старого командвойсками, спокойствие, такт и выдержка маршала ошеломили всех высших командиров округа. Они только теперь поняли, что значит, наконец, настоящее командование — твердое, умное, тактичное и компетентное...

Как раз в этот период случился маленький эпизод, очень характерный для методов воспитания армии, которыми пользовался Тухачевский. В один из приволжских полков приехала из глубокой провинции старая крестьянка, хотевшая посетить своего сына-красноармейца. Случайно она увидела его, сто-

явшим на боевом посту часовым — около пороховых погребов. Естественно, мать кинулась обнимать сына. Тот же взял винтовку на изготовку и после троекратного предупреждения "не подходи", выстрелил и ранил старуху, не понимавшую, почему, собственно, ей нельзя обнять сына. После этого трагикомического случая Тухачевский в приказе поблагодарил солдата за правильное выполнение устава, но — самое интересное — наградил мать крупной денежной наградой и подарками за то, что сумела воспитать в сыне высокое чувство долга.

Этот приказ по округу еще больше поднял престиж командующего и, — главное, — приобрел ему друзей среди простых солдат, восхищенных таким решением начальника...

**
*

Дыбенко, уже посвященный в планы Кремля, был до приторности любезен с Тухачевским. Он старался ничем не показать, что в жизни маршала назревают трагические события. Мирно шла упаковка и отправка вещей старого командующего в Сибирь, опять закипела обыденная военная работа округа, громадная машина, после перемены начальника, вновь работала полным ходом, на этот раз творческим и свободным. Все командиры, от высших до низших, почувствовали новое веяние в военном творчестве, и подъем инициативы и воодушевления охватил всех. Да и сам маршал, после кабинетной работы, не без удовольствия погрузился в повседневную жизнь командарма, более близкую солдату, чем сиденье в великолепных залах Реввоенсовета...

Скоро из Москвы на имя Тухачевского и Дыбенко пришли вызовы на заседание Реввоенсовета. Было решено, что из Москвы Дыбенко поедет прямо в Новосибирск, не заезжая в Самару. Поэтому "вожди" края и города решили до его отъезда устроить товарищеский вечер — проводы старому командарму. Почти никто не знал, что главный устроитель и режиссер вечера находится в Москве на Лубянской площади и, потирая потные ручки и сладострастно хихикая, готовит финальную сцену...

**
*

Шел девятый день пребывания Тухачевского в Куйбышеве. В квартире председателя крайисполкома Полбицына весело шумела подвыпившая компания. Все были со своими женами. Мягкий июльский ветерок доносил в комнату благоухание цветов роскошного сада. Обильные яства загромождали столы. В одном зале звенели мотивы танцев, кое-где группами сидели веселые раскрасневшиеся гости с расстегнутыми жилетами и мундирами.

Официальная часть вечера была уже закончена. Тосты и здравицы отгремели, и все были "как дома". Внезапно в каби-

нете хозяина зазвенел телефон. Ругаясь и ворча, Полбицын подошел к аппарату. Его лицо немного прояснилось, когда он услышал, что в крайком вызывают не его, а секретаря парткомитета Тубрикова.

—Ах, мать их, — с досадой бросил трубку Тубриков.—Что им там приспичило? "Секретное дело"... Сукины дети! Даже отдохнуть и выпить толком не дадут... Ну и задам же я им там!.. Извините, товарищи, а я мигом слетаю взад-назад...

Быстрая машина унесла его в крайком. Через полчаса опять зазвенел телефон. Оказалось, что срочное дело в крайкоме связано с военными вопросами и Тубриков просит приехать туда на несколько минут Дыбенко.

— Дела "моей компетенции"? — повторил Дыбенко, тоже не скупясь на сочные выражения. — Вот чорт!.. А знаешь, что Михаил Николаевич, — обратился он к маршалу самым небрежным и естественным тоном, — поскольку я, собственно, уже передал командование, дело касается скорей тебя... Давай, съездим, брат, вместе. Если понадобится, я дам нужные справки, а ты, как новый командарм, поставишь точку... Идет?

Из "любопытства" и чтобы "проветриться", как он заявил, с ними увязался и Полбицын. Через несколько минут все были перед дверями секретаря крайкома партии. Распахнув дверь, Дыбенко вежливо посторонился, пропуская Тухачевского вперед. Тот, ничего не подозревая, перешагнул порог. Мгновенно за его спиной выросли трое скрывавшихся за дверями сотрудников НКВД в очень больших чинах. Впереди сверкнули наганы двух других, стоявших рядом с Тубриковым.

— Ни одного движения, — зловеще тихо сказал один из чекистов. — Гражданин Тухачевский, вы арестованы. Вот постановление правительства и ордер на арест.

Тухачевский несколько секунд стоял неподвижно, медленно обводя презрительным взглядом ощерившуюся револьверными дулами компанию. Потом спокойно подошел к столу, взял протянутый ему ордер, не читая бросил его на стол и прежним привычным движением выпрямился. И опять в его гордой бесстрашной осанке почувствовался настоящий маршал, маршал Божией милостию. . .

В кабинете стояла звенящая тишина. Казалось, что биение взволнованных человеческих сердец слышно, как отзвук отдаленной канонады.

— Т-а-а-а-к... Значит, все кончено! — медленно, значительно и с какой-то тихой грустью промолвил пленный маршал. Но потом опять поднял свою красивую гордую голову.

— Ну, что ж... Доделывайте свое подленькое дело!..

ГЛАВА 13

Конец маршала и других

Тухачевский понимал с полной ясностью, что это действительно — конец, что "курносая гадина" подобралась на этот раз к нему совсем вплотную...

Стены внутренней тюрьмы НКВД почему-то напомнили ему стены немецких карцеров, куда его так часто бросали после неудачных побегов из плена. Раз он даже попал в карцер за отказ снять офицерские погоны... Но — какая разница! Тогда, несмотря на такие же решетки и запоры, у него впереди было будущее, окрашенное яркими красками уверенной в себе, богатой надеждами, сильной молодости. А теперь? Жизнь отшумела и прошла. Круг ее кончается в одиночестве, трагической неудачей.

> **"Глухо стукнет земля**
> **И сомкнется желтая глина.**
> **И не станет того гражданина,**
> **Который называл себя "Я"...**

А ведь это "**Я**" Тухачевского было действительно ярким. Он служил ему всю жизнь. И **ЧТО** получилось?

Пессимистические слова старого мудреца, сказанные за тысячу лет до Христа, пронеслись в его памяти: "все суета сует и томление духа". Не была ли вся его жизнь таким вот "томлением духа", погоней за чем-то, что казалось ему достойным риска и что теперь привело его к такому бесславному концу? "Томление духа"... Ему вдруг захотелось перекреститься и прочесть наивную давно уже забытую детскую молитву. Правая рука поднялась было уже, чтобы перекреститься, но он только усмехнулся, хотя челюсти сводило судорогой. Да, что ни говори, — Сталин выиграл, как в свое время выиграл он наследие Ленина в соперничестве с Троцким, Зиновьевым, Бухариным, Ягодой. Что и говорить, — в политической борьбе часто сильнее явный мерзавец, у кого нет никаких принципов, кто борется за свой собственный — "голый чистоган"... А он, Тухачевский, отступил от большевистского метода "цель оправдывает средства", поддался какой-то слабости — пусть эта слабость даже и называется любовью к Родине — и вот результат...

Да, это была слабость — пусть и благородная. Все было готово для переворота, который несомненно вынес бы его к власти. Но по дороге к этой власти нужно было бы перешагнуть не только через труп Сталина, но и через море русской крови: без гражданской войны такой переворот не обошелся бы.

Щадя эту кровь, он решил его произвести во время неизбежной и близкой войны. И просчитался: Сталин опередил.

Мозг Тухачевского кипел. Каждый нерв был напряжен до крайности, но — странное дело — на душе у него было спокойно. Он чувствовал, что погибает на своем посту, как солдат, перед смертью схватившийся за древко своего знамени. Он не видел тюремной камеры, не ощущал голода и жажды. Он был в каком-то полусне и почему-то живо вспомнил слова великого мудреца древности Лао-Тзе своим ученикам:

"Мне снилось сегодня, что я — красивая бабочка, весело порхающая среди цветов при ярком свете солнца. И вот я не знаю: а, может быть, я и есть именно бабочка, которой только снится, что она — человек"...

Мысли продолжали клубиться стремительным лихорадочным потоком в его мозгу. На миг память вынесла в сознании ласково улыбающееся лицо Тани — единственной женщины, которая тронула его железное сердце. Ведь именно она повернула течение его жизни в сторону России, к служению России. Может быть, она даст России Будущего его сына. Эти мысли мелькнули, как светлая полоска в темном спектре мыслей и сердце Тухачевского заныло странной светлой болью. Полные грусти и чувства одиночества, звенящие стихи Савинкова, погибшего в сетях провокации ГПУ, всплыли в его памяти:

Дай мне немножко нежности —
Мое сердце закрыто.
Дай мне немножко радости —
Мое сердце разбито.
Дай мне немножко кротости —
Мои нервы, как камень.
Дай мне немножко жалости —
Я весь изранен.
Дай мне немножко мудрости —
Моя жизнь опустела.
Дай мне немножко твердости —
Моя душа ослабела...
Или — благослови мою смерть...

На секунду ему показалось, что Таня смотрит на него полными слез глазами и старается бодро улыбнуться. Усилием воли он резко отбросил все эти видения и мысли, и заставил себя выпрямиться и насмешливо улыбнуться. Ничего! Он не ослабел и не сломан. То, что не удалось ему, удастся другим. История России на нем и его неудаче не остановится. То, что он почувствовал за последние годы в русском народе и русской молодежи, — этого не залить кровью. Русские ростки все равно взойдут. А может быть, политые его кровью, взойдут еще быстрее и еще пышнее...

Тухачевский машинально ходил по своей узкой камере и мысли его бились, как пленные птицы в клетке. Но это были все мысли о прошлом. **БУДУЩЕГО** уже не было. Арестованные маршалы никогда не возвращаются на свои места. Мар-

шалы из тюрем с оборванными орденами, петлицами, звездами... Да — он проиграл... Ну, что ж, — ставка была крупной, из-за нее стоило рисковать!..

Металлическое звяканье раздалось у двери. Форточка для раздачи пищи открылась и в ней Тухачевский увидел радостно усмехающееся, торжествующее лицо Ежова. За ним бледным пятном виднелась рыбья маска Петерса.

"Допрос"? — мелькнуло в мозгу у маршала, но он сейчас же отбросил это предположение. О чем его допрашивать? Ведь не может же Сталин, перед лицом армии и Европы, начать открытый процесс над своими военачальниками? Это абсолютно исключено... Показания о чем? О почти двадцати годах его блестящей работы на посту военного вождя? О заговоре против Сталина? Разве не ответил он сразу после ареста крутой фразой: "Лакеям Сталина ответа не даю"?

Нет, не для этого пришел сюда кривоногий человечек с глазами шакала. Ему хочется поглумиться над побежденным противником. Его низкой душонке не терпится проявить свое торжество, свое ликование, свое издевательство над плененным гигантом.

— Ну, как, дорогой мой товарищ Михаил, — раздался из форточки приторно ласковый голос. — Удобно тебе, бедненький арестантик? Не нужно ли чего?

Глаза Ежова неестественно блестели. Он весь был, как в лихорадке. Губы дергались короткими судорогами от усмешки к гримасе.

Тухачевский молчал, стоя прямо против форточки.

— Видно, тебе распрекрасно живется, раз ты молчишь? А? Эх, хорошо бы тебя попеть заставить, да я уж знаю — из тебя нужных песенок не вытянешь... Ты ведь столбовой дворянин! Фон-Тухачевский. Маршал... Бывший маршал, ха-ха-ха!.. Наконец-то, ты мой, совсем мой. Мне тебя товарищ Сталин в подарочек отдал... А, знаешь, дочка-то твоя повесилась уже; жена дала письмо в "Правду", что она тебя проклинает, как врага народа... И до Танюшеньки твоей, что в Париже осталась, мы доберемся. Хи-хи-хи!.. Герр Генералфельдмаршаль. Бывший... Может быть, хочешь, — попа тебе пригласим, панихиду о самом себе прослушать хочешь? Молиться-то Боженьке не забыл? А то и — "Боженька, Цареньку храни"?.. Хи-хи-хи!.. Не бойся, — в рай ты в хорошей компании попадешь...

Только теперь пленный маршал заметил, что в руке чекиста, поднятой к форточке, блестит вороненая сталь карманного маузера. Он понял, что это смерть... Вот сейчас... Опять вихрем заклубились мысли, но одно сейчас же заслонило все: нужно умереть так, как подобает старому солдату.

Он выпрямился, медленно вздохнул, глубоко засунул руки в карманы и поднял голову.

— Ну, стреляй же, ты — сталинский ублюдок.

Слова, выжатые из стиснутых челюстей, прозвучали глухо и презрительно.

—"Ублюдок"? — захихикал Ежов. — Ублюдок? А ты, ты — голубая кровь? Так, что ли?

Смертельная ненависть плебея, ничтожества к яркой и сильной личности задрожала в его сдавленном голосе. Он трясущейся рукой стал поднимать пистолет. Бесстрастное лицо Петерса белело в глубине коридора за дергающейся головой Ежова.

Пистолет поднимался все выше, дюйм за дюймом. Глаза Ежова запрыгали и губы искривились. Тухачевский стоял, широко расставив ноги,—руки в карманах,—с презрением глядя на дуло оружия. Он только еще раз глубоко вздохнул и крепче сжал зубы. В черной дырочке блеснул, наконец, огонек и что-то ожгло грудь. Кривлялось над дырочкой бесноватое лицо. Опять блеск и опять удар. Но сильное тело стояло прочно, колени были напряжены до дрожи, а глаза надменно и холодно смотрели в лицо Ежова. Опять блеснули огоньки и кровавый туман стал заволакивать сознание. Боли почти не было. Казалось только, что огонь разливается по телу и страшная слабость ползет к коленям... Что-то горячей струей прошло по телу. Но все-таки оно стояло неподвижно и прочно. И так же презрительно и холодно было спокойное гордое лицо...

Огоньки перед яростными сумасшедшими глазами заблестели один за другим и внезапно прекратились. Щелкнул затвор опустевшего пистолета. И тогда стоявшее перед форточкой высокое сильное тело вдруг стало падать, как подрезанный дуб. Ежов в ужасе отскочил: ему показалось, что маршал падает на него. Петерс удержал его, и бледный, дрожащий от возбуждения, человечек вставил лихорадочно дрожавшей рукой новую обойму; в лежавшее на полу тело опять посыпались один за другим удары пуль. Наконец, затвор опять пусто звякнул. Грубая рука Петерса протянулась мимо форточки и взяла из рук Ежова маузер.

— Ну, чего там!.. Готов! — раздался холодный голос Петерса. Но Ежов все смотрел, не отрываясь, на тело убитого маршала и не замечал, как из-под двери к его ногам подползает широкая струя крови.

— Тоже, — презрительно протянул Петерс, держа маузер двумя пальцами. — Ты еще рогатку принес бы маршала кокнуть? Двадцать патронов спалил. Тьфу... Я наганом бы враз кончил!

Ежов слушал, как во сне. Еще дрожа от пережитого сладострастного возбуждения, с трепещущими расширенными ноздрями, с дикими блестящими глазами, он, пошатываясь, оторвался, наконец, от форточки. Увидя, что струя крови уже смочила его ботинки, дико вскрикнул и в ужасе отпрыгнул в

сторону. Только через несколько секунд смысл слов Петерса дошел до его сознания. Он исподлобья взглянул на своего спутника и вдруг нервно хихикнул.

— Из нагана? Много ты понимаешь, дубовая твоя башка? А... удовольствие разве не в счет?

— Какое тут удовольствие? — угрюмо буркнул Петерс. — Нужно, ну и.. А других-то как?

Плечи Ежова нервно опустились. Его уже охватывала слабость.

— Распорядись уж ты сам, Петерс. Своим наганом... Да прикажи фотографию для Сталина снять. Пущай порадуется, полюбуется... А я уже...

Устало тряхнув головой, он медленно пошел к двери коридора. На пороге, с внезапно проснувшейся вспышкой энергии, коротко бросил вытянувшемуся надзирателю:

— Немедленно убрать маршальскую падаль!..

***

— Не знаешь, в чем тут дело, Семен?

Вопрос был задан тихо и опасливо. Маршал Блюхер, таинственный диктатор Дальнего Востока, неожиданно вызванный телеграммой-молнией и прилетевший на аэроплане в Москву, наклонился к маршалу Буденному и вопросительно посмотрел на него. Но Буденный, человек с отменно пышными усами, только недоуменно пожал толстыми плечами. Он также был озадачен. Вместе с ними в приемной Сталина сидело еще несколько командармов, и по выражению их лиц было ясно — никто не знал цели вызова. На всех лицах зато было написано с трудом скрываемое беспокойство: ведь только что произошли оглушительные события — арестован Тухачевский с группой молодых командармов и при аресте "застрелился" Гамарник. Все присутствующие уже знали, что мягкий с виду Гамарник при аресте проявил себя неожиданно человеком воли и действия. Он несколько минут отстреливался от агентов Ежова, убил нескольких из них и, наконец, был убит сам. Но почему-то версия о "самоубийстве" больше понравилась Сталину, и газеты известили о смерти замнаркома обороны, как о самоубийстве.

Блюхер хотел еще о чем-то спросить, как в дверях кабинета появилась стройная фигура пышной красивой Розы. Она, еще не официальная, но уже признанная всеми новая жена Сталина, держала себя уверенно и властно. Оглядев не без презрительного высокомерия затихших командармов, красивая еврейка небрежно бросила:

— Товарищ маршал Блюхер...

Коренастая неуклюжая фигура командующего ОКДВА *) скрылась в кабинете.

---

*) Отдельная краснознаменная дальневосточная армия.

Там, около скромного письменного стола Сталина, сидели Ворошилов, Ежов и какой-то еврей в штатском, в котором Блюхер не сразу узнал Ульриха, известного советского юриста и прокурора.

— Здорово, Василий Константинович, — радушно приветствовал Сталин дальневосточного маршала. — Извини, что пришлось тебя так срочно побеспокоить. Но у нас тут большие непорядки открылись. Вот прочти, товарищ, это.

С нахмуренными бровями Блюхер взял напечатанный на машинке лист бумаги и стал читать:

ПРИГОВОР

Москва, 11 июня 1937 г. Специальное присутствие Верховного суда в составе: председательствующего, председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, армвоенюриста — тов. Ульриха, В.В. и членов присутствия: заместителя народного комиссара обороны СССР, начальника воздушных сил РККА, командарма 2 ранга — тов. Алксниса, А. И., маршала Советского Союза — тов. Буденного, С. М., маршала Советского Союза — тов. Блюхера, В. К., начальника генерального штаба РККА, командарма 1 ранга — тов Шапошникова, Б. М., командующего войсками Белорусского военного округа, командарма 1 ранга— тов. Белова, И. П., командующего войсками Сибирского военного округа, командарма 2 ранга — тов. Дыбенко, П. Е., командующего войсками Северо-Кавказского военного округа — тов. Каширина, Н. Д. и командира 6 кавалерийского казачьего корпуса им. тов. Сталина — тов. Горячева, Е. И. *) в закрытом судебном заседании рассмотрело в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г., дело Тухачевского, М. Н., Якира, И. З., Уборевича, И. П., Корка, А. И., Эйдемана, Р.П., Фельдмана, Б. П., Примакова, Б. М. и Путны, Э. К. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьей 58 У. К. РСФСР.

По оглашении обвинительного заключения, на вопрос председательствующего тов. Ульриха: признают ли подсудимые себя виновными в предъявленных им обвинениях, — все подсудимые признали себя в указанных выше преступлениях виновными полностью. Судом установлено, что указанные выше обвиняемые, находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва Рабоче-крестьянской Красной армии, подготовляли поражение Красной армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Специальное Судебное присутствие Верховного суда СССР всех подсудимых — Тухачевского, М. Н., Якира, И. З., Уборевича, И. П., Корка, А.И, Эйдемана, Р. П., Фельдмана, Б.П., Примакова, Б. М., Путну, Э. К. —признало виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-крестьянской Красной армии, измене Родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского звания маршала Со-

*) Из перечисленных членов суда к началу войны с Германией в живых оставался только Буденный (Прим. автора).

ветского Союза, и приговорить всех к высшей мере уголовного наказания — расстрелу.

Председательствующий: В. Ульрих.

Члены присутствия: Алкснис, Буденный, Блюхер, Шапошников, Белов, Дыбенко, Каширин, Горячев.

По мере чтения приговора, брови Блюхера хмурились все больше и больше. Прочтя все и увидев внизу подпись Ульриха, он понял, чего от него требуют. Но только через несколько напряженных секунд дальневосточный маршал поднял глаза на Сталина. Тот молча протянул ему ручку с пером для подписи. Блюхер молчаливо оглянулся на сидящих, что-то прочел в их напряженных глазах и медленно подписал приговор. Сталин так же медленно приложил пресс-папье и взял у него ручку.

—Ну, теперь ты, дорогой маршал, свободен. С докладом зайдешь ко мне завтра. И позови сюда Семена.

—Как это говорится в мире юристов, — захихикал тощий Ульрих, блестя стеклами своих пенсне. —"Важен не состав преступления, а состав судей". Хи-хи-хи... Состав у нас знаменитый. И судили на основании "революционной совести и коммунистического правосознания". Идеологически, хи-хи-хи...

Блюхер исподлобья мрачно посмотрел на кривлявшегося советского юриста. И не отвечая ему ничего, внезапно повернулся и взглянул прямо в лицо Ворошилову.

—А почему ТЕБЯ нет в составе судей, Клим? — негромко, но угрожающе спросил он.

—Ладно, ладно, Василий, — с оттенком резкости прервал его Сталин. —Теперь не время вопросы задавать. Потом узнаешь. Зови сюда Семена.

Коренастый и угрюмый дальневосточный маршал молча, как автомат, по-военному повернулся. Уже в дверях, напряженно и медленно оглянувшись, сдавленным голосом спросил о своем старом боевом товарище:

—А где теперь Михаил... маршал... то-есть, Тухачевский?

Сталин криво усмехнулся и поднял палец к небу. Короткая дрожь пробежала по сильным плечам Блюхера и он молча вышел...

Буденный, когда Сталин протянул ему лист с приговором, широким движением потянулся за ручкой.

—Где подписаться? Здесь, что ли?

—Ты что ж и читать даже не хочешь?— усмехаясь, спросил Ворошилов.

—Ну, вот еще! Зачем время запонапрасну терять? Завтра в газетах утречком все прочту, — беззаботно отозвался рубака. —Раз ежели вы все вместе это дело обмозговали — чего ж тут еще мне канителиться? Раз ежели нужно — какой тут разговор? Все? Можно идтить следующего звать?..

Через день после опубликования этого приговора, во всех газетах был помещен оглушительный приказ Ворошилова. Неуклюже и грубо составленный, он резал глаза не только своим содержанием, но и своей топорностью:

ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

№ 96, 12 июня 1937 г.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники Рабоче-крестьянской Красной армии! С 1 по 4 июня с. г., в присутствии членов правительства, состоялся Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан доклад о раскрытии Народным комиссариатом внутренних дел предательской контрреволюционной военно-фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и вела подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной армии.

Верховный суд вынес свой справедливый приговор: смерть врагам народа! Приговор изменникам воинской присяге, Родине и своей армии мог быть только и только таким! Вся Красная армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, об исполнении справедливого приговора. Главари этой отвратительной шпионской изменнической банды, мерзкие предатели, так подло обманувшие свое правительство, народ, армию, — уничтожены...

Все они принадлежали к числу высшего начальствующего состава, занимали высокие посты в нашей армии, пользовались доверием правительства и нашей партии. Все они оказались изменниками и предателями своей Родины. Они нагло попрали Конституцию СССР. Они продавали врагам СССР военные тайны государства, подкапывались под мощь Красной армии и вообще совершали все, чтобы подготовить и ускорить внешнее нападение на СССР. Они ожидали помощи от своих хозяев, то-есть военно-фашистских кругов одного соседнего государства. В уплату за эту помощь они готовы были отдать советскую Украину и расчленить нашу страну... Рабоче-крестьянская Красная армия, верный и надежный оплот советской власти, беспощадно вскрывает этот гнойник на своем здоровом теле и быстро его ликвидирует. Враги просчитались! Не дождаться им поражения Красной армии! Красная армия была и останется непобедимой! Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты — гамарники, тухачевские, якиры, уборевичи и прочая предательская падаль, стерты с лица земли и память о них проклята и забыта...

Товарищи!.. Мы очищаем свои ряды от фашистско-шпионской мерзости и впредь не допустим повторения этих позорных фактов. Очищая свою армию от гнилостной дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Армия укрепляется тем, что очищает себя от скверны... Товарищи! Удесятерим большевистскую бдительность, повысим и радикально улучшим нашу работу во всех областях, повысим самокритику и таким спо-

собом ускорим полную ликвидацию последствий, вызванных работой врагов народа.

Долой фашистских предателей! Смерть шпионам и изменникам!

Да здравствует наша славная Рабоче-крестьянская Красная армия! Да здравствует наша великая партия Ленина-Сталина!

Народный комиссар обороны СССР, маршал Советского Союза

Ворошилов.

Именно этот приказ, а не арест верхушки армии, не приговор и даже не самый расстрел, вызвал волнение не только в Советском Союзе, но, особенно, за границей. В СССР все уже давно привыкли, что по мановению жезла Сталина людей мгновенно перекрашивают из "твердокаменных" в разряд "предателей". Но чтобы известные всем и каждому, прославленные командармы, цвет, молодость и гордость Красной армии, оказались вдруг предателями и изменниками, — этого никто не ждал и этому никто не поверил. Что они могли быть заговорщиками против Сталина и Ежова, что они хотели даже перемены режима, — это было бы еще понятно. Но продавать тайны своей армии? Эти люди были обеспечены всем, что могла им дать страна — почетом, богатством, роскошной жизнью, положением. Чтобы **о н и** служили шпионами фашизму? Чтобы ТАКИЕ, как Тухачевский, "продавали свое отечество"? Кому? За сколько?..

Растерянность и оглушенность поползли по России. Сама Красная армия — от рядового солдата до командира — была придавлена и оглушена. Удар по сердцам был жестокий. Страна, начавшая было оживать после свирепой эпохи коллективизации и страшного голода 1932-33 годов и почуявшая свою национальную линию развития, воплощенную в "своей" армии, была опять морально придавлена. Казалось, что грянул гром среди ясного неба и оглушил все живое...

Еще более бурно отозвался весь цивилизованный мир на приказ Ворошилова. Чтобы два заместителя военного министра, два командующих самыми важными западными пограничными округами, начальник военной академии, — все оказались шпионами Германии (какое еще другое враждебное фашистское государство можно было подразумевать под прозрачными намеками приказа и приговора?), — этому никто не поверил и не мог поверить. Но если "клеймение" и расстрел старых коммунистов, сподвижников Ленина, знаменитых интернациональных большевиков, в общем были приняты мировой прессой скорей благожелательно, то расстрел верхушки Красной армии она приняла с резким осуждением. Начавшийся во всем мире за последние годы поворот симпатий в сторону "Новой России" был резко сорван. Под внешне салонной улыбкой советских дипломатов, за декорацией счастливой "нормализированной"

жизни, за благодушной улыбкой Сталина все сразу увидели тот же оскал волчьих клыков воинствующего большевизма. Кажущаяся эволюция советского режима в сторону цивилизации и культуры, вхождения в семью европейских народов — оказалась только зрительной иллюзией. Попрежнему "там", на востоке, людей убивали без гласного суда, по фантастическим обвинениям и никто, даже люди, стоявшие у рулей, не были гарантированы, что завтра они не будут лежать в земле с пулей в затылке.

"Запад есть Запад,
Восток есть Восток
И вместе им не идти"...

цитировали английские газеты стихи Киплинга. Надежды на то, что Россия, могущественная, богатая, замиренная, источник сырья, богатейший рынок, необходимое условие европейского, а пожалуй и мирового равновесия, после своего "Штурм унд Дранг периода", найдет новые формы мирной жизни, — не оправдались. На востоке Европы попрежнему скалил зубы большевистский зверь...

С напряженным вниманием следил весь мир за дальнейшим развертыванием событий: за арестами сперва сотен, потом тысяч, а затем и десятков тысяч молодых сил Красной армии. Кровавая метла прошла не только по армии, но и по всей стране. Все, что было ярким, национально настроенным, смелым и прогрессивным, беспощадно выкорчевывалось. Страшная машина красного террора, незаметно для окружающего мира перестроенная и смазанная Ежовым, опять заработала, как гигантская мясорубка. Слезы и кровь снова залили несчастную страну...

Как когда-то Людендорф, направивший в Россию Ленина, — величайшая провокация 1917 года, — так теперь Гитлер и Гиммлер радостно потирали руки. Революция, как легендарный Сатурн, сама пожирала своих детей. "Тем лучше для национал-социалистической Германии — восток сам отдается в немецкие руки!.." Маневры 1937 года были отменены. Наглое требование Японии об уступке двух русских островов на Амуре — Большого и Сеннухи — было удовлетворено. Как СССР мог ответить отказом, если в течение нескольких месяцев число арестованных достигло 350.000 человек? В армии были расстреляны маршалы Тухачевский, Блюхер, Егоров, пять командующих армиями, до 202 начальников в чине генералов и более 35.000 лучших офицеров — сторонников Тухачевского; сменено 80 членов Реввоенсоветов. "Сменено" по-советски. В советской гражданской и партийной машине "сменили" больше половины членов ЦК, ЦКК, ЦИК, СНК, СТО, КИ, ЦК КСМ. Исчезли тысячи директоров фабрик и учреждений, диплома-

тов, писателей, журналистов, — всех тех, кто "шатнулся" в сторону Национальной России...*)

В этот роковой момент советская Россия была так слаба, что даже легкий толчок мог ее повалить. Это было уже не раз в ее истории. В 1921-22 годах практика военного коммунизма и страшный голод едва не стали роковыми для СССР, ибо страна полыхала восстаниями. Но не нашлось внешней силы для толчка, а Америка, решив благородно помочь голодающему русскому народу, косвенно поддержала советскую власть. Потом наступила эпоха кровавой коллективизации и, — как следствие этого, — страшного голода 1932-33 годов, когда на одной Украине, раньше житнице Европы, умерло от голода более 5 миллионов человек. И опять никто не столкнул режима. Польша возилась со своими вечными внутренними трудностями, а Германия переживала внутренний кризис... И теперь тоже — Польше было не до России, а нацистская Германия злорадно ждала дальнейшего ослабления и разложения "русского медведя"... И Сталин в борьбе за свою личную власть опять сумел надежно укрепить пошатнувшийся красный трон горой человеческих черепов и обильно сцементировал его кровью тех русских людей, которые не хотели стать "советскими рабами". Не напрасно был он учеником Ленина, злого гения России, который с циничной откровенностью говорил:

"На Россию, господа хорошие, нам наплевать с высокого дерева... Если только 10% русского народа дотянут до мировой революции — мы будем удовлетворены".

И не напрасно над гробом Ленина Сталин произнес свою клятву — не жалеть жизней для достижения мировой коммунистической революции. Ни своей жизни, ни — особенно — жизней других. Ч Т О кровавому грузину были Россия, русский народ, его страдания, стоны и кровь? Только "шуршание тараканов". Именно так он презрительно обозвал предсмертные стоны миллионов жертв принудительной коллективизации 1929-30 годов.

"Смерть одного человека — трагедия. Смерть одного миллиона человек — статистика, —

цинично говорил он.

---

*) Документальный и цифровой материал сообщен генералом Кривицким, уполномоченным НКВД по Западной Европе, в его книге "Агент Сталина" (Париж 1940). Кривицкий, старый выдающийся чекист, не вернулся в 1939 г. в СССР из Брюсселя, переехал в Париж, стал там писать свою книгу, подвергся двум покушениям и уехал в Нью-Йорк. Там, через две недели, он был убит. Книга его вышла уже посмертно.

ЭПИЛОГ

Вера в Россию

В далеком Париже, в маленькой скромной комнатке, уткнув лицо в бессильно брошенные на стол руки, безутешно рыдала молодая женщина. Перед нею на столе лежали последние номера газет и короткая странная телеграмма, полученная только что от старого нотариуса. В телеграмме было лишь несколько слов — последний прощальный приказ Тухачевского, еще до своего ареста предусмотревшего трагическую возможность своего неуспеха.

"Учись, вырасти сына, вернись, отомсти. Миша".

Горечь и боль бушевали в душе Тани... Какое право имел Миша, ее Миша, умереть один? Почему отстранил он ее от борьбы и совместного риска?.. Правда, он все-таки вспомнил о ней, скромной студентке, и даже в лихорадке своего последнего боя, прислал последний привет-приказ, но... разве это для нее утешение?.. Боже мой, как холодно и пусто в мире! И путь на родину закрыт. Быть на чужбине одной с ноющим сердцем, без надежды, без тепла и приюта. Ожидая ребенка, который, еще не родившись, уже стал сиротой...

Тихие шаги старого доктора раздались сзади. Его большая рука мягко легла на опять в отчаянии упавшую на стол голову девушки.

—Ничего, ничего, дорогая Танюша. Это только теперь вам так больно... Но ведь наш маршал гордо погиб на посту, как солдат! Дай Бог всем солдатам такую красивую смерть. Он ведь не умер, он — убит. А это — совсем иное. В смерти в бою — смерти нет... И так уж устроено в Божьем мире, что человеческая кровь никогда даром не пропадает. Наш маршал даже мертвым останется в памяти русских людей. Иногда мертвый лев сильнее живой собаки... Пусть гордость за вашего... за нашего, — поправился он, — маршала утишит вашу боль...

—"Гордо", "гордо"! — с отчаяньем воскликнула Таня.—Да ведь уже, вы понимаете, УЖЕ на его имя льют грязь. Посмотрите!

Она показала старику вечернюю газету. Там был текст телеграммы:

"Станция Северный полюс". С глубоким негодованием узнали мы о величайшем предательстве в нашей доблестной Красной армии, раскрытом героическими органами наркомвнудела. Всем сердцем приветствуем суровый приговор предателям, изменникам и шпионам нашей великой Родины. С самого северного пункта земли шлем, вместе со всем советским народом,

проклятия презренным мерзавцам и подлым фашистским наемникам. Да здравствует гениальный вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин.

Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров".

—Вот что ужасно! — опять воскликнула она. — До чего низость человеческая может дойти! А я... А все мы считали, что вот русские герои прорвались на Северный полюс... Невиданная победа русских богатырей... А они... эти русские богатыри... Вот они какие...

И опять упала русая головка на руки; опять рыдания зазвучали в комнате. Потом искаженное болью лицо поднялось и дрожащий голос произнес:

—Читайте вот: "Свора бешеных собак, продавших себя немецким шпионам... Трижды презренные подонки общества... Фашистские людоеды... Кровавые изверги..." Боже мой — убивай, но не бей по лицу... И даже могила его неизвестна, Миши моего. Русского маршала, русского героя...

Доктор давно знал, что убеждения и логика — не помощь в такую трудную минуту. Поэтому он только ласково гладил голову Тани, говорил ей какие-то простые утешительные слова и понемножку этот тихий голос, это мягкое участие начали пробиваться в ее онемевшее сознание. Но некоторые слова старика опять провели новую царапину по кровоточащему сердцу.

—"Все образуется"? — выпрямилась она вдруг со сверкающими слезами на широко открытых глазах. —"Все образуется", говорите вы? Да разве можно воскресить Мишу с его молодыми товарищами? Разве не зря пролилась их кровь? Да, что вы такое говорите? Ведь КАКАЯ кровь?..

И вдруг старый доктор тоже выпрямился. В его морщинистом, уже обрюзгшем лице вспыхнул какой-то молодой, горячий огонек.

—Я знаю, что говорю, — твердо сказал он удивленной переменой в нем Тане. —У вас на душе сейчас слишком тяжело, чтобы видеть дальше своего личного горя. А он, наш маршал, наш Миша, погиб не напрасно. Он погиб в борьбе за Россию, за Родину, а такая жертва никогда не остается напрасной!

Голос его звучал спокойно и торжественно. Девушка с еще большим удивлением смотрела на выпрямившегося старика, протянувшего руку на восток, туда, где лилась русская кровь.

—Пусть нет в живых нашего маршала. Найдутся другие, которые возьмутся продолжать его дело. Как было сказано:

"Из рук твоих упал могучий молот,
Но грянем мы в сто тысяч молотков!.."

Кровавая буря не остановит рождения Новой России. Для нас с вами, Таня, несколько лет — долгий срок. Но для России, для истории — это секунды. Коммунизм пройдет, Россия останет-

ся жить вечно. В русском народе есть могучие силы и скоро они покажут себя. Но эти силы — РУССКИЕ, а не советские. Именно русские силы поднимут Россию скоро на высоту нового величия, славы и счастья. И тогда... Россия не забудет своих верных рыцарей, в борьбе за нее отдавших свои жизни... Кровь маршала Тухачевского и его молодых товарищей не пропадет. Помните, Таня, "Песню о Соколе"?

Старый военный врач, с седой щетиной на морщинистых щеках, опять по-молодому подтянулся и дрогнувшим голосом начал бессмертные слова поэмы:

"Безумство храбрых — вот мудрость жизни!
О смелый Сокол! В бою с врагами
Истек ты кровью. Но капли крови
Твоей горячей, как искры, вспыхнут
Во мраке жизни и много смелых сердец
Зажгут безумной жаждой свободы, света...

Пускай ты умер. Но в песне смелых
И сильных духом всегда ты будешь
Призывом гордым к свободе, к свету!
Безумству храбрых поем мы славу!.."

Старик закончил вдохновенные слова и замолк в глубоком волнении. Несколько минут в маленькой комнате царило молчание. Таня чувствовала, что на душе у нее становится спокойнее и тише. Старый доктор опять мягко положил на ее голову свою руку.

—Вы молоды, вы сильны, Таня. Бог даст, у вас будет сын. Вы с ним вместе отомстите палачам России. Ведь не мстят только святые и слизняки... И вы построите новую Россию. Вам ЕСТЬ для чего жить и за что бороться!..

Девушка опустила голову на руки и опять заплакала. Но на этот раз слезы не давили ее гордости, не усиливали горечи, а облегчали боль и очищали душу.

Ей, как и всей молодой России — действительно, было для чего жить и за что бороться!..

КОНЕЦ

НАШИ ПРЕДЫДУЩИЕ ИЗДАНИЯ:

П. А. Кропоткин — ИДЕАЛЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Книга содержит 324 стр. большого формата и около 90 фотографий русских деятелей пера. Издана на хорошей бумаге. Цена 3.50 ам. дол. 1955 г.

Книга приурочена к 25-летию журнала "Сеятель" и 35-летию смерти П. А. Кропоткина (8 февраля 1921 г.). Читается с захватывающим интересом. Как известно, она составилась из лекций, прочитанных П. А. в Америке на английском языке.

В предисловии к первому изданию книги П. А. Кропоткин пишет: "...в настоящей книге, я предпочел остановиться, главным образом, на современной литературе. Писателей разных периодов, до Пушкина и Гоголя, этих двух основателей современной русской литературы, я касаюсь только в кратком вступительном очерке. Затем я беру главных, наиболее выдающихся писателей в области поэзии, повести, драмы, политической литературы и литературной критики — и вокруг этих гигантов русской литературы я сгруппировал менее крупных писателей, упоминая о них очень кратко".

Книга написана чрезвычайно популярным языком и читается с захватывающим интересом.

К разбору и оценке русских писателей П. А. подходит с чисто русской теплотой, яркостью, живостью и общедоступностью.

В наш век радио, телевизоров, аэропланов, геликоптеров, атомных, водородных, ракетных и других смертельных бомб, век крушения коронованного абсолютизма, небывалого в истории дикого разгула государственного социализма, утонченного подхалимства, физического истребления инакомыслия, рождения и смерти фашизма, — читая книгу П. А. Кропоткина, на время мысленно уходишь в 19 век, век развития общественной мысли, борьбы с пошлостью, за лучший мир и свободную жизнь"..

Нью-Йорк. **Д. Горбацевич.**

***

П. Кропоткин (1842—1921) более всего известен, как проповедник свободного социализма и противник государственного принуждения, всяких форм политического деспотизма и экономической эксплоатации человека человеком.

Но Кропоткин не ограничивался одною проповедью социальной справедливости; он был многосторонен, всеобъемлющ в своей общественной деятельности. Он известен, как выдающийся географ и исследователь Сибири; его два тома о Ледниковом периоде представляют ценный вклад в геологию; его также интересовали вопросы философии, этики, биологии, экономики и даже интенсивное сельское хозяйство.

Во всех этих областях знания П. Кропоткин оставил заметные следы

своими добросовестными, глубокими изысканиями. И никто так не ценил и высоко не ставил русскую литературу, как Кропоткин. Эта любовь его к родному слову выявляется с первых же стр. книги: "Словесное богатство,— пишет он, — русского языка поразительно: тогда, как в языках Западной Европы часто имеется одно только слово для выражения известного понятия, в русском языке имеются два, три или четыре слова для выражения различных оттенков того же понятия. Русский язык особенно богат в выражении различных оттенков чувств — нежности, любви, скорби, веселья, а также различных степеней того же самого действия"...

Сказки, песни, былины, сложившиеся еще в период до-христианской Руси, вызывают высокую оценку этого народного творчества. Касаясь мрачного средневековья (татарская неволя), повлекшего за собой уничтожение вольных городов-республик на Руси (Великий Новгород, Псков, Киев и др.) и возникновение, вместо них, свирепого византо-татарского самодержавия, пресекавшего всякие попытки к свободному мышлению и творчеству, как нечто греховное, как ересь и волхвование, — Кропоткин в этой эпохе отмечает неугасание творческого духа народа, готовность его постоять, умереть за правду.

...Русская литература писалась слезами и кровью поколений наших славных поэтов и писателей; она представляет бесценное сокровище, духовное богатство русского народа и является крупным вкладом в сокровищницу мировой литературы. П. А. Кропоткин тщательно собрал все наше огромное литературное достояние, не позабыв ни о больших, ни о второстепенных наших поэтах и писателях, и его книга — как бы крестный путь нашей литературы от древних времен до начала нашего столетия; она приобщает нас к великой русской культуре. **М. Рубежанин**

***

В далеком Буэнос-Айресе Н. А. Чоловский издал русский перевод обзора русской литературы, написанного знаменитым дореволюционным еще эмигрантом — князем П. А. Кропоткиным для интересовавшихся Россией англичан и американцев.

Невольно при виде этой книги является мысль: — А стоило ли почти через полвека переиздавать книгу, автор которой, к тому же, не был специалистом по литературе, а политиком, историком, географом. Но начав небрежно ее перелистывать, вы станете — чем дальше, тем больше — задерживаться на каждой странице, а потом возвращаетесь к началу и с большим вниманием прочитываете ее до конца. Книга не только заставляет вспоминать многое из полузабытого, но и дает немало такого, чего в других историях русской литературы не встретишь.

П. А. Кропоткин отводит в своей книге место и второстепенным писателям и поэтам, и в краткой характеристике указывает ту роль, которую они сыграли в развитии "российской словесности", пролагая путь своим более славным собратьям. Поразителен также своей простотой язык книги и глубокой любовью к России и русскому народу — дух ее. Многому по ней можно научиться. Много "поправок" дает она к слишком "стилизованным" современным книгам, эмигрантского и советского происхождения, по русской литературе. **В. Бутенко**

В издательстве Н. А. Чоловского — "Сеятель" (Буэнос Айрес, Аргентина) вышла недавно из печати на русском языке книга замечательного русского мыслителя, ученого и общественного деятеля, всю свою жизнь отдавшего борьбе за правду, П. А. Кропоткина. Называется книга — "Идеалы и действительность в русской литературе". Впервые книга увидела свет на английском языке, в Америке, в начале нашего столетия. Поводом к ее изданию послужили тогда лекции по истории русской литературы, читанные П. А. Кропоткиным в институте Поуэля в Бостоне.

В наши дни "Идеалы и действительность" являются библиографической редкостью. Переизданием книги на русском языке издательство "Сеятель" внесло большой вклад в сокровищницу русской культуры.

Читателям в СССР эта книга П. А. Кропоткина, также как и многие его труды, пока, к сожалению, недоступна.

В свое время — смелым и честным письмом на имя В. Ленина — П. А. Кропоткин (вернувшийся из-за границы в Россию в 1917 году) заклеймил позорные дела коммунистов, в частности — введение, в 1920 году, института з а л о ж н и ч е с т в а.

После этого все труды великого мыслителя и ученого, пользовавшиеся высоким признанием в передовых научно-общественных кругах мира, оказались под строжайшим запретом, и остаются "нелегальными" и до сих пор.

Основание этому ныне кроется, вероятно, в принципах учения П. А. Кропоткина, которые были хорошо определены в свое время группой видных писателей в адресе, преподнесенном П. А. Кропоткину по случаю его 70-летия: "Вы научили нас ценить важнейший принцип социальной жизни — **принцип добровольного сотрудничества** (подчеркнуто нами — А. О.), который практиковался во все времена лучшими людьми. . ." **Кн. Ал. Оболенский**

⁂

Мы только что получили изд. Вами книгу П. Кропоткина "Идеалы и действительность в русской литературе" и считаем своим долгом сердечно поблагодарить Вас за этот прекрасный труд. В наши смутные дни книга эта чрезвычайно ценна и безусловно актуальна. Она вышла как раз во время. Именно теперь в зарубежной русской среде чувствуется особенная потребность в изучении родной литературы. Ведь наше молодое поколение многого не знает, оно почти не знакомо с русской литературой, — изданный Вами труд поможет ему в этом благом деле. Книга П. Кропоткина всесторонне и совершенно объективно знакомит читателей, как с русскими писателями, так равно и с биографиями их и условиями, в которых протекало их творчество. Мы, волею судьбы покинувшие родную страну, потеряли и счастье свое, ибо счастье в духе, в Родине. Но трудная жизнь за рубежом, борьба со всевозможными препятствиями и затруднениями есть школа духа, а потому, работая над собой, мы побеждаем низшие начала и развиваем высшие. Действительность, отраженная в русской литературе, есть устремление к высшим идеалам — и оно проходит через все труды великих русских писателей. Видим, что издательство "СЕЯТЕЛЯ" бесспорно стремится к цели высшей, давая читателю то духовное наслаждение, которое испытывает человек чистой веры, чистой души. В изданной Вами книге чувствуется

великое славословие, — гимн сердцу, красоте и благу. Это увидит и поймет каждый истинный любитель великой русской словесности.

Мысли, изложенные в книге П. Кропоткина, отличаются четкостью, сжатостью и не нуждаются в замысловатых сюжетах, чтобы удержать внимание читателей. Люди, испортившие себе вкус чтением детективных романов, под влиянием книги П. Кропоткина несомненно оставят в покое эту макулатуру и обратятся к нашим родным, милым писателям. Ибо ни в какой стране литература не занимала такого влиятельного положения, как в России. Правда, в нынешний век чрезвычайной рассудительности мы стали равнодушны и вялы, как бы заснули. Спасибо тому, кто хоть на короткое время расшевелит нас и согреет. Потому от всего сердца приветствую появление этой новой книги, лучшего подарка для русской молодежи. Разве можно не рекомендовать ей ознакомиться с Гоголем, Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Достоевским, Чеховым? Разве можно не порекомендовать ей "Войну и Мир" Л. Н. Толстого, — этот могучий протест против войны, разве не поучительно такое чтение? Со стороны взрослого поколения молчать и не рекомендовать этих авторов будет, пожалуй, стыдно. Очевидно, на такой именно точке зрения и стояло издательство "СЕЯТЕЛЯ", ибо ему бесспорно чужда формула: "Моя хата с краю — ничего не знаю", и потому по мере сил и возможности оно старается помочь Русскому Зарубежью.

Да, прекрасны "Идеалы и действительность в русской литературе", ибо этот труд воссоздает не только целые эпохи, но и реальные типы людей того времени, которое, пожалуй, не сошло со сцены и в наши дни. В заключение скажем: хорошо было бы, чтобы труд П. Кропоткина сделался настольной книгой всех русских, в рассеянии сущих, ибо он является не только полным курсом русской словесности, но и указателем, что необходимо читать для самообразования.

Асунсион, февраль 1956. **Читатель "Сеятеля" И. Г. Игнатьев**

***

Издательство "Сеятель" в Буэнос-Айресе (Аргентина) недавно выпустило из печати замечательный труд Петра А. Кропоткина "Идеалы и действительность в русской литературе".

В течение многих лет, еще со времени моего пребывания в Аргентине (1941-42 гг.), я познакомился с этим издательством и его журналом "Сеятель", во главе которого стоит русский человек Н. Чоловский.

Только что изданный том, с девизом: "Да здравствует книга — могущественнейшее оружие борьбы за справедливость", это замечательно интересная книга и я прочел ее с наслаждением.

Автор ее, — известный русский революционер-анархист в лучшем смысле слова — Петр Кропоткин, — из аристократической семьи, окончил Пажеский корпус (1862 г.) и по его же просьбе, вместо сидения в С-Петербурге, получил назначение в Амурское казачье войско, в Восточную Сибирь, где провел 5 лет, изучая народы и географию этого края, уделяя значительную часть времени изучению социальных, философских и исторических наук и литературы. В этот период он выпустил свои труды: "Взаимная помощь, как

факт эволюции", "Этика", "Великая французская революция" — в двух томах.

Изучая положение рабочих и крестьян, П. Кропоткин вошел в конфликт с русским правительством, принужден был оставить пределы своей родины —России — и переселился в Европу, где провел главную часть жизни в Англии, а всего вне России — 41 год, создав собственную философию анархизма, которым увлекалось русское общество и в России, и за границей; не только русские, но и другие народы Европы изучали анархизм Кропоткина в переводах на другие языки.

Когда наступила февральская революция, П. Кропоткин в июне 1917 г. переехал из Лондона в Петербург и Москву. Но террор советской власти заставил П. Кропоткина в декабре 1920 г. обратиться к советскому правительству и к самому Ленину с горячим протестом. А 8 февраля 1921 г. П. Кропоткин скончался в гор. Дмитрове, около Москвы.

Путешествуя по разным странам Европы, П. Кропоткин читал лекции о русской истории, народах, литературе. Приехав в Америку, по приглашению друзей, он прочел в институте Поуэля в Бостоне, в марте 1901 г., восемь лекций по истории русской литературы, а в результате многих лекций в 1906 г. выпустил на английском языке свой труд "Идеалы и действительность в русской литературе". Этот труд был переведен в Лондоне на русский язык В. Батуринским.

Во введении к своим лекциям, говоря о русском языке, П. Кропоткин ссылается на великого русского писателя И. С. Тургенева, который, умирая, обратился к русским писателям с просьбой хранить чистоту нашего драгоценного наследия — русского языка.

И вот, страница за страницей (а их в книге 324), внимательный и интересующийся русский читатель знакомится или вспоминает годы на родине, когда изучал русскую народную литературу.

М. Т. Зароченцев

***

А. Колибри — ХОРОШО В КРАЮ РОДНОМ... (Сатиры).

Содержит 56 стр., обложка работы художника **В. Бурмы,** с рисунками. Цена 0.50 ам. дол. 1956 г.

Содержание сборника: 1.Новые слова, старый мотив; 2. Рассуждение запротоленного; 3. Песня о подвале; 4. Широка страна моя родная; 5. Братья-писатели; 6. С натуры; 7. На знакомую тему; 8. Катюша без фальши; 9. ЧССР; 10. Пустословие; 11. Черным по белому; 12. На смерть... следующего; 13. Обсудим, постановим; 14. Исповедь; 15. Преступление и наказание; 16. За что боролись?; 17. Портреты; 18. Падение премьера; 19. О технике и кукурузе; 20. Неудачный визит; 21. Заем; 22. Баллада; 23. Добровольцы; 24. Выставка; 25. Деловое совещание; 26. Философия убежавшего; 27. Гражданин СССР и 28. Возвращайтесь. Сборник заканчивается так:

**"А вообще, какое счастье жить
С советским паспортом, хоть без еды и крова.
Пускай же все берутся за гужи
И тянут воз со знаменем Хрущева!.."**

Михаил Бойков — ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Том I (Часть 1-я: Конвейер) 384 стр. 3.25 дол.
Том II (Часть 2-я: Смертники; часть 3-я: Холодногорск) 400 стр. 3.25 дол. 1957 г.

На основании собственного горького опыта, автор рассказывает о том, как страдают заключенные в провинциальных тюрьмах Советского Союза (в городах Пятигорске и Ставрополе на Северном Кавказе), как издеваются над ними следователи и каким нечеловеческим мукам подвергают их специально обученные палачи-теломеханики. Правдиво и увлекательно написанная книга эта является не только литературно-художественным, но и документальным произведением. Автору, как никому до него, удалось ярко и с большой силой показать весь ужас бытия советской тюрьмы. Каждый, знающий русский язык, должен прочесть эту интересную и жуткую книгу.

Отзывы газет и журналов за 1957-58 годы:

В последние годы появилось много книг с описанием тоталитарного режима Советского Союза и ужасного обращения с людьми там, но ни одна из них не оставляет такого потрясающего впечатления, как написанные простым языком картины М. Бойкова... Для ознакомления наших читателей с этим ценным антибольшевистским трудом, предлагаем их вниманию главу "Кусочек психологии", которая позволяет заглянуть в комнату пыток и объясняет, как именно умирают люди в советской тюрьме от разрыва сердца, каковой участи не избежал и шведский дипломат Рауль Велленберг...

"Латвия" (на латышском языке) № 239 — май.

⁂

...Вся книга дает правдивое представление о страшном и жестоком быте советской тюрьмы, зверином облике следователей и бессердечности тюремной администрации. Нужно пожалеть, что книга эта так долго ждала издателя. Издательство "Сеятель", выпустившее книгу "Люди советской тюрьмы", сделало ценный вклад в дело борьбы с коммунизмом...

Вич. "Русское слово" № 86, от 7 июня. Буэнос Айрес.

⁂

Еще один потрясающий документ об ужасе советской действительности. Прочитав эту книгу, невольно возникает вопрос — неужели существуют слепцы, которые верят в эволюцию совласти и в какие-то сдвиги, после совершенных ею преступлений? Чорт с ней, с этой эволюцией, если развертывают ее те же заплечных дел мастера, которые еще вчера отправляли на "конвейер", делали "маникюр", ставили "в стойку". И разве в улыбочках Булганина и Хрущева не скользит улыбка следователя контрразведывательного отдела НКВД Островерхова, фигурирующего в книге Михаила Бойкова? Предлагаемая книга — реалистическая, ничего придуманного в себе не содержащая и является ценным вкладом в обличительную литературу.

"Знамя России" № 159, от 20 июня. Нью-Йорк.

⁂

...Перед читателем развертывается картина ужасающей действительности. Это не фантазия автора, это точное описание лиц, с которыми судь-

ба его столкнула на протяжении времени, проведенного им в советских тюрьмах на Северном Кавказе, где особенно свирепствовала власть чекистов, прославившая своей бесчеловечной жестокостью эпоху Ежова, так называемую "ежовщину"... "Люди советской тюрьмы" — книга, которую следовало бы распространять среди слабовольных эмигрантов, склонных не только смягчать жестокость советской власти по отношению к русскому народу, но и поддаваться на призыв к возвращению на родину.

Н. К. "Россия" от 29 июня. Нью-Йорк.

⁂

...Для читателя антикоммуниста особенный интерес и ценность представляет глава 14-я "Настоящие". В ней автор описывает непримиримых к советской власти заключенных, которые до своего ареста активно боролись против нее... Следует отметить еще один момент в книге: несмотря на зверские мучения в тюремных камерах, на допросах и в застенках, многие заключенные сопротивляются палачам до последней возможности, защищая честь свою и достоинство; многие умирают, но не сдаются...

Алексей Розов. "Наша страна" № 389, от 4 июля. Буэнос Айрес.

⁂

О советских лагерях принудительного труда написано гораздо больше книг, чем о тюрьмах. Книга бывшего советского журналиста Михаила Бойкова "Люди советской тюрьмы" рисует несколько лет пребывания там автора... Авторов, описывающих советскую действительность, западные читатели обычно упрекают в нагромождении ужасов (так повелось со времен первой эмиграции). Но есть вещи, которых нельзя выдумать, в которых не может быть слишком много "ужасов", ибо это правда, и советская тюрьма бесспорно относится к ним. Автору веришь безусловно и от его книги трудно оторваться, несмотря на то, что тяжело читать: нормальный человек в нормальных условиях инстинктивно отказывается воспринимать коммунистические "научные" методы пыток на практике... Яркими и трагическими фигурами встают в книге образы абреков-мстителей, кавказцев, с самого начала советской власти до Второй мировой войны не складывавших оружия в раз навсегда объявленной войне угнетателям. Для всех, кто когда-нибудь — а это будет! — станет писать историю этих героев, ставших легендарными еще при жизни, всякое указание на встречи с ними, все данные об именах, фактах, судьбе — чрезвычайно важны и ценны...

Ирина Сабурова. "Наше общее дело" № 14, от 15 июля. Мюнхен.

⁂

"Люди советской тюрьмы" — выдающееся произведение художественной антикоммунистической литературы, которое безусловно должен прочитать каждый русский политический эмигрант... Книга издана весьма тщательно и изящно, красиво сверстана, отпечатана на отличной бумаге четким шрифтом; в ней нет типографских опечаток и погрешностей, которые так раздражают читателей. Мы должны поблагодарить за нее не только автора, но и издателя Н. А. Чоловского, — последнему, как нам известно, пришлось преодолеть для выпуска ее в свет немало финансовых и других затруднений. Горячо рекомендуем эту книгу всем русским читателям, любящим свою родину...

"Русская жизнь" от 25 июля. Сан Франциско (САСШ).

...Книгу М. Бойкова должны непременно прочесть все антикоммунисты, а также и нейтральные граждане... Кроме того, крайне необходимо, — притом в ближайшем будущем, — перевести этот обвинительный акт коммунизма на английский язык — для просветления американских умов, в целях правдивого и правильного понимания ими сущности коммунизма. Уже много книг написано о советской жизни и муках народа; вспоминаются такие талантливо и блестяще написанные произведения, как роман Н. Нарокова "Мнимые величины", рассказы С. Максимова "Тайга" и другие, но книга Михаила Бойкова — в другом духе: это не роман и не рассказ, а длинный ряд фотографических снимков большевистской действительности. Книга снабжена прекрасным предисловием издателя Н. Чоловского.

Дмитрий Миров. "Родные дали" № 40 — июль. Холливуд (САСШ).

***

М. Бойков... дает читателям много материала, описывая советские тюрьмы Северного Кавказа и сидельцев в них, уголовных и, главным образом, политических, контрреволюционеров, абреков и т. д., чтобы не раз задуматься и задать себе и другим вопросы: отчего же и почему происходит такой ужас в советской жизни, среди населения СССР, бывшей "Святой Православной Руси"? Откуда и почему появляются такие палачи и в таком количестве, и повсюду в советских тюрьмах? Откуда такая изобретательность и изощренность в пытках и мучениях беззащитных страдальцев?..

М. Т. Зароченцев. "Новая заря" № 7.159, от 16 августа. Сан Франциско.

***

Книга Михаила Бойкова не научное исследование, а рассказ советского журналиста о его личных переживаниях в советской тюрьме — многолетнее начало тяжелого пути, приведшего его через камеру смертников на Запад. Известно, однако, что как концлагеря так и тюрьмы являются постоянным фактором в жизни Советского Союза и областью, охватывающей в любой данный момент значительный процент населения. Всякое свидетельское показание поэтому служит ценным вкладом в общий архив изучения Советского Союза, как для будущего историка, так и для современного исследователя, тем более, что это показание дает человек интеллигентный, разбирающийся в событиях и обладающий как профессиональной наблюдательностью, так и умением живо обрисовать встреченные им по тюрьмам типы людей и обстановку... Пыткам уделено в книге много места. Кроме того, что автор слышал и тех заключенных, которых он видел после "большого конвейера", ему лично пришлось подвергнуться "горячему маникюру", когда загоняли под ногти горячие иглы, и заключению на стойку в "шкаф", в котором он провел восемь суток... Разумеется, первой реакцией каждого нормального читателя будет мысль, что "у нас этого не может быть." Однако, тюрьма в Пятигорске или Ставрополе ничем не отличается от тюрьмы в Будапеште или восточном Берлине — странах, где люди не могли себе представить раньше, что **это может случиться у них...**

И. Ильнев. "Новое русское слово" от 8 сентября. Нью-Йорк.

***

...Все те, у кого не угасла любовь к родине и своему народу, кому не безразлична судьба его и кто остался непримиримым врагом коммунизма, должны быть особенно благодарны г-ну Н. Чоловскому, выпустившему в

свет прекрасную книгу Михаила Бойкова "Люди советской тюрьмы". Среди многочисленных книг, описывающих каторжный режим советской системы с ее концлагерями и многочисленными тюрьмами, появившихся уже на заграничном книжном рынке, книга Бойкова должна занять видное место. Испытав на себе все прелести "советского рая", отличаясь зоркой наблюдательностью и наделенный писательским даром, автор дает живую и яркую картину страданий советских людей и их психологии. Начав читать эту книгу, трудно от нее оторваться, а окончив, невольно скажешь себе: "доколе, Господи?!" Книга эта есть человеческий документ и одно из суровых и правдивых "свидетельских показаний", осуждающих советский режим. Всякое такое "свидетельское показание" и важно, и ценно, а потому мы настойчиво предлагаем эту книгу прочесть, веря в то, что правдивое слово хоть и медленно, но должно просочиться в сознание свободного мира, а это ведь наша цель...

Пан. "Родные перезвоны" № 61 — сентябрь. Брюссель (Бельгия).

⁂

В этой книге, на основании собственного опыта, автор рассказывает о том, как страдали люди Советского Союза в тюрьмах, как издевались над ними следователи и энкаведисты и каким нечеловеческим мукам подвергали их специально обученные палачи-теломеханики.

"Часовой" № 379 (сентябрь). Брюссель. Бельгия.

⁂

Автор описывает трагическую обстановку советских тюрем и свои встречи там с людьми из различных слоев русского народа. Книга написана в очень объективном тоне и производит на читателя большое впечатление правдивостью и простотой повествования.

"Русский вестник" № 267 (сентябрь). Нью-Йорк.

⁂

Только что вышла из печати новая книга Михаила Бойкова, русского журналиста и писателя. Это жуткая книга, потрясающая до глубины души все возрастающим ужасом, тем ужасом, который создали в своих тюрьмах и камерах мучений "органы безопасности Советского государства". И тем не менее, эта книга относится к числу тех немногих книг, изданных в эмиграции, начав читать которые, можешь оторваться от них только с большим трудом...

"Френтэ комун" (на испанском языке) № 21 — октябрь. Буэнос Айрес.

⁂

Книга М. Бойкова "Люди советской тюрьмы" — человеческий документ и одно из суровых и правдивых "свидетельских показаний", осуждающих советский режим. Всякое такое свидетельское показание важно и ценно, а потому настойчиво рекомендуется эту книгу прочесть, веря в то, что правдивое слово, хотя и медленно, но должно просочиться в сознание людей свободного мира, а это ведь — наша цель.

"Общее дело" № 43 (октябрь-ноябрь). Каракас. Венецуэла.

⁂

Книга "Люди советской тюрьмы" выпущена издательством "Сеятель", во главе которого стоит известный антикоммунистический деятель Н. А. Чоловский. Насколько нам известно, это издательство — одно из самых

бедных на всем американском континенте. Оно не получает никаких субсидий и выпускает книги в кредит, выдавая типографии векселя. В условиях эмиграции такой риск равносилен жертвенности и потому прямой долг читателей — возможно скорее раскупить книгу и тем самым помочь издательству расплатиться с типографией. Книга М. М. Бойкова, безусловно, заслуживает внимания, как жизнеописание страшнейших мест "страшных лет России"... чрезвычайно полезная для борьбы с коммунистическим злом и дает немало нового, еще нигде не опубликованного материала. Ее необходимо перевести на другие языки, — в первую очередь на английский и испанский. И мы считаем, что заняться этим важным делом обязаны организации российской политической эмиграции. Такая актуальная книга не может ждать. Не должна ждать!

Сергей Шевчук. "Русская жизнь" (ноябрь). Сан-Франциско, САСШ.

***

Мих. Бойков — в прошлом советский журналист. По доносу он был арестован и затем прошел путь, знакомый миллионам советских граждан. Книга написана живо, бойко, местами даже чрезмерно бойко. В ней много ярких портретов, как заключенных, так и чекистов. Особенно запоминается фигурка тринадцатилетнего мальчика Жени Червонца, несчастной жертвы большевизма, вскоре после ареста расстрелянного за подделку "червонцев"... Все ли Мих. Бойков передает с фотографической точностью? Вряд ли. Но в целом он дает, кажется, правдивую картину быта и нравов советской тюрьмы.

С. Водов. "Русская мысль" № 1130 от 5 ноября. Париж.

***

Второй том этой книги, как и первый, жгучего интереса и большой, кровной правды жизни. Эта книга не мемуары, не воспоминания автора, а "протоколы жизни" — суровой и жуткой действительности в СССР; книга о простых заурядных людях, "выхваченных" из массы, задавленной жестоким и бездушным террором коммунистического бытия. Известно, что такие книги о людях никогда не теряют своей ценности и воспитательного значения, не тускнеют и не блекнут, а живут бесплотными, но яркими образами своих страниц... Начав читать книгу "Люди советской тюрьмы", не можешь от нее оторваться, а потом вновь перечитываешь. Зорким глазом журналиста автор увидел все существенное в бытии коммунистических застенков и теперь ярко, четко и выпукло представляет виденное им читателю.

Александр Злоторовский. "Наша страна" № 407 от 7 ноября. Б. Айрес.

***

Многие антикоммунисты с большим нетерпением ожидали выхода из печати второго тома книги М. М. Бойкова "Люди советской тюрьмы". И вот, наконец, книга вышла в свет и нисколько не обманула читательских ожиданий. Второй том написан так же сильно, жизненно и ярко, как и первый. Правда, отдельные главы его и эпизоды короче, чем в первом, но от этого книга только выигрывает... Знаменательно отметить, что среди этих людей (заключенных), истерзанных невероятными пытками и стоящих уже на пороге смерти, многие сохранили до конца твердость духа и не покорились чекистам.

"Новое слово" № 300 (декабрь). Буэнос Айрес.

Книга М. Бойкова написана в романизированной форме, с красочным изо-бражением действующих лиц, с живым диалогом и динамикой действия, но она не вымышлена: принципиальная правдивость книги не оставляет никаких сомнений. Люди и события, показанные Бойковым, это взятые под увеличительное стекло детали советской системы, какою знаем ее мы все, прожившие в ней большую часть жизни и ускользнувшие от ее цепких лап чтобы жить вне родины, но на свободе... Многие подробности, приводимые автором (например, гипнотизирование подследственных, новые настроения и даже революционный дух в большой пересыльной тюрьме "Холодногорск" где сотни людей содержались вместе в обширном помещении бывшей фабрики), звучат свежо и неожиданно, но вместе с тем эти подробности, как нельзя лучше, соответствуют обстановке того времени и перекликаются с другими подобными же явлениями, известными нам из других источников. Автор рассказывает, как фабриковались свидетели обвинения для показательных процессов советского режима: факты очень важные, объясняющие механику подготовки таких процессов и сравнительно мало известные за пределами СССР. Особенного внимания заслуживает судьба нескольких священников, о которых рассказывает М. Бойков, как и судьба иноверцев (верующих мусульман, раввинов), сохранивших и в тюрьме моральные силы для поддержки своих сокамерников. Наряду со многими измученными и обезумевшими людьми, потерявшими свой человеческий облик в результате тяжелых пыток и вынужденных признаний, в советской тюрьме были и люди высокого мужества и высоких моральных качеств, внутренняя сила которых озаряла и других заключенных. Книга "Люди советской тюрьмы" полностью соответствует своему названию, она правдива и своевременна. Мы должны быть благодарны издательству, опубликовавшему ее в столь трудных условиях нашего времени — разлада и разочарования в рядах эмиграции, разлада и растерянности среди деятелей Западного мира. Разумеется, возникает вопрос о переводе книги хотя бы на один иностранный язык, как это в свое время сделано с другими книгами мемуарного и исторического характера, написанными в эмиграции...

В. М-ко. "Русское слово в Канаде" (декабрь). Торонто.

***

Со всякими подробностями камеру смертников и ее обитателей описывает автор в главах "Идущие на смерть" и "Сталинцы"... В главе "Ведущие на смерть" автор знакомит читателя с серией типов чекистов... "Холодногорск" — так называлась камера, одно из помещений холодильника, переделанного в тюрьму. В этой камере, как пишет М. Бойков, сидело 722 человека. Из этой массы людей автор черпал материал для 3-й части своей книги... особенного внимания заслуживают главы: "Следственная фантастика" и "Скверные анекдоты"; из них читатель узнает, за что сидят люди в советской тюрьме и приходит в ужас...

Вич. "Русское слово" № 99 от 6 декабря. Буэнос Айрес.

***

Почти одновременно в Буэнос Айресе издательство "Сеятель" выпустило два тома, посвященных "людям советской тюрьмы". Автор — бывший подсоветский журналист, Михаил Бойков, без вины попавший в тюрьму, прошедший все этапы советского конвейера пыток, сидевший в камере смерт-

ников и чудом избежавший расстрела... Книга... богата фактическим материалом, изложенным рукой опытного газетчика, который всегда думает о том, чтобы любой материал читался с интересом... По словам Бойкова, при Ежове существовали "институты теломеханики", своего рода университеты, из которых выходили профессора пыточного дела, палачи высокой квалификации по программе, утвержденной НКВД. Основа "учебы" — "никакой жалости"...

Г. Раковский. "Новое русское слово" № 16.241 от 15 декабря.

⁂

Представляем нашим читателям несколько отрывков из второго тома книги "Люди советской тюрьмы" писателя и журналиста российского, который ряд лет сидел в советских тюрьмах. Все описанное им правдиво. Автор во вступлении к своему труду, изданному в Буэнос Айресе, тешится, что ему удалось унести свою голову из советского пекла и допускает, что не все поверят его повествованию. Но поляки несомненно поверят...

F.Z. "Курьер польский" № 27 от 13 февраля 1958 г. Буэнос Айрес.

⁂

Для нас, живущих в свободных странах и продолжающих, по мере своих сил, борьбу с коммунизмом, эта книга — оружие для разъяснения иностранцам сущности коммунистической опасности, также и той опасности, какую этот режим представляет для всего мира. В книге М. Бойкова мы видим, как на экране, многие сотни людей, захваченных в сети бесконечных чисток, уничтожений врагов нового режима, хозяйственного развала и духовного рабства. Эти люди продолжают оставаться людьми и сохраняют даже в тюрьме свою человечность. Они продолжают и в тюрьме бороться против покушения власти на их права — права заключенных, и это несмотря на то, что их общий враг — коммунизм их уничтожает пулями, голодом, пытками и непосильным трудом. Для нас, давно покинувших родину, в книге Бойкова мы находим новое утверждение нашей веры в наш народ, духа которого не сломил дьявольский режим даже в пору "ежовщины", самой жестокой поры сталинского владычества... Несмотря на то, что в двух книгах заключается более 750 страниц, автор этих строк прочел обе книги в трое суток, а теперь только перечитывает отдельные главы, чтобы решить, какая из глав лучшая. Задача трудная, ибо все главы хороши. Стиль книги простой, то, что можно назвать эпической простотой, и этот стиль и любовь самого автора к "человеку" делают книгу близкой и созвучной для русского читателя...

П. Е. Стогов. "Россия" № 6.299 от 26 февраля. Нью-Йорк

⁂

Автор в страшные годы сидел в разных тюрьмах и его заставили пройти кошмарный путь пыток НКВД. Его наблюдения и вывод, что все заключенные и сотни палачей, а также и следователей, ненавидят советскую власть, благодаря чему безбожный режим будет в результате уничтожен. В книге никаких рассуждений, исследований и умозаключений нет; только описываются факты, виденные, слышанные и чувствовавшиеся, и читателю выведена сов. тюрьма, как она есть, а читающий сделает свое заключение.

Джон А. Глебов. Книжный каталог на 1958 г. САСШ.

...Бойков в нескольких местах своего огромного труда настойчиво твердит, что все, что он пишет — действительность. Этому трудно поверить. И не потому, чтобы действительность была краше... Светлого тюремного быта нигде нет. Все тюрьмы — жестокость. Советские же — тем более. Невероятной кажется не жестокость советских тюрем, а те сценки, которые Бойков передает. Таких сценок в тюрьме не может быть. Они могут родиться только в воображени автора. Не все, конечно, Бойков выдумывает. Есть у него и действительность. Но все же выдуманного больше, чем действительности. Следует, впрочем, сказать, что и выдуманное представляет известный интерес. Как рассказчик Бойков — мастер своего дела. Сюжетов у него из тюремного быта хоть отбавляй. Чуть ли не на каждой странице новый рассказ. Герои самые разнохарактерные, но, странное дело, большинство героев — бывшие чекисты. Чуть ли не каждый следователь и энкаведист, под пером Бойкова, в конце концов превращается в тюремного узника, терпящего оскорбления и побои, вплоть до лишения жизни, не только от тюремного начальства, но и от сокамерников. Уже одно это делает рассказы Бойкова неправдоподобными.

К. "Дело труда — пробуждение" № 56 (июнь). Нью-Йорк.

❃

За год, прошедший со дня выхода в свет книги "Люди советской тюрьмы" (с 10 августа 1957 г. по 10 августа 1958 г.), о ней было опубликовано **32 рецензии** в различных газетах и журналах. Издателем и автором получено **более 100 писем** и **много устных отзывов** читателей о книге. Автор и издатель **сердечно благодарят** за внимание всех читателей и редакции газет и журналов, надеясь и в будущем на их поддержку.

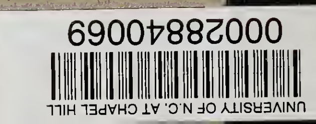
Многие читатели рекомендуют перевести и издать книгу "Люди советской тюрьмы" на английском, испанском, немецком и других языках, а некоторые требуют ее продолжения, т. е. выпуска третьего тома. Идя навстречу пожеланиям читателей, издательство предпринимает шаги для **перевода книги**, а автор **уже подготовил к печати** ее третий том. Однако, никаких средств на издание у издательства "Сеятель" и у автора нет, и в этом деле необходима читательская помощь.

Среди писем, полученных автором и издателем в связи с выходом в свет "Людей советской тюрьмы", не все дружественные. Есть письма ругательные и угрожающие, написанные теми, кто делом или словом служат коммунистической партии, закрывая глаза на творимые ею ужасы. Эти "отзывы" свидетельствуют о том, что "Люди советской тюрьмы" дошли и до "советских патриотов."

Да здравствует книга — могущественнейшее оружие борьбы с коммунизмом!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Este libro terminó de imprimirse en el mes de agosto de 1958 en los Talleres Gráficos "Dorrego", calle Dorrego 1102, Buenos Aires, Argentina

00028840069
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL